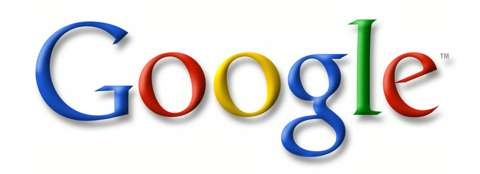
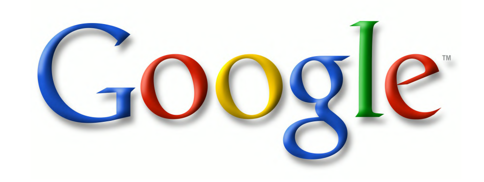

HDI
HL 1R38 X

RU
931
BAR

HARVARDIANAE
ACADEMIAE
SIGILLUM
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
IN
NOV ANG
VE RI
TAS

С. М. Барацъ.

Semen Moiseevich [illegible]

ЗАДАЧИ

ВЕКСЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

ВЪ

РОССІИ

(По поводу Проекта устава вексельнаго 1893 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1896.

2497

I.

Исторія вексельнаго законодательства въ Россіи не сложна: она сводится къ двумъ законодательнымъ актамъ, изъ коихъ первый относится къ 16-му мая 1729 г. (первый въ Россіи Вексельный Уставъ), а второй—къ 25-му іюня 1832 г. (нынѣ дѣйствующій Уставъ о векселяхъ) [1]. При составленіи сего послѣдняго не былъ забытъ, очевидно, и Уставъ 1729 г. [2], а изъ того обстоятельства, что черезъ 15 лѣтъ, уже въ 1847 г., въ законодательномъ порядкѣ былъ возбужденъ вопросъ о составленіи проекта новаго Устава о векселяхъ [3], можно заключить, что непригодность Устава 1832 г. обнаружилась чуть не съ первыхъ

---

[1]) Раздѣлъ I книги 2 Устава Торговаго изд. 1857 г. Въ промежуткѣ времени между вышепоименованными двумя вексельными уставами была еще одна попытка кодификаціи вексельнаго права въ Россіи — это Вексельный Уставъ, какъ «часть вторая» «Проекта Торговаго Уложенія Россійской Имперіи 1814 года», обнимающая Проектъ вексельнаго устава, который, какъ извѣстно, такъ и остался проектомъ («Часть первая» того же Проекта 1814 года: «о лицахъ производящихъ и способствующихъ торговлѣ»).

Такъ называемый «Уставъ о векселяхъ 1887 года», по тексту статей, представляетъ собою простую перепечатку Устава о векселяхъ 1832 г. (т. XI ч. 2 изд. 1857 г.). Все ихъ различіе сводится къ тому, что нумерація статей измѣнена въ послѣдовательномъ порядкѣ и что нѣкоторыя статьи Устава 1857 года вынесены въ изданіи 1887 г. въ приложенія, а другія соединены въ одну. Различіе между обоими Уставами, такимъ образомъ, чисто внѣшнее (Ср. *Д. Носенко*, Уставъ вексельный съ разъясненіями, изд. 2-е 1891 г.: объясненіе in fine).

[2]) Что редакторы Устава 1832 г. довольно пользовались Уставомъ 1729 г. видно вотъ изъ чего: образцы въ приложеніи къ ст. 540 Уст. Торг., за немногими отступленіями, списаны съ главы III-й Устава 1729 г. Такъ: образцы 1-й и 2-й приложенія списаны съ образца 5 главы III-й (ср. и образецъ 8 и 9); образецъ 3-й приложенія — тотъ же (измѣненный въ три персоны) образецъ 1-й главы III-й и т. д., и даже образецъ протеста (№ 19 приложенія и № 12 главы III-й) одинъ и тотъ же въ обоихъ Уставахъ.

[3]) См. Проектъ Устава о векселяхъ 1869 г.—Объяснительная Записка, стр. 5, какъ и Объяснительную Записку къ Проекту Устава о векселяхъ редакціи 1884 (?) года стр. 1—6. Обѣ эти Записки и послужили матеріаломъ для исторіи попытокъ кодификаціи вексельнаго права въ Россіи за время отъ 1847 г. до 1884 года.

же дней его дѣйствія [4]). Результатомъ законодательной попытки 1847 г., когда на упраздненное нынѣ II Отдѣленіе было возложено составленіе новаго вексельнаго Устава, явился Проектъ устава о векселяхъ 1860 г., который тогда же былъ препровожденъ на предварительное заключеніе въ Биржевые Комитеты, Отдѣленія Коммерческаго и Мануфактурнаго Совѣтовъ и Коммерческіе Суды и, сверхъ того, къ нѣкоторымъ должностнымъ лицамъ, по служебнымъ занятіямъ своимъ близко знакомымъ съ производствомъ дѣлъ торговыхъ.

На основаніи полученныхъ отъ этихъ лицъ и мѣстъ замѣчаній, Проектъ 1860 г. подвергся новому пересмотру, результатомъ чего явилась новая редакція Проекта, установленная въ 1866 году и разосланная купечеству обѣихъ столицъ, Одессы и Риги для соотвѣтственныхъ замѣчаній.

Результатомъ поступившихъ замѣчаній, напечатанныхъ вмѣстѣ съ самымъ Проектомъ въ 1869 году, явился, такъ называемый, „Проектъ Устава о векселяхъ 1869 г. съ объяснительною къ нему запискою и замѣчаніями на оный“, а полученныя послѣ сего новыя замѣчанія напечатаны въ видѣ дополненія къ прежнимъ, въ 1870 году. Новая редакція Проекта, установленная затѣмъ черезъ десять лѣтъ (въ 1880 г.), поступила на разсмотрѣніе Министерствъ Юстиціи и Финансовъ и въ первомъ изъ нихъ подвергнута вновь обсужденію. Въ образованномъ затѣмъ 25-го ноября 1881 и 17-го февраля 1882 года Особомъ Совѣщаніи обсуждался означенный Проектъ 1880 г., совокупно съ Проектомъ въ (вновь) измѣненной его редакціи. Результатомъ занятій этого Совѣщанія явился, во вновь установленной редакціи, Проектъ 1882 года, который былъ опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе, въ видахъ предоставленія всѣмъ заинтересованнымъ лицамъ возможности представить свои замѣчанія. На основаніи поступившихъ отзывовъ и замѣчаній на означенный Проектъ 1882 г., послѣдній былъ вновь подвергнутъ пересмотру, слѣдствіемъ чего явилась новая редакція этого Проекта. Вслѣдствіе новыхъ отзывовъ и замѣчаній, редакція эта была вновь исправлена и въ такомъ видѣ поступила на обсужденіе Совѣщанія, которое въ январѣ и февралѣ 1884 года установило окончательную редакцію Проекта [5]).

---

[4]) Возбужденіе вопроса въ 1847 г. относительно проекта новаго устава о векселяхъ могло находиться отчасти въ связи съ только что составленнымъ тогда Общегерманскимъ вексельнымъ уставомъ.

[5]) Для того, чтобы судить о быстротѣ хотя бы только кодификаціонныхъ въ Россіи работъ,—а вексельная реформа, при наличности имѣющагося матеріала, иною названа

Начатыя въ 1849 году работы по кодификаціи въ Россіи вексельнаго права Проектомъ 1884 г. далеко не кончились. На смѣну его является Проектъ 1886 года, выработанный въ Министерствѣ Юстиціи и внесенный тогда же въ Государственный Совѣтъ. Проектъ былъ уже близокъ къ слушанію и разсмотрѣнію, но, вслѣдствіе возраженій со стороны Министерства Финансовъ, былъ обращенъ на обсужденіе Особаго Совѣщанія, нарочно образованнаго при Департаментѣ Законовъ [6]). Возраженія Министерства Финансовъ нашли свое выраженіе и были формулированы въ появившейся въ 1887 году брошюрѣ проф. Цитовича [7]), которая произвела рѣшительный переворотъ въ вопросѣ о Проектѣ вексельнаго устава и благодаря которой всѣ дальнѣйшія работы по этому вопросу сосредоточились *исключительно* въ Министерствѣ Финансовъ [8]). Около этого времени появляется „Проектъ Устава о векселяхъ въ измѣненной редакціи“, составленный въ Министерствѣ Финансовъ и отпечатанный (въ 1889 (?) году) „по распоряженію

быть не можетъ, — достаточно привести слѣдующій фактъ. Когда пишущій эти строки приступилъ *въ 1884 году* къ составленному имъ «Курсу Коммерческой Корреспонденціи», въ который онъ предполагалъ включить очеркъ ученія о векселяхъ, то ему совѣтовали отказаться отъ этой мысли, мотивируя совѣты безцѣльностью писать ученіе о векселяхъ, па почвѣ дѣйствующаго въ Россіи Устава о векселяхъ, въ то время, когда Россія была наканунѣ вексельной реформы... Это было почти чрезъ 40 лѣтъ послѣ первой попытки 1847 года кодифицировать вексельное право. Когда я обратился къ стоявшему тогда во главѣ Коммиссіи по составленію проекта вексельнаго устава съ просьбою снабдить меня матеріаломъ, проектомъ и пр., касающимися вексельной реформы, то лицо это, снабдивъ меня нужными данными, сообщило мнѣ тутъ же, что «Проектъ (1884 года) пройдетъ на дняхъ въ Государственномъ Совѣтѣ и вступитъ въ силу не позднѣе 1-го января 1885 года». Это было *въ сентябрѣ 1884 года...* Такимъ образомъ и означенный Проектъ (1884 года) такъ же, какъ и его прообразы, имѣетъ за собою земскую давность... (Ср. *Барацъ*, Курсъ вексельнаго права въ связи съ ученіемъ о векселяхъ и вексельныхъ операціяхъ, стр. 623 прим. 3).

[6]) См. высоко-оффиціозную статью «Проектъ вексельнаго устава» въ № 6464 газеты «Новое Время» отъ 25 февраля 1894 г., принадлежащую, судя по стилю, составителю Проекта 1893 года и исходящую, слѣдовательно, изъ Министерства Финансовъ, которое «заинтересовано не одною лишь выручкою отъ вексельной бумаги» (ibid.). Въ Совѣщаніе были приглашены: три представителя отъ Министерства Юстиціи — одинъ сенаторъ, одинъ членъ консультаціи и предсѣдатель здѣшняго Коммерческаго Суда, и — четыре эксперта, въ числѣ коихъ былъ одинъ изъ директоровъ Государственнаго Банка.

[7]) «Вексель и задачи его кодификаціи въ Россіи» (1887). Авторъ этой брошюры (проф. Цитовичъ) состоитъ нынѣ членомъ совѣта Министра Финансовъ.

[8]) Это новое теченіе, коснувшееся вексельнаго законодательства въ Россіи, оттѣнилъ, судя по газетнымъ въ то время извѣстіямъ, съ большою рельефностью бывшій Министръ Финансовъ И. А. Вышнеградскій въ рѣчи, съ которою онъ обратился къ нижегородскому купечеству во время посѣщенія имъ Нижегородской ярмарки. Характерно, что рѣчь бывшаго министра представляла собою не только рядъ тезисовъ, но цѣлые обороты и періоды изъ вышеупомянутой брошюры проф. П. П. Цитовича: «Вексель и задачи его кодификаціи въ Россіи».

Департамента Торговли и Мануфактуръ" (безъ обозначенія года), по системѣ, предложенной проф. Цитовичемъ, но безъ претензій, впрочемъ, на самобытность [9]). Самый Проектъ этотъ, какъ недостаточно, можетъ быть, національный, прошелъ безслѣдно въ редакціонномъ отношеніи—онъ не послужилъ матеріаломъ для дальнѣйшихъ работъ, которыя выразились въ появленіи, наконецъ, „Проекта Устава вексельнаго" 1893 года [10]) съ Объяснительною (къ нему) Запискою. Послѣдняя—своего рода profession de foi автора Проекта и, во всякомъ случаѣ, оффиціальный комментарій къ Проекту, еслибы таковой превратился въ законъ [11]).

Матеріалами для означеннаго Проекта 1893 года [12]) слу-

---

[9]) Подробнѣе объ этомъ Проектѣ см.: *Барацъ*, Курсъ вексельнаго права, стр. 688.

[10]) Года изданія и появленія на свѣтъ означеннаго Проекта (1893 года) на обложкѣ не имѣется—онъ сдѣланъ рукописно и (въ будущемъ) аутентичности, такимъ образомъ, представлять не можетъ. Нѣтъ означенія года и на Проектѣ 1889 (?) года, какъ и на Проектѣ 1886 года (въ измѣненной редакціи) — Проектомъ 1884 года оканчивается система означенія года появленія проектовъ. Во всемъ этомъ замѣчается какая-то систематичность. Можно подумать, что составители всѣхъ этихъ проектовъ, какъ бы боясь безпристрастнаго суда исторіи, нарочно не выставляютъ года для того, чтобы хоть сколько нибудь замаскировать длящійся около полустолѣтія вопросъ о кодификаціи вексельнаго права въ Россіи и для того, чтобы впослѣдствіи историку нельзя было оріентироваться во времени появленія каждаго изъ нихъ на свѣтъ. Изъ проектовъ вексельнаго устава до 1884 г. существуетъ безъ означенія года, сколько извѣстно, только одинъ, хранящійся въ библіотекѣ (бывшаго) Кодификаціоннаго отдѣла (Ср. *А. Поворинскій*. Систематическій указатель русской литературы по гражданскому праву, стр. 184—185, подъ № 3635).

[11]) Означенный Проектъ (1893 г.) внесенъ въ Государственный Совѣтъ въ концѣ 1893 или въ началѣ 1894 года. Вопреки предположеніямъ Министерства Финансовъ, слушаніе Проекта затянулось, а 20 марта 1895 г. Государственный Совѣтъ постановилъ передать Проектъ на предварительное разсмотрѣніе особой коммиссіи для выработки новаго варіанта устава съ тѣмъ, чтобы коммиссія эта (подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Н. И. Стояновскаго) заключеніе свое внесла на уваженіе Государственнаго Совѣта. По слухамъ, Коммиссія эта, послѣ нѣсколькихъ засѣданій, прекратила свое существованіе, и вопросъ о вексельномъ уставѣ предоставленъ соглашенію гг. Министровъ Финансовъ и Юстиціи, помимо коммиссіи. Состоится ли между названными вѣдомствами какое-нибудь соглашеніе и мыслимо ли такое соглашеніе при той позиціи, которую они оба занимаютъ въ вопросѣ о вексельномъ уставѣ, — неизвѣстно. Несомнѣнно, однако, то, что рѣшеніе вопроса отложено, такимъ образомъ, на неопредѣленное время и самому Проекту Министерства Финансовъ суждено, быть можетъ, быть пріобщеннымъ къ архиву. Наши предлежащія замѣчанія на означенный Проектъ почти были готовы для печати въ концѣ 1893 года, вскорѣ послѣ появленія самаго Проекта. Тяжкая и продолжительная болѣзнь пишущаго эти строки заставила его отказаться отъ мысли выступить печатно съ замѣчаніями, тѣмъ болѣе, что самый Проектъ долженъ былъ быть заслушанъ и утвержденъ, по мнѣнію заинтересованныхъ лицъ, въ то время, когда болѣзнь не позволяла ему и думать о сведеніи и просмотрѣ всего написаннаго по поводу означеннаго Проекта. Этимъ и объясняется та запоздалость, съ которою пишущій эти строки выступаетъ со своими замѣчаніями, которыя (онъ позволяетъ себѣ думать) не потеряли своего интереса и теперь и могутъ оказаться небезполезными для предполагаемой новой редакціи Проекта.

[12]) Для краткости будетъ называться «Проектомъ».

жили: 1) Проектъ Устава о векселяхъ съ Объяснительною къ нему Запискою, составленный въ Министерствѣ Юстиціи и внесенный въ Государственный Совѣтъ въ 1886 году; 2) измѣненія въ этомъ проектѣ, предложенныя въ Особомъ Совѣщаніи, образованномъ при Департаментѣ Законовъ въ 1891 году [13]); 3) новая редакція того же Проекта, составленная въ Государственной Канцеляріи согласно указаніямъ Особаго Совѣщанія, въ двухъ варіантахъ, изъ коихъ одинъ, по слухамъ, даже въ неоконченномъ видѣ, и 4) такая же редакція, составленная при Министерствѣ Финансовъ [14]). Такимъ образомъ, если не считать „опороченнаго" Министерствомъ же Финансовъ Проекта Министерства Юстиціи 1886 года, приведеннаго, нужно думать, больше для приличія, то окажется, что матеріалами для Проекта 1893 года служили или, по осторожному выраженію составителя Записки,—что „при составленіи Проекта (1893 года) приняты во вниманіе" собственные матеріалы того же Министерства Финансовъ или, просто, — собственные матеріалы составителя Проекта.

Самый Проектъ закончилъ собою, такимъ образомъ, ходъ тѣхъ работъ по составленію проекта Устава о векселяхъ, которыя начаты въ 1847 году и, затѣмъ, хотя и не безъ перерывовъ, велись до 1893 года. По характеру, направленію и пріемамъ сказанныхъ работъ, во всемъ ихъ ходѣ въ теченіе почти полувѣковой исторіи въ Россіи этого по истинѣ злополучнаго вопроса, замѣтно различаются два періода: одинъ до 1886—1887 гг., другой—съ этого времени.

Въ первомъ изъ этихъ періодовъ Коммиссія слѣдовала за Коммиссіею, измѣнялись пріемы, цѣли и направленія работъ, сообразно съ движеніемъ вексельнаго законодательства на Западѣ, смѣнялись люди, но не было претензій на самобытность, на самостоятельное творчество, на желаніе quand même націонализировать вексельное право въ Россіи. Чтó было и есть хорошаго въ западно-европейской доктринѣ и дѣйствующемъ тамъ правѣ—признавалось открыто, безъ обиняковъ, съ желаніемъ насадить въ Россіи

---

[13]) Протоколы Особаго Совѣщанія по проекту новаго устава о векселяхъ. Совѣщаніе имѣло три засѣданія: 9-го, 10-го и 21-го февраля 1891 года. Ср. выше: прим. 6 in fine. Особое Совѣщаніе было образовано именно вслѣдствіе возраженій со стороны Министерства Финансовъ на Проектъ 1884—1886 г. и результатъ работъ Совѣщанія былъ совершенно въ духѣ возраженій со стороны Министерства Финансовъ. Ср. выше: прим. 7.

[14]) Объяснительная Записка къ Проекту устава вексельнаго (1895 г.): стр. 1. Для краткости, будетъ цитироваться и какъ «Записка».

все то хорошее, что́ создано тамъ во многовѣковой (почти 600-лѣтней) исторіи векселя. Всѣ проекты этого періода, если и вырабатывались отдѣльными лицами, то подвергались пересмотру и окончательной редакціи въ совѣщаніяхъ компетентныхъ лицъ и вѣдомствъ, что́ служило, во всякомъ случаѣ, гарантіею относительно отсутствія одностороннихъ взглядовъ, тенденцій, субъективности и проч.

Совершенно иной характеръ представляютъ работы во второмъ ихъ періодѣ, начиная съ 1886—1887 гг. Останавливаться подробно на всѣхъ работахъ этого періода нѣтъ надобности, такъ какъ онѣ нашли свое выраженіе и консолидировались, такъ сказать, въ Проектѣ 1893 года, носящемъ совершенно отличный характеръ отъ всѣхъ рабо́тъ предшествующаго періода. Проектъ,—прежде всего,—продуктъ *одного* [15]) лица и отражаетъ въ себѣ не

---

[15]) См. «Русскій Вѣстникъ» № 12 (декабрь) за 1893 годъ (стр. 323), въ которомъ вообще, мимоходомъ замѣтимъ, вся статья (стр. 322—330) представляетъ собою сплошную апологію Проекту. Что самый Проектъ — продуктъ творческой работы *одного* (только) лица—видно и изъ Объяснительной Записки, въ которой (стр. 2 прим. 1 in fine) составитель Проекта, незамѣтно, можетъ быть, для самого себя, въ этомъ сознается. Какъ Проектъ, такъ и Объяснительная (къ нему) Записка подписаны г. Министромъ Финансовъ, а то и другое «скрѣпили: директоръ В. Ковалевскій и Членъ Совѣта Министра Финансовъ П. Цитовичъ». Изъ одного только перечня подписей, которыми снабжены Проектъ и Объяснительная Записка, не трудно установить, какія именно изъ означенныхъ подписей имѣютъ чисто формальный характеръ и какая именно изъ нихъ же указываетъ на автора-составителя Проекта. Все это, впрочемъ, не давало бы еще намъ права указывать на *единоличныя* авторскія права составителя названнаго Проекта, еслибы авторъ сего послѣдняго не заявилъ этого самъ по слѣдующему поводу. Въ двухъ книжкахъ «Журнала Юридическаго Общества» (декабрь 1894 г. и февраль 1895 г.) появились статьи г. Книрима «О новомъ проектѣ устава о векселяхъ», посвященныя разбору означеннаго Проекта (1893 г.) Министерства Финансовъ и вышедшія затѣмъ отдѣльнымъ оттискомъ. По слухамъ, г. Цитовичъ хотѣлъ отвѣчать г. Книриму въ томъ же журналѣ, редакція котораго, по слухамъ же, ему въ томъ отказала. Насколько справедливъ этотъ слухъ — не знаемъ, но на брошюру (статьи) г. Книрима г. Цитовичъ отвѣчалъ брошюрой же «Къ вопросу о вексельномъ уставѣ» (Спб. 1895 г.), въ которой онъ прямо объявляетъ себя авторомъ какъ Проекта, такъ и Объяснительной къ нему Записки. На стр. 2 названнаго отвѣта г. Книриму г. Цитовичъ говоритъ, что «Министръ Финансовъ *поручилъ ему* составить новый проектъ *въ окончательной* редакціи, что въ ноябрѣ 1893 г. Проектъ былъ готовъ и разсмотрѣнъ въ *двухъ* засѣданіяхъ особой коммиссіи, образованной для этой цѣли при Департаментѣ Торговли и Мануфактуръ». Кто были членами названной коммиссіи и какова компетенція этихъ членовъ — неизвѣстно: о нихъ не упоминается ничего. Затѣмъ: возможно ли въ *двухъ* засѣданіяхъ не то что проредактировать, но хотя бы только внимательно прочесть Проектъ—сомнительно. Представлены ли были членами этой особой коммиссіи на означенныхъ двухъ ея засѣданіяхъ какія-нибудь возраженія противъ Проекта—тоже неизвѣстно. Вѣроятно, что—нѣтъ, такъ какъ прочесть, возражать, договориться и сговориться (при разномысліи) въ теченіе двухъ засѣданій, очевидно, нельзя, какъ бы велика ни была продолжительность этихъ двухъ засѣданій. При наличности всѣхъ этихъ предположеній позволительно сдѣлать еще одно предположеніе — что составленный

только взгляды и идеи, но пріемы и даже стиль составителя. Это весьма важно для оцѣнки Проекта. Если по отношенію къ труду компетентнаго учрежденія частная критика является, по большей части, только единичнымъ мнѣніемъ, то къ Проекту, выработанному такими же единичными усиліями, тщательная критическая оцѣнка не только полезна, но и необходима. Въ настоящемъ случаѣ, къ тому же, мы имѣемъ еще дѣло съ частнымъ произведеніемъ, выступающимъ крайне рѣзко и нетерпимо противъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и, слѣдовательно, вызывающимъ нелицепріятный судъ и намъ самимъ собою.

Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ, рисующихъ полемическіе пріемы составителя. Всѣмъ извѣстно, что нынѣ дѣйствующій Уставъ 1832 г. не соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ,—въ этомъ отношеніи теорія и судебная практика совершенно согласны. Составитель Проекта не ограничивается, однако, перечисленіемъ недостатковъ дѣйствующаго законодательства; онъ считаетъ возможнымъ давать существующему и общую оцѣнку:

„Со стороны юридической техники этотъ Уставъ прямо невѣроятенъ: въ немъ нѣтъ ни одной статьи, отчетливо сознанной по содержанію, точно и ясно выраженной по формѣ. Въ этомъ отношеніи онъ едва-ли не уступаетъ Уставамъ XVI—XVII столѣтій и, во всякомъ случаѣ, ниже извѣстнаго Лейпцигскаго Устава (1688 г.). Подобный Уставъ могъ *сочинить* (курсивъ въ подлинникѣ) развѣ „экспертъ“ (кавычки въ подлинникѣ); см. Протоколы Особаго Совѣщанія (при Департаментѣ Законовъ въ 1891 г.), гдѣ одинъ экспертъ предложилъ свое опредѣленіе векселя, а другой изложилъ (свои) соображенія къ исторіи простого векселя“. (Объяснительная Записка, стр. 4, прим. 1).

Несомнѣнно, что къ такому языку въ мотивахъ къ законодательному проекту не привыкли не только у насъ, но и въ За-

---

г. Цитовичемъ Проектъ, хотя и былъ разсмотрѣнъ въ двухъ засѣданіяхъ особой для этой цѣли образованной коммиссіи, но былъ разсмотрѣнъ больше для приличія и, можетъ быть, и для формы: отвѣтственность и авторскія права на Проектъ онъ принялъ, во всякомъ случаѣ, лично на себя. Брошюрѣ г. Цитовича «Къ вопросу о вексельномъ уставѣ» предшествовала оффиціальная «Дополнительная Записка къ Проекту Устава вексельнаго. (По поводу отзыва Министерства Юстиціи на упомянутый Проектъ)», помѣченная 10 декабря 1894 г. (№ 22692). Послѣдняя, для краткости, будетъ цитироваться нами какъ «Дополнительная Записка», которая, въ общемъ, почти цѣликомъ вошла въ вышеприведенный отвѣтъ г. Цитовича г. Книриму—«Къ вопросу о вексельномъ уставѣ». Такимъ образомъ, авторомъ «Дополнительной Записки» г. Министра Финансовъ является, опять-таки, г. Цитовичъ единолично, хотя сія послѣдняя, по тону и языку, какъ и подобаетъ оффиціальной запискѣ, несравненно сдержаннѣе, чѣмъ самая брошюра г. Цитовича—«Къ вопросу о вексельномъ уставѣ».

падной Европѣ, гдѣ въ мотивировкѣ законовъ меньше соблюдаются формы сдержаннаго канцелярскаго языка. Высокомѣрное отношеніе составителя Проекта къ экспертамъ, дававшимъ показанія въ Коммиссіи 1891 г., тѣмъ менѣе умѣстно, что лучшая и справедливѣйшая мысль всей Объяснительной Записки — о слабой подвижности векселя въ Россіи — основана на показаніяхъ эксперта предъ тою-же, очевидно несимпатичной автору, Коммиссіею, на необдуманныхъ заявленіяхъ нѣкоторыхъ членовъ которой авторъ, къ тому же, обосновалъ и систему всего Проекта. Въ другомъ мѣстѣ Записки помѣщено слѣдующее:

„Если при такой ненадежной судебной охранѣ, все же, напримѣръ, банки принимаютъ векселя къ учету, то никакъ не въ разсчетѣ на указанную охрану, а—скорѣе въ надеждѣ на дѣйствительность иныхъ средствъ воздѣйствія, въ родѣ тѣхъ, на которыя они разсчитываютъ, *когда охотно (но и завѣдомо) принимаютъ къ учету векселя съ свободными подписями вымышленныхъ векседателей*. Отъ такихъ „надежныхъ“ (кавычки въ подлинникѣ) векселей (они не соло, а всегда съ двумя подписями) одинъ шагъ уже къ векселямъ прямо поддѣланнымъ: *послѣдніе — самые обезпеченные, ихъ почти всегда „выкупаютъ“* (кавычки въ подлинникѣ). (Ibid. стр. 8).

Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ справедлива и основательна аттестація банковъ съ этой именно стороны. Позволительно, однако, спросить, при чемъ тутъ собственно, хотя бы и несовершенный и „невѣроятный со стороны юридической техники“ нынѣ дѣйствующій Уставъ о векселяхъ? Затѣмъ, что именно заключается въ произведеніи автора Проекта, каковы основныя мысли послѣдняго и въ какой степени эти мысли соотвѣтствуютъ практическимъ потребностямъ.

Согласно мотивамъ къ Проекту, „Уставъ о векселяхъ прежде всего долженъ быть законоположеніемъ о векселѣ простомъ“, а затѣмъ, но уже на второмъ планѣ, въ немъ должны заключаться Постановленія о векселѣ переводномъ. Въ этой 2-й части Проекта заключается очень много отступленій отъ дѣйствующаго законодательства. Самый раздѣлъ о траттахъ состоитъ изъ 12 главъ, соотвѣтствующихъ 12 „темамъ“. Первая глава трактуетъ о правѣ обязываться по траттамъ. Въ этомъ отношеніи установлено различіе между „внутреннею“ и „заграничною“ траттами: подъ послѣдними понимаются тратты, выданныя въ Имперіи съ платежемъ за-границею или выданныя за-границею съ платежемъ въ Имперіи. Въ то время, какъ право обязываться по внутреннимъ траттамъ такое

же, какъ и по (простому, соло-) векселю, право выдавать иностранныя тратты для *не*-русскихъ подданныхъ (иностранцевъ) опредѣляется по законамъ ихъ отечества. Въ этомъ отношеніи и „выдержана международная точка зрѣнія“ совершенно такъ, какъ въ германскомъ вексельномъ правѣ, къ которому весь 2-й раздѣлъ Проекта подходитъ очень близко, съ весьма незначительными отклоненіями въ сторону другихъ иностранныхъ кодексовъ [16]). Чтобы убѣдиться, насколько содержаніе 2-го раздѣла Проекта близко подходитъ къ иностраннымъ образцамъ, стоитъ только сравнить отдѣльныя статьи этого раздѣла съ соотвѣтствующими статьями Общегерманскаго вексельнаго устава (Allgemeine Deutsche Wechselordnung). Нѣкоторыя статьи Проекта составляютъ буквальный или вольный переводъ съ нѣмецкаго; другія основаны на комментаріяхъ германскихъ юристовъ и на толкованіяхъ германской судебной практики. Таковы, напримѣръ, главы объ акцептѣ, объ обратномъ удовлетвореніи (регрессѣ), объ акцептѣ за честь и т. д. Даже такія постановленія, какъ въ ст. 201 Проекта, основаны на иностранныхъ образцахъ. Ст. 37 Германской Wechselordnung представляетъ право платить въ мѣстной валютѣ, хотя бы тратты были выставлены въ иностранной, но она сохраняетъ за трассентомъ право отмѣтить въ траттѣ (выраженіемъ effectiv или аналогичнымъ), что платежъ долженъ быть произведенъ только въ указанной монетной единицѣ, а Проектъ этого ограниченія не повторяетъ. Другія отступленія, какъ иное опредѣленіе сроковъ, расширеніе функцій нотаріуса и т. п., не относятся къ идеямъ вексельнаго Устава.

Мы отнюдь не думаемъ упрекать составителя Проекта за то, что онъ держался въ раздѣлѣ о траттахъ иностранныхъ образцовъ. Въ такихъ вопросахъ, какъ международныя торговыя отношенія, это гораздо лучше, чѣмъ сочинять свои собственные кодексы. Насъ удивляетъ только, что составитель Проекта съ такою ироніею

---

[16]) «При составленіи раздѣла второго *былъ принятъ во вниманіе* проектъ международнаго вексельнаго устава; проектъ выработанъ секціею вексельнаго устава на конгрессѣ въ Антверпенѣ въ 1885 году». Такъ заявляетъ, хотя и не въ подлежащемъ мѣстѣ и мимоходомъ (Записка стр. 14, прим. 1), составитель Проекта, которому нужно отдать справедливость въ томъ, что онъ не внялъ въ этомъ отношеніи голосамъ, раздававшимся отъ него и у него противъ такихъ «заимствованій»... Объ этомъ, впрочемъ, дальше: стр. 15.

Подробнѣе о вышеупомянутомъ Антверпенскомъ конгрессѣ и его резолюціяхъ см.: *Барацъ*, Курсъ вексельнаго права, стр. 624—625. Самый проектъ конгресса, заключающій въ себѣ 57 статей, помѣщенъ въ оригиналѣ, на французскомъ языкѣ, въ Zeitschrift für das gesammte Handelsrecht *Goldschmidt*'a-*Laband*'a томъ XXXII, стр. 125—132.

относится къ составителямъ дѣйствующаго нынѣ вексельнаго Устава за то, что они „не забыли списать съ иностраннаго законодательства“, а замѣчанія, предшествовавшія появленію Проекта, прямо были направлены противъ „международнаго вексельнаго устава“ и противъ „тріумфальнаго шествія Германской Wechselordnung въ предѣлы нашего отечества“...

Отмѣчая значительное сходство между раздѣломъ 2-мъ Проекта и дѣйствующими иностранными законодательствами, въ особенности съ Германскою Wechselordnung, мы отнюдь не думаемъ упрекать составителя Проекта за то, что онъ приближается къ хорошимъ иностраннымъ образцамъ: экономическія отношенія, вызывающія необходимость въ траттахъ, и значеніе тратты въ международномъ обмѣнѣ—вполнѣ достаточныя основанія для сближенія отдѣльныхъ законодательствъ. Къ этому совершенно основательно стремится нынѣ европейская юриспруденція съ цѣлью свести, по возможности, всѣ вексельныя и торговыя законодательства къ одному общему типу. Насъ только удивляетъ, что, *обильно* черпая въ иностранныхъ источникахъ, составитель Проекта не только не считалъ нужнымъ отмѣтить этотъ фактъ, а, наоборотъ, постоянно вызывалъ представленіе, будто мы имѣемъ предъ собою самостоятельное юридическое творчество и притомъ—оригинальное творчество русской юридической мысли.

Но, быть можетъ, творческая мысль предусмотрѣна лишь относительно одного вида векселя, наиболѣе у насъ распространеннаго во внутреннемъ обмѣнѣ, до сихъ поръ именовавшагося „простымъ векселемъ“, а по Проекту, съ введеніемъ термина „тратта“, получившаго даже монополію на наименованіе (только) „векселемъ“, которому придано въ Проектѣ первостепенное значеніе?

Объяснительная Записка къ Проекту не оставляетъ сомнѣнія, что относительно простого векселя предполагается коренная, полная реформа и притомъ—не реформа на европейскій ладъ, а на основаніи собственнаго отечественнаго опыта [17]). Авторъ Проекта

---

[17]) «Главная задача устава—упорядочить національно выработанный въ жизни *русскій вексель*» (курсивъ въ подлинникѣ). Записка стр. 3.

«Прежде и больше всего Проектъ соображенъ и согласованъ съ дѣйствительностью современнаго вексельнаго оборота въ Россіи. Стремленіе Проекта именно въ томъ, чтобы *открыто признать* (курсивъ въ подлинникѣ) этотъ оборотъ въ его установившейся, привычной основѣ, но по возможности привести въ порядокъ и скрѣпить нашъ безпорядочный, разслабленный вексель; онъ широко примѣняется въ Россіи, но извращенъ въ замѣшательствѣ (рѣдкихъ въ исторіи) воззрѣній судебной и всякой практики» (Ibid., стр. 1).

съ несвойственною такимъ произведеніямъ оригинальностью языка заявляетъ, что дѣйствующее вексельное право—одно сплошное недоразумѣніе, одна фикція, и не только потому, что вексель смѣшался съ заемнымъ письмомъ, но и оттого также, что онъ не выполняетъ своего назначенія:

„Вексель—денежная бумага, приспособленная и назначенная къ обращенію заключенной въ ней денежной суммы. Въ противномъ случаѣ онъ ни на что не нуженъ, и, напр., его нынѣшнее примѣненіе въ Россіи ничего болѣе, какъ самообольщеніе: его учетъ—недоразумѣніе, его обращеніе—призракъ, его „сила вексельнаго права“—предразсудокъ, а служитъ онъ, какъ вексель, развѣ для ростовщиковъ и для художниковъ конкурсной бронзы“. (Объяснительная Записка, стр. 10).

Мысль о назначеніи векселя—совершенно вѣрная; она для всякаго европейскаго юриста—азбучная истина, потому что вексель въ Европѣ развился изъ перевода денегъ. Не только юристъ, но и всякій образованный купецъ тамъ хорошо понимаетъ, что сущность всего вексельнаго оборота состоитъ именно *въ быстротѣ и точности оборота*, а не въ особенностяхъ „вексельной силы“. Если у насъ въ Россіи значеніе векселя совершенно извратилось, то это потому, что у насъ вексель съ самаго начала принялъ характеръ документа, подтверждающаго договоръ займа, и до сихъ поръ сохранилъ этотъ характеръ, оставаясь безъ движенія въ сундукѣ дисконтера или въ кассѣ банковъ. Въ лучшемъ случаѣ онъ разъ учитывается и разъ переучитывается. Кого же въ этомъ винить? Дѣйствующее законодательство? Но вѣдь и составитель Проекта, при всей строгости своего сужденія, не станетъ отрицать, что жизнь, а не законъ, извратила сущность векселя. Устарѣлый нашъ Уставъ смѣшалъ вексель съ заемнымъ письмомъ, поколебалъ формальные признаки векселя, не устранилъ изъ содержанія векселя сложныхъ и спорныхъ фактовъ, касающихся заемныхъ отношеній, и такъ далѣе,—однимъ словомъ, свелъ на фикцію вексельную силу. Хотя и въ этомъ отношеніи критика составителя Проекта значительно преувеличена, но допустимъ, что она — справедлива. Вексельное право въ такомъ случаѣ отвѣтственно за то, что вексель недостаточно хорошо выполняетъ функцію долгового документа; но нельзя же взваливать на дѣйствующій Уставъ отвѣтственность за то, что вексель съузилъ свою роль до этой скромной функціи...

Если же это такъ, если экономическія, въ частности кредит-

ныя, условія Россіи придали векселю настолько извращенное значеніе, что онъ „ни на что не нуженъ“, то при чемъ тутъ разсужденія составителя Проекта о національно-русскомъ векселѣ? Какъ понять заявленіе, что задачею всего Проекта является упорядоченіе именно этой извращенной формы, представляющей не что иное, какъ „самообольщеніе, недоразумѣніе“?

Намъ могутъ возразить, что вѣдь авторъ борется противъ этого недоразумѣнія, самообольщенія и т. д., что вѣдь онъ задался цѣлью придать векселю значеніе быстро обращающейся денежной бумаги. Мы увидимъ, что попытки въ этомъ направленіи дѣйствительно заключаются въ Проектѣ, но попытки эти сводятся къ заимствованію иностранныхъ образцовъ. Противъ этого, повторяемъ опять, (по крайней мѣрѣ въ принципѣ), ровно ничего нельзя имѣть, но вѣдь заимствовать у иностранцевъ и упорядочить національно-русскій вексель, кажется,—вещи совершенно различныя... Въ сущности оказывается, что патріотическая фраза сама по себѣ, а Проектъ—самъ по себѣ. Въ Объяснительной Запискѣ выставлена цѣлая серія очень сложныхъ задачъ, а въ самомъ Проектѣ дѣло оказывается значительно проще: тѣ задачи, которыя касаются укрѣпленія формальнаго значенія векселя—„вексельной силы“, осуществлены при помощи точныхъ опредѣленій и требованій германскаго вексельнаго права относительно содержанія векселя, протеста, судебнаго иска. Идеи высшаго порядка, въ которыхъ составитель Проекта задается цѣлью измѣнить „народно-хозяйственную функцію векселя“, сводятся ко включенію въ постановленія о простомъ векселѣ иностранныхъ, тоже преимущественно германскихъ положеній; но въ иностранномъ образцѣ эти положенія значатся въ отдѣлѣ о траттахъ (переводномъ векселѣ), тогда какъ въ отдѣлѣ о мало распространенныхъ въ Западной Европѣ простыхъ векселяхъ слѣдуетъ ссылка на соотвѣтствующія статьи отдѣла о траттахъ, а въ Проектѣ ссылки размѣщены какъ разъ обратно: полный текстъ—въ раздѣлѣ первомъ (о простомъ векселѣ), ссылка же на соотвѣтствующія статьи—въ раздѣлѣ второмъ (о траттахъ): вотъ и все различіе.

Мы не будемъ останавливаться долго на „позаимствованіяхъ“ изъ Общегерманскаго и другихъ вексельныхъ Уставовъ, сдѣланныхъ въ Проектѣ, а ограничимся весьма немногими указаніями. Глава вторая озаглавлена—„форма векселя“. Дѣйствующій Уставъ говоритъ о „принадлежностяхъ“. Въ Объяснительной Запискѣ

(стр. 18) сказано, что Министерство Юстиціи и Государственная Канцелярія высказались за сохраненіе этого термина для совокупности постановленій, отличающихъ вексель по содержанію и формѣ отъ другихъ долговыхъ документовъ. Можно согласиться съ составителемъ Проекта, что выраженіе „принадлежности" не вполнѣ удачно, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы заимствованное Проектомъ изъ Бельгійскаго и другихъ Уставовъ выраженіе „форма" было удачнѣе. Слѣдовало бы тогда, по крайней мѣрѣ, выдѣлить изъ этой главы тѣ статьи, которыя ничего общаго съ формою не имѣютъ, а относятся къ коренному содержанію вексельнаго обязательства, какъ, напримѣръ, постановленія о срокахъ или объ отвѣтственности векселедателей. Невѣрно также мнѣніе составителя Проекта, будто терминъ „принадлежности"—неточный переводъ нѣмецкаго „Bestandtheil". Въ Германскомъ уставѣ эти постановленія подведены подъ главу, трактующую о „требованіяхъ" и „существенныхъ требованіяхъ" векселя (Erfordernisse, Requisiten). Составителю Проекта это, конечно, извѣстно, тѣмъ болѣе, что почти всѣ статьи этой главы, съ нѣкоторыми статьями изъ другихъ главъ „Wechselordnung" (напр., ст. 18—22), вошли въ составъ главы Проекта о „формѣ векселя".

Правда, эта глава, состоящая изъ 22 статей, представляетъ и нѣкоторыя отступленія отъ германскаго текста. Такъ, напримѣръ, ст. 3-я требуетъ, чтобы вексель „излагался" на вексельной бумагѣ, тогда какъ въ Германіи этого не предписываютъ, а только облагаютъ векселя гербовыми марками. Въ зависимости отъ этого ст. 8-я Проекта предписываетъ: сумма векселя не должна превышать цѣны (?) разбора (?) вексельной бумаги, а ст. 9-я—что если въ векселѣ сумма означена не разъ и въ разныхъ количествахъ, во вниманіе принимается количество, наиболѣе соотвѣтствующее цѣнѣ (?) вексельной бумаги, тогда какъ ст. 5-я Германскаго Устава отдаетъ предпочтеніе суммѣ, написанной словами, предъ цифрами, а если обѣ суммы выражены словами, то—меньшей изъ двухъ суммъ. Ст. 20-я, трактующая о рукоприкладствѣ за векселедателя, имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, неграмотныхъ,—а въ Германіи такихъ, какъ извѣстно, такъ мало, что законодатель могъ бы ихъ совершенно игнорировать,—но и тамъ ст. 94 предписываетъ то же самое. По случайности, за такою статьею Германскаго Устава *слѣдуетъ* ст. 95-я, гласящая, что кто, не имѣя на то полномочія, подписываетъ за другого, отвѣчаетъ лично по векселю, совершенно

такъ, какъ отвѣчалъ бы (мнимый въ этомъ случаѣ) довѣритель, а ст. 20-й Проекта *предшествуетъ* ст. 19-я, постановляющая: „выдавшій вексель отъ имени другого отвѣчаетъ какъ векселедатель, если для его подписи за другого не было законнаго основанія“.

Въ числѣ особенностей русскаго вексельнаго оборота составитель Проекта съ большимъ удареніемъ отмѣчаетъ значеніе у насъ ярмарочнаго векселя:

> „Ярмарки въ Россіи далеко не потеряли своей важности; достаточно вспомнить ярмарки Нижегородскую, Ирбитскую, Крещенскую. Такимъ образомъ, ярмарочный вексель въ значительной мѣрѣ сохранилъ въ Россіи то значеніе, какое онъ имѣлъ въ Западной Европѣ, когда и тамъ процвѣтали ярмарки. Поэтому, даже въ настоящее время сводить въ русскомъ вексельномъ уставѣ всѣ особенности ярмарочнаго векселя *лишь къ своеобразному означенію срока и мѣста платежа*—едва-ли правильно и въ интересахъ нашей ярмарочной торговли... Вексель ярмарочный долженъ быть поддержанъ въ своемъ значеніи, долженъ быть вооруженъ такою силою вексельнаго права, предъ которою можетъ отступить хотя бы и состязательное начало“. (Ibid., стр. 7).

„Все это упущено изъ вниманія нынѣ дѣйствующимъ Уставомъ о векселяхъ“, чтó и даетъ составителю Проекта поводъ иронизировать надъ несчастнымъ Уставомъ, „сочинитель (котораго) не забылъ за то списать, *конечно*, *„съ иностраннаго законодательства“*. (кавычки въ подлинникѣ) срокъ *„по обычаю“* (курсивъ и кавычки въ подлинникѣ), пояснивши по-латыни (a uso), чтó значитъ срокъ по обычаю“...

Мы очень далеки отъ мысли защищать ветхій Уставъ 1832 г., но не можемъ не замѣтить, что и составитель Проекта 1893 г., если употребить его же собственное выраженіе, и самъ тоже „не забылъ списать“ съ иностраннаго законодательства постановленія и о ярмарочныхъ векселяхъ. Въ разсмотрѣнной главѣ ярмарочному векселю отведены ст. 15 и 17, а въ Германской Wechselordnung имъ соотвѣтствуютъ ст. 18 и 35 (сюда же относится и ст. 60-я Проекта). Маленькія отступленія въ срокахъ не нарушаютъ основного сходства. Мы опять-таки не только далеки отъ мысли упрекать автора Проекта за пользованіе лучшими иностранными кодексами, но считаемъ это пользованіе очень умѣстнымъ и похвальнымъ. Насъ только удивляетъ одно: составители прежнихъ Проектовъ прямо, безъ обиняковъ, констатировали это пользованіе, считали его необходимымъ и полезнымъ въ интересахъ дѣла, а составитель

Проекта, „*не упустивъ изъ виду* исторію, дѣйствующее законодательство и науку векселя въ Европѣ“, пошелъ только немного дальше автора трудовъ, предшествовавшихъ появленію самаго Проекта [18])...

---

[18]) «.... Германскій уставъ превосходитъ всѣ прочіе по полнотѣ, ясности и опредѣлительности содержащихся въ немъ правилъ, равно какъ по сжатости и точности изложенія» (Объяснительная Записка къ Проекту 1869 г. стр. 6). То же было высказано составителями Проекта 1882—1884 гг. Противъ нихъ и были направлены, за симпатіи къ западно-европейскимъ кодексамъ вообще, и къ Германской Wechselordnung въ частности, нападки проф. Цитовича:

„.... Общегерманскій Вексельный Уставъ — обязательная модель, съ которой копируются современные вексельные уставы“. (Вексельное право, стр. 21);
„новые тріумфы (!) Общегерманскаго Вексельнаго Устава ..... (слѣдуетъ перечень всѣхъ законодательныхъ работъ Запада въ области вексельнаго права)“. (Ibid. прим. 38);
„ближайшій тріумфъ нѣмецкаго кодекса будетъ, вѣроятно, новый русскій уставъ о векселяхъ, пока въ видѣ Проекта“ (редакціи 1884 г.). (Ibid.).

Все это было высказано въ то время, когда законодательныя работы въ области вексельнаго (и вообще торговаго) права еще не были монополизированы въ рукахъ г. Цитовича. Еще болѣе наступательно проф. Цитовичъ выступилъ въ своей брошюрѣ «Вексель и задачи его кодификаціи въ Россіи», полной ироніи, чтобы не сказать больше, за симпатіи составителей Проекта 1884 г. къ Общегерманскому Вексельному Уставу:

„.... въ работахъ... незамѣтно никакихъ притязаній на „послѣднее слово“ доктрины, никакихъ заботъ о „всемірномъ вексельномъ правѣ“, никакихъ порывовъ... перегнать „новѣйшіе вексельные уставы“, впрочемъ, лишь, „основанные на Германскомъ уставѣ“ (кавычки вездѣ въ подлинникѣ) (стр. 3);
„Проектъ 1886 г. заслужилъ упрекъ Рижскаго купечества главнымъ образомъ за его отступленіе отъ Германскаго Вексельнаго Устава“. (Ibid.).
„.... Такимъ образомъ дѣловой элементъ устраненъ окончательно; безраздѣльно и безконтрольно господствуетъ одна доктрина, и притомъ—исключительно доктрина нѣмецкая... Достаточно взглянуть на національность именъ въ составѣ коммиссіи...“ (Ibid. 4).

и доходящей до полицейско-филологическаго розыска числа лицъ съ иностранными фамиліями въ средѣ составившей проектъ 1884 г. коммиссіи, рядомъ съ опредѣленіемъ области иностранныхъ позаимствованій въ ея проектѣ. Между обоими этими обстоятельствами—иностраннымъ происхожденіемъ авторовъ и экзотическимъ содержаніемъ произведенія—проводилась г. Цитовичемъ прямая причинная связь: лица съ нѣмецкими, шведскими, польскими и иными фамиліями органически неспособны понимать условія русской дѣйствительности, и, помимо того, изъ равнодушія или недоброжелательства, не прочь привить гнилые западные отростки къ самобытному русскому стволу... Въ Россіи, какъ извѣстно, не-русскую фамилію сплошь и рядомъ носятъ люди вполнѣ русскіе по воспитанію, чувствамъ, интересамъ, умственному складу, и даже православные. Намеки въ родѣ тѣхъ, которые дѣлалъ г. Цитовичъ, должны быть признаны, поэтому, не только некрасивыми, но и лишенными всякаго серьезнаго значенія. Объ этомъ, впрочемъ, мы упоминаемъ вскользь. Болѣе интереснымъ является упрекъ г. Цитовича коммиссіи Проекта 1884 г. за то, что «въ выработкѣ (ея Проекта) уже не принимаютъ участія эксперты-практики, что съ ними не совѣщаются, и дѣловой элементъ, такимъ образомъ, устраненъ окончательно». Упрекъ этотъ, конечно, не безоснователенъ, но коммиссія Проекта 1884—1886 гг. имѣетъ за собою хоть одно: она опубликовала Проектъ свой въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» во всеобщее свѣдѣніе, издала его одновременно на нѣмецкомъ и, сколько извѣстно, французскомъ языкахъ, предоставивъ, такимъ образомъ, устраненнымъ ею «экспертамъ-практикамъ и дѣловому элементу» возможность ознакомиться съ Проектомъ, какъ таковымъ.

Обращаясь къ общей оцѣнкѣ Проекта, остановимся, прежде всего, на ярмарочномъ векселѣ, которому составитель Проекта придаетъ такое значеніе. Извѣстно, что биржи и ярмарки не составляютъ исключенія изъ общаго закона возвращенія каждаго явленія, при высшемъ его развитіи, къ его первобытному началу въ формальномъ отношеніи. Торговля, являющаяся по возникновеніи биржи, ничѣмъ по существу или по формѣ не отличается отъ торговли періода, предшествующаго биржѣ. Послѣдняя ведется въ извѣстномъ, одномъ исключительномъ мѣстѣ, въ извѣстное исключительное время—черты, присущія базарамъ и ярмаркамъ. У племенъ и народовъ, гдѣ торговое движеніе слабо, оно недостаточно для того, чтобы поддерживаться постоянно и повсемѣстно, а потому для него удобнѣе сосредоточиваться въ извѣстные сроки въ извѣстныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, оно производится на ярмаркахъ и базарахъ. Съ развитіемъ торговли, въ каждомъ городѣ купецъ имѣетъ ежедневно покупщиковъ (потребителей), повсюду являются лавки и магазины, открытые въ теченіе круглаго года ежедневно. Съ другой стороны, купцовъ такъ много и запросъ ихъ къ производителямъ такъ постояненъ, что производитель можетъ продать имъ свой продуктъ, когда и гдѣ ему самому удобнѣе,—зачѣмъ же онъ станетъ дожидаться ярмарки или базарнаго дня? Такимъ образомъ, ярмарки и базары, существовавшіе въ Парижѣ, когда этотъ городъ въ торговомъ отношеніи уподоблялся, напр., Козмодемьянску и Царевококшайску, исчезли. За этимъ періодомъ слѣдуетъ періодъ

Проектъ же г. Цитовича не только устранилъ экспертовъ-практиковъ и дѣловой элементъ, но даже не былъ обнародованъ. Вопреки давно установившемуся у насъ обыкновенію, этотъ Проектъ, составленный по оффиціальному порученію, прежде внесенія его на законодательное обсужденіе, не только не былъ разосланъ компетентнымъ и заинтересованнымъ лицамъ и учрежденіямъ для обсужденія, но тщательно отъ нихъ скрывался, только случайно и, во всякомъ случаѣ, помимо намѣреній составителя сдѣлавшись достояніемъ критики. Для надлежащей оцѣнки Проекта 1893 г. ср. всю вообще брошюру «Вексель и задачи его кодификаціи въ Россіи», въ особенности же стр. 5, 7, 8, 10 и 54—55, по которымъ:

> „Проектъ (1884 г.) преслѣдуетъ цѣли, второстепенныя для русскаго законодательства („всемірное вексельное право“), „не безъ высокомѣрія относится къ фактамъ русскаго вексельнаго оборота и преслѣдуетъ ихъ (цѣли) чуть не подъ диктовку иностраннаго посла...“

Рѣчь идетъ объ извѣстной Памятной Запискѣ германскаго посла относительно международнаго соглашенія по законодательству о векселяхъ,—Запискѣ, переданной въ свое время въ Спб. Биржевой Комитетъ, въ которомъ «любопытны и здѣсь фамиліи авторовъ доклада Биржи». Воображаемъ себѣ удивленіе «иностраннаго посла», еслибы онъ узналъ, что онъ внушалъ, «чуть не диктовалъ», членамъ коммиссіи проекта 1884 г. Проектъ русскаго вексельнаго устава!..

народившагося обилія покупщиковъ и продавцовъ, у которыхъ оказывается такъ много дѣлъ и справокъ, что каждый изъ нихъ не успѣлъ бы управиться съ ними, еслибы долженъ былъ искать поодиночкѣ каждаго изъ нужныхъ ему людей. Это вызываетъ необходимость въ назначеніи мѣста и времени, гдѣ и когда сходились бы всѣ занятые торговыми оборотами люди, которые, такимъ образомъ, возвращаются къ первобытному ограниченію торговыхъ сдѣлокъ извѣстнымъ мѣстомъ и временемъ. Ходъ развитія этихъ учрежденій свидѣтельствуетъ о совершенной противоположности причинъ, возобновляющихъ первобытную форму въ концѣ развитія, съ причинами, отъ которыхъ зависѣло ея существованіе при началѣ развитія. Доходя до высокой интенсивности, тѣ самыя обстоятельства, которыя въ менѣе сильной степени были враждебны первобытной формѣ, обращаются въ неизбѣжный вызовъ къ ея возстановленію. Первобытная ограниченность торговли извѣстнымъ мѣстомъ и временемъ (ярмарки и базары) была слѣдствіемъ малочисленности торговыхъ сдѣлокъ. Когда онѣ становятся довольно многочисленными, эта многочисленность дѣйствуетъ отрицательно, разрушительно на первобытную форму. Когда торговыя сдѣлки, вмѣсто того, чтобы быть, просто, довольно многочисленными, становятся чрезвычайно многочисленными, первобытная форма возвращается. Избытокъ качества дѣйствуетъ на форму способомъ, противоположнымъ тому способу, какимъ дѣйствовала болѣе слабая степень того же качества. Повсюду высшая степень развитія представляется по формѣ возвращеніемъ къ первобытной формѣ, которая замѣнялась противоположною на средней степени развитія; повсюду очень сильное развитіе содержанія ведетъ къ возстановленію той самой формы, которая была отвергаема развитіемъ содержанія не очень сильнымъ. Эта норма господствуетъ неизмѣнно во всѣхъ безъ исключенія явленіяхъ матеріальнаго и нравственнаго, индивидуальнаго и общественнаго бытія. Ей подчинены безусловно и законы о ярмаркахъ.

Мы сочли нужнымъ остановиться на этихъ всѣмъ, впрочемъ, извѣстныхъ положеніяхъ съ цѣлью показать, что составитель Проекта an und für sich не имѣетъ яснаго представленія о ярмаркахъ въ Россіи, которыя, прежде всего, позволяютъ усумниться въ томъ значеніи, какое придается имъ Проектомъ. Если, благодаря культурнымъ особенностямъ Запада, тамошнія ярмарки, за весьма немногими исключеніями, утратили почти всякое значеніе,

и если въ Россіи, въ области внутренней торговли, онѣ продолжаютъ занимать еще нѣкоторое положеніе, то это не служитъ еще доказательствомъ необходимости установленія спеціальныхъ вексельныхъ нормъ, для регулированія ярмарочнаго оборота. Упроченію въ Россіи ярмарочной торговли содѣйствовало, главнѣйшимъ образомъ, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, затруднявшее пріобрѣтеніе мѣстными торговцами требуемыхъ товаровъ въ пунктахъ производства или въ мѣстахъ, гдѣ имѣются ихъ склады, а также рѣдкость населенія, слабое развитіе кредита и отсутствіе капитала. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что водные рѣчные пути, замерзающіе въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, болѣе способствовали временному торгу, чѣмъ осѣдлому. Всѣ эти обстоятельства побуждали торговцевъ сходиться на половинномъ пути и притомъ въ опредѣленные сроки для того, чтобы они могли произвести обмѣнъ своихъ произведеній, свести счеты за прежнее время и условиться насчетъ дальнѣйшихъ сдѣлокъ. Если прибавить ко всему этому почти сплошную, если не абсолютную, безграмотность всего контингента такихъ торговцевъ, отсутствіе у нихъ хотя бы самой примитивной организаціи дѣлопроизводства, письменности, корреспондированія и вообще всей, такъ называемой, конторской части, хотя бы самой примитивной формы, то станетъ понятно, почему ярмарки представляли, а можетъ быть представляютъ въ нѣкоторой степени и до сихъ поръ, то исключительное удобство, что даютъ возможность мелкимъ розничнымъ торговцамъ закупать всѣ необходимые товары *непосредственно* отъ самихъ фабрикантовъ, или другихъ оптовыхъ торговцевъ, безъ второстепенныхъ посредниковъ, причемъ сами фабриканты пріобрѣтаютъ возможность вступать въ близкія торговыя сношенія съ торговымъ классомъ и ближе слѣдить за требованіями рынка, на что у нихъ не хватаетъ ни умѣнья, ни выдержки дѣлать это систематически и послѣдовательно помимо ярмарокъ. Если вспомнить затѣмъ, что не мало содѣйствовало поддержанію нашей ярмарочной торговли и покровительство, съ которымъ, съ древнѣйшихъ временъ, правительство относилось къ этой торговлѣ, то станетъ ясно, почему ярмарки играли такую роль въ экономической жизни Россіи.

Теперь обстоятельства частью измѣняются, частью радикально уже измѣнились. Прежде всего, изъ общаго числа ярмарокъ въ Россіи, большинство (82%) имѣютъ преимущественно *базарный*

характеръ [19]) и, слѣдовательно, въ вексельномъ уставѣ едва-ли нуждаются. Остается около 15% общаго числа ярмарокъ, и хотя эта оффиціальная справка не можетъ быть признана непреложною, тѣмъ не менѣе и она еще не свидѣтельствуетъ о томъ значеніи, какое Проектъ старается придать ярмаркамъ. Вексельный Уставъ подлежитъ введенію не на одинъ годъ и не на два, а экономическія условія Россіи подвергаются ежедневно все новымъ и новымъ измѣненіямъ, грозя скоро преобразиться совсѣмъ. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на тѣхъ причинахъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, благодаря которымъ экономическій строй подвергается такимъ измѣненіямъ. Одна Сибирская дорога способна произвести громадный переворотъ во всѣхъ экономическихъ отношеніяхъ, а обороты наикрупнѣйшей у насъ ярмарки, Макарьевской, по словамъ лицъ, стоящихъ близко къ дѣлу, тоже падаютъ все больше и больше, чего не отрицаютъ и оффиціальныя данныя [20]). Само

---

[19]) См.: Фабрично-заводская промышленность Россіи. Изданіе Департамента Торговли и Мануфактуръ М. Ф. (1-е изд. 1893 г.) по случаю Всемірной Колумбовой выставки въ 1893 г. въ Чикаго, стр. 237. Относительно общаго характера этого изданія, какъ и достовѣрности статистическаго въ немъ матеріала, см. журналъ «Русская Мысль» за іюль 1894 г., стр. 348—352.

[20]) «Главная операція ярмарки заключается въ сбытѣ мануфактурныхъ товаровъ городскимъ купцамъ, которые развозятъ уже ихъ по всей Россіи, причемъ закупка эта идетъ преимущественно изъ первыхъ рукъ, отъ самихъ фабрикантовъ. Такимъ образомъ большая часть Россіи запасается здѣсь главнымъ предметомъ своего потребленія на цѣлый годъ. *Впрочемъ*, вслѣдствіе развитія сѣти желѣзныхъ дорогъ, *въ послѣднее время многіе городскіе торговцы завязали непосредственныя сношенія съ Москвою, а значеніе Нижегородской ярмарки въ этомъ отношеніи нѣсколько упало*». (Стр. 242 ibid.). «На обороты ярмарки (т.-е. уменьшеніе ихъ), въ числѣ другихъ причинъ, «главнымъ образомъ», повліяло «проведеніе новыхъ желѣзныхъ дорогъ въ восточной половинѣ Россіи, какъ и постройка Закаспійской ж. д., *которая дала возможность сноситься съ Среднею Азіею регулярно почти въ теченіе всего года*» (стр. 243—244 ibid.). Измѣненіе въ ходѣ хлопчато-бумажной торговли на Нижегородской ярмаркѣ слѣдуетъ приписать тому, что съ развитіемъ желѣзнодорожной сѣти многія мѣстности Россіи вошли *въ непосредственныя сношенія* съ центрами производства бумажныхъ издѣлій (стр. 245 ibid.). Чайная торговля перестала уже играть видную роль въ оборотахъ ярмарки, такъ какъ 3/4 чая минуетъ ярмарку (ibid.); хлопокъ большею частью идетъ мимо ярмарки, направляясь *прямо* въ Москву и Лодзь, а привозъ товаровъ изъ Персіи тоже уменьшается, хотя и не свидѣтельствуетъ объ упадкѣ нашей торговли съ Персіею вообще (стр. 246, ibid.). Все это—относительно Нижегородской ярмарки. То же и съ другими ярмарками: Мензелинскою, которая, вслѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ на Златоустъ, также падаетъ, Сборною (въ Симбиркѣ), районъ которой тоже съузился, и др. (стр. 247 ibid.) А вотъ и другія показанія, не менѣе интересныя. Въ прежнее время на Нижегородской ярмаркѣ дѣлались большія закупки сахару для Сибири. Теперь Сибирь начинаетъ обходиться безъ услугъ ярмарки: сахаръ съ кіевскихъ и харьковскихъ заводовъ *направляется уже прямо* въ мѣста потребленія по новой Сибирской дорогѣ. Въ нынѣшнемъ году условія на ярмаркѣ для сахарнаго дѣла сложились такимъ исключительнымъ образомъ, что онъ изъ Нижняго не шелъ не то что въ Сибирь, а даже въ самыя насижен-

Министерство Финансовъ констатировало устами, впрочемъ, другого своего представителя, что ярмарочная торговля находится, вообще, въ переходномъ состояніи, а нѣкоторыя ярмарки — *даже въ періодѣ упадка*, причемъ *„осѣдлая торговля*, пользуясь удобствами, которыя представляютъ усовершенствованные пути сообщенія, въ особенности желѣзныя дороги, постепенно *развивается на счетъ ярмарочной*“ [21]). О другихъ причинахъ несомнѣннаго предстоящаго упадка ярмарокъ мы не говоримъ. Достаточно вспомнить о доступности и безопасности морского пути въ Сибирь чрезъ Карское море. Окончаніе сибирскаго рельсоваго пути не ослабитъ значенія морского пути чрезъ Карское море, такъ какъ громоздкіе товары, не переносящіе дорогого желѣзнодорожнаго тарифа, какъ хлѣбъ, лѣсъ и др., направятся по дешевому водному пути, сперва по сибирскимъ рѣкамъ, потомъ по Ледовитому океану и чрезъ Карское море на соединеніе съ существующими уже морскими портами на сѣверной окраинѣ Россіи. Одинаково направятся по водному пути ввозимые въ Сибирь товары. Начало несомнѣнно сдѣлано, а когда большинство проливовъ и устьевъ рѣкъ будетъ точно изучено и будутъ опубликованы усовершенствованные карты, суда изъ всѣхъ европейскихъ портовъ — русскихъ и иностранныхъ — установятъ оживленную торговлю и соединятъ свои усилія съ работою Сибирской дороги [22]). Несоотвѣтствіе въ сужденіи о значеніи ярмарокъ между составителемъ Проекта съ одной, и мнѣніемъ другого представителя того же Министерства Финансовъ съ другой стороны, — очевидно. Очевидно и то, что достовѣрность въ аттестаціи ярмарокъ относительно ихъ экономическаго значенія — *не* на сторонѣ составителя Проекта, который, ухватившись за созданное имъ „самопокрытіе“ sui generis, не стѣсняется дѣлать самыя непростительныя натяжки, впадая въ рядъ завѣдомыхъ противорѣчій [22a]).

ныя мѣста восточной Россіи; цѣны стояли тамъ тѣ же, что и на ярмаркѣ, и покупатели ничего не брали въ Нижнемъ. Сахарное дѣло уже «отошло» отъ ярмарки.. («Новое Время» № 7360 отъ 24 августа 1896 г.). Изъ дальнихъ мѣстностей Сибири многіе покупатели въ нынѣшнемъ году были въ Москвѣ въ маѣ и іюнѣ, гдѣ купили много товара съ тѣмъ, *чтобы раньше доставить его на мѣсто*... На ярмаркѣ эти покупатели частью будутъ отсутствовать... Сибирскіе торговцы говорятъ, что у нихъ имѣются большіе остатки непроданнаго товара отъ прежней выписки и, главнымъ образомъ, *купленнаго у коммиссіонеровъ, которые разъѣзжали по Сибири*... (Торгово-Промышленная Газета № 163 отъ 27 іюля 1896 г.).

[21]) «Фабрично-заводская промышленность Россіи», стр. 252.

[22]) Торгово-Промышленная Газета № 148 отъ 9 іюля 1896 г.

[22a]) Интересны дальнѣйшіе доводы г. Цитовича въ пользу этого самаго «самопокрытія», въ которомъ, по его словамъ, «новаго ничего нѣтъ, сравнительно съ тѣмъ, что

II.

Проектъ состоитъ изъ 255 статей. Это необычайно большое число статей (въ Германскомъ вексельномъ уставѣ, отличающемся большою детальностью постановленій, всѣхъ статей ровно 100)—

предоставлено всякой ссудной кассѣ». Есть ли въ этомъ способѣ самопокрытія что-нибудь новаго, въ сравненіи хотя бы съ самопокрытіемъ ссудной кассы—вопросъ большой. Несомнѣнно, что въ этомъ сопоставленіи очень много новаго, какъ несомнѣнно и то, что не чуждое и нашему законодательству въ другихъ областяхъ самопокрытіе ничего общаго не имѣетъ съ самопокрытіемъ, предлагаемымъ и вводимымъ Проектомъ: въ первомъ и во второмъ случаѣ самопокрытіе совершается на почвѣ *вещнаго* кредита, изъ котораго a priori, и логически, и экономически (не говоримъ уже—и юридически)—вытекаетъ право самопокрытія. *Вексельный* же кредитъ всегда былъ и будетъ только кредитомъ *личнымъ* и уподоблять его кредиту вещному, хотя бы только въ области россійскихъ ярмарочныхъ векселей,—мысль нѣсколько новая, не лишенная и нѣкоторой оригинальности... Полемизируя затѣмъ съ г. Книримомъ и отстаивая необходимость такого самопокрытія, г. Цитовичъ говоритъ:

„Любителями... поживиться на чужой счетъ оказываются, напр., фабриканты Москвы или Лодзи, а жертвы любителей—тѣ восточные человѣки, которые вô-время спускаютъ свои товары внизъ по Волгѣ въ Астрахань, а оттуда въ Персію, и затѣмъ, погулявши еще нѣсколько дней съ арфистками, уѣзжаютъ и сами въ Самаркандъ или въ Тавризъ, увѣренные въ незыблемости... судопроизводства...“ (Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 63—64).

Фабрикантовъ г. Лодзи составитель Проекта могъ бы оставить въ покоѣ — такихъ вексельныхъ кліентовъ у нихъ нѣтъ. Это такъ же вѣрно, какъ вѣрно то, что если у нихъ и имѣются такіе кліенты, то они разсчитываются съ ними на наличныя. Относительно фабрикантовъ Москвы—не споримъ. Что жъ? И имъ можно преподать совѣтъ не входить въ дѣла съ «восточными человѣками» такой марки, не оказывать имъ кредита и не брать отъ нихъ векселей, какъ не сталъ бы дѣлать ни того, ни другого ни одинъ европейскій фабрикантъ, уже по тому одному, что и относительно, такъ называемой, торговой чести и другихъ «субъективныхъ» особенностей тамъ предъявляются такія требованія, которыя исключаютъ даже знакомство съ людьми такого типа, не то что отпускъ товаровъ въ кредитъ. Въ основаніи этого постановленія Проекта лежатъ ходатайства Московскаго Биржевого Комитета и Московскаго Отдѣла Торговли и Мануфактуръ (см. Объяснительную Записку къ Проекту 1882—1884 гг., стр. 66; ср.: *Барацъ*, Вексельное право, стр. 88); но въ этихъ ходатайствахъ упоминается лишь объ «иногородныхъ покупателяхъ» и въ нихъ ничего не упоминается о «восточныхъ человѣкахъ», которые, вѣроятно, понадобились г. Цитовичу для вящей вразумительности. Если дѣло касается, такимъ образомъ, вообще «иногородныхъ покупателей», о которыхъ *только* и говорилось въ вышеприведенныхъ ходатайствахъ, то не дѣло Устава о векселяхъ, повторяемъ, заниматься такими воздѣйствіями. Если дѣло касается только «восточныхъ человѣковъ» и сплавленія ими товаровъ въ Персію, то они прежде всего, право, не стоютъ того, чтобы ими заниматься, а затѣмъ, стоя на такой почвѣ, можно вѣдь договориться, въ интересахъ споспѣшествованія отечественной промышленности, и до необходимости созданія какого-либо новаго отдѣльнаго корпуса спеціальной пограничной стражи для регулированія кредитныхъ отношеній между фабрикантами Москвы и персидскими и иными выходцами... При чемъ тутъ, для аргументаціи, «гулянье еще нѣсколько дней съ арфистками»—тоже непонятно, если даже не имѣть въ виду заразительности примѣра и—того, что въ этомъ далеко не безгрѣшны и представители нашего коренного купечества, ходатайствовавшаго,

объясняется желаніемъ „наглядно отдѣлить одно постановленіе отъ другого, каждое отдѣльное постановленіе по возможности выдѣлять въ особую занумерованную статью“ (Записка стр. 16). Значительнѣйшая частъ статей (156) посвящена раздѣлу первому — о „векселяхъ“. Въ отличіе отъ существующей теперь терминологіи: „простой“ вексель и „переводный“, Проектъ понимаетъ подъ „векселемъ“ наиболѣе распространенный у насъ „простой вексель“. тогда какъ терминъ „переводный вексель“ замѣненъ иностраннымъ. „всего чаще“ употребляемымъ, наиболѣе (яко бы) распространеннымъ. такъ сказать, всеобще-международнымъ терминомъ „*тратта*“, „уже теперь, яко-бы, принятымъ въ нашихъ биржахъ и центрахъ вывозной торговлп“ [23]). Позиція лицъ-участниковъ въ простомъ и пере-

---

будто бы, объ обузданіи этихъ представителей Самарканда и Тавриса... Несомнѣнно, въ итогѣ итоговъ, и то, что, въ данномъ случаѣ, составитель Проекта не только «не оставилъ безъ вниманія показанія и заявленія представителей интересовъ русской торговли», но пошелъ въ ихъ вожделѣніяхъ гораздо дальше, — такъ далеко, какъ не желалъ несомнѣнно ни одинъ изъ этихъ представителей, которые ходатайствовали лишь объ установленіи срока векселя «*по предъявленію на ярмаркѣ*» и дальше этого не шли... Логичнѣе и правильнѣе поступили, должно признать, составители Проекта 1884 г., установивъ новый, небывалый нигдѣ срокъ «по предъявленію на ярмаркѣ», если только допустить, что функціи векселя должны ужъ быть низведены до насажденія нравственности и воспитанія торговой чести среди купечества...

[23]) Объяснительная Записка стр. 2. Спеціально по поводу терминологіи Проекта рѣчь будетъ впереди. Здѣсь замѣтимъ только, что составитель Проекта ошибается, думая, что терминъ «переводный вексель» замѣняется выраженіями: «прима, секунда, римесса и, чаще всего, тратта» (Ibid.). Все это безусловно невѣрно и свидѣтельствуетъ *только* о желаніи узаконить quand même терминъ (простой) «вексель». Термины *прима* и *секунда* — это clausula cassatoria, которая примѣняется ко всѣмъ вообще орудіямъ перевода денегъ: къ переводамъ (Anweisung, Assignation), мандатамъ (Mandat) и пр. (Zahlen Sie gegen diese Prima-Anweisung; payez contre ce Premier Mandat и т. д.). Квалифицировать, слѣдовательно, этими терминами *вексель* не придетъ въ голову никому — приму или секунду не сочтетъ *векселемъ* ни одно изъ тѣхъ законодательствъ, которое для векселя требуетъ вексельной мѣтки, а то обстоятельство, что терминами *прима*, *секунда* пользуются, *можетъ быть*, *для краткости* въ разговорной рѣчи, и то — съ подразумѣваніемъ *всегда* векселя, а не перевода, — отнюдь не можетъ служить мотивомъ и базисомъ для законодательнаго акта. Еще невѣроятнѣе терминъ «римесса», которымъ яко-бы квалифицируется переводный вексель. Подъ римессою понимается всякое покрытіе (счета — Conto) въ смыслѣ Deckung (couverture), въ чемъ бы оно, покрытіе, ни заключалось — въ процентныхъ бумагахъ (на продажу), (срочныхъ и несрочныхъ) купонахъ, векселяхъ и проч. Въ болѣе узкомъ смыслѣ римессою называется «вексель къ полученію» (по нему платежа) — опять-таки въ (полное или частичное — безразлично) покрытіе или погашеніе счета (Conto). Очевидно, что, дѣлая *римессу*, т.-е. ремитируя вексель для полученія по нему платежа, я могу послать *простой* или переводный вексель: въ первомъ случаѣ платежъ поступаетъ отъ *векселедателя*, а во второмъ — отъ *трассата-акцептанта*. Для лица, которому вексель ремитируется и которое получаетъ платежъ по ремитированному векселю, совершенно безразлично, кто является *плательщикомъ*: векселедатель ли (простого), или трассата (переводнаго) векселя: въ томъ и другомъ случаѣ у него въ рукахъ *римесса*. Для лица, ремитирующаго вексель, также совершенно безраз-

водномъ векселѣ и ихъ юридическія отношенія настолько отличны другъ отъ друга, что система разграниченія статей, касающихся

лично, что именно ремитируется, какъ квалифицируется дѣлаемая римесса—какъ простой или какъ переводный вексель: въ томъ и другомъ случаѣ римесса сдѣлана, послана (вексель ремитированъ, пересланъ, посланъ). Ср.: *Барацъ*, Курсъ Коммерческой Корреспонденціи, стр. 207—209, 211, 213, 216, 224 и др. Ясно, что квалифицировать какъ римессу только переводный вексель нельзя, какъ нельзя было ни въ какомъ случаѣ квалифицировать римессами тѣ заграничные векселя, продажу коихъ открылъ въ своихъ кассахъ Государственный Банкъ, благоразумно, впрочемъ, отказавшійся въ послѣднее время отъ редактированія въ такомъ смыслѣ своихъ публикацій. См. дальше: прим. 151 in fine. Что касается затѣмъ «терминологіи дѣйствительной жизни», отразившейся въ уставахъ и балансахъ банковъ,—терминологіи, на которую ссылается составитель Записки (ibid.), квалифицируя переводный вексель какъ *тратту*, то и здѣсь очевидное недоразумѣніе, которое имѣетъ въ своемъ основаніи такое или иное дѣленіе, такую или иную номенклатуру счетовъ (Conti) въ балансахъ. «Векселя-римессы» (въ активѣ)—это «векселя къ полученію», которые могутъ состоять и фактически состоятъ изъ векселей простыхъ (соло) *и* переводныхъ, когда слѣдовательно функціи лицъ плательщика отождествлены. Ср.: *Барацъ*, Очерки Коммерческой Корреспонденціи: письма, касающіяся римессъ, въ журналѣ «Счетоводство» за 1893 г. № 18. Векселедатель простого (соло) и трассатъ (переводнаго) векселя отождествляются. «Векселя-тратты» (въ пассивѣ)—это «векселя къ платежу», которые могутъ состоять изъ простыхъ (соло) векселей, такъ *и* изъ векселей переводныхъ, трассированныхъ и акцептованныхъ (или подлежащихъ еще акцептаціи—безразлично) со стороны того лица (учрежденія), въ балансѣ котораго счетъ (Conto) подъ такою номенклатурою значится (опять-таки съ отождествленіемъ функцій векселедателя простого и акцептанта переводнаго векселя). Смотря по преобладанію такого или иного типа векселей, въ пассивѣ балансовъ значится иногда «счетъ акцептовъ», «счетъ акцептованныхъ траттъ» или, чаще, «счетъ акцептованныхъ *векселей*», когда, какъ напр. банки, простыми (соло) векселями не обязываются вовсе, съ номенклатурою въ активѣ «счета заграничныхъ векселей», состоящихъ *только* изъ векселей переводныхъ (платежныхъ за-границею въ иностранной валютѣ). Въ общемъ, такимъ образомъ, терминологія дѣйствительной жизни не доказываетъ ничего: она, прежде всего, сумбурна, а затѣмъ зависитъ отъ вкусовъ бухгалтеровъ, отъ большей или меньшей изысканности въ дѣленіи счетовъ (Conti) и, главнымъ образомъ, отъ *преобладанія* того или иного типа векселей, которые, въ концѣ концовъ, дѣлятся на «векселя *къ полученію*» (*либо* отъ векселедателя простого — соло, *либо* отъ трассата переводнаго векселя — безразлично) и—на «векселя *къ платежу*» (*либо* по простому—соло векселю плательщика, *либо* по уже акцептованному или подлежащему еще акцептаціи переводному векселю на того же плательщика), безъ какого бы то ни было подраздѣленія тѣхъ и другихъ на категоріи простыхъ и переводныхъ векселей. Болѣе детальнаго дѣленія счетовъ не знаетъ ни одна бухгалтерія, какъ бы изысканно точно она ни велась. Взывать, слѣдовательно, къ ней не представляется никакихъ основаній: тратта во всякомъ случаѣ еще не вексель—въ ней прежде всего нѣтъ (еще) вексельной мѣтки, которой, хотя и неопредѣленно, но требуетъ Проектъ. Не выдержано во всемъ этомъ стремленіе составителя Проекта «избѣгать такихъ выраженій, которыя *хотя употребляются въ практикѣ*, но отражаютъ въ себѣ воззрѣнія и понятія, нежелательныя въ вексельномъ уставѣ» (ibid. стр. 16). «Дѣловой человѣкъ (фабрикантъ, купецъ, землевладѣлецъ, арендаторъ, мѣщанинъ, крестьянинъ) знаетъ только *вексель*; онъ не всегда даже подозрѣваетъ, что его вексель на языкѣ закона еще не *весь* вексель, а только одинъ видъ, обозначенный въ законѣ какъ простой вексель» (ibid. стр. 2). На этомъ составитель Проекта и обосновываетъ желаніе исключить терминъ «*простой* вексель» и узаконить только «*вексель*». Ничего, конечно, нельзя имѣть противъ этой попытки, тѣмъ болѣе, что, по существу, дѣло отъ этого не измѣнится. Позволительно только спросить: почему именно законъ долженъ *снизойти* до пониманія и терминологіи «арендатора, мѣщанина» и пр., а не возвысить ихъ до ура-

переводныхъ векселей, отъ статей, касающихся простыхъ векселей, могла бы быть признана цѣлесообразною [24]). Если прибавить къ этому доминированіе во внутреннемъ оборотѣ въ Россіи простого векселя, то станетъ ясно, что принципъ системы *разграниченія* статей является теоретически даже необходимостью. Это сознано, впрочемъ, всѣми законодательствами, за исключеніемъ Италіи, въ которой (титулъ X Codice di commercio, посвященный векселямъ) проведенъ принципъ совмѣстнаго изложенія статей, касающихся того и другого типа векселей. Принципа разграниченія статей, касающихся того и другого типа векселей, держится и Проектъ, но въ какой мѣрѣ выдержанъ этотъ принципъ и оказывается ли таковой безусловно подходящимъ по отношенію къ Россіи, на основаніи даже матеріаловъ, которыми составитель Проекта располагаетъ, мы постараемся объяснить. По Объяснительной Запискѣ къ Проекту:

зумѣнія точнаго термина, если только тотъ же арендаторъ, купецъ и пр., выписавъ машины, сельско-хозяйственныя орудія и т. п., не знаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему приходится платить не только по «векселю», но и—по трассированному, выданному *на него* векселю. Притомъ и принципъ *снисхожденія* къ пониманію терминологіи этой категоріи людей также обоюдоостръ: тотъ же купецъ, арендаторъ, мѣщанинъ и пр. очень часто не знаетъ и «векселя», квалифицируя таковой какъ «документъ» (платить *по документу*, взять въ платежъ за товаръ *документъ*, учесть *документъ* и пр.). Это— не только въ провинціи, но сплошь и рядомъ даже въ Петербургѣ. Неужели только поэтому было бы раціонально узаконить *документъ*?.. Стоя на почвѣ «терминологіи дѣйствительной жизни», которая (жизнь) въ очень многихъ вопросахъ ушла такъ же далеко отъ законодательства, какъ оно, законодательство, въ свою очередь, до многихъ институтовъ не успѣло еще подняться,—можно договориться до многаго... Неужели только потому, что арендаторъ и мѣщанинъ знаетъ, напр., только *текущій счетъ* и не знаетъ *конто-коррента*, наше будущее торговое уложеніе должно узаконить только *текущій счетъ* и не поднять арендатора до конто-коррента?.. См.: *Барацъ*, Курсъ Коммерческой Корреспонденціи, стр. 82—83, 88—91, и *его же:* 1) Текущій счетъ и конто-коррентъ съ точки зрѣнія практики и обычая («Счетоводство» за 1888 г. № 12); 2) Текущій счетъ и конто-коррентъ съ точки зрѣнія отечественнаго законодательства («Счетоводство» за 1889 г., № 9) и 3) О счетахъ Nostro и loro («Счетоводство» за 1890 г., № 13).

[24]) Относительно позиціи лицъ въ простомъ и переводномъ векселѣ см. подробнѣе: *Барацъ*, Вексельное право, стр. 60—63 и въ особенности—прим. 2 (стр. 61) и прим. 4 (стр. 63). Въ дополненіе къ сказанному слѣдуетъ прибавить слѣдующее: въ простомъ векселѣ первопріобрѣтатель является завѣдомымъ и непосредственнымъ кредиторомъ векселедателя, тогда какъ въ переводномъ векселѣ (при наличности провизо у трассата и при задолженности со стороны послѣдняго къ эммитенту векселя) неформальнымъ первопріобрѣтателемъ выступаетъ векселедатель-трассентъ, подставляя вмѣсто себя формальнаго первопріобрѣтателя въ лицѣ ремитента. (Функціи векселедателя-трассента въ роли первопріобрѣтателя съ особенною рельефностью сказываются въ векселяхъ «собственному приказу»). Затѣмъ: эммитентъ простого векселя, являясь *прямымъ* должникомъ, соотвѣтствуетъ въ переводномъ векселѣ трассату-акцептанту, причемъ эммитентъ векселя, въ данномъ случаѣ, соотвѣтствуетъ первому индоссенту (надписателю), являясь, такимъ образомъ, лишь первымъ, а потому въ обратномъ ходѣ и конечнымъ, гарантомъ векселя.

„Коренную особенность нашего вексельнаго оборота составляетъ преобладающее, почти исключительное употребленіе простого векселя. Другой видъ векселя, такъ называемый вексель переводный, не привился въ Россіи... Вексель переводный—сравнительно *рѣдкая случайность*; онъ встрѣчается лишь въ центрахъ нашей заграничной торговли и въ сферѣ международныхъ соприкосновеній наиболѣе крупныхъ банковъ“ (стр. 1—2).

Для непреложности и вящаго подкрѣпленія высказанныхъ составителемъ Проекта вышеприведенныхъ соображеній онъ приводитъ и мнѣнія экспертовъ:

„Предсѣдатель С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда: изъ множества вексельныхъ дѣлъ, поступающихъ въ С.-Петербургскій Коммерческій Судъ въ количествѣ отъ 4 до 5 тысячъ ежегодно, лишь не болѣе 100 возникаютъ по поводу переводныхъ векселей. Директоръ Учетнаго и Ссуднаго Отдѣленій Государственнаго Банка: въ Государственномъ Банкѣ, по внутренней торговлѣ, учитываются только простые векселя; если исключить Петербургъ и Москву, то обращающіеся въ семъ банкѣ переводные векселя составятъ только *полпроцента* всего числа поступающихъ въ оный векселей. Другіе эксперты подтвердили то же самое. На вопросъ, предложенный составителемъ Записки (и авторомъ Проекта) одному изъ сенаторовъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, часто ли въ Сенатѣ бываютъ дѣла по траттамъ, послѣдовалъ отвѣтъ: за десять лѣтъ моего присутствія, насколько помнится, не было ни одного подобнаго дѣла. (Объяснительная Записка, стр. 2; Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 105).

Весь этотъ рядъ „свидѣтельскихъ показаній“ свѣдущихъ лицъ, на мнѣніи коихъ составитель Проекта обосновалъ систему таковаго, можетъ быть, слѣдовательно, сведенъ:

а) къ показаніямъ представителей судебнаго вѣдомства;

б) „ „ г. Директора Государственнаго Банка и

в) „ „ другихъ экспертовъ, подтвердившихъ - де то же самое. На показаніяхъ этой послѣдней группы составитель Проекта, очевидно, не настаиваетъ, такъ какъ, иначе, онъ счелъ бы не только возможнымъ, но и необходимымъ нанизать и ихъ мнѣніе — вѣдь на всѣхъ этихъ показаніяхъ основана система Проекта. Мы увидимъ дальше, что представители и этой группы свѣдущихъ лицъ едва-ли могли выдавать свое мнѣніе какъ нѣчто непреложное.

Что касается „судебной статистики“, то прежде всего за нею нельзя признать абсолютной точности—представители судебнаго вѣдомства, дававшіе свои показанія, едва-ли и имѣли это въ виду. Но, принимая даже все сказанное ими за близко подходящее къ

истинѣ, мы не можетъ признать это аргументацією въ пользу преобладанія въ Россіи простого (соло-) векселя. Если вспомнить, что простой вексель явился непосредственнымъ преемникомъ старой кабалы и если принять во вниманіе тѣ условія, при которыхъ функціонировалъ въ Россіи тотъ и другой видъ обязательствъ, то получится внушительная картина сутяжничества, которое проходило мимо переводныхъ векселей и касалось исключительно простыхъ (соло). Читатель, который не полѣнится просмотрѣть хотя бы только одинъ сборникъ Д. А. Носенко (Уставъ вексельный съ разъясненіями по рѣшеніямъ), увидитъ, какая масса вексельныхъ дѣлъ доходитъ до суда,—дѣлъ, въ которыхъ подкладка не дѣловая, а—исключительно денежный заемъ. Затѣмъ идутъ условія русской жизни, на которыхъ мы считаемъ необходимымъ остановиться.

Періода западно-европейской жизни, когда свѣтская власть обратила свое вниманіе на несостоятельность строгихъ каноническихъ законовъ о ростѣ, мы, какъ неотносящагося непосредственно къ нашему предмету, касаться не будемъ. Излагать здѣсь эту часть вопроса, болѣе или менѣе общеизвѣстную и не лишенную интереса для сопоставленій, намъ нѣтъ надобности. Болѣе поучительно остановиться на характерѣ каноническаго развитія закона о лихвѣ у насъ, въ Россіи. Внѣшнюю исторію законодательныхъ мѣръ по этому предмету представилъ намъ Н. В. Калачевъ [25]). Но, какъ справедливо замѣтилъ Мейеръ, о древнемъ юридическомъ бытѣ скорѣе можно заключать по обычаямъ, хотя бы и отрывочнымъ и мѣстнымъ, чѣмъ по законамъ, ибо законъ можетъ и не быть исполняемымъ, а обычай всегда выражаетъ дѣйствительное правовое воззрѣніе народа и свидѣтельствуетъ о практическомъ осуществленіи его [26]). По отношенію къ занимающему насъ вопросу, законодательные памятники не находятся, впрочемъ, въ серьезномъ противорѣчіи съ свидѣтельствами старинныхъ бытовыхъ актовъ. Источники рисуютъ намъ странную картину состоянія древнерусскаго хозяйственнаго быта въ отношеніи лихвы, займовъ и связанныхъ съ ними обязательствъ. Русская Правда и обычай допускаютъ вознагражденіе за пользованіе капиталомъ (рѣзъ), и притомъ—въ довольно значительныхъ размѣрахъ, сообразно общей бѣдности населенія и недостатку на-

---

[25]) «Юридическій Вѣстникъ» за ноябрь 1861 г.

[26]) «Юридическій Сборникъ» Мейера, стр. 223.

личныхъ денегъ; церковные же законы, а затѣмъ Стоглавъ и Уложеніе 1649 г. рѣшительно запрещали брать какіе бы то ни было проценты, и это запрещеніе существовало у насъ позже, чѣмъ во всѣхъ европейскихъ странахъ, именно—до 1754 г. Но отношеніе церкви къ вопросу о лихвѣ представляетъ у насъ два капитальныхъ отличія отъ западно-европейской судьбы этого вопроса. Во-первыхъ, духовенство у насъ первое само нарушало требованіе церкви и открыто брало проценты; въ этомъ упрекаетъ его Стоглавъ (гл. 5, вопросы 16 и 17, гл. 76); объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе старинные акты. Изъ дошедшихъ до насъ заемныхъ кабалъ видно, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ обыкновенный размѣръ роста былъ 20% (на пять шестое, какъ идетъ въ людѣхъ) [27]; большинство кредиторовъ—монастыри и монахи, и они берутъ 20 процентовъ. Есть случай, что на занятый хлѣбъ платится 25%, а въ другомъ случаѣ должникъ обѣщаетъ кредитору (монастырю) за занятую четверть хлѣба 1/3 урожая. Въ одномъ случаѣ заемщикъ обѣщается за проценты служить монастырю до уплаты долга, чтó въ другомъ актѣ выражено формулою: „служить вѣчно“ (до уплаты). Довольно обыкновенно кредиторъ получаетъ недвижимое имущество должника, служащее обезпеченіемъ долга, въ пользованіе вмѣсто процентовъ до платежа долга [28]. Тогда какъ на Западѣ церковь энергично противилась всякаго рода лихвенной эксплоатаціи и отступала отъ своихъ требованій лишь по мѣрѣ необходимости, никогда, однакожъ, не нарушая прямо своего принципа и допуская вознагражденіе займа только по особымъ основаніямъ, у насъ запрещеніе роста проповѣдывалось на словахъ, но открыто и повсемѣстно нарушалось на дѣлѣ. На Западѣ церковь боролась, во имя своихъ принциповъ, противъ лихвенныхъ тенденцій населенія, а у насъ, наоборотъ, свѣтская власть, какъ представительница интересовъ населенія, должна была бороться противъ лихвенныхъ тенденцій духовенства, хотя бы свѣтская власть и дѣйствовала въ данномъ случаѣ, прежде всего, въ собственномъ своемъ интересѣ. Такимъ образомъ, соборное опредѣленіе 1551 г. о невладѣніи монастырей землею, состоявшееся вслѣдствіе настояній государственной власти, между прочимъ, опредѣляетъ: которыя земли помѣщиковъ и крестьянъ задолжали духовнымъ особамъ и мона-

---

[27]) «Акты юридическіе» (№№ 232—256), изд. Археографич. Коммиссіею. СПб. 1838; ср. дальше прим. 45.

[28]) «Акты юридическіе» ibid.

стырямъ и владыки отобрали ихъ насильствомъ (подъ насильствомъ тутъ понимается вынужденное обстоятельствами отчужденіе въ пользу кредитора), должны быть возвращены прежнимъ ихъ владѣльцамъ [29]). Вообще характеръ противодѣйствія лихвѣ на Западѣ и у насъ другъ другу противоположны. Тамъ нравственно-соціальные мотивы возставали противъ роста, а нарождавшіеся хозяйственно-политическіе интересы ограничивали вліяніе первыхъ: у насъ первые, по своему практическому значенію, равны были нулю, ибо само духовенство открыто брало ростъ по своему усмотрѣнію, а второе, напротивъ, вынуждено было налагать узду на свободу оборота, сообразно своимъ потребностямъ. Если, такимъ образомъ, нельзя сказать, чтобы въ древней Россіи законодательство не принимало никакихъ мѣръ противъ лихвы, то мѣры эти, во всякомъ случаѣ, не имѣли того основанія и преслѣдовали не ту цѣль, что на Западѣ. Такъ, по уставной васской грамотѣ (1552 г.), излюбленные головы (выборные судьи) должны присуждать, въ случаѣ споровъ между кредиторами и должниками, по занятому хлѣбу или деньгамъ, лишь капиталъ и 20%, хотя бы условлено было больше по договору [30]). По судной грамотѣ замосковской волости (1561 г.), судъ выдаетъ должника кредитору головой, чтобы отслужить одинъ капитальный долгъ, а не ростъ [31]). Уставная грамота посадскимъ людямъ г. Шуи (1606 г.) опредѣляетъ слѣдующее: какія кабалы (заемныя) старыя, не менѣе однакожъ чѣмъ 10 лѣтъ, по тѣмъ взыскивать одну истину (т.-е. капитальный долгъ), а не ростъ, а какія — лѣтъ за 5, а отвѣтчикъ не отрицаетъ подлинности акта, то взыскивать и ростъ, по кабаламъ же лѣтъ за 15 не взыскивать ничего [32]). При Ѳедорѣ Ивановичѣ постановлено было: по старымъ кабаламъ болѣе 15 лѣтъ не присуждать процентовъ, а по актамъ не столь старымъ присуждать ростъ, если отвѣтчикъ признаетъ долгъ. При отсутствіи сознанія вовсе не давать суда по актамъ далѣе 15 лѣтъ [33]). При Михаилѣ Ѳедоровичѣ это измѣнено было слѣдующимъ образомъ. Если въ кабалѣ опредѣлено, что при просрочкѣ платить проценты, то взыскивать таковые. По „выданымъ“ кабаламъ взыскивать не долѣе

---

[29]) «Акты археографической экспедиціи», I, № 227.
[30]) Ibid. № 234, стр. 238.
[31]) Ibid. № 257.
[32]) «Акты археографической экспедиціи», II, № 52, стр. 119.
[33]) «Акты историческіе», I, № 221.

5 лѣтъ со времени ихъ выдачи [34]). Алексѣй же Михайловичъ (въ 1645 г.) постановилъ: по выданымъ кабаламъ взыскивать одну истину (капитальный долгъ), а не проценты [35]). Встрѣчаемъ также предписанія воеводамъ наблюдать за тѣмъ, чтобы свободныхъ людей никто не кабалилъ займами [36]). Иностранцы во Псковѣ многихъ бѣдныхъ людей закабалили посредствомъ займовъ на обременительныхъ условіяхъ, отобрали у нихъ „домы и замучили иныхъ на правежѣ". Правительство, по дошедшимъ до него жалобамъ, приняло мѣры противъ этого въ 1665 г. [37]). Сюда относится также часто встрѣчаемое запрещеніе воеводамъ брать заемные акты на жителей мѣстности, ввѣренной ихъ управленію,—запрещеніе, которое, конечно, сплошь и рядомъ обходилось [38]).

Мы считали нужнымъ остановиться на этомъ періодѣ русской жизни, чтобы показать, какова та почва, на которой функціонировала кабала, преобразовавшаяся затѣмъ въ простой (соло-) вексель, явившійся непосредственнымъ преемникомъ этой самой кабалы и по существу, и даже по формѣ [39]). Не нужно забывать при этомъ слѣдующую особенность древнерусскаго права. По неустройству судебной части, продажности судей, несовершенству системы доказательствъ и пр., *власть вынуждена была настаивать на безусловной силѣ письменныхъ актовъ и всячески затруднять оспариваніе формальныхъ актовъ, хотя бы по обману, насилію и т. под. основаніямъ* [40]). Если, тѣмъ не менѣе и несмотря на все это, правительство *не только допускало, но даже поощряло оспариваніе* лихвенныхъ, хотя бы и формальныхъ, актовъ, то, очевидно, его должны были побуждать къ этому болѣе вѣскія основанія, чѣмъ нравственно-соціальные мотивы, руководившіе западными канонистами въ ихъ борьбѣ съ лихвою [41]). Каковы бы ни были, однако,

---

[34]) Ibid. III, № 92, стр. XIV.

[35]) Ibid. IV, № 6, стр. V.

[36]) Ibid. № 181.

[37]) Дополненія къ Актамъ Историческимъ, V, № 1, стр. 19.

[38]) Акты Историческіе, IV, №№ 181 и 209.

[39]) Подробнѣе объ этомъ см.: *Бараць*, Курсъ вексельнаго права, стр. 672, 675, 676 и дальше. Можно даже съ безошибочностью предположить, что въ числѣ причинъ, тормозившихъ насажденіе и привитіе въ Россіи переводнаго векселя (тратты) и культивировавшихъ простой вексель,—исконная русская кабала имѣла очень большое значеніе.

[40]) *Фойницкій*. Мошенничество по русскому праву, I, стр. 37 и 86.

[41]) Для всякаго, знакомаго съ древнерусскимъ юридическимъ бытомъ, ясно, въ чемъ заключаются мотивы вышеприведенныхъ законодательныхъ мѣръ. По общей бѣдности населенія, недостатку денегъ и значительному размѣру обычнаго роста, заемная кабала съ условленнымъ ростомъ обыкновенно оканчивалась рабствомъ бѣдняка-заемщика: мы видѣли,

причины и мотивы такой двойственности во взглядахъ власти на формальные акты, несомнѣнно то, что эта двойственность проходитъ красною нитью по всей исторіи имущественнаго оборота въ Россіи. Эта двойственность сказалась по отношенію къ формальнымъ актамъ, предшествовавшимъ векселю, какъ таковому [42]); она

что условіе служить кредитору безсрочно впредь до уплаты долга включалось, какъ обыкновенное условіе, въ заемные акты; да и чѣмъ другимъ, кромѣ своего личнаго труда, могъ уплачивать долгъ бѣдный заемщикъ? Правительству былъ не особенно выгоденъ этотъ переходъ свободныхъ людей въ рабское состояніе, ибо первые были единственными плательщиками податей, тогда какъ кабальные холопы служили только своему господину и потому приносили государству пользу только косвенно и въ незначительномъ размѣрѣ. Съ другой стороны, государству было невыгодно и накопленіе поземельной собственности въ рукахъ бѣломѣстцевъ, свободныхъ отъ тягла, такъ какъ онъ лежалъ на землѣ, принадлежавшей лицамъ податныхъ сословій въ тѣсномъ смыслѣ. Еще менѣе было въ интересахъ государства допускать переходъ земель отъ помѣщиковъ и крестьянъ въ руки духовенства, которое вовсе не несло никакихъ регулярныхъ обязанностей матеріальнаго свойства по отношенію къ правительству. Между тѣмъ духовенство превосходно умѣло пользоваться нуждою землевладѣльцевъ для того, чтобы пріобрѣсти ихъ земли посредствомъ обременительныхъ сдѣлокъ, о чемъ свидѣтельствуетъ, напр., дѣло Баскакова, какъ и многіе другіе акты. (Ср.: Акты, отн. до город. быта др. Россіи, II, № 52). Понятно поэтому, что законодательство, движимое не отвлеченными нравственно-соціальными побужденіями, а практическимъ разсчетомъ, возстало противъ черезчуръ отяготительныхъ для населенія, а потому и для «государевой казны», лихвенныхъ сдѣлокъ. Ср: Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за январь 1895 г., въ которомъ помѣщена замѣтка *Н. Павлова-Сильванскаго*: «Люди кабальные и докладные».

[42]) Въ русскомъ до-Петровскомъ правѣ мошенничество, какъ и вообще наказуемые имущественные обманы, стоятъ въ тѣсной связи съ понятіями воровства, татьбы и кражи. Соборное Уложеніе 1648 г. употребляетъ, напр., слово «воровство» очень часто и въ различныхъ значеніяхъ. Ср., напр., X, 135, 202, 186, 198, 189, гдѣ говорится о воровствѣ въ значеніи поджога, *предъявленія поклепныхъ исковъ*, преступнаго наѣзда на чужой дворъ съ насиліемъ и намѣреніемъ совершить преступленіе, какъ и «составленія площадными дьяками крѣпостей, вопреки постановленіямъ закона, въ отсутствіе обязывающагося», что названо «писаніемъ воровствомъ за очи». Сначала законодательство сознавало и признавало только нарушенія, носящія характеръ осязаемый, матеріальный. Оно допускало наличность нарушенія только въ случаяхъ, когда оно произошло очевидно противъ воли лица, управомоченнаго — напр. посредствомъ насилія, и только мало-по-малу, послѣ значительнаго промежутка времени, начинаетъ сознавать возможность нарушеній, представляющихъ, такъ сказать, характеръ духовный. Согласіе потерпѣвшаго, чѣмъ бы оно ни было вызвано, кромѣ насилія, въ его глазахъ есть основаніе невмѣшательства. Ограждая общество отъ насилія, оно, какъ будто, предоставляетъ ему самому заботиться о ненарушимости своихъ правъ противъ другихъ, менѣе матеріальныхъ, вторженій. Уложеніе проникнуто предупредительно-полицейскимъ отношеніемъ къ обману. Его вниманіе не могли не обратить на себя громкія жалобы на поклепные иски, на ябедничество и продѣлки отвѣтчиковъ въ процессѣ. Противъ такихъ злоупотребленій оно оказалось въ силахъ выставить лишь *строгій формализмъ*, провозгласивъ общимъ правиломъ, что *всѣ долговыя притязанія должны быть подкрѣплены письменными документами*, причемъ долги бездокументальные имъ почти вовсе игнорированы. Понятно, что оно должно было позаботиться о мѣрахъ, которыя бы ставили внѣ всякаго сомнѣнія обстоятельства, засвидѣтельствованныя документомъ. Для этого оно требуетъ, чтобы всякая кабала подписывалась собственноручно должникомъ или тѣми попами и дьяками, которымъ онъ вѣритъ; запрещаетъ подписываться попамъ и дьякамъ того имѣнія, которое принадлежитъ

же сказывалась и продолжаетъ сказываться по отношенію къ векселямъ [43]). Измѣнились экономическія условія, смягчились нравы, все, *видимо*, какъ будто преобразовалось, но не исчезли тѣ специфическія особенности, которыя порождали въ то время ка-

---

кредитору; требуетъ въ большихъ дѣлахъ большое число свидѣтелей—человѣкъ 5 или 6, сводя ихъ до 2 или 3-хъ въ дѣлахъ меньшей важности, и только, по исключенію, въ дѣлахъ маловажныхъ, соглашается признавать дѣйствительными крѣпости безъ послуховъ (X, 246—249) (послѣднее—уже шагъ переходный къ векселю); установляетъ институтъ площадныхъ дьяковъ, которые, взимая опредѣленный сборъ въ казну, должны писать крѣпости и свидѣтельствовать достовѣрность ихъ въ качествѣ оффиціальныхъ органовъ. Соблюденіе этихъ мѣръ въ глазахъ законодательства того времени представляло вполнѣ достаточную гарантію достовѣрности установленныхъ отношеній, — хотя свидѣтелей, по словамъ Татищева, набирали на площадяхъ и улицахъ *),—и потому, для введенія прочности ихъ, оно всѣми силами заботится изъять документы отъ споровъ. Задача внѣшняго упорядоченія скрыла отъ его глазъ задачу права: Suum cuique tribuere. Выполнить ту и другую разомъ, въ полномъ объемѣ, законодатель оказался не въ силахъ. Для охраны права онъ долженъ былъ подчинить его строгому формализму, хотя бы послѣдній сознательно для него прикрывалъ правонарушеніе:

„А кто по заемной кабалѣ учнетъ искати на комъ заемныхъ денегъ, или иного чего, а занимщикъ въ отвѣтѣ скажетъ, что онъ по той кабалѣ заемныя деньги или иное что нибудь истцу платилъ и отписи въ томъ платежѣ не положитъ или и положитъ да руки истцовы у той отписи не будетъ, и имъ въ томъ не вѣрити, и по заемнымъ кабаламъ деньги или иное что велѣти правити, и отдавати истцомъ противъ заемныхъ кабалъ сполна" (X, 251).

Должнику дается единственное средство возраженія противъ документа, подписаннаго его рукой—доказательство насилія, какъ средства полученія его. Казалось бы, при такихъ условіяхъ, не должно было бы быть мѣста для «олживленія» кабалы, а на самомъ дѣлѣ посягательствъ «олживить» таковую было много. Ихъ выдвигала жизнь съ одной, да и само Уложеніе открывало тому тоже широкое поле съ другой стороны: по нему же одинъ случай обмана былъ приравниваемъ вымогательству—взятіе заемной кабалы подставкою другого лица за «занимщика» (XX, 23), утвержденіе наслѣдниковъ давшаго крѣпость, что послѣдній не былъ въ это время въ состояніи полнаго разума, и т. д. Словомъ—полный антагонизмъ дѣйствій съ государственною задачею упорядоченія и упроченія имущественныхъ отношеній.

[43]) Если просмотрѣть всѣ рѣшенія по вексельнымъ дѣламъ всѣхъ судовъ Россіи до кассаціонныхъ рѣшеній включительно, то представится очень интересная картина, свидѣтельствующая краснорѣчиво о томъ, что и по отношенію къ векселямъ примѣнимо полностью все сказанное относительно до-Петровскаго русскаго права, а именно: настаиваніе власти на безусловной силѣ письменнаго акта (векселя) и вмѣстѣ съ тѣмъ — допущеніе, хотя и безъ поощренія, оспариванія этихъ формальныхъ актовъ. По какимъ только поводамъ не вчинялись у насъ вексельные иски, которые грозили опрокинуть весь дѣйствующій Вексельный уставъ вверхъ дномъ и уничтожить въ самомъ корнѣ самыя основныя, кардинальныя его постановленія. Ср.: *Барацъ*, Курсъ вексельнаго права, стр. 670—704, въ особенности стр. 599, 691 in fine, 699. Въ томъ, что въ нашихъ словахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго, читатель убѣдится, взявъ, хотя бы только для просмотра, Уставъ вексельный *Д. Носенко*, съ разъясненіями по рѣшеніямъ Д-товъ и Общ. Собр. Сената.

---

*) Должно быть по закону преемственности и по традиціи, это дѣлается у насъ и теперь. Такъ какъ здѣсь все сводится исключительно къ соблюденію формы, то провинціальные нотаріусы дѣйствительно пользуются услугами перваго встрѣчнаго-поперечнаго для этой цѣли. Въ Петербургѣ контингентъ „свидѣтелей" нерѣдко составляется изъ швейцара парадной лѣстницы и сторожа нотаріальной конторы...

бальныя, а нынѣ—вексельныя дѣла. Можно было бы привести со всѣхъ сторонъ изъ русской жизни примѣры переживанія и исповѣдыванія старыхъ воззрѣній, которыя существуютъ въ нашемъ обиходѣ, потому что они существовали прежде. Жизнь ушла отъ нихъ далеко въ сторону, а они остаются такими же, какими были 200—300 лѣтъ назадъ [44]... Судить, слѣдовательно, о преобла-

[44]) О законахъ преемственности въ русской жизни интересны историческіе факты. Жалобы на плутовство торговцевъ слышались еще въ XVI и XVII ст. Не говоря уже о запрашиваніи непомѣрно высокихъ цѣнъ, поддѣлка и обмѣнъ вещей были въ обычаѣ; продать подкрашенный мѣхъ за новый, подмѣшать въ товаръ высокаго качества предметы малоцѣнные считалось дѣломъ самымъ непредосудительнымъ (*Кильбургеръ*, О русской торговлѣ, пер. Языкова, 1820 г., стр. 38). Пословица, неизвѣстная никому и взлелѣянная только на русской нивѣ: «на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ», была въ полномъ ходу; ее очень скоро заучивали даже иностранцы. Французское правительство нашлось вынужденнымъ запретить покупку русской бобровой шерсти, такъ какъ русскіе подмѣшивали въ нее кошачью (ibid. стр. 40). Англичане и голландцы громко жаловались, что русскіе нарочно дѣлали для сала толстыя бочки, чтобы прибавить вѣсъ, или мѣшали въ продаваемое сало часть чернаго или пригнилаго, а въ ворвань подливали воды (*Костомаровъ*, Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI—XVII ст., стр. 136). Справедливость этого обвиненія подтверждается и оффиціальными источниками (Полн. Собр. Зак., XIV, 10486; тамож. уст. 1 декабря 1755 г., гл. II, п. 4). Мы не касаемся историческихъ причинъ, дѣлавшихъ плутовство необходимостью для торговцевъ, какъ, напр., ненадежность путей сообщенія; частые разбои; взяточничество и вымогательство со стороны администраторовъ, которыя торговецъ долженъ былъ возмѣщать на покупателяхъ; плутовство, которому подвергался самъ онъ со стороны большихъ торговцевъ; тѣснота границъ, оставленныхъ верховною властью для частной дѣятельности, и др. О томъ, что въ торговой дѣятельности принимали непосредственное участіе монастыри, см. «Акты историческіе», III, стр. 124 и сл.; а относительно оставленія въ то время многихъ отраслей торговли верховною властью за собою см. *Костомаровъ*, op. cit. стр. 252, 255, 257, 280, 298 и др. Каковы бы ни были, однако, историческія причины, но, читая все это, можно подумать, что все это, болѣе или менѣе, не въ XVI и XVII столѣтіяхъ, а— вчера и сегодня. Точно въ нашей торговлѣ льномъ, зерномъ и пр. не примѣняются тѣ же принципы XVI и XVII столѣтій; точно московскіе купцы не дѣлаютъ того же относительно потребителей ихъ произведеній на окраинахъ, въ азіатскихъ владѣніяхъ и др. мѣстахъ, отбивая у заказчиковъ послѣ однократнаго заказа всякую охоту обращаться къ нимъ съ дальнѣйшими заказами и вопя затѣмъ, что ихъ губитъ Лодзь и нѣмецъ... Въ Министерствѣ Финансовъ сосредоточены свѣдѣнія о manière de travailler нашего купечества—справиться составителю Проекта не трудно. Свѣдѣніями о подвигахъ нашего купечества по части обмѣриванія и обвѣшиванія наполнены чуть ли не ежедневно столбцы газетъ, каждый обыватель испытываетъ это каждодневно на себѣ самомъ... Не отрицаетъ этого оффиціально и власть. См. оффиціальное извѣщеніе и призывъ Департамента Мануфактуръ и Торговли въ «Торгово-Промышленной Газетѣ» по поводу недобросовѣстныхъ продѣлокъ нашихъ экспортеровъ льномъ. Это было нынѣшнею весною. (Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками подлежащаго № этой оффиціальной газеты, по поводу сообщенія которой «Новое Время» даже выразило сожалѣніе о томъ, что въ этомъ призывѣ не поименованы фамиліи этихъ лицъ). Одинъ изъ здѣшнихъ самыхъ крупныхъ торговцевъ льномъ и куделью не такъ давно чуть не поплатился формальнымъ банкротствомъ за экспортированный за-границу товаръ, тамъ оказавшійся никуда негоднымъ, благодаря «добросовѣстности и честности» его поставщиковъ изъ внутреннихъ губерній. Можно ли, послѣ всего этого, отрицать законы преемственности въ русской жизни... Торговля, какъ

даніи въ Россіи того или другого типа векселей только на основаніяхъ общаго числа „вексельныхъ дѣлъ“ и процессовъ въ судахъ, не только рискованно, но и смѣшно, хотя бы и по тому одному, что процессы по простымъ векселямъ, унаслѣдованные по закону преемственности, играющей въ русской жизни очень большую роль и не потерявшей своей интенсивности во всѣхъ сферахъ русской жизни до сихъ поръ,—возникаютъ сплошь и рядомъ по мотивамъ, совершенно чуждымъ переводному векселю [45]). Пере-

---

и всякая другая отрасль человѣческой общественной образованности, проходитъ различныя стадіи. Въ первобытныя времена она была соединена съ набѣгами и разбоями; на низкой степени культуры она неразлучна съ коварствомъ, обманомъ и мошенничествомъ...

[45]) Въ вышедшей недавно очень интересной книгѣ: *R. Ehrenberg*, Hamburg und England im Zeitalter der Königin Elisabeth (Jena 1896), приведено напоминающее нашъ простой (соло-) вексель обязательство, относящееся къ XVI ст. и выданное на срокъ 6 мѣсяцевъ dato (стр. 308). Въ Актахъ Гамбургской коммерческой библіотеки (Acten der hamburger Commerz-Bibliothek) приведено много такихъ обязательствъ (Obligationen) со сроками эмиссіи въ 4—8 мѣсяцевъ, а въ Гамбургскомъ Государственномъ Архивѣ (Hamburger Staatsarchiv, Cl. VII, Lit. Ke № 2, vol. I) хранится такое обязательство, которое относится къ 1624 году и по которому англичанинъ Торпъ (John Thorpe) фигурируетъ въ качествѣ продавца бумазеи, чулокъ и пр. Все это—современники нашей старинной кабальной записи. Ничѣмъ почти не отличаясь въ редакціонномъ отношеніи отъ нашихъ современныхъ простыхъ векселей, эти промессы-обязательства интересны во всѣхъ отношеніяхъ. Они существуютъ рядомъ съ переводнымъ векселемъ, но такъ какъ учетъ (дисконтъ) ихъ бывалъ необходимъ, а путемъ индоссамента или цессіи отчужденіе (передача) векселей были въ то время невозможны, то стороны прибѣгали къ такимъ промессамъ-облигаціямъ, которыя выписывались и *на предъявителя* (... bekenne, dat [dass] ïck [ich] schuldigk [schuldig] bin... ick ehme [ihm] edder [oder] *Bringer* dieses to [zu] bethaelende [besahlen]...), отъ чего простой вексель все-таки не пріобрѣлъ тамъ права гражданства и чтò не помѣшало, въ концѣ концовъ, вступить тамъ повсемѣстно переводному векселю во всѣ свои права. Упорство западно-европейской жизни по отношенію къ векселямъ той и другой категоріи, по сравненію и по отношенію къ Россіи, выразилось въ совершенно діаметральномъ направленіи. Ср.: *Барацъ*, Вексельное право, стр. 670—704.

Характерны затѣмъ условія кредита, его продолжительность, не превышавшая 4—8 мѣсяцевъ уже въ то сравнительно отдаленное время, потребность оборота въ дисконтѣ, отсутствіе въ самой облигаціи обязательства платить проценты, размѣръ дисконтной нормы, не превышавшей 9% годовыхъ, лаконичность текста самой промессы, рельефность и выпуклость ея формы и пр. Рядомъ, одновременно и параллельно съ нею—наша кабальная запись съ характеромъ чисто денежнаго займа, съ «послухами» и съ ростомъ, «по расчету, какъ ходитъ въ людѣхъ, на пять шестой». См. выше: прим. 27.

> „Се азъ Иванъ Васильевъ сынъ занялъ есми у Аѳонасья Дементьева сына сто рублевъ денегъ Московскихъ ходячихъ, отъ Крещенья до Сборнаго воскресенья, безъ росту. А полягутъ денги по сроцѣ, и мнѣ ему давати ростъ, по расчету, какъ ходитъ въ людѣхъ, на пять шестой. А на то послуси: Никита Сидоровъ сынъ и пр. А кабалу писалъ Гаврилко Яковлевъ сынъ, лѣта 7096“ (т. е. 1588 года).

См. *Акты юридическіе*, изд. Археографическою Коммиссіею СПб. 1838 г., № 232—256. Ср. выше: прим. 27. Ср и *Флетчера*, О государствѣ Русскомъ (Of the Russe Common Wealth), стр. 50. Цитируемъ по заграничному (русскому) изданію 1857 г. (О судьбѣ этой книги въ Россіи и, въ частности,—изданіе ея въ Москвѣ см.: Жизнь и труды М. П. Погодина *Николая Барсукова*. Книга 10-я [СПб. 1896], стр. 159-161.

водный вексель чрезвычайно сжатъ въ своей конструкціи и необычайно поэтому рельефенъ, въ смыслѣ выпуклости и обозримости текста, къ тому же всегда, въ основныхъ частяхъ, напечатаннаго или вообще воспроизводимаго типографскимъ путемъ. Простой (соло-) вексель многословенъ и многосложенъ [46]), наполненъ балластомъ и почти всегда къ тому же воспроизводится рукописно, самымъ примитивнымъ способомъ, съ описками, ошибками, „оскобенными“ и „оговоренными“ словами и пр. [47]), что̀, ко-

---

Ср. также: Записки и дневникъ *А. В. Никитенко*, СПб. 1893, I, стр. 495—496, какъ и «*Русскіе Палеологи*», Спб. 1880, стр. 68—69). Вышеприведенная форма кабальной записи заимствована Флетчеромъ, судя по означенію самаго года (7096) и собственныхъ именъ, изъ современной ему заемной кабалы, что̀ подтверждается множествомъ дошедшихъ до насъ списковъ. Ср., для примѣра, выше: прим. 27. Книга Флетчера, представляющая собою реляцію, посвященную англійской королевѣ Елизаветѣ, которою онъ былъ отправленъ въ Россію въ 1588 г. въ качествѣ посланника къ царю Ѳеодору Іоанновичу,—интересна въ смыслѣ сопоставленія хотя бы только однихъ экономическихъ условій Россіи и Запада тогда и теперь. При чтеніи монографіи *Ehrenberg'a* (см. выше), относящейся къ тому же періоду царствованія той же Елизаветы, сопоставленія и сравненія въ этой области напрашиваются сами собою...... Эти сопоставленія, въ свою очередь, напрашиваются на сопоставленіе хронологическихъ данныхъ политической исторіи Московскаго государства и, напр., Франціи, съ которою оно наиболѣе сходно. Эти сопоставленія въ высшей степени поучительны и свидѣтельствуютъ о томъ, что главное отличіе московскаго строя отъ исторіи родственныхъ ему европейскихъ—вовсе не качественнаго характера и состоитъ лишь въ относительной отсталости видоизмѣненій его, которая объясняется запоздалостью появленія Московскаго государства на исторической сценѣ...

[46]) Образцы и параллели см.: *Бараць*, Курсъ вексельнаго права, стр. 700—704.

[47]) Въ теченіе слишкомъ 26 лѣтъ чрезъ руки пишущаго эти строки проходило ежегодно отъ 40 до 45,000 штукъ векселей, какъ выписанныхъ за-границею на Россію, такъ выданныхъ въ предѣлахъ Имперіи (не исключая окраинъ)—тѣ и другіе платежные въ Россіи (частью по дисконту, частью по инкассо). Во всей массѣ векселей, число коихъ превышаетъ 1.200,000 *штукъ* (апуэновъ—Appoints) около половины всего количества векселей были векселя, трассированные за-границею на Россію. Между сими послѣдними не было *рѣшительно ни одного векселя*, который былъ бы воспроизведенъ рукописно: вездѣ и всегда печатные (литографированные, гравированные) бланки-формуляры, въ которыхъ рукописно воспроизводились лишь необходимыя составныя части (срокъ [Termin], названіе ремитента и пр.), не исключая печатныхъ формуляровъ на русскомъ языкѣ изъ-за-границы. Ср.: *Бараць*, Курсъ вексельнаго права, стр. 682. Другую половину составляли русскіе соло- (простые) векселя. Между ними векселя съ печатнымъ текстомъ—рѣдкое явленіе; такіе векселя, т.-е. на готовыхъ печатныхъ (литографированныхъ) бланкахъ-формулярахъ, попадали въ дисконтъ отъ крупныхъ и первоклассныхъ здѣшнихъ фабрикантовъ, частью отъ московскихъ, а затѣмъ—и отъ одесскихъ оптовщиковъ и изъ Царства Польскаго (послѣдніе къ тому же большею частью на нѣмецкомъ языкѣ). Вся остальная масса циркулирующихъ простыхъ векселей состояла сплошь изъ воспроизведенныхъ цѣликомъ рукописно апуэновъ, безъ какого бы то ни было участія со стороны типо-литографій, съ невозможными и неразборчивыми почерками, съ ошибками и описками, что̀, въ связи съ многословіемъ, свойственнымъ русскому простому (соло-) векселю, примѣнительно къ предписаннымъ образцамъ-формулярамъ, дѣлали самые векселя невозможными. Два слова pro domo suo. Въ своемъ отвѣтѣ г. Кинириму «Къ вопросу о вексельномъ уставѣ», стр. 105, проф. Цитовичъ, говоря о «непререкаемости моего авторитета», упоминаетъ о томъ, что я «лѣтъ 20 состоялъ на службѣ въ бывшей конторѣ г. Гинцбурга».

нечно, даетъ и большій поводъ къ процессамъ, искамъ и пр. Судить по такому или иному количеству дѣлъ въ судахъ по векселямъ той или другой категоріи о большей или меньшей распространенности, вообще, того или другого типа векселей—неосновательно и нелогично, потому что это количество дѣлъ можетъ быть только критеріемъ для сужденія о культурности, грамотности, честности и порядочности обязанныхъ по векселю лицъ, даже если допустить непреложность статистическихъ данныхъ, приводимыхъ г. Предсѣдателемъ С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда и однимъ изъ сенаторовъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, на которыхъ ссылается составитель Проекта [48]). Вѣдь „95% выдаваемыхъ векселей и не доходитъ до суда“ [49]). На основаніи какого же разсчета и по какимъ даннымъ составитель Проекта утверждаетъ, что остающіеся 5% выдаваемыхъ векселей, доходящихъ до суда, служатъ достаточнымъ критеріемъ для сужденія о томъ, что преобладающимъ типомъ векселя въ Россіи является простой вексель. До суда именно и доходитъ та часть векселей, которою обязывается контингентъ лицъ, очень часто даже неспособныхъ платить безъ судебнаго понужденія. Затѣмъ, небольшое число переводныхъ векселей, сравнительно съ простыми, въ нашихъ судебныхъ мѣстахъ объясняется и тѣмъ обстоятельствомъ, что первые возникаютъ (выдаются и принимаются) торговцами, имѣющими благоустроенную отчетность и бухгалтерію, обязывающимися векселями для цѣлей производства, а не потребленія, съ установившеюся репутаціею относительно чести, кредитоспособности и пр., тогда какъ простые векселя выдаются,

---

Я, конечно, очень польщенъ аттестаціею проф. Цитовича относительно моей авторитетности, но разъ уже понадобилось открыть мою мало интересную для читателя бывшую «профессіональную спеціальность», считаю нужнымъ исправить маленькую неточность: я служилъ въ означенной конторѣ не лѣтъ 20, а—слишкомъ 26 лѣтъ. По операціи инкассо векселей, присылавшихся какъ изъ Россіи, такъ и изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ за-границы, контора эта не имѣла соперниковъ, что̀ происходило какъ потому, что она возникла задолго (лѣтъ за 12—15) до возникновенія въ Россіи (и въ частности въ Петербургѣ) частныхъ акціонерныхъ банковъ и конторъ, такъ и потому, что, имѣя свою филіалу въ Парижѣ, контора эта пользовалась громкою извѣстностью на всемъ Западѣ. Эту позицію относительно коммиссіонныхъ векселей названная Контора сохранила до самаго конца, а относительно размѣровъ учета и переучета векселей контора эта конкуррировала съ самыми большими здѣшними кредитными учрежденіями, печатные отчеты и балансы коихъ свидѣтельствовали о томъ, что ни одному изъ нихъ не удавалось подняться въ этомъ отношеніи до размѣровъ учета и инкассо названной Конторы.

[48]) Объяснительная Записка, стр. 2; *Цитовичъ*, Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 3.

[49]) Протоколы Особаго Совѣщанія, стр. 16; *Цитовичъ*, op. cit., стр. 3.

главнымъ образомъ, почти сплошь безграмотными розничными торговцами и лицами, не ведущими никакой торговли, но нуждающимися въ займѣ денегъ. Достаточно посмотрѣть на пробѣгъ векселя простого и переводнаго, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, каковы тѣ контрагенты, которые обязываются по векселямъ того и другого типа [50]).

Болѣе внушительны на видъ, конечно, показанія г. Директора Государственнаго Банка и другихъ экспертовъ, подтвердившихъ показанія перваго изъ нихъ (г. Директора), но и здѣсь, какъ мы сейчасъ увидимъ, оказывается одно сплошное недоразумѣніе. Эти „другіе" эксперты состояли изъ директоровъ частныхъ банковъ [51]), которые, какъ извѣстно, либо вовсе не вскрываютъ почту (выражаясь по-конторски), получая таковую отъ прокуристовъ, довѣренныхъ и пр. уже вскрытою и безъ вложеній, расходящихся по (фондовому, вексельному и пр.) подлежащимъ отдѣленіямъ, либо, вскрывая таковую, совершенно игнорируютъ вложенія, извлекая лишь изъ писемъ то, чтó имъ оказывается нужнымъ для ихъ распорядительно-диспонентскихъ дѣйствій (ордера на покупку-продажу, трансфертъ суммъ и пр.) и распредѣляя уже отъ себя почту вскрытою по подлежащимъ отдѣленіямъ для надлежащихъ отмѣтокъ и отчеркиваній всѣхъ вложеній на подлежащихъ увѣдомительныхъ и сопроводительныхъ письмахъ, счетахъ (bordereau). Отмѣтка (пунктація) на сихъ послѣднихъ свидѣтельствуетъ о томъ. что прибывшая адвизованная наличность цѣнностей разныхъ наименованій находится въ соотвѣтствіи съ подлежащими сопроводительными документами (письмами). Ни одинъ банковый директоръ не касается и не дотрогивается до получаемыхъ векселей и квалификаціи ихъ не касается, такъ какъ при желаніи знать, чтó именно ремитировано и какова добротность подписей и срочность, въ смыслѣ болѣе близкаго или отдаленнаго срока поступленія по такимъ векселямъ платежей,—онъ пользуется тѣми же увѣдомительными письмами и счетами (bordereau-Nota), въ которыхъ всегда показана сумма, срокъ и *плательщикъ* (трассатъ въ переводныхъ и векселедатель въ простыхъ векселяхъ), безъ какого бы то ни было разграниченія векселей по категоріямъ. Это—по части

---

[50]) Схему пробѣга векселей того и другого типа см.: *Барацъ*, Вексельное право, стр. 696—697.

[51]) *Книримъ*, О новомъ проектѣ устава о векселяхъ, стр. 3.

иногородной [52]). А что касается операціи мѣстной, то, при желаніи дисконтировать въ банкѣ векселя, я представляю реестръ, въ которомъ нанизываются всѣ векселя по суммамъ, срокамъ и пр., съ выполненіемъ графы „плательщика"—опять таки, слѣдовательно, безотносительно и независимо отъ типа векселей. Не только типъ векселя, но и самая мысль о немъ ни для кого не представляютъ никакого интереса въ смыслѣ операціи, и мы позволяемъ себѣ думать и утверждать, что спрошенные эксперты сами не думали о томъ, что́ отвѣчали, и, во всякомъ случаѣ, не подготовились къ отвѣту, хотя и подготовиться къ такому отвѣту тоже очень мудрено — къ нему нужно подготовляться въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, дѣлать рядъ наблюденій и только послѣ этого выступить съ надлежащею „экспертизою" и „свѣдущностью". То же мы должны сказать о г. Директорѣ Государственнаго Банка, который вѣдь тоже не подготовлялся и котораго подлежащій запросъ тоже несомнѣнно засталъ врасплохъ. Коммиссіонные векселя поступаютъ въ Отдѣленіе г. Директора, который не только соотвѣтственныхъ векселей иногда не видитъ, но который и подлежащихъ квитанцій въ полученіи такихъ векселей даже никогда не подписываетъ—онѣ подписываются въ этомъ Отдѣленіи разными чиновниками, проходя мимо и минуя даже кабинетъ Директора. Это — по части коммиссіонныхъ векселей. Векселя, представляемые въ учетъ, подаются на готовыхъ реестрахъ, выдаваемыхъ изъ того же Отдѣленія безплатно, и предназначаемые: реестры бѣлаго цвѣта для векселей платежныхъ въ Петербургѣ, а желтые—для векселей платежныхъ въ Москвѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ. Въ первыхъ изъ нихъ имѣется графа-колонна—„векселедатели или акцептатели", а во вторыхъ—такая же графа для „званія, имени и проч. векселедателей *или* акцептателей",—опять-таки въ томъ и другомъ случаѣ для *плательщика*, независимо отъ того, какъ онъ юридически квалифицируется и какъ онъ, плательщикъ, выступаетъ по отношенію къ данному векселю—въ качествѣ ли трассата (акцептанта) переводнаго, или—векселедателя простого векселя. Неинтересны всѣ эти свѣдѣнія и для Государственнаго Банка, который ихъ и игнорируетъ, не говоря уже о томъ, что и эти реестры съ векселями попадаютъ и поступаютъ не къ г. Директору Банка, а къ чиновнику, который ихъ сортируетъ и отмѣчаетъ, перечитывая

[52]) См. выше: прим. 23.

текстъ и возвращая изъ нихъ завѣдомо негодные (на основаніи бывшихъ уже на плательщиковъ протестовъ или деффектовъ въ текстѣ). Этотъ же чиновникъ отмѣчаетъ на реестрахъ долги по векселедательству и надписательству, приготовляя все для имѣющаго затѣмъ состояться засѣданія Учетнаго Комитета, который in corpore, въ присутствіи самого г. Директора, и *рѣшаетъ вопросъ о принятіи или непринятіи къ учету* соотвѣтственныхъ *векселей только на основаніи*, слѣдовательно, *однихъ реестровъ*, изъ которыхъ ни одинъ не содержитъ указанія относительно типа и характера векселя. На основаніи какихъ же данныхъ г. Директоръ Государственнаго Банка выступилъ со своею освѣдомленностью по такому существенному вопросу, и не взялъ ли онъ на себя слишкомъ много, выступивъ съ авторитетностью по этому вопросу,—авторитетностью, которая подлежитъ, слѣдовательно, сомнѣнію, хотя бы Государственный Банкъ и представлялъ собою такое учрежденіе, которое по размѣрамъ своихъ операцій превосходитъ всѣ частныя кредитныя учрежденія и потому и можетъ служить а priori мѣриломъ для даннаго факта. Но допустимъ на минуту возможность такого невозможнаго случая, по которому г. Директоръ, предувѣдомленный за много лѣтъ о томъ, что онъ будетъ приглашенъ въ качествѣ эксперта, тщательно готовился къ этой экспертизѣ, лично разсматривалъ и сортировалъ всѣ представлявшіеся и въ дисконтъ и на коммиссію векселя, занимался статистическимъ подсчетомъ и т. д. Можно ли было бы въ данномъ случаѣ счесть его показанія обоснованными и вѣскими? И на это приходится отвѣчать отрицательно, ибо чрезъ Государственный Банкъ, какъ ни покажется это страннымъ, вовсе не проходитъ та масса векселей, которая могла бы служить критеріемъ для сужденія о перевѣсѣ одного типа векселей надъ другимъ. Прежде всего г. Директоръ Государственнаго Банка можетъ говорить только о векселяхъ платежныхъ только въ 95 — 98 [53]) пунктахъ,

[53]) См. Всеподданнѣйшій докладъ Министра Финансовъ о Государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1895 годъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», № 1 за 1895 г. (отъ 1 января 1895 г.). По этимъ аутентичнымъ даннымъ Государственный Банкъ располагалъ въ 1881 году (всего) 55 учрежденіями (конторами и отдѣленіями), нынѣ же имѣетъ 107 учрежденій. Если вспомнить, что наибольшее оживленіе въ открытіи отдѣленій и конторъ Государственнаго Банка замѣчается въ послѣдніе 3—4 года, со времени вступленія въ управленіе Министерствомъ Финансовъ нынѣшняго Министра Финансовъ С. Ю. Витте, то по отношенію къ 1890 году включительно,—періоду, къ которому относятся показанія эксперта Государственнаго Банка (Протоколы Особаго Совѣщанія отъ 9, 10 и 21 февраля 1891 г.),—можно съ безошибочностью нормировать все число учре-

въ которыхъ находятся учрежденія (Конторы и Отдѣленія Государственнаго Банка), даже если предположить, что сюда въ Государственный Банкъ или нынѣ—въ его С.-Петербургскую Контору представляются векселя на всѣ эти пункты безъ исключенія (чего, конечно, на дѣлѣ нѣтъ). Другія же (частныя) кредитныя учрежденія имѣютъ своихъ корреспондентовъ на предметъ инкассо векселей въ разныхъ пунктахъ, числомъ доходящихъ до 300 [54]). Затѣмъ, если даже игнорировать и это, то окажется, что масса векселей, по необходимости, проходитъ мимо Государственнаго Банка, такъ какъ сей послѣдній:

жденій Государственнаго Банка въ то время цифрою 95. Относительно же абсолютнаго числа всѣхъ учрежденій Государственнаго Банка въ это время ср. затѣмъ «Циркулярныя распоряженія Государственнаго Банка по его Конторамъ и Отдѣленіямъ, послѣдовавшія съ 1 августа 1893 г. по 1 января 1894 г.». Въ этомъ сборникѣ (стр. 76—77) помѣщенъ списокъ всѣхъ учрежденій Государственнаго Банка, съ показаніемъ времени (датъ, мѣсяца и года) ихъ открытія. Всѣхъ конторъ и отдѣленій (со включеніемъ отдѣленій временныхъ [ярмарочныхъ], которыхъ, собственно, можно было бы и не считать), какъ и отдѣленій, такъ сказать, оповѣщенныхъ, но еще не открывшихъ своихъ дѣйствій, было, по этому списку, къ 1 января 1894 г. 111. Если исключить, по тому же списку, всѣ отдѣленія Государственнаго Банка, возникшія лишь съ 1 января 1892 г., то ихъ, по этому же списку, на 1 января 1891 г. окажется только 98, — цифра, о которой только и могъ говорить г. экспертъ Государственнаго Банка, даже еслибы и допустить возможность такого невозможнаго случая, по которому Государственному Банку здѣсь (нынѣ — его здѣшней Конторѣ) представляются на коммиссію и къ учету векселя платежные во всѣхъ, безъ исключенія, конторахъ и отдѣленіяхъ Банка, чего на дѣлѣ, конечно, нѣтъ и быть не можетъ. При этихъ условіяхъ, для экспертизы Государственнаго Банка, остается, можетъ быть, лишь скромная цифра какихъ-нибудь 30—40 его конторъ и отдѣленій......

[54]) См. «Тарифъ коммиссіи (дамно), взимаемой Банками по иногороднымъ векселямъ», съ перечнемъ городовъ, въ которыхъ находятся корреспонденты Банковъ. (Тарифы эти выдаются банками безплатно). По этимъ даннымъ число корреспондентовъ банковъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Волжско-Камскій Коммерческій Банкъ въ	191	пунктахъ.
Русскій для внѣшней торговли » »	258	»
Спб. Учетный и Ссудный » »	321	»
Московскій Международ. Торговый » »	354	»
Спб. Азовскій Коммерческій » »	385	»

Эти данныя относятся частью къ 1892, частью—къ 1893 г. Съ тѣхъ поръ число корреспондентовъ банковъ увеличилось несомнѣнно еще болѣе, а число учрежденій Государственнаго Банка осталось почти то же и несомнѣнно въ такой же пропорціи,—во всякомъ случаѣ, не увеличивается. Если взять только *среднее* число корреспондентовъ частныхъ кредитныхъ учрежденій, то получается цифра 302, которая, во всякомъ случаѣ, внушительнѣе цифры 98,—цифры, которую, къ тому же, съ достовѣрностью можно низвести и до 30—40 (см. выше: прим. 53 in fine). Г. экспертъ Государственнаго Банка могъ говорить, слѣдовательно, о векселяхъ платежныхъ въ 30—40 и, самое большее, въ 98 учрежденіяхъ Государственнаго Банка, не имѣя, значитъ, даже и понятія о качествѣ и конструкціи векселей платежныхъ, по крайней мѣрѣ, въ 212, если не въ 295, другихъ пунктахъ...

1) принимая въ дисконтъ векселя, писанные на иностранныхъ языкахъ, *только* съ платежемъ въ Петербургѣ и Москвѣ, *не принимаетъ вовсе* въ дисконтъ писанныхъ на иностранныхъ языкахъ [55]) векселей и платежныхъ во всѣхъ остальныхъ 95 учрежденіяхъ Государственнаго Банка, хотя бы даже и съ переводомъ текста векселей на русскій языкъ. Затѣмъ и изъ тѣхъ, слѣдовательно, немногихъ векселей, платежныхъ въ Москвѣ и Петербургѣ и хотя и писанныхъ на иностранныхъ языкахъ, Государственный Банкъ

2) не принимаетъ *вовсе* векселей (не исключая и платежныхъ въ Петербургѣ и Москвѣ) неакцептованныхъ или подлежащихъ еще презентаціи къ акцепту, и не только неакцептованныхъ, какъ таковыхъ, но даже и такихъ, на которыхъ имѣется депозиціонная помѣтка съ указаніемъ хранителя акцептованнаго экземпляра,—слѣдовательно, фактически акцептованныхъ, но съ неистребованными еще акцептованными экземплярами [56]). А такъ какъ наибольшая

---

[55]) Всѣ векселя, почти безъ исключенія, трассированные изъ за-границы на Россію и платежные въ Россіи, какъ въ русской (т.-е. въ рубляхъ), такъ и въ иностранной валютѣ, съ перечисленіемъ сей послѣдней въ срокъ, по курсу, въ рубли же,—писаны, конечно, на иностранныхъ языкахъ, т.-е.—(большею частью) на языкѣ той страны, откуда они трассированы. Объ (единичныхъ) исключеніяхъ мы не говоримъ. О нихъ см.: *Барацъ*, Курсъ вексельнаго права, стр. 682.

[56]) Понятно, что по отношенію къ векселю платежному въ Петербургѣ лицо (учрежденіе), предварительно дисконтированія такого векселя въ Государственномъ Банкѣ, можетъ само истребовать отъ депозитарія акцептованный экземпляръ и въ такомъ готовомъ видѣ (т.-е. и акцептованную приму, и индоссированную на имя Банка секунду) представить вексель къ дисконту въ Государственный Банкъ. По отношенію же, напр., къ Москвѣ (и вообще по отношенію ко всѣмъ иногороднымъ векселямъ) такая процедура связана уже съ массою неудобствъ и проволочекъ: такому лицу (учрежденію) нужно послать *предварительно* въ Москву своему корреспонденту секунду для истребованія отъ депозитарія (хранителя) акцептованнаго экземпляра, что связано съ расходами, потерею времени (заказныя письма въ оба конца и пр.), и только по полученіи изъ Москвы акцептованнаго экземпляра оказывается возможность представить вексель Государственному Банку въ томъ его полномъ видѣ, въ какомъ это съ большою легкостью возможно по отношенію къ векселю платежному въ Петербургѣ. Дисконтируя же такой вексель въ частномъ учрежденіи, я отъ всего этого избавленъ: я индоссирую лишь секунду съ депозиціонною на ней помѣткою депозитарія (хранителя) въ Москвѣ, причемъ сама акцептованная прима продолжаетъ храниться у депозитарія въ Москвѣ, откуда таковая не истребывается не только мною, но очень часто—даже и не моимъ индоссатомъ, а—векселепріемникомъ сего послѣдняго, т.-е.—тѣмъ лицомъ (учрежденіемъ), къ которому, въ концѣ концовъ, самый вексель (индоссированная секунда) *передъ самымъ срокомъ* поступитъ для истребованія отъ трассата платежа. Подробное объ этомъ см.: *Барацъ*, Курсъ вексельнаго права, стр. 295 - 371 и въ особенности стр. 309, 311. О сложности экономическихъ отношеній между вексельными контрагентами и депозитаріемъ, выступающимъ иногда въ трехстороннемъ направленіи (не только въ качествѣ пассивнаго, но и—активнаго вексельнаго контрагента) и о сложности поэтому и юридическихъ нормъ, регулирующихъ эти отношенія, Проектъ совершенно умалчиваетъ. Насъ удивляетъ не это,—Проектъ умалчиваетъ или неправильно понимаетъ многое,—насъ удивляетъ, какъ это такой боль-

часть прибывающихъ сюда изъ заграницы векселей оказывается еще неакцептованными, то вся эта масса, въ большинствѣ случаевъ, и проходитъ мимо Государственнаго Банка;

3) не принимаетъ къ учету векселей на лицъ, допустившихъ на себя протесты; а такъ какъ частнымъ учрежденіямъ, не располагающимъ этими статистическими данными отъ нотаріусовъ, многіе случаи протеста остаются совершенно неизвѣстными, то и выходитъ, что къ нимъ попадаютъ въ учетъ векселя (переводные), которые для переучета въ Государственномъ Банкѣ оказываются неподходящими и негодными. Къ тому же должно прибавить, что Государственный Банкъ протеста никогда, такъ сказать, не снимаетъ и въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ рѣшается лишь игнорировать таковой, когда допустившее на себя протестъ лицо докажетъ, что таковой учиненъ по недоразумѣнію, несчастному временному стеченію обстоятельствъ и пр., тогда какъ частныя учрежденія снисходительнѣе относятся къ этому вопросу, смотрятъ на протестъ не съ узко-формальной точки зрѣнія, а принимаютъ во вниманіе совокупность цѣлаго ряда фактовъ, сопровождавшихъ или вызвавшихъ таковой. Вотъ почему и такая, хоть и незначительная, часть векселей тоже никогда не попадаетъ въ Государственный Банкъ. Все это—по части дисконта. Затѣмъ, изъ векселей на коммиссію Государственный Банкъ

4) не принимаетъ вовсе такихъ векселей, которые писаны въ иностранной валютѣ и которые въ срокъ платежа подлежатъ перечисленію по курсу въ рубли, чего онъ не дѣлаетъ отчасти по неумѣнію, отчасти по нежеланію его персонала этимъ заниматься; добрую половину всѣхъ трассированныхъ на Россію векселей (не по суммамъ, а по количеству апуэновъ) составляютъ векселя этой категоріи; затѣмъ Государственный Банкъ

5) до недавняго времени не принималъ вовсе, хотя бы даже только на коммиссію, векселей съ текстомъ на иностранныхъ языкахъ, отмѣнивъ сравнительно недавно это распоряженіе при условіи представленія вмѣстѣ съ такимъ векселемъ и его перевода на русскій языкъ, но съ отобраніемъ отъ коммитента подписки въ томъ,

---

шой важности вопросъ не остановилъ на себѣ вниманія Министерства Юстиціи, которое въ своемъ отзывѣ на Проектъ этого не коснулось. Такъ заставляетъ насъ думать Дополнительная Записка, въ которой нѣтъ репликъ на эту тему. Читателей, которые пожелали бы убѣдиться въ томъ, что о сложности функцій депозитарія мы говоримъ не голословно, отсылаемъ къ тому, что̀ мы говорили объ этомъ въ другомъ мѣстѣ. (См. выше: это же примѣчаніе).

что онъ освобождаетъ Государственный Банкъ отъ отвѣтственности за преюдицію, неучиненіе протеста и пр. [57]);

6) низводитъ до нуля представленіе ему на коммиссію векселей даже и при такихъ тяжкихъ условіяхъ, какъ показано въ пунктѣ 5-мъ, такъ какъ записываетъ на счетъ (кредитуетъ счетъ) коммитента *не днемъ поступленія платежей по векселямъ*, а—*днемъ полученія здѣсь подлежащаго увѣдомленія.* А такъ какъ чиновники, въ особенности провинціальные, привыкли вообще медленно спѣшить, считая, что публика для нихъ, а не они для публики, то и выходитъ, что увѣдомленіе относительно поступленія платежа по векселю, положимъ, въ Воронежѣ, прибываетъ сюда чрезъ мѣсяцъ-два послѣ срока векселя, причемъ провинціальныя учрежденія Банка ждутъ накопленія поступленій платежей по цѣлой серіи векселей, чтобы „отписаться" въ одинъ пріемъ и однимъ взмахомъ [58]).

---

[57]) Подробнѣе объ этомъ см.: *Барацъ*, Курсъ вексельнаго права, стр. 690 (примѣчаніе).

[58]) Я получаю отъ лица А. на коммиссію (инкассо) вексель съ платежемъ, напр., въ Воронежѣ и срочный $^{15}/_{25}$ октября с. г. Вексель этотъ я отношу въ крѐдитъ счета моего коммитента А. срокомъ 25 октября, валютируя, слѣдовательно, эту кредитовую статью срокомъ предполагаемаго поступленія платежа по векселю, съ каковаго срока я и начну начислять проценты по конто-корренту въ пользу моего коммитента. (При непоступленіи платежа по векселю и его опротестованіи, сумма таковаго списывается со счета тѣмъ же срокомъ и вексель возвращается по назначенію). См.: *Барацъ*, Курсъ Коммерческой Корреспонденціи, стр. 301—311.

Имѣя корреспондента въ Воронежѣ и отправляя туда вексель *непосредственно*, я ничего не теряю: мой корреспондентъ въ Воронежѣ будетъ начислять въ мою пользу проценты по конто-корренту съ того же 25 октября, валютируя, слѣдовательно, сумму векселя, по моему счету съ нимъ, тою датою, которою я, въ свою очередь и въ свое время, валютировалъ по моему счету съ А. (О валютированіи см. подробнѣе: *Барацъ*, Вексельное право, стр. 37, прим. 12). Не имѣя непосредственныхъ сношеній съ Воронежемъ, т. е. не имѣя тамъ своего корреспондента и прибѣгая для инкассо этого векселя къ частному лицу (учрежденію) Б. здѣсь, я, опять-таки, ничего не теряю: Б. валютируетъ эту сумму, по моему съ нимъ, Б., счету *тою же* датою (25 октября), потому что В., которому Б. перешлетъ этотъ вексель на инкассо, сдѣлаетъ то же самое по отношенію къ нему, Б. Ни одна изъ сторонъ ничего не теряетъ (ни А., ни я, ни Б., ни В.) и ни одна изъ сторонъ не обогащается на счетъ другой въ смыслѣ потери процентовъ на поступившую по такому векселю сумму. Но такъ стоитъ дѣло съ Государственнымъ Банкомъ: я передаю ему здѣсь (функціи Б.) на коммиссію (инкассо) означенный вексель, который имъ пересылается Воронежскому Отдѣленію (функціи В.) Платежъ по векселю поступаетъ въ Воронежѣ въ срокъ 25 октября, а такъ какъ изъ-за одного или нѣсколькихъ моихъ коммиссіонныхъ векселей Воронежскому Отдѣленію писать сюда не стоитъ, хотя бы Государственный Банкъ со своими учрежденіями и пользовался правомъ безплатной пересылки корреспонденціи, то оно, Воронежское Отдѣленіе, и ждетъ мѣсяцъ, а то— и цѣлыхъ два, пока у него накопится такая масса уже фактически инкассированныхъ векселей, которая оказалась бы достойной такого сообщенія сюда... Полученное, наконецъ, здѣсь извѣщеніе проходитъ затѣмъ здѣсь чрезъ различныя инстанціи и послѣ всѣхъ мытарствъ попадаетъ, наконецъ, въ то (вексельное) отдѣленіе, откуда (тоже съ передышкою) и пишется, а затѣмъ и направляется ко мнѣ подлежащее извѣщеніе съ кредитова-

Можно было бы подумать, что г. Директоръ Государственнаго Банка не знаетъ всѣхъ тѣхъ ограниченій, которыми обставлены у него же учетная и коммиссіонно-вексельная (инкассовая) операціи, еслибы не существовало цѣлаго Сборника Циркулярныхъ распоряженій Государственнаго Банка по его Конторамъ и Отдѣленіямъ, писанныхъ и напечатанныхъ если не подъ его диктовку, то съ его вѣдома и по его представленію [59]). Гдѣ же, при такихъ усло-

ніемъ меня поступившею суммою по текущему счету съ Государственнымъ Банкомъ (нынѣ — съ его СПб. Конторою), тѣмъ днемъ, когда извѣщеніе получено здѣсь. Такъ какъ я не могу валютировать, по счету моему съ А., сумму векселя срочнаго 25 *октября* какою-нибудь датою *декабря* мѣсяца, когда эта сумма векселя *фактически* только и поступила въ мое распоряженіе (А. и не повѣритъ мнѣ это, и заподозритъ въ желаніи пользоваться его деньгами безъ процентовъ въ теченіе 2 мѣсяцевъ), то мнѣ и остается только кредитовать счетъ А. датою поступленія платежа по векселю въ срокъ (25 октября) и самому уже нести потерю процентовъ на эту сумму за болѣе или менѣе продолжительный, иногда и 2-хъ-мѣсячный (и большій), періодъ времени. При десяткахъ, сотняхъ векселей, передаваемыхъ à la longue Государственному Банку на коммиссію, такая ничѣмъ не вызываемая и ничѣмъ не оправдываемая потеря процентовъ на коммиссіонныхъ векселяхъ оказывается для кліентовъ Банка очень чувствительною. (Интересно, на чемъ именно, юридически, Государственный Банкъ основываетъ такое свое незаконное обогащеніе на счетъ своихъ кліентовъ). Какъ бы то ни было, но, при такихъ условіяхъ, совсѣмъ не разсчетъ обращаться къ посредничеству Государственнаго Банка относительно коммиссіонныхъ векселей. Фактически оно такъ и стоитъ, и къ его содѣйствію, по инкассированію векселей, прибѣгаютъ, поэтому, лишь въ тѣхъ *исключительныхъ* случаяхъ, когда на рукахъ у кліента Банка оказываются векселя платежные въ такомъ пунктѣ, гдѣ никто не имѣетъ никакого корреспондента, гдѣ кромѣ Отдѣленія Государственнаго Банка нѣтъ ни одного кредитнаго учрежденія и гдѣ, слѣдовательно, иначе, какъ не чрезъ Государственный Банкъ, нельзя и инкассировать векселя. Пусть, на основаніи всего сказаннаго, г. экспертъ Государственнаго Банка составитъ себѣ приблизительное понятіе о томъ количествѣ коммиссіонныхъ векселей, которые проходятъ мимо Банка, лишая его, г. эксперта, возможности пользоваться такими векселями, какъ статистическимъ матеріаломъ...

[59]) См. Систематическій Сборникъ циркулярныхъ распоряженій Государственнаго Банка по его конторамъ и отдѣленіямъ со всѣми приложеніями и продолженіями (оффиціальное изданіе). Къ нимъ—неоффиціальное изданіе, имѣющееся и въ продажѣ: *А. Ломоносовъ*, Алфавитный (предметный) указатель къ циркулярамъ Государственнаго Банка съ 1872 по 1894 г. (2 выпуска): стр. 1 – 6, 17, 19, 27, 31, 34, 44 – 45, 66, 99 и др. Во всѣхъ этихъ матеріалахъ читатель найдетъ формальное подтвержденіе всѣмъ тѣмъ ограниченіямъ, которыя практикуются Государственнымъ Банкомъ по отношенію къ векселямъ, какъ учитываемымъ, такъ и коммиссіоннымъ. Этимъ нанизаннымъ перечнемъ далеко, однако, не исчерпываются всѣ ограниченія, которыя *косвенно* вліяютъ не меньше на дисконтно-инкассовую вексельную операцію. Давно ли Государственный Банкъ сталъ брать въ учетъ 9-ти-мѣсячные векселя, ограничивая ихъ раньше предѣльнымъ срокомъ въ 6 мѣсяцевъ? Давно ли онъ отказался отъ игнорированія валютнаго признанія въ векселѣ «наличными деньгами», требуя только признанія валюты «товарами» и не принимая совсѣмъ первыхъ? Давно ли онъ распространилъ пріемъ на коммиссію векселей и на лицъ, не имѣющихъ въ немъ текущаго счета? Давно ли онъ разрѣшилъ принимать въ обезпеченіе спеціальнаго текущаго счета и векселя платежные не только въ мѣстѣ нахожденія учрежденія Государственнаго Банка, но и въ другихъ городахъ, гдѣ имѣются его учрежденія? Долго ли дѣйствовала и эта незначительная льгота, замѣненная обязательнымъ постановленіемъ, по которому такіе векселя *одновре-*

віяхъ, у него тѣ данныя, которыя дали ему основаніе, если не право, установить съ такою непререкаемостью процентное отношеніе между однимъ и другимъ типомъ векселей,—отношеніе, на которое составитель Проекта съ такимъ упорствомъ напираетъ.

Если, такимъ образомъ, вся экспертиза всѣхъ этихъ свѣдущихъ людей оказывается ничѣмъ, то у составителя Проекта не остается ничего, кромѣ субъективности, для утвержденія, что „и въ Россіи есть національный вексель" и что переводный вексель служитъ только (?) для haute Banque и что онъ вообще не представляетъ ничего такого, чтó было бы достойно для его насажденія и культивированія. Невѣрно утвержденіе составителя Проекта, что „ни въ юридической, ни въ экономической природѣ простого векселя нѣтъ препятствій къ тому, чтобы онъ такъ же правильно служилъ цѣлямъ торговаго кредита, какъ и вексель переводный" (Записка, стр. 10). По части юридической—можетъ быть, но по части экономической — позволительно усумниться, и прежде всего потому, что на пробѣгъ переводнаго векселя нужно ровно вдвое меньше времени (если не 2/3), чѣмъ на пробѣгъ простого, для того, чтобы они сыграли одну и ту же роль и разрѣшили одну и ту же сдѣлку. Въ желаніи поднять авторитетъ простого векселя и удержать занятую по отношенію къ нему позицію, составитель Проекта становится на юридическую почву, закрываетъ глаза на рядъ фактовъ, говорящихъ противъ него, хотя и утверждаетъ

менно должны были быть передаваемы ему и на коммиссію, чѣмъ самая льгота эта была превращена въ фикцію? А начисленіе %% по спеціальному текущему счету, обезпеченному (не фондами, а) векселями за минимальный срокъ въ 20 дней, хотя бы позаимствованіе не превышало и 2 дней; а закрытіе кредитовъ иностранцамъ-евреямъ, евреямъ русскаго подданства и иностраннымъ акціонернымъ обществамъ? А правило непріема векселей отъ лицъ и учрежденій, потому что на векселяхъ значатся (по векселедательству или надписательству) лица, такъ или иначе уже исчерпавшія свой кредитъ въ Банкѣ? А протесты на индоссентовъ, живущихъ (этаблированныхъ) не въ мѣстѣ платежа по векселю—давно ли Государственный Банкъ принялъ за правило ставить такой протестъ въ вину только въ томъ случаѣ, если индоссентъ жительствуетъ, или имѣетъ торговую контору, или имѣетъ своего корреспондента (?) въ томъ городѣ, гдѣ вексель назначенъ къ платежу, и постановивъ игнорировать (значитъ—до этого момента неигнорированный) протестъ на такихъ надписателей? Ср. Циркуляры: 15 сентября 1888 г. № 3689/92993; 16 мая 1889 г. № 55177; 28 февраля 1889 г. № 18582/18760; 22 мая 1887 г. № 1364/43323; 28 декабря 1887 г. № 3977/110937 и др. Мы не исчерпали всѣхъ ограниченій; не входимъ и въ критическую оцѣнку всѣхъ этихъ мѣропріятій, — оцѣнку, которой здѣсь не мѣсто. Ограничиваемся здѣсь констатированіемъ одного лишь факта этихъ безконечныхъ ограниченій и вновь ставимъ вопросъ: какими данными располагалъ г. Директоръ Государственнаго Банка, выступивъ со своею освѣдомленностью, которой г. Цитовичъ придаетъ такую непогрѣшимость?..

тщетно, что „точка зрѣнія Министерства Юстиціи—судебная, что такой взглядъ не можетъ быть руководящимъ для Министерства Финансовъ и что съ государственно-хозяйственной и, въ частности, съ меркантильно-банковой точки зрѣнія... вексель—не обязательство, не сдѣлка, а—кредитная бумага, назначенная для обращенія" [60]).

---

[60]) Дополнительная Записка, стр. 3; Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 3. Въ другомъ мѣстѣ составитель Проекта говоритъ:

„....слѣдуетъ добавить одно напоминаніе: *слава про дѣловитость переводнаго векселя преувеличена* (курсивъ — нашъ): онъ служитъ, какъ и всегда служилъ, не только цѣлямъ торговаго кредита. Ростовщики, шулера («греки») (кавычки въ подлинникѣ) и потерянныя женщины Парижа обираютъ туристовъ и молодежь посредствомъ не billets à ordre, а lettres de change, причемъ эти lettres (тратты) трассируются на предмѣстья, чтобы отвѣчать требованію ст. 110 Торг. Код. относительно distantia loci..." (Объяснительная Записка, стр. 11, примѣч.).

Въ желаніи выставить простой (соло-) вексель въ привлекательномъ свѣтѣ quand même, составитель Проекта не скупится на натяжки, противорѣчія и неумѣстныя обобщенія. Здѣсь—очевидное недоразумѣніе. «Славить дѣловитость переводнаго векселя» въ западно-европейской литературѣ никому никогда не приходилось—вексель тамъ въ этомъ и не нуждался. Что же касается отечественной литературы, то я, говоря объ экономической сторонѣ того и другого векселя, о позиціи лицъ въ томъ и другомъ, о примитивныхъ условіяхъ вексельнаго въ Россіи контрагированія и пр., дѣйствительно настаивалъ на преимуществахъ переводнаго векселя надъ простымъ, на воспитательномъ и облагораживающемъ значеніи перваго изъ нихъ въ вопросахъ торговой чести и пр. (Ср.: *Барацъ*. Курсъ вексельнаго права, главу «Вексель и вексельное право въ Россіи», стр. 670—704 и, въ частности,—стр. 679—682, прим. 15, и стр. 694—697, прим. 26). Вылазку составителя Записки касательно «преувеличенности славы про дѣловитось переводнаго векселя» я считаю направленною въ мою сторону, въ чемъ я охотно расписываюсь. Позволительно, однако, спросить: увеличивается ли хоть на іоту слава національнаго простого векселя въ виду приведенныхъ составителемъ Записки тѣневыхъ и вообще отрицательныхъ сторонъ переводнаго векселя на Западѣ (или только въ Парижѣ?) и измѣняется ли, по существу, все сказанное мною касательно того и другого типа векселей, хотя бы и при наличности упоминаемыхъ составителемъ Записки отрицательныхъ сторонъ переводнаго векселя? Проф. Цитовичъ, ратуя противъ всеобщей вексельной правоспособности, аттестовалъ переводный вексель такъ:

„....Вопросъ о вексельной способности ставится совершенно иначе тамъ, гдѣ господствуетъ тратта, чѣмъ въ Россіи, гдѣ господствуетъ (простой) вексель. При общей вексельной способности, *тратта все таки de facto не становится доступною всѣмъ и каждому; этому мѣшаетъ дѣловая (меркантильная) подкладка тратты, вся обстановка ея выдачи...*" (Вексель и задачи его кодификаціи въ Россіи, стр. 33).

Кто же, спрашивается, правъ относительно переводнаго векселя — проф. ли Цитовичъ въ 1887 г., или составитель Записки въ 1893 году? Что касается затѣмъ простого (соло-) векселя, то проф. Цитовичъ аттестовалъ его такъ:

„....совсѣмъ не то съ (простымъ) векселемъ: при общей вексельной способности открывается возможность всѣмъ и каждому видоизмѣнить, обострить домашнее заемное письмо силою вексельнаго права, нерѣдко—и въ такихъ случаяхъ, гдѣ для подобнаго видоизмѣненія не представляется ровно никакого повода, кромѣ невѣденія, легкомыслія, мотовства и ростовщическихъ манипуляцій. При господствѣ простого векселя...... вексельная способность оказывается ничего болѣе, какъ ненужнымъ и даже вреднымъ облегченіемъ дѣлать долги, дѣлать ихъ подъ вліяніемъ минуты, чуть не на тумбахъ троттуаровъ... ... (ibid., стр. 33). Вся эта сила вексельнаго права создана и укрѣплена для интересовъ торговли и промышленности, а никакъ не въ

Мысль совершенно правильная, но всѣ тѣ аргументы, которыми составитель Проекта подкрѣпляетъ свои доводы, говорятъ противъ той системы, которая положена въ основаніе Проекта.

„Уже со стороны его значенія въ торговлѣ и вообще со стороны обращенія, вексель непосредственно и разносторонне интересуетъ Министерство Финансовъ. Это Министерство вѣдаетъ банки съ ихъ операціями по учету и переучету векселей и въ томъ числѣ Государственный Банкъ: *оно же вѣдаетъ биржи, гдѣ, чрезъ тотъ же Государственный Банкъ и его Конторы, покупаетъ и продаетъ заграничныя тратты; слѣдитъ за колебаніями вексельнаго курса и наблюдаетъ за его котировкою; ежегодно, въ сотняхъ милліоновъ рублей, производитъ вексельные переводы заграницу, получаетъ таковые и само,—для всего этого имѣетъ Особенную Канцелярію по Кредитной части*,—вообще вѣдаетъ интересы торговли и промышленности и несетъ за нихъ отвѣтственность (?). Казалось бы, Министерство Финансовъ имѣетъ достаточно поводовъ знать и наблюдать достоинства и недостатки дѣйствующаго законодательства о векселяхъ, какъ русскаго, такъ и заграничныхъ...“ (Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 2—3). . . . „роль и значеніе векселя заключаются въ томъ, что *онъ служитъ перемѣщенію суммъ* (*переводъ*), *передачѣ ихъ отъ одного лица другому* (*трансфертъ*), что онъ есть наиболѣе распространенная форма торговаго кредита, является орудіемъ платежей и разсчетовъ, служитъ предметомъ для одной изъ важнѣйшихъ отраслей банковаго дѣла—для операцій вексельнаго учета“. (Дополнительная Записка, стр. 3).

Хотя для насъ не совсѣмъ понятно, какое именно отношеніе вообще имѣетъ или можетъ имѣть вексельный уставъ (въ своихъ достоинствахъ или деффектахъ) къ вексельнымъ курсамъ, ихъ

интересахъ ростовщиковъ, игорныхъ домовъ, осмотрительныхъ шулеровъ, потерянныхъ женщинъ, смышленыхъ любовниковъ.“ (ibid., стр. 27).

Упомянутыя здѣсь отрицательныя стороны простого (соло-) векселя у насъ въ Россіи ни для кого, впрочемъ, не составляютъ тайны. Такимъ образомъ, съ отрицательной точки зрѣнія, функціи простого векселя въ Россіи немногимъ оказываются почетнѣе функцій переводнаго векселя въ Парижѣ, если даже допустить справедливость и основательность аттестаціи сего послѣдняго со стороны составителя Записки. Остаются за нимъ неоспоримо болѣе почетныя функціи во всѣхъ остальныхъ государствахъ континента и заатлантическихъ странахъ, относительно коихъ составитель Записки не могъ привести ни одного аргумента противъ, а затѣмъ, по существу, составитель Записки не опровергъ рѣшительно ничего изъ всего того, что мною было высказано по поводу переводнаго векселя и всѣхъ его неисчислимыхъ преимуществъ передъ простымъ. Кстати о distantia loci, которая закономъ 4 іюня 1894 г. совершенно отмѣнена. См.: «Journal du palais», 6-е cahier mensuel 1894 г., стр. 753—754, со всѣми мотивами, докладами и пр. Въ отечественной литературѣ объ отмѣнѣ означеннаго закона см.: *Барацъ*, «Новый французскій законъ о distantia loci» въ журналѣ «Счетоводство» № 15 — 16, какъ и статью «Французскій законъ 7-го іюня 1894 г.» въ «Журналѣ Юридическаго Общества» за мартъ 1895 г., стр. 65—71. Изъ французскихъ кодексовъ, въ которые вошелъ означенный законъ, см. «Code de commerce» par Tripier et Monnier (Paris, F. Pichon, 1895).

установленію, котированію и пр.,—но допустимъ, что оно—такъ. Для нашей аргументаціи это еще удобнѣе, ибо увеличиваетъ данныя въ пользу переводнаго векселя, отъ котораго составитель Проекта въ другомъ мѣстѣ открещивается. Пусть читатель изъ всей приведенной цѣликомъ аргументаціи составителя Проекта самъ выведетъ заключеніе, сколько изъ всѣхъ перечисленныхъ функцій Министерства Финансовъ падаетъ на простой и сколько—на переводный вексель. Для облегченія читателю этой задачи мы нарочно привели наиболѣе характерныя мѣста всей этой аргументаціи курсивомъ, чтобъ показать, что *въ большей*, самой *большей своей части*, онѣ относятся *исключительно* къ переводному векселю, а въ меньшей, самой меньшей части (относительно учета и переучета)—къ векселямъ того и другого типа *одновременно*. Толкуя о переводномъ векселѣ, какъ принадлежности лишь haute Banque и считая таковой достояніемъ лишь крупныхъ фирмъ центровъ экспорта, составитель Проекта упустилъ совершенно изъ виду *импортъ*, разсчеты по коему ликвидируются *исключительно* переводными векселями [61]). Пусть составитель Проекта посмотритъ

[61]) Для читателя, мало знакомаго съ техникою ликвидаціи международныхъ сношеній, необходимо пояснить, что эта ликвидація совершается всегда путемъ (переводныхъ) векселей. Я получаю изъ за-границы товаръ отъ лица А, которому я становлюсь должнымъ извѣстную сумму. Самымъ простымъ и естественнымъ путемъ для покрытія моего долга лицу А. является покупка здѣсь векселя на за-границу для ремитированія этого векселя лицу А. въ погашеніе моего ему долга, на что требуется затрата съ моей стороны наличныхъ денегъ теперь же, при еще несостоявшейся продажѣ импортированнаго мною товара, и что, во всякомъ случаѣ, лишаетъ состоявшуюся между мною и лицомъ А. сдѣлку того кредита, который мнѣ нуженъ для ликвидаціи этой сдѣлки и который лежитъ въ основаніи всѣхъ сдѣлокъ (не только международныхъ). При наличности этихъ условій и при неизбѣжности кредита, оказываемаго однимъ контрагентомъ другому, я могъ бы, не затрачивая наличныхъ денегъ на покупку векселя и ремитированіе его моему кредитору А., записать причитающуюся ему сумму на его, А., счетъ, т.-е. *письменно* подтвердить ему, что онъ, А., является моимъ кредиторомъ (кредитовать его счетъ—gutschreiben—причитающеюся ему, А., съ меня суммою), т.-е. создать *книговое* ко мнѣ требованіе со стороны А. съ ликвидаціею съ моей стороны этого требованія въ тотъ срокъ, на который А. вообще оказалъ мнѣ кредитъ. Но, иммобилизировавъ извѣстную сумму (на отправленный мнѣ товаръ), лицо А. можетъ нуждаться въ оборотныхъ средствахъ, которыя ему его книговое ко мнѣ требованіе дать не можетъ—реализировать такое книговое требованіе нѣтъ возможности. Естественнымъ выходомъ изъ этого положенія является для А. трассированіе на меня векселя, съ терминированіемъ таковаго на такой срокъ, на какой мнѣ, вообще, оказанъ кредитъ. Будетъ ли это трассированіе на меня per netto Appoint (т.-е. въ окончательное сальдированіе моихъ счетныхъ съ А. отношеній), или это трассированіе будетъ только приблизительнымъ (т.-е. въ частичное, большее или меньшее, для округленія суммы Guthaben'a со стороны А.),—но лицо А. создаетъ, при такихъ условіяхъ, вексель, который оно, А., тамъ на мѣстѣ, смотря по валютѣ, на которую вексель выписанъ, либо дисконтируетъ, либо негоціируетъ, получая за этотъ вексель эквивалентъ, парализующій иммобилизацію затраченныхъ или, точнѣе, кредитованныхъ мнѣ, какъ и

на статьи привоза, на статистическія данныя того же Министерства Финансовъ относительно количества привозимыхъ товаровъ, даже не взирая на размѣры пошлины, которою они обложены. Пусть онъ вспомнитъ о прикладѣ для портныхъ (пряжки, пуговицы и пр. принадлежности туалета), о маленькихъ магазинахъ Перинной линіи Гостинаго двора съ однимъ окномъ и другихъ импортерахъ, у которыхъ кредитъ за-границей не превышаетъ нѣсколькихъ сотъ марокъ или франковъ. Что это—все haute Banque или представители крупныхъ фирмъ центровъ экспорта? А трассированія изъ за-границы на Россію на сотни милліоновъ рублей, бланковыя [62]) и обезпеченныя, о размѣрахъ которыхъ въ одной только части, и только на одни банки, могли бы отвѣтить печатные балансы, имѣющіеся въ томъ же Министерствѣ Финансовъ. Можно ли затѣмъ игнорировать стремленіе самаго мелкаго торговца стать въ непосредственныя отношенія съ производителемъ, въ желаніи обойтись безъ посредниковъ-коммиссіонеровъ, и устанавливающееся уже тамъ и сямъ непосредственное выписываніе товаровъ изъ за-границы съ непосредственнымъ же ликвидированіемъ и всѣхъ разсчетовъ и платежей? Въ этомъ отношеніи Западъ идетъ на встрѣчу нашему мелкому торговцу, охотно открывая ему кредитъ путемъ трассированія на него въ

другимъ кліентамъ, суммъ. Опредѣлительность срока платежа по векселю, какъ и реквизиты сего послѣдняго, создаютъ точность въ оборотѣ, гарантируя лицу А. своевременность поступленія по такому векселю платежа, избавляя меня отъ необходимости дѣлать теперь же затраты на покупку римессъ для ремитированія ихъ по назначенію. Тоже и относительно экспорта: я экспортирую товаръ и, для избавленія моего коммитента отъ необходимости покупать на мѣстѣ вексель для ремитированія его мнѣ въ покрытіе его долга, я трассирую на моего коммитента вексель, негоціирую его здѣсь, на мѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы мой коммитентъ произвелъ въ срокъ платежъ по векселю и такимъ путемъ сальдировалъ его долгъ мнѣ (частью или полностью). Съ какой бы, слѣдовательно, стороны ни смотрѣть на ликвидацію международныхъ сношеній, вездѣ и всегда она совершается путемъ векселя, и притомъ—только переводнаго.

[62]) Пользы и незамѣнимости бланковыхъ трассированій отрицать никто не станетъ. За нихъ высказался такой авторитетъ въ этомъ вопросѣ, какъ Гёшенъ (*Goschen*, Theory of foreign Exchanges, стр. 32). Ср. эту же монографію въ переводѣ (со вступленіемъ и послѣсловіемъ) на французскій языкъ *Leon*'a *Say*: Théorie des changes étrangers, 3-е изд. 1892 г., стр. 100—104. Эта же монографія имѣется и въ русскомъ переводѣ и изданіи Н. Неклюдова: *Гёшенъ*, Теорія вексельныхъ курсовъ (С.-Петербургъ 1867), стр. 38—42, и въ новомъ (якобы самостоятельномъ и якобы независимомъ отъ перваго) переводѣ и изданіи Н. К—а (Москва 1890). Анонимный переводчикъ и издатель, г. Н. К—в, совершенно игнорируетъ существованіе въ отечественной литературѣ книги Гёшена въ 1-мъ изданіи (Н. Неклюдова), выдавая свой запоздалый переводъ какъ нѣчто новое и самостоятельное, хотя его изданіе представляетъ собою просто перепечатку своего русскаго же прототипа съ небольшою лишь перестановкою словъ и оборотовъ... Рецензію объ этой книжкѣ см.: *Барацъ*, въ журналѣ «Счетоводство» № 19, за 1890 г.

счетъ отпущеннаго товара, чему причина тамъ конкурренція и масса другихъ экономическихъ причинъ. Какія же основанія у составителя Проекта утверждать, что переводный вексель вращается лишь въ сферѣ haute Banque?

Для низведенія переводнаго векселя къ нулю, составитель Проекта говоритъ, что „для тратты остаются окраины и важнѣйшіе центры нашей торговли и промышленности. что и здѣсь сообразно поводамъ ихъ спорадическаго появленія различаются: тратты экспортныя и тратты банкирскія“, что

„тратта въ Россіи примѣняется лишь какъ орудіе платежей по международной торговлѣ и что посредникомъ удовлетворенія такой потребности является Государственный Банкъ, который по преимуществу „скупаетъ“, поставляетъ, продаетъ или выдаетъ отъ себя (отъ руки) международныя тратты, поставляетъ по требованію или по заказу на срокъ... Въ Варшавѣ (съ Лодзью), благодаря близости къ Берлину, тратту экспортную и банкирскую въ значительной степени вытѣснилъ *особый документъ* (?!) — „выплата“ (Auszahlung)“. (Къ вопросу о вексельномъ Уставѣ, стр. 103—104).

Все это было бы справедливо, еслибы оно не только не заключало въ себѣ ряда неточностей, но было хотя бы только отвѣтомъ на вопросъ. Съ какихъ поръ „выплата“ представляетъ собой „особый документъ“? Это—модуляція трассированія и модуляція *въ отвлеченной*, такъ сказать, *формѣ:* вмѣсто того, чтобы купить отъ А. тратту и ремитировать ее отъ себя по назначенію, принято покупать „выплату“ (Auszahlung), которая заключается въ томъ, что А. мнѣ ничего не даетъ на руки, въ смыслѣ „документа“, а своимъ (текущимъ) письмомъ поручаетъ Б. (который при другихъ условіяхъ явился бы трассатомъ) „выплатить“ въ Г. извѣстную сумму лицу Д. Функціи лицъ: въ одномъ случаѣ— А.—трассентъ, Б.—трассатъ, я—ремитентъ-бенефиціарій, Д.— индоссатъ, которому я ремитирую вексель; въ другомъ случаѣ— А., пишущій свое (текущее) письмо къ Б.—письмо, которое можетъ заключать въ себѣ 30 разныхъ и иныхъ постороннихъ порученій, Б.—лицо, получающее письмо и исполняющее порученіе, а Д.—получатель денегъ („выплаты“), но получатель не только не противъ „документа“, котораго у него и нѣтъ, а— получатель, выдающій документъ (квитанцію въ 2 экземплярахъ), удостовѣряющій полученіе имъ выплаты [63]). „Выплаты“ такія дав-

[63]) *Бараць.* Курсъ Коммерческой Корреспонденціи, стр. 336—347. Операція «выплатъ» (Auszahlung) совершенно тождественна съ операціею переводовъ (трансфертовъ) по

нымъ давно существовали, замѣняютъ краткосрочныя трассированія и никогда не вытѣсняли тратты, ни экспортной, ни банкирской, которая ими вытѣснена быть не можетъ нигдѣ никогда, не исключая Варшавы съ Лодзью и съ ихъ близостью къ Берлину.

Къ „выплатамъ" прибѣгаютъ прежде всего для удобства получателя денегъ: въ то время, когда по векселю (чеку, переводу, квитанціи, мандату и пр.) ассигнатарій-индоссатъ долженъ самъ пойти за деньгами по мѣсту нахожденія трассата (плательщика), при выплатѣ сей послѣдній посылаетъ деньги на домъ получателю, который въ полученіи ихъ выдаетъ 2 квитанціи. Къ „выплатѣ" прибѣгаютъ, затѣмъ, при недостаточномъ довѣріи къ продолжительности и устойчивости кредитоспособности трассента, которому довѣряютъ уплату контръ-стоимости „выплаты" тутъ же, съ тѣмъ, чтобы выплата на мѣстѣ состоялась чрезъ 3—4 дня, въ теченіе коихъ письмо такого трассента дойдетъ по назначенію. Къ выплатѣ же прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда такому лицу (функціи А.—по нашему примѣру) не считаютъ возможнымъ довѣрить контръ-стоимость выплаты, какъ не считаютъ возможнымъ уплатить ему контръ-стоимость по его же траттамъ à vue, когда уплата ему контръ-стоимости выплаты обусловливается фактомъ выплаты какъ fait accompli. Экономическая сторона этой операціи очень разнообразна (мы далеко не исчерпали всѣхъ случаевъ), но несомнѣнно, что: а) выплата—не „особый документъ" и, самое главное, б) доказательствомъ сокращенія ею функцій тратты еще на нѣсколько степеней служить не можетъ. Она распространена въ Россіи при абсолютной кредитоспособности одной стороны и при недовѣріи къ другой сторонѣ. Можно даже положительно утверждать, что это—колыбель, зачаточная форма будущаго *внутренняго* переводнаго векселя, хотя бы намъ до него и не пришлось дожить. Ошибается г. Цитовичъ въ своей аргументаціи на почвѣ „выплатъ", какъ ошибается въ томъ, что, перечисляя функціи Государственнаго Банка и говоря о траттахъ банкирскихъ и экспортныхъ, не упоминаетъ самаго главнаго – о траттахъ *импортныхъ*, которыми регулируется весь привозъ и которыя составляютъ такой процентъ

телеграфу, съ тою только разницею, что въ одномъ случаѣ это дѣлается путемъ почты (письма со стороны того, кто поручаетъ эту «выплату»), а въ другомъ случаѣ, за спѣшностью заинтересованнаго лица (учрежденія)—путемъ телеграфнымъ, т.-е. депешею со стороны того, кто поручаетъ учиненіе той же «выплаты». Ср.: *его же*: Вексельное право, стр. 674, прим. 9.

всѣхъ находящихся въ обращеніи переводныхъ векселей, которому нельзя противопоставить ни одинъ изъ доводовъ г. Цитовича противъ ихъ незначительности, не исключая и того, что 1) „за 17-ти-лѣтнее управленіе Кіевскою Конторою Государственнаго Банка покойнаго Н. Х. Бунге тамъ появлялось 4—5 переводныхъ векселей, приводившихъ въ смущеніе каждый разъ чиновниковъ Банка“ [64]); 2) что здѣшній биржевой нотаріусъ, опрошенный г. Цитовичемъ, заявилъ, что „тратта въ Петербургѣ совсѣмъ исчезла и не обращается“ [65]) и 3) что даже варшавскіе адвокаты избѣгають

---

[64]) Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 105. Это и неудивительно, ибо Государственный Банкъ такихъ векселей не принимаетъ ни на коммиссію, ни въ дисконтъ. См. выше: прим. 59. Удивительно, при такихъ условіяхъ, то, что въ Кіевѣ появлялись захудалые векселя даже только въ числѣ 4—5 штукъ. Какой же это аргументъ для подкрѣпленія факта отсутствія векселей извѣстнаго типа en bloc, когда вообще такіе векселя, вслѣдствіе установленнаго по отношенію къ нимъ запрещенія, и не могутъ показаться въ бóльшемъ числѣ?

[65]) Ibid. И мнѣніе биржевого нотаріуса для насъ неубѣдительно, какъ потому, что число протестовъ траттъ (хотя бы только импортныхъ) обратно пропорціонально числу протестовъ простыхъ векселей, такъ и, главнѣйше, потому, что... .... г. Цитовичъ не замѣтилъ, можетъ быть, того, что нотаріусу удобнѣе было отвѣчать такъ, а не иначе... Прежде всего, у какого нотаріуса была учинена эта enquête? Ихъ здѣсь двое, изъ коихъ у одного, открывшаго свою контору сравнительно недавно, нечего было и справляться: у него практика самая ничтожная, да къ тому же и компетенція его для насъ тоже необязательна, ибо онъ протестуетъ, по всѣмъ правиламъ Уст. о векс., и *мѣстные* (Platz-) чеки, какъ по простому, такъ и по спеціальному текущему счету. Ясно, что такой нотаріусъ не особенно силенъ въ вопросѣ о векселяхъ... Другой биржевой нотаріусъ, самый крупный, у котораго сосредоточена вся практика и который, вѣроятно, и былъ «опрошенъ» г. Цитовичемъ,—тоже некомпетентенъ прежде всего потому, что до недавняго времени его конторою управлялъ человѣкъ, теперь открывшій свою нотаріальную контору при здѣшнемъ Окружномъ Судѣ, а онъ, биржевой нотаріусъ, *только подписывалъ* протестные акты. Это—не секретъ и не тайна: это знаетъ весь городъ. Нотаріусъ же самъ бываетъ и витаетъ вездѣ, только не въ вопросахъ о преобладаніи того или другого типа векселей, хотя бы даже на основаніи только такихъ шаткихъ данныхъ, какъ число протестовъ... Самое же главное, даже если предположить, что всѣ они, нотаріусы, идеальные знатоки своего дѣла, образцовые статистики, готовившіеся къ enquête г. Цитовича, и т. д.,—самое же главное, говоримъ мы, это то, что биржевые нотаріусы, если не состоятъ на службѣ по Министерству Финансовъ, то ему, Министерству, во всякомъ случаѣ подчинены и подвѣдомственны... Г. Цитовичъ — лицо, которое велико и чиномъ, и мѣстомъ, которое онъ занимаетъ по этому вѣдомству, и ему, какъ *не*чиновнику par excellence, надлежало бы знать и помнить, что подчиненный всегда отвѣчаетъ *въ духѣ* вопроса начальника... См. дальше: прим. 120 и 124. На чьей сторонѣ правда? — На сторонѣ ли представителей московскаго купечества, констатировавшихъ фактъ передачи нотаріусу векселей на предметъ ихъ эвентуальнаго лишь опротестованія (см. дальше, прим. 120), или—на сторонѣ нотаріуса, по словамъ котораго «вексель, сданный ему для протеста, уже тѣмъ самымъ протестованъ»... (см. дальше: прим. 124). Ясно здѣсь одно: или представители московскаго купечества *не* «точно описали то событіе, съ котораго и въ силу котораго наступаетъ дѣйствіе протеста», или г. Цитовичъ не опросилъ вовсе московскаго нотаріуса, или, опросивъ его, получилъ такъ же, какъ и въ Петербургѣ, отвѣтъ все въ духѣ того же вопроса...

неуклюжаго „переводный вексель“ и замѣняютъ его словомъ „акцептъ“. [66]) Г. Цитовичъ говоритъ, что

„еще вопросъ, которому векселю предстоитъ будущность—простому или переводному? Есть мнѣніе (?!) въ пользу простого. Въ самомъ дѣлѣ, съ

[66]) Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 107. Не знаемъ, въ какихъ случаяхъ варшавскіе адвокаты пользуются терминомъ «акцептъ» вмѣсто «переводный вексель», но несомнѣнно, что въ обыденной торговой рѣчи и ея живой терминологіи пользуются терминомъ «акцептъ» безотносительно и независимо отъ того, идетъ ли рѣчь о простомъ, или о переводномъ векселѣ. Рѣчь въ данныхъ случаяхъ идетъ о *подписи* плательщика (векселедателѣ простого и трассатѣ-акцептантѣ переводнаго векселя). Эти-то *подписи* и квалифицируются какъ *акцептъ* плательщика. Корреспонденты (конторщики), въ особенности когда переписка ведется на иностранныхъ языкахъ, сплошь и рядомъ пишутъ: «просимъ оплатить нашъ акцептъ, въ моемъ акцептѣ я назначилъ Васъ домиціатомъ“ и т. п. Насколько это правильно — дѣло другое. Это неправильно прежде всего потому, что оно и неточно. Можетъ быть такой же правильности держатся и варшавскіе адвокаты, которые къ тому же знаютъ, можетъ быть, иностранные языки лучше русскаго. Все это неубѣдительно, какъ неубѣдительно и то, что «можно держать пари, что ни одинъ судья не читалъ прошенія, которое начиналось бы такъ: прилагая при семъ *простой* вексель такого-то...» Можно держать и такое пари, что ни одинъ судья не читалъ и прошенія, которое начиналось бы словами: «прилагая при семъ тратту...» До сихъ поръ, сколько извѣстно, судьи читали только прошенія такія: 1) «прилагая при семъ *вексель*, выданный *такимъ то...*» (это—простой вексель) и 2) «прилагая при семъ *вексель*, выданный *такимъ-то на такого-то...*» (это — переводный вексель, ибо въ приведенной формулѣ идетъ рѣчь и о трассентѣ-эмитентѣ векселя, и о его трассатѣ, какъ плательщикѣ). Вотъ и вся разница, а въ томъ и другомъ случаѣ *вексель* остается *векселемъ*, какова бы ни была юридически его конструкція. Терминъ *соло* (Solo) употребляется на Западѣ въ смыслѣ Clausula cassatoria, а у насъ вошло въ употребленіе по отношенію къ простому векселю по *сольному* (уникатному) характеру подписи, обезпечивающей вексель, т.-е.—подписи векселедателя. Въ такомъ именно смыслѣ и *только* въ такомъ смыслѣ его понимаетъ и практика, и обыденная рѣчь (терминологія), и даже законодательство. См.: Уставы Коммерческихъ банковъ, гдѣ говорится объ учетѣ векселей съ двумя подписями, слѣдовательно: 1) простыхъ векселей съ бланкомъ (индоссаментомъ) первопріобрѣтателя и 2) переводныхъ съ подписью трассента и надписательскою подписью ремитента, независимо отъ наличности или отсутствія акцепта со стороны трассата (въ семъ послѣднемъ случаѣ окажутся уже 3 подписи). Такимъ векселямъ *обѣихъ* категорій—въ томъ и другомъ случаѣ они квалифицируются какъ векселя — можно противопоставить и *векселя съ одною подписью* (т.-е. только векселедательскою), когда они обезпечиваются особыми залогами (фондами, товарами и пр.) и когда юридически неизвѣстно, что именно является дополненіемъ къ залогу. Ср.: Сводъ узаконеній и уставовъ кредитныхъ, изд. Флиге (Кіевъ 1885), стр. 6, 22 и др., гдѣ мимоходомъ въ подлежащихъ §§ уставовъ такіе векселя названы соло-векселями. Отчего въ Италіи, напр., никого не смущаетъ cambiale *tratta* и cambiale *propria*. См.: *C. Falcioni*, Manuale teorico-pratico del Notariato, commento... seguiti da formolario di tutti gli atti notarili (Torino 1891) въ 4 частяхъ, т. II, стр. 207—276, посвященныя векселю (della cambiale):... due specie di cambiali vi sono: cambiale tratta (o lettera di cambio) e cambiale propria (o pagherò cambiario, o vaglia cambiario), стр. 208. Образцы векселей тѣхъ и другихъ: per questa mia *cambiale* (o lettera di cambio) pagate...; per questa *cambiale* (o lettera di cambio) pagherò... (ibid. стр. 224 — 231). Вся разница, слѣдовательно, только въ распорядительной формулѣ глагола „платить“: pagate и pagherò («платите» и «я заплачу», т.-е. «повиненъ заплатить»), а отнюдь не въ квалификаціи самаго векселя, который въ томъ и другомъ случаѣ остается «векселемъ» (cambiale). Это же явствуетъ

развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, пароходства, телеграфовъ, тратта встрѣтила сильныхъ соперниковъ въ переводахъ почтою и телеграфомъ, въ чекахъ . . . . . . Такихъ соперниковъ вексель не имѣетъ и едва ли имѣть будетъ". (Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 5).

Можетъ быть, какъ аргументъ въ пользу красотъ простого векселя и удобно высказывать предположеніе относительно того, что еще вопросъ, кому „предстоитъ будущность", простому или переводному векселю. Интересно, какое это еще „мнѣніе въ пользу простого векселя", кромѣ мнѣнія, ни для кого не обязательнаго, г. Цитовича, потому что у него есть мнѣнія, которыя на каждомъ шагу опровергаются фактами. Что ни одинъ изъ видовъ кредитныхъ отношеній не можетъ быть замѣненъ ничѣмъ, кромѣ какъ векселемъ, мы старались показать въ другомъ мѣстѣ [67]). Всѣ эти замѣны почтою, телеграфомъ, наложеннымъ платежемъ [68]) и пр.

и изъ другихъ подлежащихъ постановленій, относящихся къ тѣмъ и другимъ векселямъ, квалифицируемымъ только какъ *cambiale* (ibid., стр. 233 in fine, 235 и дальше). Ср.: *Vidari*, стр. 622, и образцы (cambiale propria). Что за придирка къ *простому* векселю—развѣ *собственный* вексель по иностранной терминологіи лучше? См. у *Joh. G. Heinecii*, Elementa juris cambialis, 1742 г., 8 изд. 1779 (по нему ссылка), стр. 11—13, 25—26 и др.: cambium *proprium*. Ошибается г. Цитовичъ (Вексель и задачи его кодификаціи, стр. 11), думая, что простой вексель называется въ Италіи и vaglia cambiario, и pagherò. Вся суть въ прилагательномъ *cambiario*, такъ какъ терминъ *vaglia*, самъ по себѣ, означаетъ (только) *переводъ* (vaglia postale, Post-Anweisung, Mandat postal).

[67]) См. выше: стр. 47.

[68]) Наложенный платежъ—прообразъ тратты, которая изъ него разовьется. Операція наложеннаго платежа равносильна, экономически, отправленію товаровъ по назначенію и врученію банкиру а vista тратты съ коносаментомъ для врученія того и другого адрессату товара (трассату векселя), который оплачиваетъ вексель противъ коносамента. Это дѣлается сплошь и рядомъ; а такъ какъ желѣзная дорога не приметъ тратты съ коносаментомъ, то накладная совмѣщаетъ въ себѣ и тратту, и коносаментъ. Шагъ дальше: является кредитъ со стороны отправителя товара адрессату. Отправитель товара выписываетъ тратту не à vue, а на болѣе продолжительный срокъ (3 хъ мѣс., 3, 6 нед.) и посылаетъ ее опять-таки вмѣстѣ съ коносаментомъ своему банкиру, поручая ему выдать коносаментъ только противъ акцептаціи тратты. При этихъ условіяхъ адрессатъ товара получаетъ товаръ на руки (путемъ коносамента) и въ обращеніи оказывается трассированный на него вексель съ его акцептомъ. При болѣе близкомъ знакомствѣ со стороны отправителя товара и получателя таковаго, т.-е. адрессата, при утвердившемся довѣріи со стороны одного изъ нихъ къ другому, вся операція принимаетъ еще болѣе совершенный видъ: товаръ высылается по назначенію и адрессатъ его получаетъ. Тутъ возникаетъ книговое требованіе со стороны одного къ другому. Въ счетъ этого книгового требованія отправитель товара трассируетъ на своего должника вексель и его на мѣстѣ у себя негоціируеть (продаетъ), уже не заботясь о предварительномъ акцептѣ, не прибѣгая уже къ своему корресподенту-банкиру на предметъ выдачи по назначенію коносамента или накладной съ полученіемъ противъ того акцепта, и не продѣлывая вообще всего того, что продѣлывается при маломъ знакомствѣ сторонъ и при недовѣріи со стороны одной къ другой. Это извѣстно не только любому волонтеру (начинающему конторщику), но и любому ученику торговой школы. Не хочетъ этого знать только г. Цитовичъ, для котораго

никогда не могутъ осуществиться, потому что, не говоря уже о механическихъ неудобствахъ этого способа разсчетовъ, всѣ эти пути вызываютъ необходимость *немедленнаго* платежа, немедленнаго разсчета и подрываютъ, слѣдовательно, собою тѣ *кредитныя отношенія,* безъ которыхъ, при существующемъ экономическомъ строѣ, немыслимы регулярныя торговыя сношенія, не только предполагающія кредитъ, но и неосуществимыя безъ таковаго. Благоустроенныя экономическія отношенія немыслимы съ наложенными платежами и другими допотопными аттрибутами торга. Всѣ эти наложенные платежи, почтовые и телеграфные переводы и пр. существуютъ прежде всего и больше всего для частной, неторговой публики и меньше всего для правильнаго, нормальнаго торга (обмѣна). Это можно прослѣдить повсемѣстно на Западѣ [69]). Это, можетъ быть,

---

желѣзнодорожный наложенный платежъ представляется какимъ-то недосягаемымъ и желаннымъ идеаломъ... Кульминаціонной же точки своего развитія тратта, какъ результатъ наложеннаго платежа, достигаетъ тогда, когда она посылается непосредственно самому трассату къ акцепту, съ возложеніемъ на него и функцій депозиторія-хранителя, держащаго ее, какъ приму, въ распоряженіе секунды, которую эмитентъ параллельно и одновременно съ этимъ пускаетъ въ обращеніе.

[69]) Въ маленькомъ курортномъ городѣ Наугеймѣ всевозможные торговцы получаютъ каждодневно по нѣскольку разъ товары (провизію, колоніальные товары, говядину и пр.) изъ Ганновера, Дармштадта, Франкфурта н/М. и другихъ пунктовъ, не исключая и Потсдама, откуда ежедневно прибываетъ свѣжій ячменный хлѣбъ. Все это идетъ Conto-образно, по книгамъ, а затѣмъ, по мѣрѣ накопленія суммъ, вытрассировывается въ круглыхъ суммахъ на наугеймскихъ торговцевъ съ домицилированіемъ этихъ векселей у ихъ банкировъ во Франкфуртѣ, отстоящемъ отъ Наугейма въ $^3/_4$ часахъ ѣзды. Ганноверскіе, дармштадтскіе и прочіе торговцы продаютъ на мѣстѣ свои тратты на Франкфуртъ, получаютъ такимъ путемъ авансированныя ими наугеймскимъ торговцамъ въ товарахъ суммы и ликвидируютъ такимъ образомъ свои счетныя отношенія. Никто изъ нихъ не только не знаетъ наложенныхъ желѣзнодорожныхъ платежей, но даже наложеннаго платежа почтоваго. Къ тому и другому прибѣгаетъ публика, а изъ купцовъ пользуются этими путями, въ видѣ исключенія, въ экстренныхъ случаяхъ, когда приходится экстренно выписать товаръ и вообще предметъ отъ лица или фабрики, съ которыми ни одна изъ сторонъ еще не была въ сношеніяхъ и изъ которыхъ одна, за краткостью времени, не имѣетъ возможности прибѣгнуть къ референціямъ. А у насъ!?. Рекомендуемъ г. Цитовичу посмотрѣть описанную нами въ другомъ мѣстѣ сцену съ натуры. Мы наблюдали это цѣлыхъ 20 лѣтъ кряду. (См.: *Бараць,* Курсъ вексельнаго права, стр. 679, прим. 15). И какъ немного нужно для того, чтобы измѣнились эти допотопные у насъ пріемы торга! Нужна только честность и аккуратность въ веденіи дѣлъ, т.-е. именно то, чѣмъ наше купечество меньше всего можетъ похвалиться...

Э. Берендтсъ (Государственное хозяйство Швеціи, т. II, вып. 1, стр. 297) констатируетъ распространенность въ послѣднее время выдачи и трассировки въ Швеціи такъ-называемыхъ postremiss vexlar (почтовые векселя). Эту операцію, однако, отнюдь не слѣдуетъ отождествлять съ операціею выдачи почтовыхъ переводовъ (Post-Anweisungen), которая существуетъ независимо отъ postremiss vexlar: послѣдняя операція соотвѣтствуетъ нашей трансфертной (простой, *не*-телеграфной) и называется *почтовою* не потому, чтобы трансферты совершались *чрезъ посредство* почтовыхъ учрежденій, а потому, что трансферты (vexlar, векселя) пересылаются *по почтѣ.*

когда-нибудь будетъ и въ Россіи. Не дѣло почтъ и телеграфовъ регулировать разсчеты по сложнымъ торговымъ сдѣлкамъ. Это опять-таки показываетъ опытъ Запада, гдѣ почта и телеграфъ достигли необычайной степени развитія и гдѣ размѣры наложенныхъ возможныхъ платежей по почтѣ и телеграфу достаточно велики (даже громадны) для *частнаго, неторговаго люда* и *смѣшны*, по своимъ размѣрамъ, а потому и *мизерны* для торговаго человѣка. Тотъ же опытъ показываетъ справедливость этого принципа по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ, которымъ совершенно не дѣло заниматься коммерческими операціями. Для публики существуетъ наложенный платежъ почтовый, съ возможностью получать посылки, товары изъ непосредственнаго источника для своихъ надобностей путемъ почты, но тамъ ни одинъ самый маленькій предприниматель не имѣетъ понятія о наложенныхъ желѣзнодорожныхъ платежахъ, оставляя на заботахъ и попеченіи желѣзныхъ дорогъ быстроту и осторожность доставки и не обременяя ихъ порученіями, не имѣющими собственно никакого отношенія къ ихъ непосредственнымъ обязанностямъ. То обстоятельство, что въ Россіи наложенные платежи достигли такого развитія—ничего не доказываетъ, а если и доказываетъ, то своеобразность условій торга, допотопность ихъ пріемовъ и то chassé croisé, о которомъ мы упоминали въ другомъ мѣстѣ. Радоваться тутъ нечему, какъ просто неприлично строить на этомъ величіе и самобытность Россіи, которыя если свидѣтельствуютъ о чемъ-нибудь, то дѣйствительно о какомъ-то самобытномъ, хотя и своеобразномъ и ни для одного европейца непонятномъ ея величіи... Мы лично позволяемъ себѣ даже думать, что наложенные платежи въ Россіи—компромиссъ между простымъ и переводнымъ векселемъ и что наложенный платежъ представляетъ собою зачаточную форму послѣдняго, который современемъ, при дифференцированіи нравовъ, честности и принциповъ, можетъ быть, и изгонитъ способъ наложенныхъ платежей. Смѣшно говорить о соперничествѣ чека переводному векселю. Чекъ (дистанціонный—Distanzcheque) во всякомъ случаѣ такъ же далекъ отъ простого, какъ близокъ къ переводному векселю. Затѣмъ, чекъ опять-таки модулированная форма „выплаты“, съ тою только разницею, что покупающій „выплату“ не получаетъ ничего на руки (кромѣ счетика—Nota), а покупающій чекъ получаетъ corpus, документъ этой сдѣлки съ a priori'нымъ отчужденіемъ, какъ и въ первомъ случаѣ, той суммы, которую онъ купилъ: чекъ выписывается на имя Д.

(по нашему примѣру, см. выше стр. 49) непосредственно и ему же. Д., ремитируется. И чеку никогда не подняться до переводнаго векселя (тратты), потому что чекъ исключаетъ кредитъ и по самой природѣ своей предполагаетъ наличный разсчетъ, тогда какъ тратта всегда имѣетъ въ своемъ основаніи кредитъ и кредитъ долгосрочный (хотя бы только 3-хъ-мѣсячный), настолько же удобный для кредитобрателя (продолжительность срока, на который забранъ, купленъ товаръ), какъ и для кредитодателя, иммобилизирующаго капиталъ въ смыслѣ товаровъ, но мобилизирующаго тотчасъ же эту иммобилизацію путемъ дисконта или негоціаціи созданнаго векселя. Въ своихъ возраженіяхъ г. Книриму, г. Цитовичъ, въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу, возвращаясь къ вопросу о траттахъ, говоритъ:

„Выше было указано, въ какихъ сферахъ и по преимуществу, *если не исключительно*, является и обращается тратта въ Россіи; это сфера международной торговли. По *вывозу* тратта появляется *изъ*-за-границы, а по *ввозу* она выдается (или передается) и отправляется *за-границу*. (Курсивы наши). Къ такому обращенію тратты причастны банкиры и банки, во главѣ ихъ—Государственный Банкъ“ (Къ вопросу о вексельномъ Уставѣ, стр. 117).

Просмотрѣвъ всѣ помѣченныя опечатки въ этой брошюрѣ, въ которыхъ тщательно нанизаны цифры, ошибки въ падежахъ и пр., мы не нашли тамъ ничего такого, чтó исправляло бы и дополняло сказанное выше. Къ тому же слова *ввозъ* и *вывозъ* помѣщены въ оригиналѣ на двухъ разныхъ строкахъ и предположить непростительную опечатку въ обоихъ словахъ одновременно тоже нельзя. Не взирая на это, мы были бы готовы признать даже и опечатки, даже и при наличности всѣхъ этихъ условій, еслибы обнаруженныя авторомъ и въ данномъ случаѣ экономическія познанія не были не больше тѣхъ, какія онъ проявляетъ во всѣхъ другихъ случаяхъ своихъ постановленій и репликъ. До сегодняшняго дня дѣло стояло такъ [69a]):

а) по вывозу (экспорту) тратта появлялась *не изъ*-за-границы, а возникала здѣсь, въ мѣстѣ вывоза (экспорта) непосредственно, или въ другихъ центрахъ Имперіи—коммиссіонная тратта, коммиссіонное трассированіе, когда трассентъ трассируетъ по порученію и за счетъ своего коммитента-экспортера на то лицо (уч-

---

[69a]) См. выше: прим. 61.

режденіе) за-границею, на которое, при другихъ условіяхъ, экспортеръ трассировалъ бы непосредственно. (Не говоримъ о бланковыхъ, арбитражныхъ и др. трассированіяхъ, имѣющихъ въ своемъ основаніи то же);

б) по *ввозу* (импорту) тратты появлялись *за-границею*, тамъ выдавались *и* передавались и поступали затѣмъ сюда.

Въ то время, какъ тратты первой категоріи, негоціируясь и переходя изъ рукъ въ руки здѣсь (портфель заграничныхъ векселей), стремились въ концѣ концовъ для своей диссолюціи (акцепта, а затѣмъ и платежа) за-границу, тратты второй категоріи негоціировались или продавались (смотря по валютѣ) тамъ, за-границею, стремясь для тѣхъ же цѣлей сюда, въ Имперію, какъ конечное мѣсто диссолюціи (платежъ). Если читатель возьметъ на себя трудъ сопоставить эти элементарныя азбучныя истины, которыя должны быть извѣстны каждому изъ торговой школы, съ тѣми откровеніями, въ которыя посвящаетъ насъ г. Цитовичъ, то окажется, что за отправленный мною товаръ за-границу на меня же трассируютъ изъ-за-границы («по вывозу тратта появляется изъ-за-границы»), т.-е. мало того, что я совершилъ отчужденіе цѣнности (товаръ), я еще долженъ платить по трассированному на меня векселю, въ каковомъ положеніи находится точно такъ же и заграничный экспортеръ, отправляющій ко мнѣ сюда товары и не только ничего за это не получающій, но обрекающій себя еще и на то, чтобы платить по выданному мною на него векселю („а по ввозу она [тратта] выдается [или передается]—слѣдовательно здѣсь?—и отправляется за-границу“). Откуда затѣмъ г. Цитовичъ взялъ, что „къ такому обращенію тратты причастны банкиры и банки и во главѣ ихъ Государственный Банкъ“—тоже неизвѣстно. Что банкиры и банки *могутъ быть* къ этому причастны, какъ посредники, противъ этого не споримъ, но что нормально къ экспортной траттѣ, возникшей по вывозу, причастенъ въ концѣ концовъ импортеръ, покупающій таковую для платежа за-границею по импорту и покупающій притомъ помимо и независимо отъ банкировъ и банковъ—тоже фактъ всѣмъ извѣстный и достовѣрный. Но если можно еще говорить о причастности банковъ и банкировъ къ обращенію траттъ, потому что они могутъ продавать *свои* тратты импортерамъ въ то время, когда ввозъ не совпадаетъ съ вывозомъ и когда экспортныхъ траттъ въ обращеніи не оказывается, то уже о причастности Государственнаго Банка „къ об-

ращенію тратты“, въ томъ видѣ, въ какомъ это представлено г. Цитовичемъ, говорить никоимъ образомъ нельзя. Съ тѣхъ поръ какъ Государственный Банкъ ввелъ у себя продажу и покупку заграничныхъ векселей, онъ дѣйствительно, въ видахъ усиленія портфеля и приданія вексельному курсу устойчивости, сталъ покупать заграничные векселя, но—только такіе, которые трассированы отсюда на за-границу, какъ бланковые и арбитражные, такъ и товарно-*экспортные*, а отнюдь не товарно-*импортные*, какъ утверждаетъ г. Цитовичъ по своей классификаціи векселей. Остается затѣмъ цѣлая категорія векселей международнаго обмѣна—векселей по импорту, т.-е. выданныхъ за-границею (оттуда трассированныхъ) и платежныхъ въ Имперіи. Изъ этой колоссальной части векселей международнаго обмѣна половина проходитъ мимо Государственнаго Банка, такъ какъ она выписана въ тамошней, мѣстной, валютѣ. Оказываясь негодною для учета (за невозможностью установить раньше, какая сумма въ рубляхъ по нимъ поступитъ въ срокъ), они, эти векселя, не принимаются Государственнымъ Банкомъ даже и на коммиссію (инкассо). Добрыя $^3/_4$ остающейся затѣмъ половины векселей, какъ неакцептованныхъ вовсе, или еще неакцептованныхъ, или формально и акцептованныхъ, но лишь съ указаніемъ хранителя-депозиторія, также не принимаются Государственнымъ Банкомъ ни въ учетъ, ни на коммиссію (инкассо) [70]. Какимъ образомъ Государственный Банкъ „остается во главѣ причастности банкировъ и банковъ къ такому обращенію траттъ“— неизвѣстно никому. Это извѣстно лишь г. Цитовичу, такъ же, впрочемъ, достовѣрно, какъ ему достовѣрно извѣстно, что

> „манипуляція съ траттой происходитъ въ такой средѣ, гдѣ неграмотныхъ и, вообще, неопытныхъ въ вексельномъ дѣлѣ не бываетъ, а вексельный слогъ (стиль), какой выработанъ для изложенія векселей, извѣстенъ каждому изъ долговременной практики, если не изъ коммерческой школы“. (Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 117).

Откуда г. Цитовичъ взялъ все это — неизвѣстно, какъ неизвѣстно и то, почему „долговременная практика, если не коммерческая школа“ могутъ научить и заставить изучить „вексельный слогъ (стиль)“ и почему по отношенію къ международной траттѣ „не бываетъ ни неграмотныхъ, ни неопытныхъ въ вексельномъ дѣлѣ“. Можно подумать, читая все то, чтó г. Цитовичъ написалъ на сво-

---

[70]) См. выше: стр. 40—43 прим. 59.

емъ вѣку по поводу простыхъ и переводныхъ векселей, что въ Россіи два вооруженныхъ лагеря, стоящихъ другъ противъ друга, готовыхъ другъ друга уничтожить все изъ за-того и другого векселя. Съ одной стороны темнота и безграмотность, которыя опекаетъ и защищаетъ отъ всякихъ новшествъ г. Цитовичъ, незнаніе ни вексельнаго слога (стиля), ни вексельныхъ манипуляцій, которымъ обязательно поучаетъ г. Цитовичъ, неимѣніе ни опыта, ни навыка, ни даже и конторщика, а съ другой стороны „такая среда и т. д. и т. д. ad infinitum, которая ни въ чемъ этомъ не нуждается и знаетъ все лучше всякаго законодателя". Почему торговецъ Перинной линіи, не знающій ни одного иностраннаго языка, на которомъ пишутся трассированные на него векселя, является представителемъ международной тратты и не нуждается въ поученіяхъ? Какіе это такіе негоціанты въ лицѣ портныхъ, акцептующихъ трассированные на нихъ векселя не за сукна и матеріи, — это уже портные высшаго ранга,—а за прикладъ (пуговицы, пряжки и др. аттрибуты туалета), торговцы гармониками и дешевыми музыкальными инструментами на Сѣнной, Садовой и Гороховой и др. зарѣчныхъ частей, на которыхъ трассируютъ векселя и изъ Парижа, и изъ Markneukirchen'а (подъ Лейпцигомъ), торговцы бакалейными (колоніальными) товарами здѣсь и въ самыхъ отдаленныхъ углахъ провинціи и вся масса всякихъ иныхъ импортеровъ на зло г. Менделѣеву? — Почему всѣ они причислены къ haute banque, какое они имѣютъ къ ней отношеніе и почему они въ трассированныхъ на нихъ векселяхъ, какъ и держатели такихъ векселей, не нуждаются ни въ поученіи, ни въ гарантіи? Не потому ли только, что здѣсь идетъ рѣчь о ненавистной г. Цитовичу траттѣ?.. Мы рекомендовали бы ему зайти въ какую-нибудь контору или предпринять даже enquête: тогда онъ узналъ бы, что масса этихъ трассатовъ, не зная иностраннаго языка, на которомъ писанъ подлежащій акцептаціи ими вексель, обращаются тутъ же къ конторщику съ просьбою перевести имъ на русскій языкъ текстъ, сопоставить сумму векселя, выписанную прописью, съ тою фактурою, которая у нихъ тутъ же оказывается въ карманѣ, и, убѣдившись въ полномъ тождествѣ всѣхъ данныхъ, записываютъ срокъ такого векселя и акцептовываютъ его тутъ же, подписывая его *по-русски*. Вотъ въ какихъ сферахъ также существуетъ переводный вексель, которымъ такія сферы обязываются больше, чѣмъ простымъ векселемъ, какъ потому, что и условія кредита для нихъ выгоднѣе, такъ и главнѣйше по-

тому, что импортируемый ими товаръ и дешевле цѣною, и лучше качествомъ, чѣмъ русскій, вопреки всѣмъ потугамъ того же г. Менделѣева. Это - по части импорта. А по части экспорта мы назовемъ г. Цитовичу, при его желаніи, массу коренныхъ русскихъ фирмъ, въ жизни, по принципу, не подписавшихъ простого векселя и отправляющихъ массу самаго разнообразнаго товара за-границу, противъ которыхъ они, сидя въ своихъ медвѣжьихъ углахъ, трассируютъ негоціируемые здѣсь векселя на за-границу (и на Лондонъ, и на Парижъ, и на Берлинъ, и на пункты Италіи), не зная буквально ни одного иностраннаго слова, научившись только подписывать одну лишь свою фамилію латинскими буквами, не имѣя притомъ ни прокуристовъ, ни управляющихъ, и дѣлая все это руками, очень часто, одного только своего конторщика. Ясно, что не всегда существуетъ переводный вексель тамъ, гдѣ его только и допускаетъ г. Цитовичъ, какъ ясно и то, что не вездѣ существуетъ простой вексель тамъ, гдѣ онъ его отрицаетъ. Пусть г. Цитовичъ сопоставитъ все это и пусть скажетъ, можно ли квалифицировать въ Россіи преобладаніе того или другого типа векселей только на основаніи тѣхъ шумныхъ, вздутыхъ и ракетообразныхъ сопоставленій и увѣреній, которыми онъ, не зная дѣла, старается забросать противника и отстоять свою позицію.

По какимъ же основаніямъ кардинальною частью Проекта является простой вексель, а дополнительною, второстепенною—постановленія о переводныхъ векселяхъ, съ обреченіемъ, значитъ, справляющагося во второмъ раздѣлѣ къ справкамъ въ первомъ. Удѣливъ главную часть простымъ (соло-) векселямъ, Проектъ *на придачу* трактуетъ о переводныхъ векселяхъ, съ соотвѣтственными относительно сихъ послѣднихъ ссылками и „отсылками" къ уже поименованнымъ раньше статьямъ касательно простыхъ векселей, постановленія коихъ имѣютъ относиться *и* къ переводнымъ векселямъ. Принципъ разграниченія въ изложеніи того и другого раздѣла оказывается теоретически имѣющимъ, можетъ быть, какой-нибудь смыслъ, но выполненъ онъ неудовлетворительно, ибо для такого выполненія пришлось бы, для надлежащей полноты, сплошь и рядомъ повторять во второмъ раздѣлѣ то, о чемъ говорится въ первомъ. Еслибы Проекту 1893 года суждено было сдѣлаться закономъ и еслибы вообще такая система разграниченія статей съ ссылками и отсылками одной статьи второго раздѣла на подлежащую статью перваго раздѣла получила свое осуществленіе, то въ ре-

зультатѣ оказалось бы то, что тѣ, которые будутъ обречены на справку, должны будутъ твердо держать въ памяти весь или, точнѣе, оба раздѣла устава о векселяхъ и для разрѣшенія вопроса, касающагося тратты, искать отвѣта въ отдѣлѣ соло-векселей, чтобы затѣмъ, найдя такой отвѣтъ тамъ, искать дополненій, объясненій и измѣненій въ раздѣлѣ, касающемся траттъ. Неправъ, поэтому, составитель Проекта въ томъ отношеніи, что, противопоставляя Россію, съ ея экономическими и бытовыми условіями, Западу, считаетъ, что вексельный уставъ въ Россіи долженъ быть уставомъ о простыхъ векселяхъ, съ прибавленіемъ въ концѣ, хотя бы и подъ замаскированною фирмою „раздѣла второго о траттахъ“, статей, касающихся переводныхъ векселей, на подобіе того, какъ это проведено, въ обратномъ порядкѣ, въ западно-европейскихъ кодексахъ, которые представляютъ собою уставъ о траттахъ, съ прибавленіемъ лишь въ концѣ подлежащихъ статей о простыхъ векселяхъ. Тамъ оно имѣетъ смыслъ потому, что простой вексель вводится лишь на случай, для эвентуальныхъ справокъ, къ которымъ къ тому же почти никогда не приходится никому прибѣгать. У насъ же къ справкамъ, относящимся къ переводнымъ векселямъ, приходится прибѣгать въ такой же мѣрѣ, *если не въ большей*, какъ и къ справкамъ, относящимся къ простымъ векселямъ, уже по тому одному, что конструкція переводнаго векселя, съ его реквизитами и сложностью устанавливающихся по нему юридическихъ отношеній, сложнѣе и запутаннѣе того же въ простыхъ векселяхъ. Система Проекта и число статей того и другого раздѣла доказываютъ съ очевидностью, что постановленія относительно переводныхъ векселей въ Русскомъ вексельномъ уставѣ, вопреки желанію и даже усердію составителя, не могутъ ограничиться какими-нибудь такими одиночными дополнительными вставками, какія примѣняются въ иностранныхъ кодексахъ касательно простыхъ векселей. (Въ большинствѣ иностранныхъ кодексовъ симъ послѣднимъ отведено 1, 2, 5 статей). Проектъ (оба раздѣла съ безпрерывною нумераціею статей) состоитъ изъ 255 статей, изъ коихъ ст. ст. 1—156 (раздѣла перваго) относятся къ простымъ, а ст. ст. 157—255 (раздѣла второго)—къ переводнымъ векселямъ. Итого, слѣдовательно:

простымъ векселямъ посвящено		156 статей
переводнымъ „ „		99 „
	итого . .	255 статей.

Одно изобиліе статей (99), посвященныхъ исключительно переводному векселю, при явномъ желаніи составителя Проекта низвести число это до наивозможнаго минимума, an und für sich съ достаточною внушительностью говоритъ не только о пользѣ, но и необходимости самостоятельнаго кодекса относительно переводныхъ векселей, безъ какихъ бы то ни было ссылокъ, справокъ и пр. въ раздѣлѣ первомъ (Германскій вексельный уставъ, посвященный переводнымъ векселямъ, состоитъ изъ 90 статей, Скандинавскій—изъ 93. а Бельгійскій — изъ 80). На самомъ же дѣлѣ число статей Проекта, касающихся однихъ переводныхъ векселей, составляетъ не цифру въ 99, а очень внушительную цифру 260 (двѣсти шестьдесятъ), потому что въ большей части статей раздѣла второго есть ссылки на статьи раздѣла перваго, причемъ однѣхъ ссылокъ оказывается на 161 статью (99 + 161 = 260) [71]. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія упрекать составителя Проекта за обиліе статей его Проекта вообще, какъ готовы были бы не возражать противъ принципа, въ силу котораго онъ придерживается схемы краткости статей. Все это—вопросы второстепенные, къ занимающему насъ теперь вопросу не идущіе. Мы беремъ число статей того и другого раздѣла и позволяемъ себѣ думать, что если, при принятой системѣ, для одного второго раздѣла понадобилось 99 самостоя-

[71]) Ссылки въ раздѣлѣ второмъ, касающемся векселей переводныхъ, на раздѣлъ первый, относящійся исключительно къ (простымъ) векселямъ, представляются въ такомъ видѣ:

въ ст.	157	ссылка на ст.	1—2	= 2 ст.
„ „	158	„ „ „	1—2	= 2 „
„ „	162	„ „ „	8—10	= 3 „
„ „	163	„ „ „	12 п. 1—5, 13, 14, 16	= 8 „
„ „	165	„ „ „	11	= 1 „
„ „	168	„ „ „	21—23	= 3 „
„ „	170	„ „ „	67, 70	= 2 „
„ „	171	„ „ „	6—7 и прим.	= 3 „
„ „	179	„ „ „	82—90	= 9 „
„ „	180	„ „ „	86	= 1 „
„ „	181	„ „ „	96, 148—156	= 10 „
„ „	189	„ „ „	32—39	= 8 „
„ „	190	„ „ „	40—55	= 16 „
„ „	191	„ „ „	56—59	= 4 „
„ „	192	„ „ „	59	= 1 „
„ „	193	„ „ „	62—66	= 5 „
„ „	194	„ „ „	67—71	= 5 „
„ „	195	„ „ „	72—77	= 6 „
„ „	196	„ „ „	78—80	= 3 „
„ „	197	„ „ „	81—84, 86—90	= 9 „
			Переносъ	= 101 ст.

			Переносъ	101 ст.
въ ст.	199	ссылка на ст.	91 и прим.	= 2 ст.
„ „	200	„ „ „	92	= 1 „
„ „	202	„ „ „	93—94	= 2 „
„ „	203	„ „ „	95—96	= 2 „
„ „	208	„ „ „	99—100 съ прим.	= 4 „
„ „	209	„ „ „	101—104	= 4 „
„ „	211	„ „ „	106—107 съ прим.	= 3 „
„ „	214	„ „ „	109—110 съ прим.	= 3 „
„ „	217	„ „ „	113	= 1 „
„ „	218	„ „ „	116 п. 1, 2	= 2 „
„ „	221	„ „ „	117 прим.	= 1 „
„ „	223	„ „ „	118	= 1 „
„ „	238	„ „ „	73—74	= 2 „
„ „	244	„ „ „	123—125	= 3 „
„ „	245	„ „ „	150	= 1 „
„ „	250	„ „ „	129	= 1 „
„ „	251	„ „ „	130—133	= 4 „
„ „	252	„ „ „	134—147	= 14 „
„ „	253	„ „ „	148—156	= 9 „
			Итого ссылокъ на	161 ст

тельныхъ статей, да еще съ ссылками на 161 статью раздѣла перваго, да еще съ оговорками въ подлежащихъ мѣстахъ: „причемъ подъ векселедателемъ разумѣется трассатъ или акцептантъ“, то уже лучше составить вмѣсто такого раздѣла совершенно самостоятельный кодексъ о переводныхъ векселяхъ. хотя бы съ числомъ статей въ 150, которое все лучше такого обильнаго числа, какъ 260, съ избавленіемъ притомъ справляющагося отъ исканія отвѣтовъ то въ одномъ, то въ другомъ раздѣлѣ. Вся ошибка составителя Проекта заключается въ томъ, что онъ исходитъ изъ неправильнаго положенія, ударившись въ крайность, полагая, что „система Устава о векселяхъ для Россіи должна быть обратно противоположна той, какая проведена въ вексельныхъ уставахъ Запада“. Ударившись въ такую крайность, составитель Проекта утверждаетъ, что „если вексельный уставъ на Западѣ есть уставъ о траттахъ, съ добавленіемъ лишь въ концѣ о простыхъ векселяхъ, то въ Россіи вексельный уставъ долженъ быть уставомъ о простыхъ векселяхъ, съ добавленіемъ въ концѣ о траттахъ“. Занявъ такую позицію, составитель не отдалъ себѣ, очевидно, отчета о томъ, что такая система кодификаціи для Россіи имѣла бы свое raison d'être только въ томъ случаѣ, еслибы числу статей, касающихся въ западно-европейскихъ вексельныхъ уставахъ простого векселя, соотвѣтствовало бы въ Россіи *такое же ничтожное число статей*, касающихся переводнаго векселя. На самомъ же дѣлѣ оказывается вотъ что́:

Вексельный уставъ	состоитъ изъ общаго числа	изъ коихъ посвящено статей переводному векселю:	простому векселю:
Бельгійскій	84 статей	82	2
Скандинавскій	95 „	94	1
Германскій	100 „	95	5
Швейцарскій	110 „	105	5
Венгерскій	114 „	109	5
Проектъ	255 „	99	156
		+161 ссылочныхъ	

Еслибы оказалось возможнымъ создать для Россіи такой вексельный уставъ, который, будучи посвященъ исключительно простому векселю, содержалъ бы въ концѣ добавленіе въ видѣ 3—5 статей, касающихся переводнаго векселя, то, соглашаясь или не соглашаясь съ такимъ принципомъ, не къ чему было бы и говорить

объ этомъ вопросѣ по существу: количество статей одного раздѣла. вмѣстѣ съ дополнительными 3—5 статьями раздѣла второго, свидѣтельствовали бы о наличности принципа — о томъ, что система устава вексельнаго для Россіи должна быть обратно противоположною той, какая проведена въ уставахъ Западной Европы. У насъ вообще много самобытности—отчего ей не быть и въ вексельномъ уставѣ. Но это оказалось, да и не могло не оказаться не по силамъ даже составителю Проекта. Составленный въ духѣ новаго теченія и вѣянія [72]), Проектъ, по количеству статей, самымъ нагляднымъ образомъ показалъ всю невозможность установленія такихъ основаній для вексельнаго Устава въ Россіи. Отодвинувъ, на основаніи болѣе чѣмъ шаткой и полной натяжекъ аргументаціи, переводный вексель на задній планъ, нризнавъ его чѣмъ-то наноснымъ, чужестраннымъ, не соотвѣтствующимъ ни духу ни потребностямъ русскаго оборота [73]) и при завѣдомомъ желаніи помѣстить постановленія, ка-

---

[72]) О нихъ см.: *Бараць*, Курсъ вексельнаго права, стр. 692, прим. 23—24. Къ сему надлежитъ присовокупить, что „крушеніе“ Проекта 1884 г. напрасно приписывается г. Цитовичемъ его системѣ (Проекта) совмѣстнаго изложенія статей, касающихся того и другого типа векселей (см.: *Цитовичъ*, Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 106, прим. 1). Проектъ потерпѣлъ крушеніе не изъ-за системы, противъ которой можно говорить очень и очень немного, и не по причинамъ, лежащимъ въ самомъ Проектѣ, а — по капризу *одного* только лица, взявшаго на откупъ представительство Министерства Финансовъ въ вопросѣ о вексельномъ уставѣ, и конечно, до тѣхъ поръ, пока финансовое вѣдомство, въ лицѣ этого своего одного представителя, будетъ занимать занятую имъ въ этомъ вопросѣ позицію,—а занимать ее теперь приходится, просто, въ видахъ послѣдовательности,—до тѣхъ поръ и не будетъ въ Россіи новаго вексельнаго устава. Одно очень извѣстное въ административныхъ сферахъ лицо какъ-то замѣтило, что „до тѣхъ поръ, пока представители вѣдомствъ Юстиціи и Финансовъ не оставятъ своихъ самолюбій, до тѣхъ поръ не быть у насъ новому вексельному уставу“. Мы не знаемъ лично и не имѣемъ чести быть знакомымъ ни съ кѣмъ изъ представителей Министерства Юстиціи, но справедливость требуетъ сказать, что въ самолюбіи (постольку, конечно, поскольку оно касается вексельнаго устава) едва ли можно упрекнуть кого-либо изъ представителей названнаго вѣдомства. Представители же или, можетъ быть, представитель финансоваго вѣдомства отъ этого упрека едва-ли свободенъ, и въ этомъ кроется, можетъ быть, причина тому, что оба названныя вѣдомства говорятъ на двухъ разныхъ языкахъ и потому другъ друга никогда не поймутъ...

[73]) Каковы эти потребности—извѣстно всѣмъ. Рекомендуемъ составителю Проекта присмотрѣться къ механической, такъ сказать, сторонѣ операцій хотя бы такого колоссальнаго кредитнаго учрежденія, какъ (старое) Спб. Общество Взаимнаго Кредита. Тамъ онъ узналъ бы слѣдующее: состоя членомъ названнаго Общества и внося на свой текущій счетъ чекъ, выданный мнѣ другимъ членомъ *того же* Общества на *то же* Общество. я долженъ продѣлать всѣ формальности (у разныхъ окошечекъ разныхъ конторокъ) по истребованію денегъ по такому чеку, до пересчитыванія самихъ денегъ включительно, и затѣмъ уже (опять у разныхъ окошечекъ и у разныхъ конторокъ)—внести эти деньги a nuovo на текущій счетъ до пересчитанія ихъ пріемщикомъ включительно. Или же: имѣя произвести платежъ по векселю, учтенному въ названномъ Обществѣ какимъ-нибудь его членомъ, и внося въ платежъ по такому векселю чекъ, выданный мною (въ то же

сающіяся тратты въ концѣ, въ видѣ добавленія, какъ это сдѣлано на Западѣ по отношенію къ простому векселю,—составитель Проекта не могъ, по существу самаго дѣла, ограничиться нѣсколькими единичными статьями касательно переводнаго векселя, а долженъ былъ посвятить ему чуть ли не половину (а то и больше) всѣхъ нанизанныхъ статей, съ низведеніемъ возможности имъ пользоваться, благодаря обилію ссылочныхъ статей, до невозможнаго. Иностранецъ, имѣющій надобность справиться въ своемъ вексельномъ уставѣ, имѣетъ въ своемъ распоряженіи оглавленіе устава, главы, отдѣлы, параграфы и пр. Русскій, поставленный въ такое же положеніе, сможетъ сдѣлать то же,—но только относительно простыхъ векселей. Въ томъ и другомъ случаѣ нѣтъ риска не досмотрѣть, не замѣтить что-нибудь: что́ нужно, ищется тамъ, гдѣ оно можетъ быть, гдѣ оно должно быть и въ другомъ мѣстѣ быть не можетъ. Не въ такомъ положеніи окажется тотъ, кому пришлось бы наводить справки о траттѣ по Проекту, даже еслибы онъ въ редакціонномъ и всѣхъ другихъ отношеніяхъ и былъ верхомъ совершенства. Найдя нужное постановленіе извѣстной статьи, справляющійся еще не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что найденъ точный и прочный отвѣтъ на вопросъ, что устранена необходимость перечитать всѣ постановленія, въ которыхъ (въ другомъ мѣстѣ, въ другой статьѣ) помѣщено такое постановленіе, которое именно и должно относиться къ самому вопросу. Вѣдь 99 самостоятельныхъ статей, посвященныхъ переводному векселю, сами по себѣ довольно внушительны, а 161 ссылочныхъ въ нихъ статей на 156 статей основныхъ (кардинальныхъ, относящихся къ простому векселю), это, накругъ,—по одной почти статьѣ ссылокъ, т.-е. въ каждой одной статьѣ раздѣла второго—ссылка на соотвѣтственную одну статью раздѣла перваго. Тутъ при справкахъ можно голову потерять.

Если постановленія касательно простыхъ векселей въ западноевропейскихъ уставахъ помѣщены въ видѣ дополненія и необхо-

---

время—и векселедателемъ) на *то же* Общество, я долженъ предварительно, путемъ ряда неизбѣжныхъ и установленныхъ формальностей, получить по чеку деньги, пересчитать ихъ и провѣрить, и затѣмъ уже внести ихъ въ платежъ по моему векселю, т.-е.,—во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ, независимо отъ установленныхъ формальностей по внесенію и полученію денегъ по текущимъ счетамъ путемъ чековъ,—еще и пересчитать in natura деньги, выданныя мнѣ, *исключительно для транзитныхъ цѣлей*, однимъ артельщикомъ, котораго, транзитомъ же чрезъ мои руки, будетъ провѣрять другой артельщикъ той же артели и того же Общества... Таковы эти потребности! Характерно, что, при такихъ условіяхъ, у насъ еще помышляютъ объ учрежденіи Clearing House'a!

димой, больше для формы и полноты, вставки, которою, впрочемъ, никто тамъ не пользуется, потому что ни одинъ сколько-нибудь себя уважающій предприниматель, купецъ и пр. соло-векселемъ не обязывается, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы постановленія относительно переводныхъ векселей попали въ русскій уставъ о векселяхъ въ видѣ такого же дополненія. Если тамъ эти дополненія не обнимаютъ больше, чѣмъ 3—5 большею частью никому ненужныхъ статей, то эти дополненія у насъ, обнимающія 99 статей изъ общаго числа 255 (не считая ссылокъ на 161 ст.), имѣютъ право на самостоятельное бытіе — на включеніе ихъ въ самостоятельный уставъ, безъ зависимости (въ смыслѣ ссылокъ) отъ устава о простыхъ векселяхъ. Если система *раздѣленія* устава о векселяхъ въ видѣ двухъ *самостоятельныхъ* кодексовъ нигдѣ не принята, это понятно: вездѣ, кромѣ Россіи, такая система была бы безсмысленна, не имѣла бы никакого основанія. Въ Россіи, при доминированіи во внутреннемъ оборотѣ простыхъ векселей, нужно считаться съ этими особенностями, а особенности эти таковы, что требовали бы, повидимому, системы раздѣленія. Но такъ какъ при такой исключительной системѣ раздѣленія двухъ раздѣловъ въ два самостоятельные, другъ отъ друга независимые, кодексы, оказалось бы почти сплошное повтореніе и воспроизведеніе одного и того же, то логически и такая попытка оказалась бы смѣшною. Остается одинъ единственный выходъ изъ этого положенія — система смѣшаннаго совмѣстнаго изложенія постановленій, касающихся того *и* другого типа векселей, какъ это принято во всѣхъ предшествующихъ Проектахъ до 1884 г. включительно и какъ оно проведено въ вексельномъ уставѣ Италіи, которая относительно этого вопроса находится въ такомъ же положеніи, какъ и Россія, и гдѣ простые (соло-) векселя имѣютъ въ оборотѣ такое же значеніе, какъ и переводные векселя, гдѣ тѣ и другіе, какъ и у насъ, одинаково пустили корни.

III.

На почвѣ дѣйствительности слѣдуетъ признать ту широту области дѣйствія векселя, т.-е. области права обязываться векселями и по векселямъ, какую отвоевала векселю жизнь вопреки буквѣ закона, несмотря на опытъ извѣданныхъ злоупотребленій

юридическою силою этой формы обязательствъ. Отчасти вслѣдствіе неяснаго пониманія природы векселя, отчасти по соображеніямъ нравственнаго порядка или семейной дисциплины и даже, просто, по недоразумѣнію, дѣйствующее законодательство установило такія ограниченія въ пользованіи означеннымъ правомъ, которыя на практикѣ ведутъ только къ обходу закона или къ излишнимъ стѣсненіямъ въ распоряженіи собственностью. Проектъ ихъ уничтожаетъ совсѣмъ, но, какъ бы убоявшись той свободы, какую онъ предполагаетъ установить въ правѣ обязываться векселями, онъ вводитъ постановленіе, которое, если ограничитъ допущенную имъ всеобщую вексельную правоспособность отчасти, то внесетъ, во всякомъ случаѣ, такія ограниченія, которыя въ значительной мѣрѣ подорвутъ экономическое значеніе векселя. Мы имѣемъ въ виду постановленіе относительно векселя, минимумъ размѣръ котораго долженъ быть 100 рублей.

„Не должно быть упущено изъ виду то широкое примѣненіе, какое мелкій вексель нашелъ въ деревнѣ, особенно на югѣ Россіи: тамъ крестьяне «могутъ обязываться векселями». . . . . Эти векселя обыкновенно пишутся въ питейныхъ домахъ; они—бѣдствіе для крестьянской среды на лѣвомъ и правомъ берегу Днѣпра, какъ они же содѣйствовали разоренію крестьянъ въ сосѣдней Галиціи. А между тѣмъ, надобности въ этихъ векселяхъ нѣтъ: писарю за поблажку, шинкарю за водку, мѣстному прасолу за купленную корову или лошадь, своему сосѣду за взятые взаймы десятокъ, другой рублей и т. п., крестьянинъ можетъ выдать заемное письмо или долговую росписку. . . . Особенно нежелательно допустить мелкіе векселя при дѣйствіи новаго устава, цѣль котораго — возстановить вексель въ его подлинномъ видѣ и значеніи, въ полномъ объемѣ его «вексельной силы»". (Объяснительная Записка, стр. 8—9).

Что касается крестьянъ въ Галиціи, то ихъ можно и оставить, такъ какъ въ ихъ пауперизмѣ вексель рѣшительно не при чемъ. Приписывать ихъ пауперизмъ мелкому векселю—значитъ либо не знать дѣйствительныхъ фактовъ, либо сознательно закрывать на нихъ глаза [74]). Что касается крестьянъ въ Россіи, то ихъ по-

---

[74]) Здѣсь собственно не мѣсто касаться экономическаго положенія Галиціи, но послѣдняя слишкомъ много и слишкомъ часто выставляется, какъ сильный аргументъ противъ всеобщей вексельной правоспособности. (*Цитовичъ*, Вексельное право, стр. 30, 106; *его же*: Вексель и задачи его кодификаціи, стр. 34; упоминаетъ о ней и Записка, стр. 4, 8; Дополнительная Записка, стр. 13—14; *его же*: Къ вопросу о векс. уст., стр. 14). На самомъ же дѣлѣ, кто сколько-нибудь знакомъ съ экономическимъ положеніемъ Галиціи, тому и въ голову не придетъ искать причину всѣхъ ея бѣдствій въ правѣ тамошнихъ

ложеніе, сколько извѣстно, одинаково блестяще, какъ и при векселѣ, такъ и безъ векселя, и, опять-таки, видѣть причину ихъ

крестьянъ обязываться векселями. Въ эпоху освобожденія крестьянскаго населенія Галиціи въ 1848 году только шестая его часть получила земельные надѣлы, причемъ 215 тысячъ человѣкъ получили менѣе двухъ гектаровъ на человѣка, а съ тѣхъ поръ крупные землевладѣльцы, изъ эгоистическихъ разсчетовъ, дѣлали все, что возможно, для отнятія отъ поселянъ и той малой доли поземельной собственности, которая имъ досталась. Длиннымъ рядомъ всевозможныхъ уловокъ они уничтожили крестьянское пользованіе общими выгонами, лѣсами и пр., а для сохраненія предоставленныхъ имъ сервитутовъ поселяне вынуждены были вести съ 1848 г. около 32.000 судебныхъ процессовъ, изъ которыхъ они проиграли 30.000, понесши, такимъ образомъ убытку до 35 милліоновъ франковъ. По закону, изданному въ 1869 г., австрійскіе землевладѣльцы получили право сами распредѣлять поземельный налогъ, но коммиссіи, на которыхъ возложена была эта обязанность, состояли изъ 327 членовъ, въ числѣ коихъ было $90^0/_0$ крупныхъ владѣльцевъ. Эта пропорція представителей крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, доходившая до девяти къ одному (а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до 20 къ 1), тѣмъ болѣе была несправедлива, что отношеніе между тѣми и другими выражается цифрами 43 и 57. Результатъ подобнаго рода кадастровыхъ коммиссій былъ, конечно, самый печальный для поселянъ: крупные землевладѣльцы съумѣли обратить на поселянъ всю тяжесть поземельнаго налога, уменьшивъ свой доходъ на 6 милліоновъ франковъ и ложно увеличивъ на ту же сумму крестьянскій доходъ—иначе говоря, они заставили платить поселянъ 1.200.000 франковъ въ годъ, которые, собственно, они сами должны были вносить, а всего, такимъ образомъ, съ 1869 г. крестьянское населеніе Галиціи уплатило, сверхъ того, что съ него слѣдовало по закону, 27.000.000. франковъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ положеніе галиційскихъ поселянъ становилось съ каждымъ годомъ все безвыходнѣе, такъ какъ населеніе этой части Габсбургской имперіи почти исключительно занимается земледѣліемъ и, умножаясь естественнымъ путемъ, остается все на тѣхъ же участкахъ земли, которые еще уменьшаются, благодаря насильственнымъ продажамъ. Въ Галиціи изъ 100 жителей 77,87 занимаются земледѣліемъ, и тогда какъ повсюду въ Европѣ городское населеніе увеличивается на счетъ сельскаго, въ Галиціи замѣчается противоположное явленіе. При этомъ не любовь къ сельской природѣ удерживаетъ крестьянъ въ деревняхъ, а просто невозможность добывать себѣ иначе кусокъ хлѣба, что не мѣшаетъ имъ находиться въ самомъ плачевномъ положеніи. Въ 1852 году было всего 793.000 крестьянскихъ семействъ, и изъ нихъ 216.000 владѣли участками менѣе $1^1/_2$ гектара, а въ 1891 году число крестьянскихъ семействъ дошло до 1.600.000, а количество земли не только не увеличилось, но даже уменьшилось. Въ 1868 году на крестьянской поземельной собственности лежало ипотечнаго долга до 900.000 франковъ, а спустя 20 лѣтъ этотъ долгъ возросъ до 87 милліоновъ франковъ. Къ этому надо прибавить, что ипотечный долгъ составляетъ незначительную часть всѣхъ крестьянскихъ долговъ, такъ какъ ипотечныя книги не введены въ большей части страны, и, слѣдовательно, нѣтъ возможности закладывать землю установленнымъ порядкомъ и приходится прибѣгать къ ростовщикамъ. Средняя крестьянская собственность, не превышающая $1^1/_2$ гектара, даетъ дохода не болѣе 21 франка въ годъ. Половина этой суммы идетъ на уплату поземельнаго налога, а остальнаго едва хватаетъ на покрытіе обязательныхъ расходовъ на священника, сельскаго учителя, страхованіе и общинные сборы. Съ ростовщиками соперничаютъ австрійскіе сборщики податей, которые, по словамъ проф. Гломбинскаго, въ 191 галиційской общинѣ тянутъ болѣе $100^0/_0$ съ дохода, а когда, само собою разумѣется, крестьяне не могутъ платить болѣе того, что сами получаютъ, то государство продаетъ имущество своихъ должниковъ.

Ясно, что вексельная правоспособность галиційскихъ крестьянъ здѣсь не при чемъ. Видѣть панацею всѣхъ бѣдъ Галиціи въ векселѣ—значитъ закрывать глаза предъ вопіющими несправедливостями въ установленіи экономическихъ нормъ. Это—принимать причину за слѣдствіе. Ср.: *A. Krzyzanowski*, Die Grundbesitzvertheilung in Galizien въ

пауперизма въ правѣ обязываться векселями вообще и мелкимъ— въ частности, значитъ не знать фактовъ или, опять-таки, умышленно закрывать предъ ними глаза. Мы рекомендовали бы автору Записки и Проекта сдѣлать экскурсію въ область исторіи заемныхъ и вообще экономическихъ отношеній крестьянской среды въ Россіи. Тамъ онъ нашелъ бы много поучительнаго и несомнѣнно убѣдился бы въ односторонности своего взгляда съ примѣсью въ немъ большой доли совсѣмъ неумѣстнаго въ данномъ случаѣ сентиментализма, которымъ такіе вопросы, какъ пауперизмъ, рѣшать едва-ли удобно и цѣлесообразно.

Въ старинныхъ заемныхъ кабалахъ, напр., довольно обыкно-

Schmollers Jahrbücher, 19 J., 4 Heft; *W. Budzynowskij*, Die Landwirtschaft in Galizien въ журналѣ „Deutsche Worte" herausgegeben von Engelbert Pernestorfer. Jahrgang XIII (1893) Heft 7—9 Juli-September 1893. См. затѣмъ капитальное изслѣдованіе Ks. (ксендза) *Walery*'а *Kalinka*: Galicyja i Krakow pod panowaniem austryjackim. (Парижъ, 1853), стр. 180. Книга эта—въ настоящее время библіографическая рѣдкость. Больше того, что въ ней приведено и сообщено о Галиціи, не сообщилъ до сихъ поръ никто. Чѣмъ бы авторъ (въ политическомъ смыслѣ) ни выступалъ раньше, до появленія этого труда, и съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на него по его работамъ, слѣдовавшимъ за періодомъ появленія его изслѣдованія о Галиціи,—несомнѣнно то, что и его оффиціальное положеніе (ксендза), и его трогательная искренность служатъ достаточною гарантіею полнѣйшей его объективности въ этомъ вопросѣ. Кто знакомъ съ его трудами съ одной и съ исторіею развитія и движенія соціализма съ другой стороны, тотъ его не заподозритъ и въ соціалистическихъ тенденціяхъ, тѣмъ болѣе, что трудъ его, будучи выпущенъ въ 1853 г., писался никакъ не позже конца 40-хъ годовъ.

Что касается Австрійскаго закона о векселяхъ 1883 г. относительно Босніи и Герцеговины,—закона, по которому «право обязываться по векселямъ имѣютъ одни торговцы и торговыя товарищества, внесенные въ торговый реестръ», то г. Цитовичъ напрасно думаетъ, что «Австрійскій законодатель рѣзко повернулъ вексель», и что «опытъ Галиціи не прошелъ незамѣченнымъ—не повторится ни въ Босніи, ни въ Герцеговинѣ». Что касается опыта Галиціи, то онъ, пожалуй, не повторится ни въ Босніи, ни въ Герцеговинѣ, и не повторится не потому, чтобы онъ имѣлъ какое-либо отношеніе къ векселю, его предѣльному минимальному размѣру и къ вексельной правоспособности, а по причинамъ, по которымъ одни условія установились тамъ, не установившись здѣсь. Судя по той увѣренности, съ какою г. Цитовичъ говоритъ о Галиціи, можно быть увѣреннымъ, что онъ недостаточно освѣдомленъ и о Босніи и Герцеговинѣ. Еслибы въ Галиціи дѣло шло только о всеобщей вексельной правоспособности, какъ причинѣ всѣхъ бѣдъ и неурядицъ, то никто и ничто не помѣшало бы австрійскому законодателю «повернуть вексель только въ сферу промышленности и торговли» и въ самой Галиціи, и повернуть, притомъ, даже безъ какихъ бы то ни было парламентскихъ enquêtes, о которыхъ упоминаетъ г. Цитовичъ, и даже безъ народныхъ представителей, съ которыми, по отношенію къ Галиціи, во всякомъ случаѣ, ни въ какомъ рѣшительно отношеніи, какъ извѣстно, не церемонятся. Очевидно, что и австрійскому законодателю хорошо извѣстно, что причина всѣхъ неурядицъ въ Галиціи кроется совсѣмъ не въ крестьянскомъ векселѣ и въ его большемъ или меньшемъ размѣрѣ, а въ причинахъ болѣе глубокихъ. По поводу установившихся въ Галиціи условій кредита и необычайнаго пауперизма массъ тамъ предпринимались, правда, парламентскія enquêtes, но послѣднія, при всей близорукости ихъ составителей и обслѣдователей, не шли дальше констатированія факта вредныхъ результатовъ отмѣны законовъ о лихвѣ, и мелкаго векселя не касались.

венны условія о томъ, что кредиторъ пользуется заложенною ему землею независимо отъ права на полученіе всей капитальной суммы долга [75]). Такіе договоры существуютъ *въ первоначальномъ видѣ* до сихъ поръ у крестьянъ. Должникъ даетъ вмѣсто процентовъ свой участокъ земли въ пользованіе кредитору [76]). Какіе размѣры принимаетъ лихвенная эксплоатація этого рода—показываетъ слѣдующій случай: за проценты по займу въ 10 рублей кредиторъ (крестьянинъ) пользуется 18 лѣтъ полдесятиной пахатной земли и полдесятиной луга, принадлежащихъ должнику (крестьянину же) [77]). Такое безпримѣрно высокое вознагражденіе за пользованіе капиталомъ составляетъ въ Россіи дальнѣйшее развитіе древнихъ заемныхъ кабалъ и даетъ понятіе о томъ, какъ возникло и распростра-

---

[75]) Каноническое право западной церкви запрещало, какъ лихву, и условіе о томъ, что кредиторъ пользуется плодами заложенной ему, въ обезпеченіе долга, вещи, въ видѣ процентовъ; если таковое пользованіе имѣло мѣсто, то цѣнность его подлежала вычету изъ суммы капитальнаго долга. (*Endemann*, Die national-oekonomischen Grundsätze der canonistischen Lehre, стр. 22 въ *Hildebrandt's* Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik, B. I; трудъ этотъ изданъ и отдѣльнымъ оттискомъ, по которому здѣсь и цитируется). У насъ же искони были весьма употребительны условія этого рода, и никому на умъ не приходило противодѣйствовать имъ, хотя бы и при наличности ихъ завѣдомой лихвенности. Эта особенность русскаго права заключается въ томъ, что запрещеніе лихвы всегда оставалось у насъ въ томъ зачаточномъ состояніи, въ какомъ оно передано намъ Библіей, т.-е.—ограничивалось займомъ, не распространяясь на другіе договоры. Западная церковь углубилась въ сущность понятія лихвы, и потому распространила запрещеніе на всѣ сдѣлки, гдѣ одно пользованіе капиталомъ должно дать выгоды собственнику его безъ всякаго труда съ его стороны. У насъ духовенство, какъ мы видѣли (см. выше: стр. 27), никогда не принимало близко къ сердцу этого предмета, не обнаруживало серьезной заботливости осуществить библейскій запретъ, поддерживая его болѣе по рутинѣ, чѣмъ по серьезному стремленію проводить извѣстные нравственно-религіозные идеалы. Отсюда понятно (независимо отъ общей бѣдности канонической мысли въ древней Россіи), что библейское запрещеніе осталось у насъ въ первоначальной формѣ, безъ всякаго развитія, толкованія и усовершенствованія. Свѣтское законодательство тоже обращало вниманіе только на договоры займа, такъ какъ невыгодныя для государства послѣдствія лихвенныхъ сдѣлокъ особенно рѣзко бросаются въ глаза въ примѣненіи къ заемнымъ договорамъ. Такимъ образомъ, напрасно было бы искать въ русскомъ правѣ чего-либо похожаго на западно-европейскія постановленія противъ лихвенныхъ условій при всякаго рода договорахъ, напр. куплѣ-продажѣ, товариществѣ, залогѣ и пр. Эта ограниченность понятія запрещенной лихвы не ограничивается древне-русскимъ правомъ, но въ такомъ же видѣ удержалась у насъ до сихъ поръ. Весьма поучительно сравнить въ этомъ отношеніи нѣкоторыя явленія нашего правового быта съ аналогичными фактами изъ права западныхъ народовъ—поучительно потому, что это даетъ возможность судить о томъ, какъ различно положеніе вопроса о свободѣ роста и связаннаго съ нимъ кулачества на Западѣ и у насъ, и какъ недостаточны, поэтому, ходячія разсужденія, повторяющія западные аргументы въ примѣненіи къ вопросу о лихвѣ на русской почвѣ.

[76]) См.: Труды коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, т. V, стр. 49. Членовъ названной Коммиссіи заподозрить въ тенденціозности и умышленномъ подборѣ самыхъ вопіющихъ фактовъ не рѣшится, конечно, никто.

[77]) Ibid., стр. 275.

нилось рабство и крѣпостное право, при помощи такихъ выгодныхъ для должниковъ сдѣлокъ; но что подобныя явленія не обращали на себя никакого вниманія со стороны церковнаго и свѣтскаго законодательства, это даетъ понятіе о дѣйствительномъ значеніи законовъ противъ лихвы и кулачества у насъ. Но не только пользованіе имуществомъ должника, пользованіе его трудомъ, вмѣсто роста, тоже удержалось въ народномъ быту въ томъ же видѣ, какъ и въ до-Петровской Россіи. Не рѣдкость и такая сдѣлка: крестьянка занимаетъ 5 рублей у шинкарки и обязывается за то мыть бѣлье для нея въ теченіе цѣлаго года—по словамъ кредиторши—въ видѣ процентовъ, а по словамъ должницы—въ уплату самаго долга [78]).

Западные канонисты рано замѣтили, что и договоръ купли-продажи очень легко можетъ получить лихвенный характеръ, преимущественно когда при отсрочкѣ платежа возвышается покупная сумма, или наоборотъ, платежъ ранѣе доставки проданнаго имущества дѣлается основаніемъ для уменьшенія платежной суммы. Они поставили поэтому правиломъ, что время платежа или передачи проданнаго имущества не должно имѣть вліянія на размѣръ покупной суммы. Съ теченіемъ времени строгое проведеніе этого начала на практикѣ оказалось неосуществимымъ, и потому сдѣланы были многочисленныя изъятія и разграниченія; въ принципѣ, однакожъ, всегда удерживаемо было то воззрѣніе, что договоръ купли-продажи можетъ содержать противозаконную лихву [79]). У насъ мы не находимъ никакихъ слѣдовъ пониманія этой простой мысли, а жизнь, однако, не только въ старину, но и теперь, даетъ многочисленныя указанія на то, что запрещеніе лихвы едва-ли гдѣ болѣе умѣстно, чѣмъ въ отношеніи къ извѣстнымъ формамъ купли-продажи. Въ крестьянскомъ быту продажа сельско-хозяйственныхъ продуктовъ купцамъ обыкновенно сопровождается сильнѣйшею эксплоатаціею бѣдняковъ покупщиками-капиталистами. Въ чемъ собственно заключается эта эксплоатація—видно изъ слѣдующихъ данныхъ, относящихся къ весьма разнообразнымъ мѣстностямъ, но рисующихъ одну и ту же картину. Въ Астраханской губерніи рыболовы заключаютъ съ капиталистами такъ называемые „ловецкіе контракты“, заключающіеся въ слѣдующемъ: рыболовъ беретъ взаймы

---

[78]) Ibid., стр. 129.
[79]) Endemann, op. cit., стр. 25.

извѣстную сумму и обязывается выплатить долгъ рыбой будущаго улова, съ уступкою при оцѣнкѣ ея стоимости 12% противъ рыночной цѣны, какая будетъ стоять во время доставки; икру же и визигу кредиторъ сверхъ того получаетъ даромъ. Былъ случай, что подобный договоръ заключенъ былъ между двумя капиталистами и затѣмъ возникъ судебный споръ, доходившій до разсмотрѣнія Сената. Судебныя мѣста приняли сторону должника, усмотрѣвъ въ такомъ договорѣ лихоимственный изворотъ. Но рыболовы-крестьяне постоянно заключаютъ подобные договоры и должны весьма аккуратно исполнять ихъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, лишатся работы, ибо безъ одолженій капиталистовъ-кулаковъ они обойтись не могутъ [80]).

Въ Тверской губерніи кузнецы берутъ въ долгъ желѣзо у кулаковъ по возвышенной цѣнѣ, причемъ обязываются выработанный изъ взятаго въ долгъ желѣза гвоздь продать тѣмъ же кулакамъ, по низшей противъ рыночной цѣнѣ. Плату за могущій оказаться излишекъ въ стоимости гвоздя противъ цѣны желѣза кузнецы, по условію, должны получать не деньгами, а—съѣстными припасами, конечно, тоже по увеличенной цѣнѣ и худшаго качества. Благодаря этимъ условіямъ, не менѣе одной трети заработка кузнецовъ переходитъ въ руки кулаковъ. Порядокъ этотъ до того укоренился, что когда, при содѣйствіи земства, кузнецы начали выдѣлывать гвоздь артелями, не обращаясь къ кредиту кулаковъ, послѣдніе вовсе не хотѣли покупать у нихъ товаръ ни по какой цѣнѣ: этимъ они хотѣли вынудить кузнецовъ возвратиться къ прежнему порядку [81]).

Занявъ у помѣщика извѣстную сумму, крестьяне (въ Кіевской губ.) обязались работать у него впослѣдствіи по заранѣе опредѣленной цѣнѣ (15 и 10 копѣекъ въ день, считая притомъ женскій рабочій день за половину дня); при этомъ помѣщику предоставлено было опредѣлить число рабочихъ дней въ недѣлю по его усмотрѣнію. Когда потомъ крестьяне начали уклоняться отъ исполненія договора, какъ слишкомъ для нихъ обременительнаго, волостной судъ обязалъ ихъ исполнить договоръ въ точности, «для примѣра другимъ, чтобы имѣемыя съ кѣмъ-либо обязательства исполнять въ точности, безъ чего можетъ лишиться всякаго въ обществѣ довѣрія

---

[80]) *Флеровскій*, Положеніе рабочаго класса въ Россіи, стр. 124. Не напрасно у нашихъ купцовъ сложилась поговорка: «пусти душу въ адъ, такъ и будешь богатъ». *С. Ефименко*, Сборникъ нар. юрид. обычаевъ Арханг. губ., стр. 88.

[81]) «Бесѣда» за 1872 г., кн. 5 («Товарищества въ Тверской губерніи»).

каждый человѣкъ» [82]). Соловары въ Архангельской губерніи заранѣе продаютъ будущую выварку соли кулакамъ, вслѣдствіе нужды въ деньгахъ или для уплаты за старый долгъ съ большою, разумѣется, уступкою противъ дѣйствительной цѣны [83]). Изъ Тамбовской губерніи сообщаютъ, что крестьяне принуждены, для взноса податей, сдавать въ аренду часть своей надѣльной земли, составляющую львиную долю всего надѣла, причемъ нерѣдко земля отдается на основаніи мірского приговора въ залогъ, по которому крестьяне платятъ 40% годовыхъ на занятую сумму, предоставляя ростовщику кромѣ того 50 десятинъ земли, какую онъ самъ выберетъ, съ условіемъ засѣва ихъ какимъ угодно хлѣбомъ, каковымъ обстоятельствомъ ростовщикъ пользуется въ своихъ видахъ самымъ хищническимъ способомъ [84]). Извѣстному знатоку въ Россіи по вопросамъ ростовщичества и кулачества въ средѣ сельскаго населенія, г. Сазонову, приходилось наблюдать то и другое и на востокѣ (по р. р. Вяткѣ и Волгѣ), и въ центрѣ (по р. Окѣ), и на западѣ (въ Опочецкомъ и Порховскомъ уѣздахъ Псковской губ.) и во многихъ другихъ мѣстахъ нашего необъятнаго отечества. Онъ видѣлъ и констатируетъ это явленіе и въ рабочей артели, и въ добывающей промышленности (въ рыболовствѣ, добываніи алебастра и др.), и въ кустарной промышленности, и въ земельныхъ отношеніяхъ, и въ крестьянскомъ земледѣльческомъ обиходѣ, и въ области кредита. И вездѣ и во всемъ онъ имѣлъ случай констатировать наличность такого грубѣйшаго и безстыднѣйшаго кулачества, передъ которымъ «вексельныя операціи» крестьянства представляются невинною дѣтскою игрушкою. Можно, конечно, пожалѣть о томъ, что функціи

---

[82]) Труды Коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, т. V, стр. 128.

[83]) Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи, вып. 2, стр. 145.

[84]) „Русскія Вѣдомости“ № 16 за 1896 г. (Корреспонденція изъ Тамбова). Отчего не подумать попутно и объ окраинахъ. Въ Семирѣченской области существуетъ закладъ живыхъ людей, помимо векселей. Сарты и казаки берутъ въ закладъ живыхъ людей—дѣвушекъ изъ обнищавшихъ, по ихъ же милости, цѣлыхъ родовъ. Въ общемъ проценты, взимаемые ростовщиками, настолько велики, что выданные въ ссуду 3 руб. чрезъ *два* года выростаютъ въ 40—50 руб. Въ концѣ концовъ бѣдный заемщикъ отдаетъ имъ весь свой скотъ и весь свой скарбъ, и остается и безъ куска хлѣба, и безъ дочерей. („Новое Время“ № 7199 отъ 14 марта 1896 г.). Какъ видитъ г. Цитовичъ, мы не только не отрицаемъ бѣдствій крестьянъ, но идемъ даже дальше его, ибо онъ упоминаетъ о бѣдствіи ихъ только по сю и ту сторону Днѣпра, а мы старались, насколько возможно, захватить эту область пошире... Въ Италіи, напр., ростовщичество—тоже бичъ, но никому тамъ не приходитъ въ голову искать причину всѣхъ бѣдъ въ векселѣ. (Ср.: Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik, Мартъ 1896, стр. 439 и дальше). На почвѣ существующаго экономическаго строя тамъ предпринята энергическая борьба со зломъ, но безъ сентиментализма и безъ исканія зла въ векселѣ...

векселя въ Россіи низведены, между прочимъ, и до того, что пишутся и въ питейныхъ домахъ на сумму въ 5—10 рублей, но видѣть въ этомъ причину всѣхъ бѣдъ и разоренія крестьянства, это значитъ — не знать Россіи. Попытка оградить крестьянство отъ векселя рядомъ съ существованіемъ для него возможности буквально закабаливать себя путемъ всевозможныхъ иныхъ крѣпостныхъ актовъ на законномъ основаніи — это сентиментальничанье, которое не только не разрѣшаетъ вопроса, но еще больше его запутываетъ.

Говоря все о томъ же минимальномъ размѣрѣ векселя въ 100 рублей, г. Цитовичъ говоритъ:

„Пріемъ очевидно тотъ самый, какой примѣненъ для акцій и облигацій. Для тѣхъ и другихъ предѣльное ограниченіе по суммѣ введено *вездѣ*,—въ другихъ мѣстахъ его ввелъ законъ, у насъ—административная практика, хотя, напр., въ 1 ч. X т. Св. Зак. подобнаго ограниченія нѣтъ. Такое ограниченіе сдѣлано въ интересахъ наиболѣе довѣрчивыхъ и наивныхъ классовъ населенія". (Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 16; Дополнительная Записка, стр. 16).

И здѣсь приходится указать г. Цитовичу на рядъ противорѣчій и неточностей, которыя съ натяжкою могли бы быть, если не допущены, то поняты или оправданы въ его частномъ отвѣтѣ г. Книриму, но которыя совершенно непонятны въ оффиціальной его репликѣ—Дополнительной Запискѣ. Прежде всего возникаетъ вопросъ, гдѣ это „введено *вездѣ*" предѣльное ограниченіе по суммѣ. какъ для акцій, такъ и для облигацій? За-границею можно найти массу *облигацій* въ мелкихъ купюрахъ, и если онѣ, вообще, тамъ не ходки и если тамъ *не установленъ* (ни закономъ, ни немыслимою тамъ административною практикою), а просто *принятъ* нормально минимумъ въ 100, то это потому, что тиражи болѣе мелкихъ купюръ сложны, а незначительность роста по нимъ (3—3½% годовыхъ) усложнили бы и безъ того сложную эммиссію и контроль. Это—по части облигацій, т.-е. цѣнностей, не подверженныхъ никакимъ биржевымъ колебаніямъ въ цѣнѣ, а потому и не нуждающихся въ регламентаціяхъ „въ интересахъ наиболѣе довѣрчивыхъ и наивныхъ классовъ населенія". Что касается акцій, то въ Англіи ихъ знаютъ даже въ 5—10 фунтовъ стер., а во Франціи, напр., не только въ 100 фр., но — и въ 50 франковъ. Хорошо ли это. или дурно, мы не говоримъ — здѣсь не мѣсто этого касаться, но несомнѣнно, что предѣльное ограниченіе не только «не введено

вездѣ», но его нигдѣ и никто не знаетъ. Что касается Россіи, то его ввела только административная практика и притомъ только относительно акцій, не допускаемыхъ ниже 100 рублей номинальныхъ. Это—для парализованія биржевой игры, хотя и такое ограниченіе, сдѣланное «въ интересахъ наиболѣе довѣрчивыхъ и наивныхъ классовъ населенія», какъ показываетъ опытъ, ни къ чему не приводитъ. Сопоставлять предѣлъ акціи въ 100 рублей съ предѣломъ векселя — смѣшно. Относительно же облигацій не только никакой административной практики не имѣется, но, напротивъ того, эта же практика говоритъ противъ г. Цитовича: достаточно вспомнить ему 1-й Восточный заемъ въ купюрахъ 50 рублей. Если опытъ не повторяется теперь, то это потому, что среднее сбереженіе у насъ составляетъ 100 рублей, и тѣ классы и слои, на которые были разсчитаны купюры 50-рублеваго достоинства Восточнаго займа, не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя на нихъ возлагали эммитенты. Если г. Цитовичу недостаточно такого бывшаго прецедента, то пусть справится въ своемъ же Министерствѣ не только о бывшихъ, но и сущихъ прецедентахъ: пусть вспомнитъ 50-рублевыя серіи Государственнаго Казначейства, которыя охотно берутся массою и которыя не менѣе охотно эммитируетъ...

Предѣльная сумма векселя въ 100 рублей должна быть признана безусловно высокою. Въ Обществахъ Взаимнаго кредита (не только провинціальныхъ, но даже и столичныхъ, какъ, напр., во 2-мъ С.-Петербургскомъ Обществѣ Взаимнаго кредита) [85]), какъ и

---

[85]) Рядомъ со старыми обществами взаимнаго кредита въ Россіи возникли въ послѣдніе годы „дешевые“ взаимные кредиты, коихъ „дешевизна“ заключается не въ пониженности взимаемыхъ по операціямъ процентовъ, коммиссій и пр.,—съ этой стороны всѣ общества взаимныхъ кредитовъ придерживаются одинаковыхъ принциповъ, и удешевлять всѣ эти нормы, при существующихъ условіяхъ денежнаго рынка, имъ нѣтъ возможности,—а въ той помощи, съ которою они приходятъ и которую они оказываютъ *мелкой* промышленности. По образцу этихъ провинціальныхъ обществъ утверждено здѣсь въ концѣ 1894 года открывше свои дѣйствія въ 1895 году Общество взаимнаго кредита подъ наименованіемъ „Дешевый Кредитъ“. У насъ нѣтъ подъ руками свѣдѣній о дѣятельности провинціальныхъ „дешевыхъ кредитовъ“, какъ нѣтъ подъ руками отчета здѣшняго общества (если только такой отчетъ, за краткостью существованія здѣшняго Общества, уже существуетъ). Но, судя по цѣли возникновенія здѣшняго „Дешеваго Кредита“, какъ и по тому контингенту лицъ, которыя являются его основателями и членами (торговцы Сѣнной, Горсткиной улицы, гдѣ оно и помѣщается, и т. п.), едва-ли можно предположить, чтобы въ названное Общество не представлялись къ учету векселя-аппуэны ниже 100 руб. По уставу названпаго Общества, наименьшій членскій взносъ составляетъ сумму въ *пять* рублей, при кредитѣ, слѣдовательно, не превышающемъ 50 руб. (§ 4). Общество открываетъ свои дѣйствія не нрежде, какъ по вступленіи въ оное не менѣе

въ другихъ учрежденіяхъ краткосрочнаго кредита, очень распространенъ учетъ векселей въ 50 рублей, чѣмъ оказывается существенная помощь какъ ремесленникамъ и мелкимъ торговцамъ, такъ и огромному большинству ихъ заказчиковъ и постоянныхъ покупателей, живущихъ получаемымъ содержаніемъ на службѣ государственной, общественной и частной [86]). Этотъ контингентъ

---

50 лицъ съ членскимъ взносомъ въ 25.000 руб. (§ 5). Можно, конечно, только радоваться тѣмъ демократическимъ началамъ, которыя легли въ основу этого и ему аналогичныхъ уставовъ провинціальныхъ обществъ и которыя, нужно думать, установлены меньше всего для on call'ныхъ счетовъ и прежде всего для вексельнаго кредита, а слѣдовательно—и исключительно для мелкаго векселя. Можно подумать, что Министерству Финансовъ эти уставы неизвѣстны или что оно о нихъ позабыло... Иначе, къ чему же уничтожать мелкій вексель, или, еще болѣе, разрѣшать общества на такихъ началахъ. Реформа Государственнаго Банка коснулась, какъ извѣстно, и демократизаціи его операцій: простые и телеграфные трансферты, при максимальной суммѣ въ сотни тысячъ рублей, установлены и для трансфертовъ съ минимумомъ въ 25 руб. Есть же, значитъ, необходимость дѣлать трансферты въ 25 руб. Отчего же не быть случаямъ необходимости выдавать 25-рублевые векселя? Проектъ со своимъ минимальнымъ размѣромъ векселя въ 100 руб. идетъ, такимъ образомъ, въ разрѣзъ съ демократизаціею банковыхъ операцій, т.-е.—съ теченіемъ, которое больше всего обязано тому вѣдомству, которое готово теперь это парализовать... И зачѣмъ г. Цитовичу безпокоиться о случаяхъ примѣненія къ 3—5-рублевымъ векселямъ «всѣхъ постановленій о векселяхъ, когда въ случаѣ неплатежа однѣ издержки протеста превзойдутъ сумму протестованнаго векселя». (Къ вопросу о векс. уст., стр. 16). И пусть ихъ несетъ эти расходы держатель 3—5-рублеваго векселя въ «деревнѣ», гдѣ и протестовать мудрено такой вексель. Интересно, видѣлъ ли г. Цитовичъ такіе протесты? Вѣдь районъ, гдѣ такіе векселя, по его словамъ, возникаютъ—деревня. Кто же тамъ исполняетъ функціи нотаріуса?...

[86]) Объ интересахъ цѣлаго класса маленькихъ людей, хотя и по другому поводу, трактуетъ и составитель Записки, говоря о презентаціи векселя къ платежу „въ дѣловые часы дня“:

> „дѣловыми считаются часы: съ 1-го апрѣля по 30-е сентября — отъ 9 часовъ утра до 6 часовъ пополудни, со 2-го октября по 31-е марта — отъ 10 часовъ утра до 5 часовъ пополудни“ (ст. 87[1] Проекта).

Въ мотивахъ къ этому постановленію сказано:

> „.... Вексель можетъ быть предъявленъ къ платежу не только или въ конторѣ, или въ квартирѣ, но и въ иномъ помѣщеніи дѣловыхъ или служебныхъ занятій векселедателя. Правило разсчитано на такихъ лицъ, у которыхъ не бываетъ конторъ, но тѣмъ не менѣе въ дѣловые часы непраздничныхъ дней они не бываютъ и въ квартирѣ. (Записка, стр. 24)...... Особенно лѣтомъ, въ дачный сезонъ, многіе изъ векселедателей этой группы (напр., служащіе, литераторы, сотрудники газетъ, актеры и пр.) или совсѣмъ не имѣютъ квартиръ въ городѣ, или ихъ квартиры стоятъ пусты; они могутъ быть *застигнуты* (!) развѣ въ помѣщеніи ихъ занятій (въ канцеляріи, въ банкѣ, въ редакціи, на репетиціи въ театрѣ и пр.)“ (Ibid. прим. 2).

Здѣсь напрашивается, самъ собою, рядъ вопросовъ. Если все это нужно было составителю Проекта въ дѣйствительныхъ интересахъ этой группы маленькихъ людей, то къ чему было „направлять противъ мелкаго векселя установленіе наименьшаго размѣра векселя въ 100 руб., скорѣе скромнаго, чѣмъ непомѣрнаго“, съ увѣренностью, что „размѣръ этотъ не стѣснитъ всѣхъ тѣхъ, кому нужно обязываться по векселямъ для кредита по торговлѣ или въ иномъ промыслѣ“? (Записка, стр. 9). Неужели составитель Проекта

служащихъ можетъ расплачиваться за разные чрезвычайные расходы только періодически, не изъ постояннаго содержанія, а изъ такъ называемыхъ наградныхъ, праздничныхъ и т. п. добавочныхъ полученій [87]). До срока же полученій имъ необходимъ кредитъ, которымъ, однако, они не смогутъ, при такихъ условіяхъ, пользоваться у своихъ поставщиковъ, ибо эти послѣдніе обыкновенно принадлежатъ къ разряду людей малосостоятельныхъ и сами нуждаются, для оборота, въ мелкихъ суммахъ, добыть которыя возможно только путемъ (пере)учета векселя. Требуемый кредитъ, на условіяхъ необременительныхъ для заемщика, можетъ быть открытъ только банкомъ, который, въ свою очередь, можетъ быть поставленъ

думаетъ, что размѣръ кредита, нужнаго „канцеляристу, банковскому чиновнику, сотруднику газеты и актеру", долженъ непремѣнно превышать 100 руб., а не быть *ниже* этой суммы, или, если и долженъ уже превышать сумму въ 100 руб. и доходить до 200 руб., то—съ обязательствомъ выдать два векселя по 100 руб. каждый, когда оба вексельные контрагента считаютъ для себя: векседедатель — болѣе удобнымъ, а первопріобрѣтатель—возможнымъ разсрочить сумму въ 200 руб. на четыре срока, а не (обязательно)—на два, если уже и допустить, что эта группа людей нуждается въ вексельномъ кредитѣ „по торговлѣ или иному промыслу"?—Очевидное противорѣчіе и несообразность, съ игнорированіемъ притомъ экономической и бытовой стороны вопроса. Затѣмъ: къ чему эта регламентація часовъ и мѣсяцевъ, никому ни для чего ненужная, хотя бы и съ предвидѣніемъ, что „для мѣстностей, въ которыхъ означенные часы оказались бы неудобными, Министерствомъ Финансовъ, по соглашенію съ Министерствомъ Юстиціи, могутъ быть, по ходатайству мѣстнаго купечества, установлены другіе часы" (ст. 87$\frac{2}{}$). Мало дѣла у гг. Министровъ Финансовъ и Юстиціи, чтобы еще заниматься регламентаціею часовъ презентацій векселя, еслибы даже и возникли такія неслыханныя ходатайства... Составитель Проекта можетъ быть спокоенъ: постановленіе это таково, что оно останется изданнымъ только для того, чтобы никогда не исполняться. Нормально векселедатель беретъ по векселю, а первопріобрѣтатель и его векселепреемники даютъ по векселю для того, чтобы: первый уплатилъ, а второй получилъ платежъ по векселю въ срокъ, хотя бы срокъ платежа по самому векселю наступилъ во время „дачнаго сезона" или въ моментъ „репетицій въ театрѣ", когда, какъ, напр., въ Петербургѣ, на казенной сценѣ, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ и репетицій не бываетъ никакихъ въ театрѣ, и актеръ-векселедатель, не взирая на „дачный сезонъ", при нежеланіи платить, при всемъ требованіи Проекта, „застигнутъ" нигдѣ не будетъ... Можно подумать, читая эти регламентаціи, что въ Россіи дѣйствительно вводится впервые „строй вексельнаго института" и что для насажденія этого „крѣпостного вексельнаго права" нужно уподобить Россію, съ ея необъятными пространствами, Бразиліи, по законодательству которой протестъ долженъ быть предъявленъ до солнечнаго захода... Вѣдь дальше идти дѣйствительно нельзя уже... А что касается шансовъ «застигать» векселедателей «*развѣ* въ помѣщеніи ихъ занятій (въ конторѣ, банкѣ, редакціи, на репетиціи въ театрѣ и пр.)», то, читая это, можно подумать, что у составителя Проекта витали въ воображеніи древне-русскія кабальныя записи съ обозначеніемъ должника и кредитора, причемъ должникъ обязывался отвѣчать предъ тѣмъ, у кого „сія кабала будетъ" и гдѣ кредиторъ должника „поймаетъ"...

[87]) Въ такомъ же смыслѣ противъ предѣльной суммы векселя въ 100 руб. высказался и „Русскій Вѣстникъ" (loc. cit. стр. 326—327), который никакъ нельзя уже заподозрить въ пристрастіи къ Проекту: какъ уже было замѣчено, вся статья названнаго журнала представляетъ собою сплошную апологію самому Проекту и его составителю. (Ср. выше: прим. 15).

въ необходимость усилить свои кассовые рессурсы путемъ переучета. Поэтому вексель въ данномъ случаѣ незамѣнимъ ни долговою роспискою, ни заемнымъ письмомъ, а это—единственное возраженіе, которое составитель Проекта и приводитъ въ оправданіе проектируемаго имъ постановленія.

Что касается предѣльнаго размѣра векселя, допускаемаго Проектомъ, то не слѣдуетъ забывать, что основной характеристичный признакъ этого вида обязательствъ представляется его подчиненностью торгово-промышленнымъ цѣлямъ, чего не только не отрицаетъ Проектъ, но чтó имъ подчеркивается съ особенною силою и въ видахъ чего имъ и устанавливается минимальный предѣлъ. На практикѣ могутъ встрѣчаться векселя, выданные потребителями для полученія средствъ къ потребленію, но такихъ *практиковъ* не спасутъ, конечно, и постановленія Проекта. Исторія векселя доказываетъ, что его породили торгово-промышленныя нужды, что имъ онъ первоначально призванъ былъ служить, что имъ, наконецъ, онъ, главнымъ образомъ, служитъ и до сихъ поръ. Валюта (цѣнное содержимое, капиталъ) векселя необходимо должна имѣть торгово-промышленное назначеніе: такова первая основная экономическая особенность этого вида обязательствъ. Содержаніемъ векселю можетъ служить только цѣнность, предназначаемая къ воспроизводству ея тѣмъ или инымъ предпріятіемъ, т.-е. капиталъ.

Другая основная особенность векселя представляется его неразрывною связью съ личностью, т.-е. съ *текущею* предпріимчивостью, съ производительными качествами и силами лица, еще не овеществившимися въ окончательно реализированныхъ цѣнностяхъ, представляющихъ его производительность, доходъ или вознагражденіе.

Слѣдовательно, вексель есть долговой знакъ, который выдаетъ производительная предпріимчивость, не реализовавшая еще своихъ плодовъ, когда она вооружается, чрезъ посредство кредита, плодами прошлой предпріимчивости для своей производительной дѣятельности.

Такова одна половина общаго экономическаго опредѣленія векселя, безъ отношенія до его отдѣльныхъ видовъ, выражающаго его природу, основу и внутренніе признаки. По нимъ можно судить о нормальности или ненормальности кредитныхъ отношеній, облеченныхъ въ вексельную форму. Не обращать вниманія на эти признаки, безразлично сваливать въ одну кучу и отождествлять всѣ

кредитныя отношенія, сопровождаемыя возникновеніемъ векселей, значитъ не обращать вниманія на тѣ условія внутренней нормальности, о которыхъ необходимо долженъ свидѣтельствовать каждый вексель,—значитъ воображать, что нѣтъ общаго начала, выражающаго эту нормальность.

Указанными признаками, однако, природа векселя еще не исчерпывается. Однимъ изъ существенныхъ его свойствъ служитъ его наружная форма и, притомъ, съ двухъ ея сторонъ: легальной, или юридической, и экономической. Первою обезпечивается наибольшая энергія со стороны публичной власти, когда возникаетъ надобность въ ея содѣйствіи для того, чтобы обязательство было исполнено. Иное значеніе имѣетъ экономическая сторона наружной формы долгового знака, представляемаго векселемъ. Ею предуготовляются для векселя формальныя основанія для *обращаемости* долгового знака, имъ представляемаго. Передача плодовъ прошлой предпріимчивости, чрезъ кредитъ, въ руки предпріимчивости текущей можетъ происходить и чрезъ посредство простой записи долга въ книгу—путемъ, слѣдовательно, установленія *книговою* требованія. Но такою записью долгъ какъ бы подвергается заточенію въ тюрьму, представляемую для него торговою книгою. Онъ *иммобилизируется*, принимаетъ неудобную для него форму и обозначается въ этомъ случаѣ такимъ образомъ, что теряетъ возможность служить основаніемъ для кредитнаго орудія обращенія. Вексель, напротивъ, имѣетъ своею цѣлью сдѣлать долговой знакъ способнымъ къ движенію. Если знакомъ долговъ служитъ запись ихъ въ книгу, хотя бы запись была подкрѣплена подтвердительнымъ письмомъ, подписанною фактурою, счетомъ и пр., то они, долги, являются искусственно собранными въ одно мѣсто, окруженное тою стѣною, которою каждый отдѣльный предприниматель огораживаетъ свою сферу отъ другихъ. Назначеніе этой стѣны—сдѣлать тайною и *неподвижнымъ* все, что въ ея предѣлахъ происходитъ. Когда, напротивъ, *векселя* становятся знакомъ долговъ, связь, соединявшая листы торговой книги, какъ бы разрывается. Каждый изъ листовъ, съ записаннымъ на немъ долгомъ, получаетъ самостоятельное значеніе и свободу. Такимъ образомъ, даже наружная форма долга, представляемаго векселемъ, противится тому, чтобы заключающаяся въ немъ сумма была неподвижною, иммобилизированною [88]).

[88]) Пишущему эти строки пришлось быть въ Парижѣ вскорѣ послѣ отмѣны закона о distantia loci (см. выше, прим. 60 in fine). Побывавъ въ Rue Soufflot, гдѣ сосре-

Вотъ почему, по самой своей природѣ, книговыя требованія, возникающія и устанавливаемыя на болѣе или менѣе опредѣленный и болѣе или менѣе продолжительный срокъ, противятся замкнутости ихъ въ книгѣ отдѣльнаго предпринимателя или въ его же портфелѣ, если онѣ облечены въ форму подписанныхъ счетовъ, фактуръ и пр., которые, по существу, являются также только книговыми требованіями, какъ таковыя. Книговое требованіе, воплощенное въ векселѣ,—прежде всего, орудіе обращенія и, какъ таковое, оно оказываетъ стремленіе функціонировать, непосредственно

доточена большая часть книжно-издательской дѣятельности Парижа по юридическимъ, экономическимъ и вообще государственнымъ наукамъ (Arthur Rousseau, F. Pichon, F. Larose, Marescq и др.), пишущій эти строки былъ пораженъ при видѣ ликованія этихъ представителей издательскаго дѣла, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности не только предвкушалъ, но и испытывалъ уже на дѣлѣ результаты и практическія послѣдствія новаго закона. Оказывается, что въ Парижѣ, какъ и въ другихъ большихъ центрахъ Франціи, существуетъ издавна укоренившійся обычай открывать кредитъ студентамъ, желающимъ составить себѣ небольшія библіотеки по избранной ими спеціальности, но не имѣющимъ достаточныхъ средствъ для такихъ единовременныхъ затратъ. Размѣръ кредита, оказываемаго студентамъ со стороны издателей и содержателей книжныхъ магазиновъ, колеблется отъ 50 до 25 франковъ въ мѣсяцъ. „До сихъ поръ, говорили они, у насъ бывали къ студентамъ *книговыя* требованія, которыхъ мы не могли реализировать въ смыслѣ обращенія въ наличныя деньги; у насъ оказывались иммобилизированными значительныя суммы, которыя сокращали наши оборотныя средства, лишая насъ возможности превращать эти книговыя требованія въ наличныя деньги, если мы не обходили существовавшаго закона о distantia loci путемъ эммиссіи траттъ изъ какого-нибудь предмѣстья Парижа. Теперь ничего этого нѣтъ. Мы трассируемъ на нашихъ кліентовъ-студентовъ здѣсь же, изъ Парижа; они акцептуютъ наши трассированія-купюры (аппуэны), доходящіе до 25 фр.; капиталы наши не оказываются уже иммобилизированными, такъ какъ книговыя требованія къ нашимъ кліентамъ замѣнены уже векселями: у насъ оказывается въ рукахъ уже не отвлеченное (книговое) требованіе, а воплощеніе сего послѣдняго въ портфелѣ (т.-е. векселяхъ), который охотно принимается банкомъ въ дисконтъ“. Вотъ какъ смотритъ торговое сословіе на вексель! Въ культурныхъ странахъ дѣлается все для расширенія функцій векселя, а Проектъ стремится съузить эти функціи, возлагая надежды на росписки, которыя, въ смыслѣ мобильности, ничѣмъ не разнятся отъ книгового требованія, и считая возможнымъ замѣнить вексель росписками, книговыми требованіями и т. п. орудіями кредита, которыя для мелкой промышленности оказываются наименѣе удобными и справедливыми... Здѣсь, во всемъ этомъ характерно все: и студентъ, составляющій себѣ библіотеку такимъ путемъ, выплачивая изъ своихъ доходовъ 25 франковъ въ мѣсяцъ; и крупный издатель-книжникъ въ его отношеніяхъ къ студентамъ,— издатель, не находящій для себя ничего позорнаго открывать 25-франковые кредиты; и французскія кредитныя учрежденія, съ Французскимъ Банкомъ (Banque de France) и его отдѣленіями во главѣ, не стѣсняющіеся брать въ дисконтъ 25-франковые векселя, подписанные къ тому же еще студентами... см. дальше: прим. 89. А у насъ?! Пишущему эти строки достовѣрно извѣстно, что во времена управленія Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Тимашевымъ и нѣсколькими его преемниками издатели и содержатели книжныхъ магазиновъ неоднократно ходатайствовали о разрѣшеніи имъ открыть Общество взаимнаго кредита, въ виду того, что они, издатели и книжники, совершенно лишены были кредита, въ существующихъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Всѣ попытки ихъ оказывались тщетными— разрѣшеніе имъ не давалось... И теперь дѣло, сколько извѣстно, стоитъ не лучше.

само, или косвенно чрезъ посредство кредитныхъ учрежденій, которыя его превращаютъ въ дальнѣйшее орудіе обращенія, то-есть — его болѣе совершенствуютъ. Какъ только, напротивъ, книговое требованіе замыкается въ таковое, его стремленіе играть роль орудія обращенія парализуется. Оно тогда какъ бы разомъ, или въ одинъ разъ, сыгрываетъ всю свою роль только въ моментъ, когда оно рождается, и умираетъ въ качествѣ представителя этой же роли, чтобы не переходить къ другой, ему, какъ и вообще кредиту, въ какой бы то ни было формѣ несвойственной. Эта другая роль, несвойственная кредиту,—закрѣпощеніе капитала, иммобилизированіе его, какъ бы омертвѣніе его или затвердѣніе въ одной какой-либо формѣ.

Это сознано давно повсемѣстно и этого не хочетъ понять только составитель Проекта [89]). Ср. выше: прим. 61.

---

[89]) Интересны данныя, помѣщенныя въ годовомъ отчетѣ за 1893 г. Германскаго Имперскаго Банка (Verwaltungs-Bericht der Reichsbank für das Jahr 1893, Berlin, Reichsdruckerei): изъ принятыхъ Банкомъ 127,533 штукъ *мѣстныхъ* векселей (платежныхъ въ Берлинѣ), на общую сумму въ 317.701,196,71 мар. находилось 41,630 штукъ векселей на сумму въ 100 марокъ и *ниже* каждый, причемъ *средняя сумма каждаго векселя не превышала 76 марокъ* (стр. 7 и 8). Изъ внутреннихъ векселей (платежныхъ въ остальной Германіи) изъ общаго числа 2.653,895 штукъ векселей оказалось 317,981 штука векселей по 100 марокъ и *ниже* каждый, причемъ *средняя сумма каждаго векселя этой категоріи не превышала 77 марокъ* (Loc. cit. стр. 8 и 9). Это—въ странѣ съ массою чисто народныхъ банковъ съ слишкомъ 10.000 учрежденіями для мелкаго кредита, Обществъ взаимо- и самопомощи, сельскихъ кассъ (Райффейзена), Потребительныхъ обществъ, ремесленныхъ союзовъ, Строительныхъ товариществъ и пр. (См. Отчетъ, составленный Шенкомъ, уполномоченнымъ Всеобщаго Союза Товариществъ, и предложеннаго 35-му съѣзду представителей учрежденій для мелкаго кредита взаимопомощи, въ Готѣ). Ср.: *Raiffeisen*, Die Darlehens-Kassenvereine [1867]; *Jos. Staudinger*, Die Raiffeisen Vereine, ihr Wesen, ihre Stärke, ihre Sicherheit etc. (2-е изд. Passau, M. Waldbauer). Еще интереснѣе данныя Французскаго Банка (Banque de France). По Annuaire de l'Economie politique et de statistique *Maurice*'а *Block*'а за 1892 г. число всѣхъ учтенныхъ Парижскою (Центральною) конторою банка векселей дошло до 5.695,921 на сумму въ 4.720.304,300 франковъ. Общая сумму эта распредѣлялась такъ:

		Франковъ.
2.880,885	векселей, платежныхъ въ провинціальныхъ отдѣленіяхъ банка на	1.698.819,300
2.815,036	» » » Парижѣ . . . . »	3.021.485,000
5.695,921	векселей на общую сумму въ	4.720.304,300

Вышеозначенное количество векселей состояло изъ:

19,350	штукъ	въ 10 франковъ и ниже;			
745,509	»	» 11	до	50 франковъ;	
1.013,751	»	» 51	»	100 »	и
3.917,320	»	выше		100 »	

5.695,921 векселей, въ числѣ коихъ внутреннихъ векселей по 101 франку было 1.778,601 штука, т.-е.—почти 1/3 всего количества векселей (стр. 500—501).

По ст. 6 нынѣ дѣйствующаго Устава о векселяхъ, обязываться векселями имѣютъ право всѣ лица, которымъ дозволено вступать въ долговыя обязательства, за исключеніемъ духовныхъ лицъ, крестьянъ, не имѣющихъ недвижимой собственности, женъ и дочерей—безъ позволенія ихъ мужей и родителей, если онѣ самостоятельно не производятъ торговли. Во главѣ извѣстныхъ бременскихъ правилъ стоитъ слѣдующее положеніе: вексельная способность совпадаетъ съ общею способностью обязываться договорами, т.-е. указанныя выше изъятія, существующія по нашему дѣйствующему уставу, не допускаются. Въ проектѣ устава о векселяхъ 1884 г. помѣщенъ точный переводъ статьи I Германскаго устава: векселеспособенъ каждый, кто вправѣ обязываться договорами. Составитель Проекта счелъ нужнымъ выразить это положеніе приблизительно въ той формѣ, какъ оно изложено въ началѣ 6-ой статьи: «Право обязываться по векселямъ,—сказано въ первой статьѣ,—имѣютъ всѣ, кто, *вообще*, вправѣ вступать въ обязательства по договорамъ». Мысль, конечно, та же, но едва-ли многословіе въ законѣ должно быть предпочтено краткости: чѣмъ больше словъ. тѣмъ больше толкованій. Предполагается, что въ законѣ нѣтъ лишняго слова, а въ приведенной статьѣ слово «вообще», во всякомъ случаѣ, лишнее. Намъ кажется, что, сравнительно со статьею Германскаго устава, статья Проекта значительно утратила въ точности, именно, благодаря пространности изложенія. Въ ея пользу гово-

---

Въ 1881 году число векселей *ниже* 101 франка составляло	. . .	1.160.945	штукъ.
» 1882 » » » » » » »	. . .	1.224,326	»
» 1883 » » » » » » »	. . .	1.349,270	»
» 1884 » » » » » » »	. . .	1.581,515	»
» 1885 » » » » » » »	. . .	1.590,589	»
» 1886 » » » » » » »	. . .	1.592,675	»
» 1887 » » » » » » »	. . .	1.668,800	»
» 1888 » » » » » » »	. . .	1.820,473	»
» 1889 » » » » » »	. . .	1.931,589	»
» 1890 » » » » » » »	. . .	1.943,688	»
» 1891 » » » » » » »	. . .	1.778,601	»

Всѣ эти данныя служатъ лучшимъ и краснорѣчивымъ доказательствомъ той поддержки, какую Французскій банкъ оказываетъ мелкой промышленности, что съ нескрываемымъ удовольствіемъ констатируется редакторами названнаго Ежегодника. (Ces chiffres montrent la part importante faites dans les escomptes au petit commerce.. ; ils sont la preuve des services que nous lui rendons; pendant dix ans ils n'ont pas cessé de s'accroître, et si cette année, т.-е. 1892 годъ, par exception, la progression observée depuis 1881 ne se poursuit pas, le chiffre de 1.778,601 effets *au dessous* de 101 francs représente encore une augmentation de 53% sur le chiffre de 1881. Loc. cit., стр. 501).

ритъ то, что она уже извѣстна юристамъ и что не придется заучивать новой статьи. Бываютъ, однако, случаи, когда вся наука должна заключаться въ разучиваніи. Къ числу такихъ предметовъ, требующихъ основательнаго забвенія, принадлежитъ начало 6-й статьи. Она говоритъ о вступленіи въ *долговыя* обязательства, и самъ авторъ Проекта видитъ свою заслугу въ томъ, что вексель „отведенъ отъ *долгового* обязательства". Въ Проектѣ говорится объ *обязательствахъ* по договорамъ, но въ старую рамку не трудно вставить и старую картину. Впрочемъ, съ этою статьею можно помириться, и если мы остановились на ней, то лишь для того, чтобы указать на одинъ изъ основныхъ принциповъ, усвоенныхъ Проектомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ на косвенное отступленіе отъ него — расширеніе вексельной способности и желаніе ея парализовать. Не допускаются мелкіе векселя на сумму ниже 100 рублей. Этимъ путемъ, какъ уже замѣчено, Проектъ разсчитываетъ устранить возможность выдачи векселей крестьянами. Можно заранѣе предсказать полную неудачу этой мѣры. Обойти ее можно съ помощью 18-й ст. того же Проекта, по которой нѣсколько лицъ, подписавшихся подъ векселемъ, отвѣчаютъ «всѣ за одного и одинъ за всѣхъ». Недостатка въ такихъ благодѣтеляхъ въ деревнѣ, которые предпочтутъ „солидарные" векселя единоличнымъ, конечно, тоже не будетъ, — и явятся сборные векселя, отъ имени нѣсколькихъ лицъ, для того, чтобы сумма векселя удовлетворила требованіямъ закона, и крестьяне окажутся въ худшемъ положеніи—будутъ солидарно отвѣтственными за всю сумму, хотя каждый изъ нихъ получилъ только часть. Едва ли, однако, г. Цитовичу пріятно будетъ увидѣть принципъ „общины" въ сферѣ вексельныхъ отношеній... Не говоримъ уже о томъ, что Проектъ не уничтожитъ мелкаго векселя потому, что крестьянинъ всегда выдастъ законный 100-рублевый вексель— хорошо еще если противъ контръ-векселя или контръ-росписки, а то и просто противъ устнаго контръ-обѣщанія мѣстнаго Колупаева-Разуваева, который пообѣщаетъ взыскивать лишь ссуженные 10—15 рублей, а на дѣлѣ будетъ требовать 40—50 рублей (вмѣсто ссуженныхъ 10—15 рублей), чему крестьянинъ, въ концѣ концовъ, будетъ только радъ, такъ какъ лучше заплатить 40—50 рублей, чѣмъ всѣ законные 100 рублей, хотя бы ему и было обѣщано взыскивать лишь 10 и 15 рублей... Такіе благодѣтели всегда найдутся въ деревнѣ.

Какъ указываетъ г. Книримъ, и чего не отрицаетъ г. Цито-

вичъ, „векселя на сумму ниже 100 рублей часто выдаются розничными торговцами оптовымъ торговцамъ и фабрикантамъ за забранный товаръ". Авторъ проекта находитъ, что это не бѣда, такъ какъ въ Проектѣ имѣется примѣчаніе къ ст. 4, по которому банкамъ предоставляется-де брать векселя на сумму ниже 100 рублей. Такимъ образомъ, новый вексельный уставъ направитъ, по мнѣнію автора его, мелкіе векселя «не въ обращеніе и не въ кассы ростовщиковъ, а въ портфели банковъ». Это, конечно, совершенно неосновательно. Уставъ ничего никуда не направитъ, такъ какъ для того, чтобы такой мелкій вексель попалъ въ банкъ, необходимо, чтобы фабрикантъ имѣлъ право принять его въ качествѣ векселя и затѣмъ учесть въ банкѣ, какъ это обыкновенно дѣлается. Но разъ обязательство, выданное фабриканту на сумму меньше 100 рублей, не есть вексель, то онъ и не можетъ учесть его въ банкѣ въ качествѣ векселя. Мудрено при такихъ условіяхъ выполнить такому векселю даже ту небольшую роль, какая ему по Проекту предоставлена.

Сознавая, что мѣра противъ мелкаго векселя коснется не однихъ крестьянъ, а затронетъ мелкую торговлю и промышленность (т.-е. ремесла), г. Цитовичъ говоритъ, что „будетъ стѣсненъ совершеннолѣтній воспитанникъ учебныхъ заведеній и мелкій чиновникъ", прибавляя, что „стѣсненіе ко благу для нихъ же" (воспитанниковъ и чиновниковъ) и что „*своему портному* они могутъ выдавать росписку, что́ далеко *безопаснѣе* (?): противъ иска по этой роспискѣ *всегда можно* (?!) предъявлять рядъ такихъ *возраженій*, которыя не всегда возможны противъ иска по векселю" [90]). Этической стороны этой аргументаціи мы касаться не будемъ, потому что не понимаемъ, почему именно противъ иска по роспискѣ портному (за заказанныя у него платья?) „*всегда можно*" предъявлять рядъ возраженій, когда нравственнаго права на это у возражающихъ будетъ такъ же мало, какъ и юридическаго права противъ векселя. Не касаемся и того, почему можно того же портного лишить возможности получать отъ своихъ заказчиковъ векселя, которые онъ можетъ переучитывать для усиленія своихъ оборотныхъ средствъ въ какомъ-нибудь Обществѣ Взаимнаго кредита, гдѣ онъ состоитъ членомъ. Обо всемъ этомъ только мимоходомъ. Но почему же невинно захватываетъ г. Цитовичъ и мелкую торговлю и про-

---

[90]) Дополнительная Записка, стр. 17; Къ вопросу о вексельномъ уставѣ стр. 14, 17.

мышленность (т.-е. и ремесла), которыя вѣдь неповинны въ томъ, что „кому недостаетъ жалованья, доходовъ, заработка и пр. долженъ или сократить свои потребности, или поискать другихъ воспособленій покрыть свой бюджетъ". Заемное письмо, заборныя книжки, подписаніе счетовъ и фактуръ, должаніе по книгамъ (книговое требованіе), росписки? Но вѣдь все это—пустыя слова, ракеты, потому что ни съ однимъ изъ этихъ видовъ должанія нельзя, какъ мы показали выше, сунуться къ переучету тому, кто должаетъ, отдаетъ. Нѣтъ спора, что лучше не шить себѣ платья у портного, чѣмъ ему должать, хотя бы съ разсчетомъ уплатить ему изъ поступленій черезъ 3—5 мѣсяцевъ. Но если мнѣ, бѣдному человѣку, живущему уроками, нужно быть не столько тепло, сколько просто прилично одѣтымъ, чтобы можно было явиться въ тотъ домъ, гдѣ я даю уроки, безъ риска быть прогнаннымъ швейцаромъ или курьеромъ, не быть впущеннымъ на лѣстницу и быть направленнымъ съ чернаго хода, то уже человѣчнѣе и справедливѣе дать мнѣ право выдать моему портному вексель въ 50 рублей, который можетъ быть имъ, портнымъ, (пере-)учтенъ въ Обществѣ Взаимнаго кредита, такъ какъ относительно онъ, портной, нормально такъ же бѣденъ, какъ и я. Нѣтъ спора, что лучше покупать книги на наличныя деньги, чѣмъ въ долгъ. Но если я, обуреваемый жаждою знанія и чтенія, могу расплачиваться по своимъ доходамъ и пр. только путемъ мѣсячныхъ платежей содержателю книжнаго магазина, то почему лишать меня права выдать ему 4 векселя по 30 рублей на разные сроки. Это очень удобно для меня и выгодно для содержателя книжнаго магазина: для меня—потому, что я имѣю возможность пріобрѣсти книги съ маленькимъ платежемъ, а для лавочника—потому, что мои 4 векселя на 120 рублей вмѣстѣ съ 10, 30, 40 такими же векселями такихъ же любознательныхъ кліентовъ, какъ я, дадутъ лавочнику возможность найти оборотныя средства. По теоріи г. Цитовича, открытые намъ кредиты обречены на иммобильность у лавочника, что́ равносильно закрытію имъ всѣмъ намъ этого кредита, который, будучи нормально облеченъ въ вексельную форму, путемъ переучета въ Обществѣ Взаимнаго кредита, дастъ ему новыя оборотныя средства, которымъ онъ можетъ найти такое же благотворное въ культурномъ отношеніи назначеніе [91])...

---

[91]) Относительно вексельнаго кредита книжными магазинами учащейся молодежи во Франціи (и несомнѣнно—повсемѣстно на Западѣ) см. выше: прим. 88. Можно, конечно,

„Мелкіе векселя торговли и промышленности Проектъ а) допускаетъ, но направляетъ ихъ не въ обращеніе и не въ кассы ростовщиковъ, а въ портфели банковъ и б) указываетъ и тотъ путь, какимъ можно удовлетворить подлинныя потребности въ мелкомъ кредитѣ: это—большая доступность кредитныхъ установленій и образованіе новыхъ банковъ, по примѣру Банка, напр., Пермскаго Земства". (Дополнительная Записка, стр. 17; Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 14—17).

И это все — не больше, чѣмъ пустыя слова, можетъ быть и эффектныя для слуха, но недостойныя серьезнаго человѣка. Больше мудрено, чѣмъ мудро—направлять мелкіе векселя въ несуществующія кредитныя установленія, которыхъ не создастъ ни платонизмъ, ни желанія г. Цитовича. Не образуются, ни по его желанію, ни по его рецепту, новые банки для этой цѣли, а еслибы и образовались, то вопросъ, по существу, отъ этого нисколько не измѣняется: вѣдь новые банки также могутъ быть поставлены въ положеніе необходимости переучесть портфель. Кто же приметъ отъ нихъ въ переучетъ векселя, которые съ точки зрѣнія Проекта даже не векселя, даже если и предположить, что новые банки примутъ въ учетъ векселя отъ своихъ кліентовъ, которыхъ Проектъ лишаетъ права выдачи... Проектъ г. Цитовича и ихъ никуда не направитъ, такъ какъ для того, чтобы такой мелкій вексель попалъ въ банкъ, необходимо, какъ сказано и пересказано, чтобы онъ былъ векселемъ, а кто же приметъ обязательство ниже 100 рублей, которое не есть вексель... Странно даже полемизировать на эту тему. Можно ли быть такъ ослѣпленнымъ, какъ ослѣпленъ г. Цитовичъ, и въ занятой имъ позиціи относительно мелкаго векселя, впадая въ рядъ противорѣчій, непослѣдовательностей и несправедливостей.

Вносимыя такимъ путемъ ограниченія вексельнаго оборота этимъ еще, однако, не исчерпываются. Проектъ идетъ дальше, внося ограниченіе въ правѣ векселедателя производить досрочную частичную уплату по векселю:

„.... постановляется, что до срока вексель можетъ быть оплаченъ только въ полной суммѣ; оплаченность въ части устранена, и вотъ почему:

пожалѣть и о томъ, что функціи векселя въ Россіи низведены и до того, что наши современные „бѣлоподкладочники" выдаютъ ихъ содержателямъ ресторановъ, загородныхъ садовъ и пр., какъ можно было бы только радоваться высокой роли и значенію векселя, еслибы онъ, напротивъ того, выдавался тѣмъ же контингентомъ лицъ владѣльцамъ книжныхъ магазиновъ... Дѣло, значитъ, не въ векселѣ и вся суть въ томъ, что, по существу, не вексель „роняется", а „роняется" тотъ, кто его, при такихъ условіяхъ, выдаетъ. Самый вексель, какъ таковой, тутъ не при чемъ...

а) . . . . допустить частичную оплаченность векселя до наступленія срока едва ли цѣлесообразно, тѣмъ болѣе, что вексель передается отъ одного къ другому, мѣняетъ своихъ векселедержателей (отчего не просто—держателей?) Отмѣтка на векселѣ о частичной уплатѣ можетъ быть потомъ зачеркнута: какъ установить, кѣмъ, когда и что зачеркнуто, затерто въ уничтоженной отмѣткѣ? И вообще, какъ разрѣшить тотъ споръ, какой можетъ потомъ возникнуть между послѣднимъ векселедержателемъ и векселедателемъ, при предъявленіи векселя къ платежу? Споръ здѣсь можетъ быть самый разнообразный. Векселедатель утверждаетъ, что половину суммы векселя (напр. 1000 рублей) онъ уже уплатилъ прежнему векселедержателю А., о чемъ и была сдѣлана имъ, векселедателемъ, отмѣтка на векселѣ, но отмѣтка затерта, залита чернилами и т. п. Нынѣшній же векселедержатель N., напротивъ, утверждаетъ, или что онъ не знаетъ, что было на затертомъ мѣстѣ, или — что чернильное пятно произошло случайно, покрыло собою чистую полосу и т. д. Уже одна возможность подобныхъ споровъ (sic!) оправдываетъ устраненіе частичной оплаченности до наступленія срока. Помимо того: б) допущеніе частичной уплаты дало бы средство обходить . . . Проектъ: что́ можетъ быть проще, какъ означить въ векселѣ сумму въ 100 р. и въ то же время отмѣтить на векселѣ полученіе 95 р. ? Далѣе в) недопущеніе частичной уплаты до срока вытекаетъ изъ правила, выраженнаго въ ст. 33 Проекта. . . . (ст. 33 трактуетъ о томъ, что «вексель можетъ быть передаваемъ только въ цѣлой его суммѣ»). Воспрещеніе частичной оплаченности до срока едва-ли можетъ имѣть практическія неудобства: всего проще въ такихъ случаяхъ «переписать» (кавычки въ подлинникѣ) вексель,—вмѣсто прежняго, на бо́льшую сумму, выдать новый на сумму меньшую. Во всякомъ случаѣ до наступленія срока частичная оплаченность векселя еще менѣе можетъ быть допущена, чѣмъ въ случаяхъ . . . Проекта". (Объяснительная Записка, стр. 23—24).

Въ смыслѣ послѣдовательности составителя Проекта во всей этой тирадѣ справедливо только одно — что можно выписать вексель въ 100 рублей и, въ то же время, отмѣтить на немъ полученіе 95 рублей и сдѣлать его выписаннымъ въ моментъ эммиссіи въ 5 рублей и тѣмъ самымъ парализовать постановленіе Проекта относительно минимальнаго размѣра въ 100 рублей. До сихъ поръ дѣло стояло вездѣ и всегда такъ: А. выдавалъ вексель Б. въ 1000 р. Б. дисконтировалъ вексель у В. А. производитъ до срока, хотя бы чрезъ день послѣ выдачи векселя, частичную уплату въ 200 рублей, дѣлая на векселѣ надпись въ произведеніи частичнаго платежа и скрѣпляя эту надпись своею подписью. Если это дѣлалось до перехода по учету векселя въ руки В., то въ учетъ поступала сумма не въ 1000 рублей, а въ 800 рублей. Если это дѣлалось послѣ того, то въ рукахъ В. оказывался вексель, по которому онъ

заплатилъ своему предшественнику валюту полностью (1000 р.), каковую валюту онъ вмѣсто того, чтобы ее получить единовременно въ срокъ, получаетъ въ 2 пріема — теперь же 200 рублей и въ срокъ остальные 800 рублей. Для всѣхъ контрагентовъ это одинаково выгодно и пріятно: для векселедателя А., потому что онъ уменьшилъ и можетъ уменьшать (не требуя притомъ никогда возврата процентовъ за досрочную частичную уплату) размѣръ своего вексельнаго долга, и тѣмъ самымъ либо уменьшать свой пассивъ, либо на соотвѣтствующую сумму вступить въ новыя обязательства; для первопріобрѣтателя Б.—потому, что частичный платежъ разрѣшилъ часть его обязательствъ по надписательству—онъ отвѣтствуетъ по такому векселю уже не въ суммѣ 1000 рублей, а лишь—въ 800 рублей, что, при значительныхъ вексельныхъ оборотахъ, при такихъ, повидимому, незначительныхъ суммахъ, образуетъ въ общей массѣ довольно крупную сумму. Для векседержателя В. это пріятно потому, что въ кассу оказываются поступившими суммы, на которыя онъ не разсчитывалъ въ данный моментъ, не говоря уже о томъ, что, при массѣ векселей у него въ портфелѣ, всякая редукція вексельныхъ долговъ (по векселедательству А. и надписательству Б.), въ смыслѣ разрѣшенія вексельныхъ обязательствъ, хотя бы только и въ ихъ незначительной части, во всякое время желательна и пріятна. Довольны всѣ стороны, всѣ контрагенты, потому что въ этомъ заключается экономическая сторона должанія по векселю и ихъ диссолюціи. Объ этой азбучной истинѣ никто никогда и не говоритъ и никому въ голову никогда не приходило ограничивать въ этомъ правѣ вексельныхъ контрагентовъ. Не знаетъ этихъ ограниченій ни одинъ изъ западно-европейскихъ кодексовъ, и если тамъ такою досрочною уплатою по векселямъ не пользуются въ такой мѣрѣ, какъ у насъ, то это потому, что тамъ другія причины, какъ краткосрочность векселей (на 2—3 мѣсяца), сравнительная ничтожность разстояній, отдѣляющихъ вексельныхъ контрагентовъ, и самое главное—ликвидація долговъ посредствомъ трассированій *въ круглыхъ приблизительныхъ* суммахъ, а не путемъ соло-векселей per netto Appoint, причемъ тамъ некруглые остатки долговъ регулируются книговыми записями.

Показавъ, что аргументація составителя Проекта не выдерживаетъ критики относительно „нецѣлесообразности допущенія досрочной частичной оплаченности векселя, потому что вексель

передается отъ одного къ другому и мѣняетъ своихъ векселедержателей“, мы могли бы, собственно, на этомъ покончить всѣ споры по этому вопросу, еслибы сама дальнѣйшая аргументація г. Цитовича не напрашивалась на нѣкоторыя замѣчанія, о которыхъ смѣшно, собственно, говорить. Можно подумать, что Проектъ изготовленъ для обитателей Вяземской лавры, читая, что «отмѣтка о частичной уплатѣ можетъ быть зачеркнута, затерта, залита нарочно или нечаянно чернилами» и стать предметомъ спора и судебнаго процесса. Отчего же не придумать предупредительно-полицейскихъ мѣръ относительно зачеркиванія, затиранія и заливанія чернилами подписей, сроковъ и другихъ частей на векселяхъ? Можно подумать, что всѣ вексельные контрагенты—одни сплошные мошенники и что находящіеся у нихъ векселя они хранятъ въ голенищахъ сапогъ, въ кладовой съ провизіей и пр. Пусть составитель Проекта просмотритъ всѣ безъ исключенія судебныя дѣла по векселямъ за все время ихъ существованія (не на Западѣ, а хотя бы только въ Россіи) и пусть онъ отыщетъ хоть одно дѣло, которое бы возникло на основаніи спора о вольной или невольной залитости, зачеркнутости и затертости чернилами подписей, надписей и пр. Возможны и бываютъ мошенничества, обманы, подлоги и въ сферѣ вексельной, но ихъ не предупредитъ и не пресѣчетъ ни одинъ Уставъ; не предупредитъ и не пресѣчетъ ихъ изобрѣтательность, чрезмѣрная, къ дѣлу не идущая дальновидность и опасенія составителя Проекта. Всякій, кому нужно, найдетъ возможность ихъ обойти. Къ тому же, что это за Уставъ, проникнутый сплошь разсужденіями и постановленіями на тему „не клади плохо“?!.. Я нанимаю перевозчика, ряжусь съ посыльнымъ, и дѣлаю это не только не на основаніи крѣпостныхъ или иныхъ актовъ, но даже и не при свидѣтеляхъ, и едва-ли въ моментъ разсчета одна изъ сторонъ рискуетъ быть поставлена въ необходимость прибѣгнуть къ содѣйствію власти. Нормально и перевозчикъ, и посыльный не потребуютъ при расплатѣ больше договоренной суммы; нормально платящій не вздумаетъ платить меньше, якобы потому, что за такую меньшую сумму онъ условился. Есть же въ періодѣ самаго первобытнаго и самаго разнузданнаго состоянія общества извѣстныя нормы и нравственные принципы, регулирующіе ихъ отношенія. Почему же они могутъ быть вездѣ и во всемъ и не быть только въ сферѣ вексельнаго дѣла? Нелогично затѣмъ предположеніе составителя Проекта, будто запрещеніе досрочной частичной уплаты

вытекаетъ изъ правила, выраженнаго въ ст. 33 Проекта (по которой вексель можетъ быть передаваемъ только въ цѣлой его суммѣ). Статья 33 Проекта направлена противъ *дробленія* векселя по индоссаментамъ, въ виду ясной для всѣхъ невозможности юридически обосновать индоссацію векселя въ одной его части, а частичный досрочный платежъ тутъ не при чемъ: состоя держателемъ векселя (примѣръ см. выше, стр. 87) въ 1000 рублей, по которому Б. уже получилъ въ уплату отъ А. 200 рублей, я, В., естественно выдалъ Б. по дисконту не 1000 рублей минусъ %, а 800 рублей минусъ %, и Б., передавая мнѣ по индоссаменту этотъ вексель, передаетъ его въ цѣлой суммѣ 800 рублей, которую вексель въ данный моментъ представляетъ. Далѣе: я, В., состою держателемъ векселя въ 1000 рублей, по которому векселедатель А. заплатилъ мнѣ часть въ 200 рублей, сдѣлавъ на векселѣ подлежащую отмѣтку. Я не могу индоссировать векселя на сумму въ 400 рублей, т.-е. извлечь изъ него, продать половину, а другую половину оставить себѣ (оно немыслимо механически, а потому недопустимо и юридически), но я могу индоссировать его въ *полной* (*оставшейся*) суммѣ 800 рублей и передать его въ полной его суммѣ, согласно ст. 33 Проекта, прикрываться которою значитъ либо ее не понимать, либо умышленно передергивать... Перломъ же всей аргументаціи составителя Проекта является утвержденіе, что «такое запрещеніе частичнаго платежа до срока едва-ли можетъ имѣть практическія неудобства: всего проще въ такомъ случаѣ „переписать“ (кавычки въ подлинникѣ) вексель,—вмѣсто прежняго на большую сумму, выдать новый на сумму меньшую». Можно, конечно, все, даже заставить контрагентовъ нести *вновь* (двукратно) расходы по вексельной бумагѣ, по сдѣлкѣ, моментъ разрѣшенія которой еще не наступилъ, а только имѣетъ наступить (вѣдь рѣчь идетъ о частичной уплатѣ *до* срока). А что касается неимѣнія здѣсь „практическихъ неудобствъ“, то это больше чѣмъ сомнительно. По нашему примѣру А. (плательщикъ) въ Петербургѣ, Б.—первопріобрѣтатель въ Одессѣ, В.—векселедержатель въ Петербургѣ, а затѣмъ отъ В. вексель можетъ перейти къ Г. въ Кіевѣ, отъ Г. къ Д. въ Воронежѣ и отъ Д. къ Е. опять сюда. До сихъ поръ было такъ: векселедатель А. обращался къ векселедержателю Е. и производилъ частичный платежъ. Въ экономическомъ (матеріальномъ) и юридическомъ отношеніи Е., какъ и всѣ другіе контрагенты, находился въ положеніи В., какъ объяснено выше (стр. 88). По

Проекту же окажется вотъ чтó: или Е., въ желаніи идти на встрѣчу А., «перепишетъ» вексель собственною властью, или же начнется переписка въ обратномъ порядкѣ постепенности между надписателями, начиная съ ближайшаго векселедержателя-презентанта (послѣдняго индоссата) Е. и кончая первопріобрѣтателемъ Б. въ Одессѣ. Отъ перваго пути Е., конечно, благоразумно уклонится, такъ какъ, «переписывая» на такихъ основаніяхъ вексель, *онъ выпуститъ всѣхъ промежуточныхъ индоссентовъ*, ставъ непосредственно лицомъ къ лицу съ векселедателемъ А., лишившись индоссентскихъ подписей. Второй же путь окажется немного сложнѣе даже и при наличности мало вѣроятнаго желанія всѣхъ надписателей идти на это. При такой комбинаціи А. здѣсь долженъ «переписать» вексель (на меньшую сумму) и послать къ Б. въ Одессу для индоссаціи; Б. въ Одессѣ получаетъ для индоссаціи новый (переписанный на меньшую сумму) вексель, но не получаетъ стараго, потому что Е. ему таковаго не выдаетъ, пока новый вексель (на меньшую сумму) не попадетъ къ нему въ руки съ надписями всѣхъ промежуточныхъ индоссентовъ. Пока новый вексель, при нашихъ разстояніяхъ, дойдетъ къ мѣсту назначенія (въ руки Е.), наступитъ срокъ старому, непереписанному векселю съ необходимостью платить по нему всю сумму полностью, когда, за несостоятельностью А., Е. рискуетъ ничего не получить по векселю и вступить въ права регредіента по отношенію къ своимъ предшественникамъ на всю сумму векселя и когда это при другихъ условіяхъ оказалось бы необходимымъ только на половину [92]). Все это едва-ли способно увеличить по-

---

[92]) О невозможности продѣлать всѣ эти манипуляціи механически мы уже и не говоримъ. Вѣдь никто изъ промежуточныхъ надписателей не захочетъ индоссировать такой переписанный a nuovo вексель (хотя бы таковой и валедировалъ противъ стараго), пока онъ не получитъ обратно въ руки старый вексель со своимъ индоссаментомъ для его уничтоженія (путемъ цензурнаго штемпеля, зачеркиванія и пр.). До полученія своего индоссамента (т.-е. своей на векселѣ надписательской подписи, какъ таковой), каждый надписатель юридически сталъ бы выпускать (давать) новую вексельную гарантію, не имѣя никакого эквивалента. Здѣсь неизбѣжно и неминуемо установилась бы такая путаница, которая несомнѣнно отобьетъ всякую охоту пользоваться какими бы то ни было досрочными платежами по векселямъ, какъ бы заманчивы такіе платежи ни были для всѣхъ вексельныхъ контрагентовъ и сколько бы посуловъ они, платежи, ни представляли съ экономической стороны. Все это, повторяемъ, невозможно и неисполнимо механически,—и не только по отношенію къ вексельнымъ гарантамъ, но и къ векселедателю, у котораго, при такихъ условіяхъ, даже при невозможномъ a priori на то согласія надписателей, всегда оказался бы, на нѣкоторое время по крайней мѣрѣ, эмитированнымъ вексель въ двухъ экземплярахъ, экономически имѣющихъ силу только одного, а юридически—цѣлыхъ двухъ. Не говоримъ уже о томъ, что около времени эмиссіи первоначальнаго векселя индоссентъ могъ находить для себя удобнымъ пустить вексель въ обращеніе путемъ

движность векселя и едва-ли всѣ эти ограниченія соотвѣтствуютъ экономической природѣ векселя, хотя о развитіи и поддержаніи этой подвижности составитель Проекта наговорилъ такую массу хорошихъ, но и имъ же непонятыхъ словъ.

IV.

При бѣдности русской юридической терминологіи вообще и пестротѣ устарѣлой терминологіи дѣйствующаго Устава о векселяхъ [93]) было бы, конечно, своевременно въ новомъ вексельномъ уставѣ профильтрировать старую терминологію и узаконить такіе термины, которые съ достаточною рельефностью выражали бы юридическія функціи участвующихъ въ векселѣ лицъ. Говоря о системѣ Проекта, мы вскользь упомянули о попыткѣ составителя Проекта узаконить слово «вексель» (какъ простой) и «тратту», какъ переводный вексель [94]). Показавъ всю ошибочность исходной точки составителя Проекта, по которому это оказывается необходимымъ яко бы въ видахъ согласованія терминологіи вексельнаго законодательства съ терминологіею вексельной практики, которая, замѣтимъ, и не нуждается, впрочемъ, въ такомъ согласованіи, ибо она знаетъ и различаетъ простой (такъ называемый еще соло-) и переводный вексель и всегда будетъ тотъ и другой такъ квалифицировать [95]),—мы не будемъ долѣе останавливаться на этой, въ сущ-

---

своей гарантской подписи (какъ надписатель), а чрезъ нѣкоторое время, въ моментъ переписанія векселя, такой индоссентъ, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ и кредитоспособности векселедателя, можетъ и быть радъ случаю выйти изъ числа вексельно-обязанныхъ лицъ. Съ какой бы стороны, словомъ, ни смотрѣть на предлагаемый Проектомъ выходъ, при желаніи или необходимости досрочнаго платежа по векселю, несомнѣнно, что Проектъ навсегда безусловно закрываетъ тому возможность, низводя сію послѣднюю только до наличности двухъ (не больше) вексельныхъ контрагентовъ—векселедателя и первопріобрѣтателя, которыхъ, конечно, не трудно заставить обогатить казну дополнительнымъ (иногда, возможно, и почти двойнымъ) вексельнымъ налогомъ за одну и ту же сдѣлку. Подвижности захудалаго русскаго векселя и эта мѣра также не подниметъ.

[93]) Векселепріобрѣтатель (первопріобрѣтатель), акцептатель (акцептантъ), надпись (индоссаментъ), пріобрѣтатель (индоссатъ) и т. д.

[94]) См. выше: стр. 10, 22—23.

[95]) Тратта-римесса, простой вексель и переводный—тоже римесса. По этой части у насъ царитъ полный хаосъ: сумбурность въ учебникахъ, сумбурность въ практикѣ. Къ чему же еще увеличивать эту сумбурность? Кстати. Почему составитель Проекта въ первомъ варіантѣ таковаго (отпечатанномъ и даже разосланномъ должностнымъ лицамъ) озаглавилъ раздѣлъ второй такъ: „о *векселяхъ переводныхъ*—право обязываться по *векселямъ переводнымъ*“, называя въ этомъ варіантѣ вездѣ тратту переводнымъ векселемъ

ности, невинной затѣѣ замѣны однихъ словъ другими, какъ не будемъ касаться этой, въ сущности, игры въ слова, которая можетъ, однако, имѣть и серьезное значеніе. Терминъ существующаго устава «векселедержатель, векселепріобрѣтатель», какъ неточный, неправильный и недостаточно оттѣняющій функціи этого лица, составители Проекта 1884 г. совершенно основательно пытались замѣнить чрезвычайно удачнымъ терминомъ «первопріобрѣтатель», который можно было бы ввести для простого векселя, сохранивъ для переводныхъ векселей вѣками освященный терминъ «ремитентъ». Составителю Проекта это оказалось неудобнымъ, и тотъ

лемъ и такъ именно таковую и квалифицируя, и почему онъ, какъ бы спохватившись, повернулъ вдругъ такъ круто и въ слѣдующемъ за нимъ варіантѣ изгналъ „переводный вексель", озаглавивъ въ немъ раздѣлъ второй такъ: „о траттахъ". Второй изъ названныхъ варіантовъ,—настоящій Проектъ отличается отъ перваго изъ нихъ лишь наличностью образцовъ векселей, не помѣщенныхъ въ первомъ, и нѣкоторыми очень, впрочемъ, незначительными редакціонными поправками и числомъ статей: въ первомъ ихъ всѣхъ 256, а во второмъ—255. Кстати, затѣмъ, еще для характеристики перваго варіанта въ редакціонномъ отношеніи. Примѣчаніе къ ст. 32 гласитъ: „при недостаткѣ мѣста на оборотной сторонѣ, къ ней (значитъ—къ оборотной сторонѣ?) присоединяется листъ *бѣлой* бумаги (алёнжа)". Во второмъ варіантѣ слово „бѣлой" замѣнено словомъ „чистой". Здѣсь все характерно! Рѣчь идетъ, слѣдовательно, о присоединеніи „листа бѣлой бумаги" не къ векселю и его corpus'у, а „къ оборотной сторонѣ" векселя. Затѣмъ: почему именно „листъ *бѣлой* бумаги", а не цвѣтной (розовой, зеленой и пр.), сообразно цвѣту, который, при печатаніи текста векселя въ типо-литографіи, Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ и пр.,—придается векселю въ видахъ бóльшаго его изящества, красоты формъ и пр. Далѣе: рѣчь идетъ объ *удлиненіи* (аллонжированіи, allonger) векселя. (Кстати: почему составитель остановился на терминѣ „алёнжа", менѣе доступномъ для сколько-нибудь знающихъ французскій языкъ, чѣмъ терминъ „аллонжа"). Удлинять (аллонжировать) должно только такъ, чтобы объектъ, *удлиняющій*, по формѣ (въ данномъ случаѣ—по ширинѣ и болѣе или менѣе по длинѣ) равнялся предмету *удлиняемому*. Какимъ образомъ достигнуть такого удлиненія (аллонжированія) путемъ присоединенія „къ оборотной сторонѣ векселя *листа* бѣлой бумаги"—тайна составителя Проекта. Какого „листа бѣлой бумаги", писчей, почтовой, большого или малаго формата? Вѣдь листъ бѣлой бумаги (какого бы формата бумага ни была), прикрѣпленный къ векселю, составитъ по формѣ чертежную линейку (Reisschiene), употребляемую архитекторами, инженерами, нивеллировщиками и пр., а никакъ не—аллонжу къ векселю. У составителя Проекта былъ, очевидно, предъ глазами Общегерманскій Вексельный уставъ, въ которомъ ст. 11 гласитъ такъ: „Das Indossament muss auf den Wechsel... oder ein mit dem Wechsel... verbundenes *Blatt* (Alonge) geschrieben werden". Но онъ упустилъ изъ виду, что *Blatt*—не *Bogen* и что „ein *mit dem Wechsel* verbundenes Blatt" и есть тотъ „прикрѣпленный въ векселю *листикъ, лоскутокъ* бумаги", который и предназначается для удлиненія векселя и который потому и называется аллонжей. Какъ ни смѣшонъ терминъ „прибавочный листъ", предложенный составителями Проекта 1882 г., въ видахъ, должно быть, національзаціи вексельной терминологіи, но онъ все же лучше, чѣмъ „листъ бѣлой бумаги". Нельзя же предположить, чтобы составитель Проекта хотѣлъ „бѣлизною" бумаги квалифицировать ея неисписанность и чистоту, которыя дѣлали бы возможною индоссацію векселя: излишняя предусмотрительность—вѣдь никто не станетъ прикрѣплять къ векселю, на предметъ его аллонжированія, куска старой газеты или шагреневой кожи... Все это—мелочи, но изъ такихъ мелочей сотканъ весь Проектъ.

и другой терминъ онъ замѣняетъ терминомъ «векселебратель», упуская изъ виду, что̀ векселебрателемъ можно оказаться и въ функціи индоссата, когда вексель берется «не съ руки» (aus der Hand), а въ видѣ готовыхъ векселей (gemachte Briefe). Узаконить можно, конечно, все, но къ чему узаконять то, что̀ не имѣетъ достаточнаго смысла, когда можно узаконить то, что̀, по словопроизводству, оказывается болѣе подходящимъ? Если мы обратимся къ западно-европейскимъ кодексамъ, то увидимъ, что часть ихъ по уставамъ не имѣетъ никакого термина для функцій первопріобрѣтателя-ремитента, выражая эти функціи описательно [96]), причемъ въ дѣловой и обыденной рѣчи пользуются терминомъ «ремитентъ». замѣняя его и терминомъ «бенефиціарій». Другая часть законодательствъ выражаетъ эти функціи описательно, ***поясняя въ скобкахъ эту описательность*** терминомъ «ремитентъ», причемъ только Скандинавская группа вексельныхъ уставовъ, передъ терминомъ «ремитентъ» въ скобкахъ же, какъ бы для поясненія, означаетъ «векселебрателя», прибавляя тутъ же, какъ бы не довѣряя точности термина «векселебратель» и терминъ «ремитентъ» [97]). Затѣмъ идетъ

---

[96]) Аргентинская республика: „el nombre de la persona que debe pagarla *y à quien*“ — т.-е. — имя лица, которое должно платить и ***которому долженъ быть произведенъ платежъ***“. (Ст. 776[1]).

Боливія: „el nombre de la persona *à cuya òrden ha de hacerse* el pego“, т.-е.— имя лица. ***приказу котораго платежъ долженъ быть произведенъ***“ (ст. 362[3]).

Бразилія: „o nome da persoa que devë paga-la *e a quem*, e se é exigival à ordem e de quem“, т.-е.—имя лица, которое должно платить *и кому*, также означеніе, значится ли вексель „приказу“ и чьему именно (ст. 354[5]).

Франція: „elle (la lettre de change) est *á l'ordre d'un tiers ou* à l'orde du tireur lui même“ (ст. 110).

Мальта: .... „il nome *di colui al quale* od all' ordine del quale deve farsi il pagamento“, т.-е.—.... имя того, ***которому или приказу котораго платежъ долженъ быть произведенъ*** (ст. 106).

Бельгія: „elle (la lettre de change) énonce: le nom de celui *à l'ordre de qui* la lettre est tirée, soit un *tiers*, soit le tireur lui même“ (ст. 1[4]).

Соединенные Штаты: „All notes in writing, made and signed by any person, whereby he shall promise to pay *to any other person*, or his order, or to the order of any other person... any sum of money...“ (§ 1).

[97]) Финляндія: „.... dens nam, till hwilken eller till hwars order betalningen bör ske (*wexeltagare, remittent*)“, т.-е.—имя лица, которому или приказу котораго платежъ долженъ быть произведенъ (***первый*** векселедержатель, ***ремитентъ***) (ст. 1[4]).

Скандинавскій уставъ: „En Vexel skal indeholde... dens Navn, tel hwem Betalingen skal ske (*Vexeltagar, Remmitent*—первый векселедержатель, ремитентъ)“ (§ 1).

Соединенные Штаты и Великобританія имѣютъ, впрочемъ, для функцій первопріобрѣтателя (ремитента) узаконенный терминъ *payee* (the payees and erdorsees... [§ 4]), хотя и не квалифицируютъ его, какъ таковаго въ § 1. Для функцій трассата у нихъ существуетъ терминъ *payer* или *drawe*.

Швейцарія, которая тоже выражаетъ этотъ терминъ описательно, но которая прибавляетъ въ скобкахъ терминъ «братель» (preneur) [98]), а затѣмъ уже идетъ Италія, которая хотя и не квалифицируетъ функцій ремитента описательно, называя его «prenditore», но Absatz'ы которой формулируютъ эту функцію точнѣе [99]). Игнорируя все это, составитель Проекта описательно ничего не выражаетъ, узаконяя неясный и неточный терминъ «векселебратель», котораго можно было бы и не касаться, еслибы онъ сплошь и рядомъ не вызывалъ въ Проектѣ непріятныхъ плеоназмовъ, которые почему-то ускользнули отъ слуха составителя: «*векселе*братель *тратты* (ст. 164) и попутно «*векселе*держатель протестованнаго *векселя* (ст. 98), *векселе*держатель ярмарочнаго *векселя*» (ст. 99), «*векселе*держатель *тратты*», «векселедержатель тратты по копіи» и др. (ст. 238, 241, 242).

Проектъ узаконяетъ терминъ «трассантъ», противъ котораго нельзя было бы ничего возразить, еслибы онъ былъ замѣненъ правильнѣе и безопаснѣе терминомъ «трассентъ», который болѣе извѣстенъ вексельной практикѣ, чѣмъ терминъ «трасс*а*нтъ» [100]). Обра-

---

Германія: „ ... der Name der Person oder die Firma, an welche oder an deren Ordre gezahlt werden soll (der *Remittent*)" (ст. 4[3]). (*Borchardt*, Sammlung, т. I, стр. 87).

[98]) Швейцарія: „le nom... de la personne à qui ou à l'ordre de quelle doit être payée (preneur)" (ст. 722[3]).

[99]) „Lindicazione della persona del *prenditore*» (Итальянскій уставъ, ст. 251[3]), хотя и въ данномъ случаѣ, въ томъ же Уставѣ, можно видѣть желаніе редакторовъ точнѣе квалифицировать означенный терминъ: „la cambiale puo essere tratta *al favore* del traente" (ст. 255 Absatz 1, ibid.) въ видоизмѣненіе (предполагаемой) редакціи „*al favore* del prenditore", т.-е. ...въ пользу, на имя лица, *приказу* лица, будущаго, пріобрѣтающаго вексель. Ср. учебники и курсы коммерческой корреспонденціи (итальянской), въ которыхъ терминъ „prenditore" совершенно не употребляется, замѣняясь только терминомъ „rimettente". (*C. Reggio*, Italienische Handels-Correspondenz, стр. 102—103; Wörterbuch der Handels-und Geschäftssprache на 6 языкахъ, стр. 207; *Rhode-Lehmann*'s Handels-Korrespondenz in fünf Sprachen, стр. 685). Ср. затѣмъ: *Fornasari-Verce*, Auswall deutscher und italienischer Handelsbriefe стр., 48 — 59 и въ особенности стр. 55, гдѣ говорится: ....also der *erste* Wechselnehmer (т.-е.—первопріобрѣтатель), Wechselempfänger (т.-е.—векселебратель съ руки)—colui, a favore (a disposizione, all'ordine) del quale, nominato nella Cambiale, vien emessa una lettera di cambio. Все это изъ области обыденной, дѣловой жизни. Вотъ показанія и съ другой стороны: persona del prenditore—colui al quale deve essere pagata *in origine* e che *per il primo* riceve *dalle mani* del traente... (*Calamandrei*, la Cambiale); ср.: Supino, Vidari, Gallaversi: вездѣ комментаріи и желаніе описательно выразить эти функціи именно въ виду неясности и неточности *prenditore*, который признанъ такимъ, слѣдовательно, на своей же родинѣ. Если *тратта* не *вексель*, то не можетъ быть рѣчи о „*векселебратель* тратты". Вотъ что значитъ желаніе быть оригинальнымъ quand même!

[100]) Проектъ очень облюбовалъ терминъ „трасс*а*нтъ", который съ большею пользою можно было бы замѣнить терминомъ „трасс*е*нтъ". Послѣдній, противоставляемый

щаясь къ редакціоннымъ неточностямъ Проекта, должно замѣтить, что ихъ очень много и что нѣкоторыя изъ статей таковы, что представляются очень сумбурными.

„Сумма векселя не должна превышать *цѣны* разбора вексельной бумаги; количество превышающее не входитъ въ сумму векселя“ (ст. 8).

Подъ *цѣною* разбора вексельной бумаги можно понимать лишь цѣну вексельной бумаги, а—не ту сумму, на которую можетъ простираться написанный на бумагѣ вексель. Замѣчаніе это относится

термину „трассатъ“, меньше возбуждаетъ недоумѣній и даже ошибокъ, чѣмъ терминъ „трасс*ант*ъ“. Буква *е* вмѣстѣ съ буквою *н* (трасс*ен*тъ) составляютъ двойной противовѣсъ опискѣ или опечаткѣ въ этомъ терминѣ, въ особенности, когда таковой поставленъ рядомъ съ терминомъ „трассатъ“. При зачаточномъ состояніи нашей юридической терминологіи, когда законъ призванъ установить самую терминологію, и при слабомъ развитіи у насъ знанія языковъ вообще, а латинскаго среди купечества, воспитанниковъ коммерческихъ и реальныхъ училищъ, для которыхъ терминологія, главнымъ образомъ, предназначается, въ особенности, слѣдовало бы подумать и объ этомъ. Терминъ „трасс*ант*ъ“ (въ противоположность трассату) хорошъ въ ни для кого не обязательной доктринѣ; оріентироваться въ этихъ терминахъ сможетъ только спеціалистъ-камбистъ. Въ терминѣ же „трасс*ен*тъ“ оріентироваться легче и онъ, во всякомъ случаѣ, долженъ быть предпочтенъ термину „трасс*ант*ъ“, который всегда будетъ больше возбуждать сомнѣній, чѣмъ терминъ „трасс*ен*тъ“ и который, во всякомъ случаѣ, представляетъ меньше шансовъ для ошибокъ и опечатокъ. Что наше замѣчаніе не голословно, объ этомъ свидѣтельствуетъ самый Проектъ, который такъ облюбовалъ „трасс*ант*а“ и въ которомъ вкралась слѣдующая непростительная опечатка:

„....Въ такомъ случаѣ трассатъ обязанъ уступить векселедержателю свои права по разсчетамъ съ трассатомъ“ (трасс*ант*омъ?) (ст. 229, стр. 26 Проекта). Цитируемъ по первому варіанту, который затѣмъ нѣсколько видоизмѣненъ. Ср. выше: прим. 95.

Составитель Проекта можетъ возразить, что терминъ „трассантъ“ не чуждъ латинской, а съ нимъ и нѣмецкой терминологіи (Trassant). Но за то послѣдней не чуждъ и терминъ „трассентъ“, который, впрочемъ, *всегда* замѣняется своимъ терминомъ *Aussteller* (выставитель, выставляющій, выписывающій тратту, эмитентъ векселя), каковому термину противоставляется свой же терминъ *Bezogene*, какъ у англичанъ термину *drawer* противоставляется терминъ *drawe*, у французовъ *tireur—tiré*, у итальянцевъ —*traente* или *emittente*—термину *trattario* и т. д. Вездѣ замѣтно стремленіе, для устраненія ошибокъ и опечатокъ, оттѣнить и по возможности разъединить эти термины, отвести одинъ отъ другого, сдѣлать ихъ наиболѣе рельефными. Вся вексельная терминологія свидѣтельствуетъ объ этомъ съ несомнѣнностью. Терминъ „индосс*ант*ъ“ противоставляется термину „индоссатъ“, но оба термина и въ законодательствахъ, и въ обыденной рѣчи другъ отъ друга отдаляются, замѣняясь: первый—терминомъ „индосс*ен*тъ“, а второй—терминомъ „индоссаторъ“ или „индоссаторій“. (Indossent—Indossator или: Girant—Giratar; indorser—indorsee; endosseur,—а функціи индоссата выражаются описательно; girante—giratario и т. д.). То же и относительно термина „регресс*ант*ъ“, который противоставляется термину „регрессатъ“ но и который, по тѣмъ же соображеніямъ, замѣняется терминомъ „регредіентъ“. Только очень немногіе изъ терминовъ вексельнаго права поддаются этому общему правилу (гонорантъ—гоноратъ; протестантъ—протестатъ), но за то они и употребляются рѣдко и во многихъ законодательствахъ выражаются въ описательной формѣ.

также къ ст. 9 Проекта, гдѣ, равнымъ образомъ, смѣшана цѣна вексельной бумаги и сумма обязательства, для котораго назначена вексельная бумага. Наибольшее сомнѣніе возбуждаетъ конецъ ст. 8, именно—о томъ, что „количество превышающее не входитъ въ сумму векселя“, причемъ, по Проекту, остается неизвѣстнымъ, остаются ли въ силѣ пока еще неотмѣненныя статьи Устава о герб. сборѣ, касательно десятикратнаго штрафа, или—нѣтъ. Въ настоящее время, въ случаѣ написанія векселя на ненадлежащей вексельной бумагѣ, всѣ вексельные контрагенты подлежатъ штрафу, но самый вексель не лишаетъ права требованія всей значащейся въ немъ суммы. Идти дальше штрафа и обрекать векселедержателя на потерю права на всю ту сумму, которая превышаетъ означенную въ вексельной бумагѣ сумму акта, нѣтъ никакихъ основаній прежде всего по тому одному, что такое лишеніе права повлекло бы за собою обогащеніе одного на счетъ другого. Затѣмъ, какъ разсматривать такой вексель въ томъ случаѣ, когда онъ окажется неопротестованнымъ въ срокъ? По ст. 121—122 Проекта неопротестованный вексель обращается въ домашній долговый документъ, который по гражданско-правовымъ законамъ тѣмъ не менѣе дѣйствителенъ во всей означенной въ немъ суммѣ, даже несмотря на ненаписаніе документа на надлежащей гербовой бумагѣ. Окажется по Проекту, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ будетъ удобнѣе и выгоднѣе взыскивать по неопротестованному векселю, чѣмъ по опротестованному. По Проекту же слѣдуетъ, что:

> „если въ текстѣ векселя сумма означена не разъ, во вниманіе принимается лишь одно означеніе. Если въ текстѣ векселя сумма означена не разъ и въ разныхъ количествахъ, во вниманіе принимается количество наиболѣе соотвѣтствующее цѣнѣ вексельной бумаги“ (ст. 9).

Если въ векселѣ одна и та же сумма означена нѣсколько разъ (она и означается вездѣ *два* раза: цифрами вверху векселя и прописью въ его текстѣ) [101]), то никакого затрудненія, очевидно, воз-

---

[101]) Рѣчь объ образцахъ-формулярахъ, приложенныхъ къ Проекту, будетъ впереди. Пока замѣтимъ только, что напрасно составитель Проекта, въ приложенныхъ къ нему образцахъ, исключилъ изъ сихъ послѣднихъ обязательное означеніе суммы вверху цифрами. Если составитель Проекта оказалъ намъ эту честь и, составляя для своего Проекта образцы, руководствовался нашими замѣчаніями относительно конструкціи и характера нынѣ дѣйствующихъ и обязательныхъ образцовъ (см. *Барацъ*, Вексельное право, стр. 127 прим. 9, стр. 599 прим. 14, стр. 694 прим. 26, стр. 697 прим. 27, стр. 699 прим. 29, стр. 703 прим. 31 и др. и ср. съ образцами №№ 1—6 Проекта), устранивъ изъ сихъ

никнуть не можетъ, а потому первая часть представляется излишнею. Что же касается второй части статьи, то она совершенно непонятна, что̀ станетъ ясно хотя бы изъ такого примѣра: вексель написанъ на вексельной бумагѣ третьяго разбора (отъ 100 до 200 рублей) цѣною въ 30 копѣекъ за листъ съ двукратнымъ означеніемъ суммъ — одной въ 160 рублей, а другой—въ 190 рублей. Какая именно изъ этихъ двухъ суммъ наиболѣе соотвѣтствуетъ цѣнѣ вексельной бумаги—сумма въ 160 или въ 190 рублей? Всѣ западно-европейскіе кодексы, а съ ними и Проектъ 1884 г. разрѣшаютъ этотъ вопросъ очень просто, постановляя, что „если сумма векселя означена нѣсколько разъ словами и цифрами, но не въ одинаковомъ размѣрѣ, то обязательнымъ считается размѣръ, показанный въ текстѣ словами; если въ текстѣ сумма векселя означена словами нѣсколько разъ не въ одинаковомъ размѣрѣ, то обязательнымъ считается наименьшій размѣръ“, хотя, должно прибавить, для Россіи и это не имѣетъ смысла: при томъ значеніи, какое у насъ имѣетъ форма (образецъ) [102]) векселя, такое постановленіе не имѣетъ

послѣднихъ массу ненужнаго хлама и громоздкости и имѣя въ виду, въ частности, наше замѣчаніе относительно означенія суммы въ заголовкѣ векселя цифрами (*Барацъ*, ibid., стр. 697 прим. 27),—то мы должны сказать, что оказались непонятыми: противъ означенія суммы векселя *и* цифрами въ заголовкѣ мы не только не возражали, но даже на этомъ настаиваемъ, такъ какъ для подвижности векселя и его болѣе легкой циркуляціи (при наличности, конечно, другихъ необходимыхъ условій, какъ добротность подписей и пр.)—это имѣетъ громадное значеніе: только сумма, означенная въ заголовкѣ цифрами и сличенная, конечно, предварительно съ суммою векселя, прописаннаго въ текстѣ, служитъ механически основаніемъ для отысканія нужнаго векселя въ портфелѣ, для извлеченія изъ таковаго, на предметъ переучета, тѣхъ, а не иныхъ апуэновъ и пр. Можно даже съ достовѣрностью сказать, что еслибы Проектъ сталъ закономъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ стали бы обязательными и приложенные къ нему образцы, то практика стала бы, въ видахъ удобствъ, хотя бы только въ механическомъ отношеніи, означать сумму векселя *и* цифрами вверху (дополнительно) въ заголовкѣ векселя. Только это имѣютъ въ виду всѣ законодательства, говоря о разнорѣчіи въ означеніи суммъ векселя. По отношенію же къ Проекту непонятно, о какомъ именно разнорѣчіи въ показаніяхъ суммъ идетъ рѣчь, когда по образцамъ-формулярамъ (образцы №№ 1—6) сумма обозначается *одинъ только разъ* въ текстѣ векселя, а самый текстъ Проекта, трактуя о разнорѣчіи въ показаніяхъ суммъ, тѣмъ самымъ допускаетъ и ихъ многократность.

[102]) Пишущій эти строки былъ еще на дняхъ свидѣтелемъ въ одномъ изъ здѣшнихъ крупныхъ банковъ такой сцены: къ дисконту былъ представленъ лично, на основаніи предварительно состоявшагося соглашенія, однимъ очень извѣстнымъ лицомъ вексель, выписанный (выданный) не менѣе извѣстнымъ (въ смыслѣ кредитоспособности) лицомъ, но—такъ, что заключительная часть векселя гласила: „которые я отъ него сполна получилъ“, съ пропускомъ, слѣдовательно, примѣнительно къ образцамъ нынѣ дѣйствующаго Уст. о векс., формулы: „товарами“ или „наличными деньгами“. Служащіе въ Банкѣ отказались принять въ дисконтъ означенный вексель, мотивируя свой отказъ выписанностью векселя не по формѣ, т.-е. несоотвѣтственно съ подлежащимъ образцомъ-формуляромъ. На замѣчанія лица, представившаго вексель, въ качествѣ первопріобрѣтателя и

вообще смысла—векселей съ такимъ неодинаковымъ обозначеніемъ все равно никто не приметъ.

Въ Дополнительной Запискѣ (стр. 21) комментируется ст. 9 Проекта, которая „даетъ разрѣшеніе недоразумѣній и затрудненій, какія возможны вслѣдствіе двусмысленностей и неправильностей въ изложеніи векселя“:

„На вексельной бумагѣ 15 разбора (до 4000 рублей) обязательство заплатить изложено такъ: а) повиненъ заплатить *двѣ тысячи* рублей и еще *двѣ тысячи* за счетъ NN., б) повиненъ заплатить *двѣ тысячи* по

надписателя, что это—придирка, что валютное признаніе, хотя бы и неквалифицированное, имѣется на лицо, что вексель вполнѣ законенъ и т. п., отвѣтъ, въ смыслѣ отказа, получался тотъ же. Обратились всѣ in corpore къ директору Банка. Отвѣтъ послѣдовалъ тоже въ отрицательномъ смыслѣ, хотя кредитоспособность вексельныхъ контрагентовъ не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію,—они были хорошо извѣстны Банку и его представителямъ и дѣло шло о суммѣ въ 35 т. рубл., переписывать которую за-ново, яко бы по формѣ, съ новымъ крупнымъ расходомъ на вексельную бумагу, не входило въ разсчеты векселеучастниковъ. Споръ разрѣшился запросомъ по телефону у извѣстнаго биржевого нотаріуса на тему о томъ, можетъ ли вексель съ такимъ деффектомъ подлежать эвентуально опротестованію, къ каковому способу разрѣшенія сомнѣній въ сомнительныхъ случаяхъ прибѣгаютъ, впрочемъ, всѣ кредитныя учрежденія. Отвѣтъ съ оговоркою „хотя и несмотря“ и пр. полученъ былъ по телефону же отъ нотаріуса утвердительный и вексель былъ принятъ къ учету безъ задержки. „Дай Богъ нотаріусу только не умереть до срока векселя“, заявили чины Банка, считая себя застрахованными, благодаря его обѣщанію эвентуально опротестовать этотъ вексель въ неплатежѣ, хотя должно прибавить, что *письменно* такихъ обѣщаній нотаріусъ не даетъ никогда, т.-е. на письменной запросъ письменно, по принципу, не отвѣчаетъ, отлично понимая, чти опротестованіе или неопротестованіе векселя, вслѣдствіе отсутствія въ немъ квалифицированнаго валютнаго признанія, можетъ зависѣть отъ его взгляда и настроенія, но, во всякомъ случаѣ, можетъ быть сочтено и незаконнымъ. Здѣсь, въ этомъ инцидентѣ, все характерно. Учрежденія, по самой природѣ своей и во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ, наименѣе формалистическія и наименѣе бюрократическія, оказываются первѣйшими формалистами и буквоѣдами, когда дѣло касается внѣшней, стилистической формы векселя, потому что и нотаріусы, къ которымъ такой или иной вексель можетъ попасть въ срокъ въ протестъ, оказываются такими же педантами и формалистами, въ чемъ, впрочемъ, и ихъ нельзя винить. Биржевой нотаріусъ, правда, не такъ придирчивъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ готовъ игнорировать стилистическую шероховатость текста векселя, но, опять-таки, это на основаніи личныхъ, субъективныхъ взглядовъ. Въ данномъ случаѣ, съ его благословенія, вексель былъ принятъ къ учету, но завтра на его мѣстѣ можетъ оказаться другой, который формѣ будетъ придавать первенствующее значеніе, и тотъ же вексель въ срокъ могъ бы оказаться непротестоспособнымъ, а потому—и преюдицированнымъ. Только этимъ можно объяснить себѣ и то, что имѣются и такія учрежденія, которыя ни съ какими запросами къ нотаріусу (хотя бы и къ своему, постоянному) не обращаются, просто бракуя векселя, которые не представляютъ собою фотографической копіи съ образцовъ-формуляровъ, хотя бы самые векселя и оказывались съ подписями самыхъ первоклассныхъ фирмъ. Винить ихъ въ этомъ нельзя—они поступаютъ только послѣдовательно, такъ какъ, разъ существуютъ обязательные образцы, нужно ихъ и придерживаться. Относительно взглядовъ на этотъ вопросъ Государственнаго Банка, идущаго въ вопросѣ о формахъ такъ далеко, какъ не заходило еще ни одно изъ частныхъ кредитныхъ учрежденій, см: *Бараць*, Вексельное право, стр. 694 прим. 26.

предъявленію и *двѣ тысячи* на Крещенской ярмаркѣ, в) повиненъ заплатить *двѣ тысячи* въ Москвѣ и *двѣ тысячи* въ Казани . . . . (Курсивы подлинника). Въ ея неоднократныхъ означеніяхъ сумма векселя означена въ разныхъ количествахъ. На той же бумагѣ 15 разбора вексель изложенъ такъ: повиненъ я заплатить двѣ тысячи рублей за товаръ, тысячу рублей по порученію NN и девятьсотъ тридцать рублей за квартиру: которую изъ суммъ считать суммою векселя? Вторая половина ст. 9 даетъ отвѣтъ: считать суммою векселя ту, которая наиболѣе отвѣчаетъ разбору употребленнаго листа вексельной бумаги, то-есть двѣ тысячи рублей".

Оставляя вопросъ о томъ, насколько редакція означенной ст. 9 Проекта по своей конструкціи даетъ основаніе для толкованія ея въ такомъ именно смыслѣ, въ какомъ ее комментируетъ предлежащій текстъ Записки, нельзя не спросить прежде всего, къ чему понадобилась вся эта статья. Отвѣтъ даетъ та же Дополнительная Записка, по которой означенная статья

„а) устраняетъ *долевые векселя* (курсивъ въ подлинникѣ), т.-е. принципъ единства примѣняетъ и къ суммѣ векселя, б) спасаетъ вексель отъ недѣйствительности и в) устраняетъ способъ разрѣшенія сомнѣній. . . . въ пользу должника". (Ibid, стр. 21—22).

Казалось бы, проще устранить принципіально долевые векселя и не заботиться затѣмъ даже о спасеніи недѣйствительности такого векселя, контрагентовъ котораго, за незнаніе формъ-образцовъ векселей, можно было бы даже наказать и тѣмъ научить не писать безсмысленныхъ векселей, которыхъ, впрочемъ, въ такомъ видѣ не только никто не возьметъ въ руки, но никто никогда не напишетъ и не подпишетъ... А гдѣ „образцы", которые устранятъ эту галиматью? Вѣдь «Уставъ о векселяхъ уже создалъ вексель, онъ за 60 лѣтъ своими постановленіями, а также своими *образцами* (курсивъ подлинника) повліялъ на строй современнаго вексельнаго оборота; Проектъ не имѣлъ вѣдь въ виду передѣлывать вексельный слогъ» (стр. 4, 22 Ibid). Чего же бояться и къ чему заботиться о спасеніи такого дѣйствительно недѣйствительнаго и, прибавимъ, даже и у насъ въ Россіи невозможнаго и немыслимаго векселя?

Говоря объ условіи о процентахъ, которое, какъ и неустойка, по векселю, не допускается, составитель Проекта прибавляетъ, что «такія условія *не имѣютъ значенія для векселя*» (ст. 10), разумѣя подъ этимъ ясную для юриста, но неясную и непонятную для частнаго лица формулу, по которой такое условіе считается какъ бы ненаписаннымъ. Это особенно важно въ виду установлен-

наго Проектомъ превращенія неопротестованнаго векселя въ домашній долговой документъ (ст. 121—122), а при такихъ условіяхъ можетъ и здѣсь оказаться, что, по Проекту, неопротестованный вексель можетъ и въ данномъ случаѣ имѣть преимущество передъ опротестованнымъ. «Выдавшій вексель отъ имени другого отвѣчаетъ какъ векселедатель, если для его подписи за другого не было законнаго основанія» (ст. 19). Здѣсь опять отвлеченность редакціи которой не-юристъ и не пойметъ и которую можно было обобщить въ такомъ смыслѣ, что учинившій подпись на векселѣ безъ надлежащаго полномочія въ качествѣ повѣреннаго векселедателя, надписателя или иного лица, отвѣтствуетъ лично точно такъ же, какъ бы, въ случаѣ существованія полномочія, отвѣтствовало то лицо, повѣреннымъ котораго онъ подписался" [103]). Это было бы ясно и избавило бы составителя Проекта отъ необходимости повторяться непроизводительно по этому же поводу нѣсколко разъ (ст. 18, 40, 167, 172 и др.).

„Измѣненія (подчистки, помарки, поправки, приписки и пр.) въ изложеніи векселя должны быть оговорены передъ подписью векселедателя; въ противномъ случаѣ *испорченный вексель не есть вексель въ смыслѣ постановленій сего устава*" (ст. 21).

Неясность послѣдней фразы очевидна. Она признаетъ испорченный вексель тѣмъ не менѣе векселемъ, но не въ смыслѣ постановленій устава. Нужно думать, что составитель Проекта имѣлъ въ виду считать испорченный вексель домашнимъ долговымъ документомъ, но въ такомъ случаѣ такъ и слѣдовало бы выразиться.

„Означеніе полученія валюты указываетъ на возмездную *выдачу* векселя, пока не доказано противное" (прим. къ ст. 23.). „Означеніе валюты указываетъ на возмездную *передачу* векселя, пока не доказано противное" (прим. къ ст. 44). (Послѣднее—относительно индоссамента).

Является вопросъ: требуетъ ли Проектъ признанія валюты, или нѣтъ, какъ при выдачѣ (эммиссіи), такъ и при передачѣ (индоссаціи) векселя? Это правило можетъ привести къ тому ошибочному выводу, будто отсутствіе указанія на валюту въ векселѣ или въ передаточной надписи возлагаетъ на векселедержателя обязанность доказать передачу валюты, а такой выводъ, вытекающій изъ бук-

[103]) Ср. ст. 116 Проекта 1884 г.

вальнаго смысла примѣчаній къ ст. 23 и 44, подорвалъ бы въ корнѣ значеніе векселя [104]).

Проектъ требуетъ вексельной мѣтки и разрѣшаетъ наименованіе векселя «инымъ соотвѣтственнымъ выраженіемъ, если вексель изложенъ не на русскомъ языкѣ» (ст. 4), упуская изъ виду, что можно, слѣдовательно, написать въ Россіи на французскомъ или англійскомъ языкѣ вексель, который можно будетъ квалифицировать по французскому или англійскому праву «инымъ соотвѣтственнымъ выраженіемъ» (mandat, bon и пр.), и въ которомъ, кромѣ вексельной бумаги, только и будетъ аналогичнаго съ соло-векселемъ, что формула: „je m'engage à payer, J promise to pay". A Platzbillet Handelsbillet, Gutzettel и т. п.—чтó это—тоже «соотвѣтственныя выраженія»?..

Проектъ разрѣшаетъ домициляцію векселей (ст. ст. 5, 6, 7 съ 2 примѣчаніями), когда это можно было бы съ успѣхомъ включить въ одну статью, не требуя неисполнимыхъ излишествъ:

„Мѣсто (мѣстность) выдачи почитается мѣстомъ . . платежа, если въ текстѣ векселя не означено иное мѣсто платежа" . . . (ст. 5). „Векселедатель можетъ указать *адресъ и названіе того помѣщенія* въ мѣстѣ платежа, куда вексель долженъ быть представленъ . . Такое указаніе должно быть (на векселѣ) подписано векселедателемъ или включено въ текстъ векселя" (ст. 6). „Векселедатель можетъ указать плательщика, черезъ котораго будетъ произведенъ платежъ. . . . Такое указаніе *должно быть (на векселѣ) подписано векселедателемъ или включено въ текстъ* векселя" (ст. 7).

---

[104]) Отвѣчая г. Книриму, г. Цитовичъ, говоря о вексельной мѣткѣ, говоритъ, что таковая, какъ и мнѣніе о ней проф. Кона, было *вышучено* представителемъ Англіи Barclay'емъ. (Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 119). Прежде всего никакому «вышучиванію» на этомъ конгрессѣ не было мѣста. Ср.: Actes du congrès international de droit commercial de Bruxelles (1888), стр. 440—452. Что Англія противъ вексельной мѣтки—нѣтъ ничего удивительнаго: въ ней и чекъ—тоже вексель, и долевые векселя въ ней также допускаются, и аккредитивы съ частичными, разносрочными по нимъ выдачами (платежами), все—векселя. Затѣмъ: кто такое этотъ г. Barclay, котораго г. Цитовичъ взялъ себѣ въ союзники, какими трудами онъ себя зарекомендовалъ и какова его компетенція? По обложкамъ его сочиненій, онъ — Avocat à la Cour de Londres, associé de l'Institut de droit international и Chevalier de la Légion d'honneur, а весь его литературный и научный активъ, сколько извѣстно, не идетъ дальше 3 ученическихъ компиляцій: „Emancipation contractuelle de la femme mariée en Angleterre", „The French law of bills of exchange", „Assimilation des lois concernant la lettre de change» и, наконецъ, еще одной переводной работы и то—вмѣстѣ съ какимъ то *Dainville*'емъ, „Les effets de commerce dans le droit anglais". Какого бы мнѣнія г. Цитовичъ ни былъ о Конѣ, но несомнѣнно, что Barclay'ю, и не думавшему его «вышучивать», никогда до него, Кона, не подняться, ибо Конъ изъ своихъ знаній успѣлъ больше позабыть, чѣмъ Barclay'й—пріобрѣсти и имѣть въ наличности...

„Указаніе на банкъ или на банкирскую контору есть указаніе на плательщика“ (примѣчаніе).

Начать съ того, — почему «указаніе на банкъ или банкирскую контору есть указаніе на плательщика», а вытекающее, слѣдовательно, изъ этого постановленія указаніе на коммиссіонерскую, экспедиторскую контору и даже частное лицо уже не будетъ «указаніемъ на плательщика»? Если логично требовать моей подписи на векселѣ, выписанномъ въ Москвѣ съ платежемъ въ Петербургѣ, для скрѣпленія этого *иного пункта* платежа моею подписью (либо однократно въ текстѣ векселя, либо сбоку путемъ дополнительнаго подписанія), то какой смыслъ имѣетъ требованіе «указанія адреса или названія помѣщенія и поименованія плательщика» со скрѣпленіемъ при томъ всего этого моею подписью? Вѣдь для такихъ векселей важенъ юридически обоснованный пунктъ, *мѣсто* платежа, а не лица и учрежденія, которыя будутъ производить платежъ. Это неинтересно ни для кого изъ контрагентовъ, потому что я могу назначить плательщикомъ банкира Сидорова въ Ямской улицѣ, который *къ сроку платежа* по векселю (когда по Проекту и будутъ осуществляться требованія)—переѣдетъ на Николаевскую и который къ тому же времени изъ банкира превратится въ маклера, рантье, умретъ, прекратитъ платежи, перестанетъ со мною работать, заставивъ меня завязать сношенія съ другими учрежденіями и къ сроку платежа по векселю искать другого плательщика [104a]). Составитель Проекта можетъ быть увѣренъ, что это постановленіе таково, что оно никогда не будетъ примѣняться и что его всякими путями будутъ обходить на практикѣ. Въ провинціи, напр., возникаетъ масса товарныхъ векселей (земледѣльческихъ и всякихъ иныхъ), векселедатели коихъ, живя въ уѣздѣ, по деревнямъ, выписываютъ векселя съ платежемъ въ Петербургѣ, на имя городскихъ капиталистовъ крупныхъ центральныхъ губер-

---

[104a]) Относительно того, что операція оплаты домицилированныхъ векселей противопоставляется въ банковомъ дѣлѣ такъ называемымъ облиговымъ (Obligo) операціямъ т.-е. операціямъ, связаннымъ съ рискомъ и отвѣтственностью (какъ, напр., открытіе бланковыхъ кредитовъ, продажа и негоціація векселей и т. п.), какъ и относительно того, что операція оплаты домицилированныхъ векселей подводится подъ категорію наименѣе рискованныхъ, такъ называемыхъ, кассовыхъ операцій (*Cassageschäfte*), см.: *Барацъ*, Курсъ Коммерческой Корреспонденціи, стр. 13, 162 (№ 140). Отсутствіе облиговаго характера въ домициляціонной операціи и имѣетъ въ своемъ основаніи то обстоятельство, что домиціліатъ всегда стоитъ *внѣ* векселя, оплачивая таковой въ срокъ при наличности: а) покрытія со стороны домициліанта, или б) кредита, ему оказываемаго въ моментъ оплаты. Ср.: *Барацъ*, Вексельное право, стр. 439—440.

ній,—капиталистовъ, которые учитываютъ, точнѣе—переучитываютъ векселя ихъ въ Петербургѣ, присылая до срока сюда покрытіе на предметъ оплаты такихъ векселей въ срокъ. Очевидно, что отъ такихъ эммитентовъ (векселедателей), никогда дальше губернскаго города не выѣзжавшихъ, мудрено и требовать «указаніе адреса, названіе помѣщенія и имя плательщика» въ Петербургѣ, чрезъ посредство котораго эта вексельная сдѣлка должна разрѣшиться. Можно было бы привести много примѣровъ такого нормальнаго у насъ вексельнаго контрагированія, еслибы оно было интересно, но въ такомъ случаѣ къ чему было посвящать этому въ Проектѣ три статьи съ двумя еще на придачу примѣчаніями, которыя если и свидѣтельствуютъ о чемъ-нибудь, то развѣ только о томъ, что составителю Проекта нечего было измышлять.

Оправдывая такую невѣроятную комбинацію векселедателя и плательщика, г. Цитовичъ говоритъ, что подлежащею статьею Проекта

„введенъ особый видъ векселя—вексель съ плательщикомъ. *Этотъ видъ составляетъ средину между* обыкновеннымъ *векселемъ и траттою, съ другой стороны онъ напоминаетъ и чекъ. Платежъ* по такому векселю *лежитъ на отвѣтственности векселедателя,* только *переведенъ на третье лицо*—на плательщика" (Дополнительная Записка, стр. 19—20)

умильно прибавляя, что

„возможно, что, вопреки общепринятому мнѣнію, это и есть та начальная форма векселя (Urwechsel), изъ которой потомъ выросла тратта и (простой) вексель. Такова, по крайней мѣрѣ, догадка Гольдшмидта: Universalgeschichte des Handelsrechts, стр. 417 и слѣд." (Ibid).

Что касается догадки Гольдшмидта, то для насъ не совсѣмъ понятна цѣль, съ которою г. Цитовичъ ее приводитъ. Если такая начальная форма векселя такъ симпатична г. Цитовичу по своей конструкціи и по своимъ реквизитамъ, то во 1) это вѣдь еще только «догадка Гольдшмидта», которой, при всемъ уваженіи къ его авторитету, можно противопоставить «догадку» писателей, имъ же приводимыхъ contra [105]), какъ и не менѣе авторитетную реплику по исторіи векселя Шаубе по адресу того же Гольдшмидта [106]):

---

[105]) Goldschmidt, Handbuch des Handelsrechts (3-е изд. 1891): I. Band, 1 Abtheilung: Universalgeschichte des Handelsrechts, стр. 417—418 прим. 90.

[106]) См. статьи: *Adolf Schaube*—Studien zur Geschichte und Natur des ältesten Cambium въ *Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik* von Bruno Hil-

2) Urwechsel не зналъ и акцепта и индоссамента, какъ и вообще многаго такого, что̀ извѣстно современному вексельному обороту, который безъ этихъ наслоеній не можетъ и обойтись—не можетъ же это служить критеріемъ для возвращенія вспять, и въ 3) чѣмъ эта догадка подтверждаетъ—не говоримъ—необходимости, которой нѣтъ, а—шансовъ на то, что г. Цитовичъ привьетъ этотъ типъ векселя у насъ. Когда составители Проекта 1884 г. буквально обмолвились однимъ словомъ въ ст. 9 ихъ Проекта, которую *только* при казуистическомъ толкованіи можно было понять нѣсколько не такъ, какъ имѣли въ виду ихъ редакторы, г. Цитовичъ обрушился на нихъ за попытку—за то, что они «одною короткою фразою вводятъ такъ называемый *переводно-простой* (trassirt-eigener) вексель» (курсивъ подлинника) [107]). Если даже толковать неясность ихъ редакціи въ такомъ смыслѣ, въ какомъ угодно было сдѣлать это г. Цитовичу, и даже допустить, что дѣло было сдѣлано сознательно, то ничего нельзя въ этомъ видѣть: переводно-простой вексель всегда былъ и есть по существу и по гарантіи подписей простой вексель, отличаясь отъ него лишь по формѣ [108]). Въ немъ есть извѣстный смыслъ, и онъ не претендуетъ ни на какія новшества, которыхъ вводить по отношенію къ нему нѣтъ надобности. Г. же Цитовичъ «вводитъ» тоже «особый видъ векселя, составляющій средину между обыкновеннымъ векселемъ и траттою», но вводитъ—съ формою, не имѣющею за собою никакой опоры въ прошломъ, ни потребности въ настоящемъ и никакихъ шансовъ въ будущемъ, и не только

---

debrand (Conrad-Elster) 3-te F. 10 Band—2 Heft (1895), стр. 153—191 и продолженіе той же статьи въ томъ же журналѣ (1895) 3-te F. 10 Band—4 Heft, стр. 511—534. Шаубе очень убѣдительно доказываетъ ошибочность взгляда Гольдшмидта, говоря, по поводу спора сего послѣдняго съ Эндеманомъ относительно Urwechsel'я, что „es könnte scheinen, als ob der Gegensatz zwischen Endemann und Goldschmidt auf einen blossen Wortstreit hinausliefe“ (loc. cit., стр. 154) и характеризуя въ очень неделикатной даже формѣ оспариваніе Гольдшмидтомъ положеній Эндемана, какъ „критическую глупость“ (... so wäre die Anfechtung dieses Bezeichnung in der That mehr eine kritische Marotte, als dass sie Anspruch auf thatsächlich wissenschaftliche Bedeutung erheben könnte) (ibid). См. затѣмъ его же (Schaube) изслѣдованіе contra Гольдшмидта въ журналѣ послѣдняго „Zeitschrift für das gesammte Handelsrecht“, т. 43 (N. F. 28): „Anfänge der Tratte“, стр. 7, 9, 11, 13 и др., въ которомъ онъ, на основаніи самаго аутентичнаго матеріала, доказываетъ ошибочность взгляда Гольдшмидта. См. затѣмъ его же (Schaube) изслѣдованіе: „Einige Beobachtungen zur Entstehungsgeschichte der Tratte“ въ „Zeitschrift der Savigny-Stiftung (für Rechtsgeschichte) XIV, Germanistische Abtheilung, стр. 111 и дальше.

107) Вексель и задачи его кодификаціи въ Россіи, стр. 19.

108) Образцы такихъ переводно-простыхъ векселей см.: *Бараць*, Вексельное право стр. 762—763. О нихъ же подробнѣе: тамъ же, стр. 201—205.

потому, что его «срединная форма» не имѣетъ ничего общаго съ потребностью оборота, хотя бы она, «съ другой стороны, напоминала и чекъ», но, главнѣйше, потому, что его «срединная форма» предполагаетъ такіе изгибы и такія сложныя экономическія отношенія между „векселедателемъ“ и „плательщикомъ“, которыхъ юридически нельзя и нѣтъ возможности нормировать. Если „платежъ по такому «срединному векселю» лежитъ на отвѣтственности векселедателя и только переведенъ на третье лицо“, то ничто не мѣшаетъ такому векселедателю выступить трассентомъ въ переводномъ векселѣ, въ которомъ отвѣтственность за платежъ всегда будетъ на немъ лежать и оставаться, и перевести платежъ на третье лицо — трассата, который будетъ знать по крайней мѣрѣ, *въ качествѣ чего и кого* онъ выступаетъ, акцептовать ли ему вексель или нѣтъ, гонорировать его или отклонить. То, другое и третье зависитъ отъ кредита, которымъ трассентъ пользуется у трассата, отъ фондовъ, которыми онъ у него располагаетъ, отъ взносовъ, поступленій и пр., которые имѣютъ поступить къ трассату за счетъ трассента, и—разныхъ другихъ экономическихъ причинъ и отношеній. Аналогію съ чекомъ въ типѣ векселя г. Цитовича можно оставить, потому что положеніе чекоплательщика совсѣмъ иное: чекъ, прежде всего, разрѣшается почти одновременно съ его эммиссіею и не далѣе во всякомъ случаѣ какъ въ 5 дней. Чекоплательщикъ имѣетъ всегда Guthaben чекодателя, ничѣмъ не рискуетъ, такъ какъ иначе чекъ перестаетъ быть чекомъ. Безъ Guthaben'а чекъ не будетъ оплаченъ, хотя бы по другимъ счетамъ (Conti) чекодатель и располагалъ суммами. Чекоплательщикъ, которому предъявляется 5-ти-дневный чекъ для visa'ы (акцепта), можетъ закрѣпостить ту сумму по текущему счету чекодателя, которую ему нужно платить чрезъ 5 дней по такому чеку. Отношенія, словомъ, не только не сложны, но очень просты, узки, ограничиваясь заранѣе опредѣленными и намѣченными предѣлами, рамками, которые не даютъ этимъ отношеніямъ раздвигаться и усложняться. Такъ ли дѣло стоитъ при «срединномъ векселѣ» Проекта, по которому вексель можетъ быть выписанъ на 3—6—9 мѣсяцевъ, въ теченіе коихъ экономическія отношенія между «векселедателемъ» и прибавочнымъ, субсидіарнымъ «плательщикомъ» могутъ быть подвергнуты также измѣненіямъ, одна перспектива коихъ отобьетъ охоту у «плательщика» снабдить такой вексель своею под-

писью, хотя бы Объяснительная Записка (стр. 2) и Дополнительная Записка (стр. 20) и сулили ему блага, по которымъ

„Отличіе его отъ тратты остается въ двухъ отношеніяхъ: а) для векселя съ плательщикомъ не можетъ быть протеста въ непринятіи, б) векселедатель векселя, акцептованнаго (!) плательщикомъ (sic!), остается все тѣмъ же векселедателемъ, но чрезъ свою подпись (акцептъ) (!) къ нему присоединился и еще одинъ векселедатель, акцептовавшій плательщикъ . . . появляется аваль . . . По Проекту подпись плательщика ставитъ его въ положеніе второго векселедателя: принятый имъ на себя платежъ—не надежда и не мечта, а юридическая необходимость, какъ и для всякаго векселедателя. Какъ уже сказано, вексель окажется теперь съ двумя подписями, и если онѣ благонадежны, будетъ годенъ къ учету . . . Уставъ Государственнаго Банка ст. 76".

Конечно, при отсутствіи другихъ посулъ, для «плательщика» пріятно и то, что такой вексель не можетъ быть опротестованъ на него въ непринятіи, хотя наличность или отсутствіе такого протеста даетъ ему такъ же мало правъ, какъ мало налагаетъ обязанностей—мало ли кто назначитъ меня плательщикомъ: для меня наличность протеста на меня въ непринятіи будетъ такъ же безразлично, какъ и его отсутствіе. Несомнѣнно и то, что «векселедатель векселя», акцептованнаго плательщикомъ (это въ простомъ-то «векселѣ»)—остается все тотъ же «векселедатель». Нѣтъ спора и противъ того, что «векселедержателю векселя» удобнѣе и пріятнѣе имѣть, кромѣ подписи векселедателя, еще и дополнительную подпись плательщика, благодаря чему появляется (модулированный?) авалъ, юридическая необходимость какъ и для векселедателя, платить по своей подписи и, тѣмъ самымъ, при «благонадежности» двухъ подписей, сдѣлать вексель удобо-дисконтируемымъ по всѣмъ правиламъ вербованія кліентовъ для Государственнаго Банка. Но позволительно спросить: если это удобно для векселедателя, представляетъ гарантіи для векселедержателя,—словомъ, если все это сулитъ такую Аркадію вексельныхъ отношеній, которыя усилятъ и разовьютъ подвижность векселя, то какой интересъ постороннему плательщику, назначенному векселедателемъ, выступить, въ простомъ при томъ векселѣ, въ качествѣ *акцептанта* sui generis, *авалиста* sui generis, *векселедателя* sui generis, хотя бы и въ сознаніи тѣхъ немногихъ льготъ, которыя ему сулитъ Проектъ? —Очевидно, никакого. Если я выступаю въ качествѣ трассента по векселю, то я такимъ путемъ либо извлекаю у трассата причитающіяся мнѣ суммы, либо усиливаю такимъ путемъ свои кассовые рес-

сурсы, продавая (негоціируя) свои трассированія (документальныя или бланковыя — безразлично). Выступая въ качествѣ трассата, я также знаю, что́ дѣлаю: я либо погашаю долгъ трассенту, либо. при бланковомъ на меня трассированіи, открываю ему кредитъ, за что получаю вознагражденіе въ видѣ такъ называемой акцептной коммиссіи и т. п. Выступая въ качествѣ надписателя (индоссента) по векселю, я знаю, что, превращая такимъ путемъ вексель въ наличныя деньги, я несу за то отвѣтственность, гарантію за добротность подписей, не говоря уже о томъ, что прибыль въ смыслѣ барышей по учету (и переучету), какъ при продажѣ (негоціаціи) заграничныхъ векселей основана все на томъ же индоссаментѣ [109]). Выступая въ качествѣ авалиста (поручителя), я дѣйствую на основаніи рѣдко-дѣловыхъ (возмездныхъ), большею частью дружескихъ, родственныхъ и всякихъ иныхъ отношеній, вызывающихъ такое вступленіе въ число вексельно-обязанныхъ лицъ. Являясь чекоплательщикомъ, я располагаю завѣдомо чужими суммами, по которымъ я плачу одинъ размѣръ процентовъ (низкій, ничтожный), получая за то, въ оборотѣ съ такими вкладами, болѣе высокій процентъ, не говоря уже о томъ, что я не несу здѣсь никакого риска, платя по чеку, если чекодатель располагаетъ суммами, и отклоняя платежъ, если ихъ у меня нѣтъ. Вездѣ и во всемъ, словомъ, есть ясныя, нормированныя юридическія отношенія, имѣющія, въ свою очередь, въ своемъ основаніи разныя, хотя сложныя, но ясныя экономическія отношенія, регулируемыя этими юридическими нормами. Каковы же юридическія отношенія къ векселедателю того «плательщика-акцептанта» sui generis, котораго вводитъ Проектъ въ простомъ притомъ векселѣ? Ихъ нѣтъ, этихъ вексельно-юридическихъ и экономическихъ отношеній, потому что ихъ быть не можетъ, а не могутъ они быть потому, что ни одинъ «плательщикъ-акцептантъ» никогда не выступитъ по Проекту въ число вексельно-обязанныхъ лицъ, не будучи обезпеченъ въ смыслѣ правъ регресса по отношенію къ тому векселедателю, за котораго онъ выступаетъ со своею подписью на векселѣ. Это возможно лишь въ одномъ слу-

---

[109]) Вексель поступаетъ ко мнѣ въ дисконтъ по одной нормѣ (Satz), напр. изъ 6% годовыхъ. Переучитывая означенный вексель, снабжая его моею болѣе добротною надписательскою подписью, я имѣю возможность сдѣлать это по разсчету изъ $5^1/_2$% годовыхъ. Точно такъ же и съ заграничными векселями: я покупаю (съ руки или по индоссаменту—безразлично) вексель на Лондонъ по курсу 94. Негоціируя этотъ вексель и снабжая его моею дополнительною, болѣе добротною подписью индоссента, я могу перепродать (негоціировать) его по курсу 94.50.

чаѣ—если векселедатель обезпечитъ такого «плательщика-акцептанта» *до* момента снабженія послѣднимъ векселя своею дополнительною подписью, слѣдовательно чуть ли не въ день эммиссіи такого векселя—экспропріированными первымъ изъ нихъ спеціально на этотъ предметъ суммами, съ обязательствомъ оставить ихъ въ неприкосновенности до разрѣшенія (оплаты) того векселя, на оплату котораго эти суммы предназначены (валедируютъ), или же—путемъ залога первымъ изъ нихъ у второго дома, имѣнія и вообще цѣнностей, которыя бы обезпечивали «плательщику-акцептанту» поступленіе платежа со стороны векселедателя. Для всего этого не нужно Проекта—контрагенты додумаются до всѣхъ этихъ комбинацій и безъ него, и притомъ на почвѣ того, что есть—т.-е. авалъ, какъ таковой, или индоссаментъ, а одними маниловскими мечтаніями относительно числа подписей на векселяхъ Проекту ихъ не увеличить, какъ не увеличить подвижности самаго векселя... Еще можно было бы понять все это, еслибы не мечты въ родѣ какого-то conditio sine qua относительно подписи плательщика (акцепта). До сихъ поръ по всѣмъ вексельнымъ уставамъ домициліатъ стоялъ внѣ векселя: поступало къ нему до срока (хотя бы въ самый срокъ) покрытіе отъ домициліанта, или пользовался сей послѣдній у перваго кредитомъ, вексель оплачивался и, относясь на счетъ домициліанта, сему послѣднему возвращался. Не поступало покрытія вовремя, или кредитоспособность домициліанта въ глазахъ домициліата стала подвергаться сомнѣнію, вексель не гонорировался, опротестовывался и шелъ себѣ въ обратномъ порядкѣ регресса, какъ нужно. Все было просто, ясно, несложно и опредѣленно. Но г. Цитовичу домициляція, какъ таковая, пришлась не по вкусу. Оказалась она ему негодною и въ его Проектѣ въ томъ видѣ, въ какомъ ее выработала многовѣковая практика вексельнаго оборота. Ему понадобился «плательщикъ-акцептантъ» и «акцептъ плательщика» (это въ *простомъ*-то «векселѣ») съ неясными и неподдающимися никакимъ нормамъ отношеніями векселедателя къ плательщику и, наоборотъ, съ юридическою необходимостью заставить quand même плательщика вступить въ число вексельно-обязанныхъ лицъ, когда это немыслимо по экономическимъ отношеніямъ между этими двумя лицами, и съ несбыточными desiderata'ми относительно какихъ-то двухъ подписей,—desiderata'ми, которыя, смѣемъ увѣрить г. Цитовича, таковыми всегда и останутся. Дальше этого его «срединный вексель» не пойдетъ. Это—яснѣе бѣлаго дня.

Оставляя затѣмъ вопросъ о томъ, почему составителю Проекта понадобилось ограниченіе сроковъ выдачи векселей только мѣсяцами, днями, тѣми и другими вмѣстѣ, а—не годами (въ Россіи и такіе векселя нужны и далеко еще не потеряли своего значенія въ смыслѣ разсрочекъ платежей на части), мы не понимаемъ, почему въ раздѣлѣ первомъ, относящемся къ простымъ векселямъ, выписывающимся и возникающимъ въ Россіи, оказались ст. 62—66, трактующія *о стилѣ* исчисленія сроковъ. Этимъ статьямъ скорѣе мѣсто въ раздѣлѣ второмъ, трактующемъ о переводныхъ векселяхъ, и это же лишній разъ показываетъ, что составитель Проекта не пренебрегъ ничѣмъ только для того, чтобы искусственно увеличить число статей раздѣла перваго въ ущербъ раздѣлу второму и тѣмъ показать, что раздѣлъ первый отличается тою полностью и отдѣланностью, которыми онъ долженъ отличаться.

„День предъявленія векселя со срокомъ (во столько-то времени) по предъявленіи удостовѣряется, на векселѣ, отмѣткою дня предъявленія, за подписью векселедателя (*или плательщика*)“ (ст. 67).

„Въ томъ случаѣ, когда вексель не могъ быть предъявленъ для отмѣтки векселедателю (*или плательщику*) въ мѣстѣ его жительства или въ мѣстѣ платежа, неполученіе отмѣтки удостовѣряется нотаріусомъ....“ (ст. 69).

„Предъявить вексель для отмѣтки и обратиться къ нотаріусу за удостовѣреніемъ въ отказѣ или въ неполученіи отмѣтки *можетъ всякій, кто имѣетъ вексель въ рукахъ*“ (ст. 71).

Рѣчь идетъ, слѣдовательно, о такъ называемой visa'ѣ, т.-е. презентаціи векселя векселедателю для помѣтки на немъ той даты, съ которой начинается исчисленіе срока [110]. „Плательщикъ“, о которомъ трактуетъ въ этихъ вышеприведенныхъ статьяхъ Проектъ — лицо субсидіарное, стоящее внѣ векселя, по нему не обязанное и являющееся только коммиссіонеромъ, на смѣну которому къ сроку векселя можетъ выступить, по порученію векселедателя, другое лицо. Спрашивается, по какимъ основаніямъ оно выступитъ, и можетъ ли оно выступить въ качествѣ лица, отмѣчающаго визу, когда такою помѣткою оно во 1) по ст. 7 можетъ быть привлечено въ качествѣ векселедателя, потому что отмѣтка о визѣ, скрѣпляемая подписью, представляетъ собою, по точному смыслу примѣчанія къ ст. 7-й „согласіе или обѣщаніе заплатить

---

[110] Подробное о visa'ѣ см.: *Барацъ*, Вексельное право, стр. 92 — 99 со всѣми примѣчаніями.

по векселю“ и 2) самое главное—не знаетъ, не можетъ знать и не должно знать о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ векселедателя. Здѣсь возможна масса случайностей; вексель можетъ оказаться съ подложною подписью векселедателя и имъ, слѣдовательно, не выданнымъ, съ вытравленными и измѣненными сроками; все это можетъ знать *только и только* дѣйствительный векселедатель; плательщикъ можетъ не имѣть покрытія и не желать активно пристегнуть себя къ обязательству, самое бытіе котораго ему еще неизвѣстно—очень часто самое извѣщеніе (адвизъ) такому плательщику посылается *незадолго* до срока съ подлежащимъ покрытіемъ одновременно; въ моментъ презентаціи ему векселя для визы оно можетъ и не знать о векселѣ. Затѣмъ, плательщикъ, оповѣщенный о томъ, что онъ назначенъ плательщикомъ, можетъ даже и обѣщать оплату при безмолвномъ предположеніи, что ему будто доставлено покрытіе, которое, за несостоятельностью векселедателя, можетъ и не поступить въ руки. Самъ «плательщикъ» можетъ пріостановить платежи и быть стертымъ съ лица земли, а векселедатель назначитъ другого плательщика, который, какъ бы его ни разсматривать, является во всѣхъ отношеніяхъ только пассивнымъ векселеучастникомъ, возлагать на котораго активныя дѣйствія, хотя бы только въ родѣ помѣтки визы, не додумалось до сихъ поръ еще ни одно изъ вексельныхъ законодательствъ. Ложный и неправильный взглядъ на одно вызываетъ такія же послѣдствія: еслибы составитель Проекта не додумался до такихъ особыхъ плательщиковъ sui generis, „съ указаніемъ адреса и названія помѣщенія“, съ квалификаціею притомъ этихъ помѣщеній въ качествѣ банковъ и банкирскихъ конторъ,—словомъ, еслибы Проектъ не содержалъ безцѣльныхъ, непонятныхъ и рѣшительно неисполнимыхъ постановленій въ ст. 5—7 съ двумя примѣчаніями, не было бы мѣста и такому невѣроятному требованію. Но это—еще не все. «Предъявить вексель для отмѣтки и обратиться къ нотаріусу за удостовѣреніемъ въ отказѣ или въ неполученіи отмѣтки *можетъ всякій, кто имѣетъ вексель въ рукахъ*» (слѣдовательно—и всякое постороннее лицо, которому вексель на этотъ предметъ будетъ присланъ). Совершенно правильно: презентація къ отмѣткѣ еще не есть презентація къ платежу. Для сей послѣдней необходимо быть легитимированнымъ векселедержателемъ, а презентація для визы есть дѣйствіе, по которому: векселедатель обязанъ, а предъявитель имѣетъ право въ силу даннаго ему, хотя бы и внѣ векселя, порученія. Но сопоставимъ

эту статью со статьею раздѣла второго, касающагося переводнаго векселя:

„Экземпляръ, отправленный для акцепта, хранитель обязанъ выдать тому, кто является *векселе*держателемъ тратты (!) по другому предъявляемому экземпляру“ (ст. 238)

и мы увидимъ, что то, чтó оказывается дозволеннымъ и допустимымъ по отношенію къ простому векселю, меньше всего нуждающемуся въ такихъ льготахъ, оказывается недопустимымъ по отношенію къ переводному векселю: рѣчь идетъ, слѣдовательно, о томъ, что хранитель акцептованнаго экземпляра (депозитарій) обязанъ выдать акцептованный экземпляръ *только правильному, легитимированному* векселедержателю, по точному смыслу ст. 73—74 Проекта. трактующихъ о всѣхъ признакахъ правильнаго векселедержательства, въ самомъ формальномъ смыслѣ этого слова. Всѣ западноевропейскія законодательства смотрятъ на этотъ вопросъ такъ, что акцептовать (dato) вексель, какъ и акцептовать вексель во столько-то по предъявленію (въ послѣднемъ случаѣ акцептъ совмѣщаетъ и визу)—не значитъ еще платить по векселю. Для трассата совершенно безразлично, кто именно является въ данномъ случаѣ предъявителемъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ—и депозитаріемъ. которыхъ притомъ, по отношенію къ одному и тому же векселю, можетъ оказаться 2. 3 и 5 разныхъ лицъ. Безразлично это и для депозитарія, который выдаетъ хранящійся у него экземпляръ, по требованію *одного изъ держателей одного изъ послѣдующихъ экземпляровъ*, хотя бы такой держатель не оказывался фактически «векселедержателемъ тратты» по преемственности надписей и прочимъ признакамъ правильнаго векселедержательства. Для всѣхъ контрагентовъ это совершенно безразлично, ибо и хранитель и истребователи не пріобрѣтаютъ такимъ путемъ никакихъ правъ по векселю: трассатъ-акцептантъ въ срокъ заплатитъ *только* на основаніи своего акцепта на одномъ экземплярѣ. соединенномъ съ тѣмъ экземпляромъ, который будетъ свидѣтельствовать о легитимированномъ векселедержателѣ [111]). Именно потому западно-европейскіе уставы формулируютъ эту статью въ такомъ смыслѣ, что депозитарій обязанъ выдать хранящійся у него акцептованный экземпляръ либо правильному векселедержателю, либо тому, кто инымъ способомъ докажетъ свое право на полученіе

---

[111]) Ср: *Барацъ*, Вексельное Право, стр. 295—371, въ особенности стр. 307—318. Ср. также: ibid., стр. 311 прим. 6, стр. 313 прим 7, стр. 322 прим. 10 и стр. 329.

(истребованіе) акцептованнаго экземпляра [112]). Смыслъ второй части этого постановленія ясенъ: истребователемъ акцептованнаго экземпляра можетъ явиться всякое лицо, ни въ какомъ отношеніи не причастное къ правильному векселедержательству по преемственности надписей. При сомнѣніи депозитарія въ правѣ такого истребователя, сему послѣднему достаточно предъявить подлежащее письмо своего препоручителя на истребованіе акцептованнаго экземпляра, чтобы такимъ путемъ доказать свое право на такое истребованіе [113]). Къ такой даже невинной, впрочемъ, провѣркѣ депозитарій также никогда не прибѣгаетъ,—намъ, по крайней мѣрѣ, такіе случаи совершенно неизвѣстны. На этой же, такъ сказать, независимости акцепта отъ лица, являющагося предъявителемъ, и основана операція предъявленія векселей къ акцепту почтовыми учрежденіями Германіи и Бельгіи. Составитель же Проекта обрекаетъ вексельныхъ контрагентовъ на слѣдующее: А. въ Лондонѣ трассировалъ на Б. въ Петербургѣ вексель, отославъ приму сюда для акцепта къ хранителю В. и негоціировавъ тамъ секунду у лица Г. До сихъ поръ, и у насъ и по всѣмъ законодательствамъ было такъ: Г. присылалъ сюда своему корреспонденту Д. даже не индоссированную на его, Г., имя секунду, а совершенно никуда ненужную терцію съ депозиціонною на ней помѣткою относительно хранителя В. По этой терціи Д. могъ истребовать отъ хранителя В. акцептованную приму (не будучи, слѣдовательно, «векселедержателемъ тратты» по всѣмъ пунктамъ статей 73—74 Проекта) и ту и другую (т.-е. акцептованную приму и безъ-индоссаментную терцію) возвращалъ по назначенію къ Г. Это—самый обыкновенный случай [114]). По Проекту же Г. въ Лондонѣ долженъ: а) либо само-

---

[112]) „Der Verwahrer des zum Accepte versandten Exemplars ist verpflichtet dasselbe demjenigen auszuliefern, der sich als Indossatar *oder auf andere Weise* zur Empfangnahme *legitimirt*“. Ст. 68 Общегерманскаго В. У., который въ другомъ мѣстѣ (ст. 18²) и по другому поводу также оттѣняетъ и подчеркиваетъ самостоятельное право на презентацію къ акцепту, учиненіе протеста въ непринятіи и пр.: „*der blosse Besitz* des Wechsels ermächtigt zur Präsentation des Wechsels und zur Erhebung des Protestes Mangels Annahme“. Рѣчь идетъ о простомъ «держаніи» векселя въ рукахъ (въ механическомъ смыслѣ), а не о владѣніи имъ по индоссаменту. Ср. Швейцарскій в. уст. ст. 785; Скандиновскій в. уст. ст. 69; Венгерскій в. уст. ст. 17² и 76 и др. Вездѣ, словомъ, полная разграниченность и раздѣльность функцій векселедержателя, какъ таковаго (по преемственности надписей) и всякаго посторонняго лица, юридически къ векселю совершенно непричастнаго.

[113]) Ср.: *Барацъ*, Курсъ Коммерческой Корреспонденціи: образцы писемъ на стр. 280—289, №№ 413—438.

[114]) Ibid.

лично пріѣхать сюда для истребованія акцептованнаго экземпляра отъ хранителя, потому что только онъ, Г., является «векселедержателемъ тратты» и «только ему хранитель обязанъ выдать акцептованный экземпляръ», либо б) Г. долженъ индоссировать тратту на имя Д., чтобы сдѣлать его правильнымъ «векселедержателемъ тратты». Другими словами, Г. долженъ ремитировать сюда тратту за 3 мѣсяца, возможно, до наступленія срока таковой, т.-е. безвозвратно совершить ея отчужденіе путемъ индоссамента, когда оно, лицо Г., предполагаетъ, можетъ быть, негоціировать вексель тамъ на мѣстѣ и сюда вовсе не пересылать его, или же можетъ имѣть намѣреніе ремитировать его въ свое время въ уплату долга въ Кіевъ или Одессу и, вообще, распорядиться какимъ бы то ни было инымъ путемъ, только во всякомъ случаѣ не тѣмъ, какой ему предписываетъ Проектъ... Читатель видитъ, что во всякомъ случаѣ и всѣ эти статьи такого свойства, что ждать отъ нихъ усиленія подвижности векселя также нельзя. Несомнѣнно и то, что статьи эти останутся изданными,—если только будутъ изданы,—только для того, чтобы никогда не исполняться: составитель Проекта можетъ быть спокоенъ—торговый оборотъ съ такими статьями никогда не примирится и создастъ при такихъ условіяхъ, какъ показываетъ и дѣйствующій Уставъ о векселяхъ, свое *обычное* вексельное право. Составитель же Проекта, хотя бы только на своемъ примѣрѣ и по своему вѣдомству, найдетъ, можетъ быть, случай узнать и понять, почему у насъ развито въ такой сильной степени уваженіе къ закону вообще и почему у насъ такъ развита способность его обходить...

„Векселедержатель (отчего ужъ не „векселедержатель тратты“), не получившій отъ хранителя экземпляра для акцепта (отчего не — акцептованнаго экземпляра?) долженъ удостовѣрить протестомъ, что 1) посланный для акцепта экземпляръ не полученъ отъ хранителя и 2) что платежа по имѣющемуся у него, векселедержателя (тратты?), другому экземпляру не послѣдовало“ (ст. 239).

До сихъ поръ былъ извѣстенъ повсемѣстно относительно переводнаго векселя: а) протестъ въ непринятіи и б) протестъ въ неплатежѣ. При невыдачѣ хранителемъ акцептованнаго экземпляра, учинялся «протестъ въ невыдачѣ акцептованнаго экземпляра». Протестъ въ неплатежѣ въ данный моментъ невозможенъ, такъ какъ истребованіе акцептованнаго экземпляра нормально совершается *до* срока съ тѣмъ, чтобы въ срокъ представить (предъявить) оба экзем-

пляра. Проектъ же требуетъ, кромѣ удостовѣренія протестомъ, что векселедержатель не получилъ отъ хранителя акцептованнаго экземпляра—еще и удостовѣреніе, „что платежъ по имѣющемуся у него, векселедержателя, другому экземпляру не послѣдовалъ“. Спрашивается, какая связь между протестомъ *на* (противъ) *хранителя* за невыдачу имъ акцептованнаго экземпляра и—протестомъ о неплатежѣ, который можетъ и долженъ быть совершенъ только *на* (противъ) *трассата-акцептанта*, даже еслибы допустить, что Проектъ сознательно разрѣшаетъ протестъ тратты *до* срока въ неплатежѣ на трассата, который можетъ и не знать (да онъ и не обязанъ знать) тѣхъ причинъ, по которымъ хранитель не выдаетъ акцептованнаго экземпляра.

V.

Проектъ (ст. 83) вводитъ и узаконяетъ граціонные дни (дни обожданія) въ нѣсколько, правда, сокращенномъ видѣ (*два* дня для всѣхъ векселей, вмѣсто существующихъ нынѣ 10 дней), не распространяя почему-то граціонныхъ дней на векселя по предъявленію (à vue), для которыхъ граціонные дни, казалось бы, должны быть признаны наиболѣе необходимыми. Для тѣхъ, кому извѣстно, во что превратились въ Россіи граціонные дни, ясно, что они ничему не служатъ, а только фиктивно удлиняютъ срокъ векселя, вводя никому ни для чего ненужное, совершенно безцѣльное и ничѣмъ не оправдываемое усложненіе разсчетовъ между вексельными контрагентами, начиная съ векселедателя и первопріобрѣтателя и кончая индоссатомъ-презентантомъ и его векселе-предшественниками. Въ отношеніи къ векселямъ, писаннымъ на срокъ (къ числу такихъ векселей мы относимъ не только векселя, писанные на опредѣленный день, но и векселя, писанные на опредѣленное время по написаніи или на опредѣленное время по предъявленію, а также векселя ярмарочные), — дни обожданія совершенно излишни. Они являются здѣсь, какъ сказано, ничѣмъ инымъ, какъ простымъ удлиненіемъ срока векселя: векселедатель или плательщикъ считаетъ срокомъ векселя не назначенный въ немъ день, а—послѣдній день обожданія, и, сообразно съ этимъ, приготовляется къ платежу. Гарантіею исправнаго платежа дни обожданія служить не могутъ. Отъ векселедержателя (первопріобрѣтателя), желающаго обезпечить за собою право требованія платежа въ извѣстный день, всегда за-

висить этого достигнуть назначеніемъ срока векселя 10 или 2 днями раньше. Въ большинствѣ западно-европейскихъ законодательствъ граціоннымъ днямъ нѣтъ мѣста, а тамъ, гдѣ они сохранились, они сохранились только по преданію и существуютъ, во всякомъ случаѣ, только на бумагѣ: ни одинъ акцептантъ (плательщикъ) ими не пользуется и всѣ разсчеты, напримѣръ, по ремитируемымъ туда (на Западъ) и тамъ платежнымъ векселямъ учиняются по первый (единственный) срокъ векселя—плательщикъ, не уплатившій въ (первый) срокъ, не уплатитъ и въ послѣдній (граціонный) срокъ. То же относится и къ векселямъ, тамъ возникающимъ и тамъ же разрѣшающимся. У насъ совсѣмъ не то. При малой культурности нашего купечества и въ особенности той его части, которая обязывается простыми векселями, только одинъ суевѣрный страхъ предъ протестомъ служитъ стимуломъ для исполненія принятаго на себя обязательства въ срокъ безъ понужденія и понуканія, а отсутствіе правильно организованнаго счетоводства и непониманіе того, что платежъ по формальному или неформальному обязательству не есть безвозвратный платежъ,—дѣлаютъ то, что такой людъ на каждый платежъ смотритъ какъ на безвозвратную выдачу, какъ на чистую потерю [115]). Если затѣмъ принять во вниманіе, что, съ узаконеніемъ двухъ граціонныхъ дней, регистрація сроковъ векселей станетъ очень затруднительною съ точки зрѣнія бухгалтеріи и, вообще, счетоводной техники, то можно съ достовѣрностью сказать, что учетъ (дисконтъ) векселей будетъ очень затрудненъ — ихъ будутъ очень неохотно брать къ учету [116]). Не подлежитъ сомнѣнію, что введеніе проектируемыхъ хотя бы только двухъ граціонныхъ дней еще больше «разслабитъ» нашъ вексель и, во всякомъ случаѣ, не подниметъ его слабой подвижности. Лучше ужъ оставить нынѣшній порядокъ въ 10 граціонныхъ дней, который въ механическомъ отношеніи, во всякомъ случаѣ, долженъ быть предпочтенъ проектируемымъ двумъ днямъ, хотя и наступило давно время отказаться отъ

---

[115]) См.: *Барацъ*, Вексельное право стр. 192, прим. 66 (въ срединѣ), въ которомъ охарактеризованъ взглядъ нашего купечества на преюдицію векселя. Въ частности, относительно граціонныхъ дней ср.: ibid., стр. 375 прим. 6.

[116]) Какъ неохотно берутъ въ настоящее время къ учету трассированные на Россію векселя по предъявленію во столько-то (Zeitsichtwechsel), именно въ виду 3 граціонныхъ дней, которыми такіе векселя, по дѣйствующему законодательству въ Россіи, пользуются. Соло-(простыхъ) векселей этого типа въ обращеніи вовсе нѣтъ, а если они и попадаются на свѣтъ Божій, то они всегда обречены на то, чтобы оставаться въ портфелѣ первопріобрѣтателя. Характеръ сихъ послѣднихъ—обезпечительный.

тѣхъ и другихъ, сохранивъ граціонные дни только для векселей по предъявленію. для которыхъ такіе дни являются актомъ справедливости и даже—необходимости [117]).

Относительно протеста составитель Проекта говоритъ, что „вексель неоплаченный въ срокъ платежа долженъ быть въ тотъ же срокъ протестованъ въ неплатежѣ“ (ст. 95) и далѣе:

> „*Заявленіе векселедержателя мѣстному нотаріусу о неполученіи платежа* по правильно предъявленному векселю *есть протестъ* (т.-е. протестный актъ, актъ протеста). Заявленный къ протесту вексель оставляется у нотаріуса“ (ст. 96).

Чтобы понять всю невозможность этого нововведенія, необходимо прежде всего прибавить, что западно-европейская терминологія знаетъ слово «протестъ» въ двухъ направленіяхъ,—въ смыслѣ отвлеченно совершаемаго дѣйствія надъ векселемъ, т.-е. его опротестованія (Protest, Protêt), и акта протеста (какъ документа, Protest-Urkunde, acte de Protêt, т.-е. протестный актъ-документъ) [118]). Должно, впрочемъ, прибавить, что и тамъ для краткости пользуются и въ томъ и въ другомъ случаѣ однимъ терминомъ «протестъ»,

---

[117]) Относительно граціонныхъ дней и того, во что они превратились въ Россіи, см. подробнѣе: *Барацъ*, Вексельное право, стр. 375 прим. 6, стр. 566 прим. 27 и стр. 193 съ образцомъ объявленія (реестра), подаваемаго Государственному Банку при представленіи векселей на коммиссію (въ немъ—графа: «срокъ платежа, *включая* 10 граціонныхъ дней»). Ср. также: *Барацъ*, Курсъ Коммерческой Корреспонденціи, стр. 234, 238, 239, 240, 243, 245—246 и др. съ разсчетами по учету и переучету векселей: старый Уставъ Государственнаго Банка; формы печатныхъ объявленій (реестровъ), подаваемыхъ Государственному Банку по учету векселей, такіе же печатные бланки въ частныхъ банкахъ и, наконецъ, (новый) Уставъ Государственнаго Банка, ст. 82 (Собраніе Узаконеній и Распоряженій Правительства, № 101 отъ 24-го іюня 1894 г.). Вездѣ и всегда разсчетъ учиняется по послѣдній граціонный день. Въ этихъ же реестрахъ Государственнаго Банка графы-колонны: «векселедатели и акцептатели» и «отмѣтка о задолженности векселедателей или акцептателей» съ полнымъ отождествленіемъ функцій векселедателя (простого) и трассата-акцептанта (переводнаго) векселя и съ невозможностью, слѣдовательно, по реестрамъ квалифицировать векселя по ихъ конструкціи юридически и съ еще меньшею возможностью утверждать, на основаніи этихъ реестровъ, что „обращающіеся въ Государственномъ Банкѣ переводные векселя составляютъ *только полпроцента* всего числа поступающихъ въ оный векселей“ (Курсивъ въ подлинникѣ). О непреложности этихъ статистическихъ данныхъ см. выше: стр. 37—38.

[118]) Объ этомъ см.: *Барацъ*, Вексельное право, стр. 408 прим. 1. Напрасно только г. Цитовичъ (Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 43), въ своей репликѣ г. Книриму, играетъ моими словами и, выдвигая меня, какъ буферъ, противъ г. Книрима, прикрывается мною, въ виду высказаннаго мною положенія относительно протеста какъ отвлеченнаго дѣйствія, и—протеста какъ акта, документа. Въ оцѣнкѣ нововведеній Проекта относительно протеста, какъ и многихъ если не всѣхъ другихъ статей Проекта, г. Книримъ безусловно правъ, и прикрывать г. Цитовича, если только онъ въ этомъ нуждается, я не имѣю ни малѣйшаго основанія.

а русская терминологія отождествляетъ то и другое въ одномъ словѣ «протестъ», причемъ и въ разговорной, и въ письменной рѣчи только и принято пользоваться этимъ терминомъ въ томъ и другомъ случаѣ, предоставляя читателю и слушателю, по смыслу рѣчи, установлять, о какомъ именно протестѣ идетъ рѣчь — о *протестѣ* ли, которой учиненъ, или — о *протестѣ*, который, напр., высланъ, возвращается въ заказномъ конвертѣ [119]), хотя то и другое оказывается собственно синонимами: учиненность протеста предполагаетъ актъ, документъ (Urkunde), который подлежитъ отсылкѣ, съ обратнымъ счетомъ, возвращенію векселепредшественнику и пр. Пока нѣтъ акта, документа — нѣтъ и протеста, хотя бы вексель уже находился у нотаріуса, былъ ему переданъ на предметъ опротестованія, которое можетъ и не состояться, если плательщикъ успѣетъ внести хотя бы и нотаріусу непосредственно платежъ. Это—основное правило всѣхъ вексельныхъ законовъ. Въ такомъ смыслѣ его понимаетъ доктрина и только въ такомъ видѣ его понимала всегда и понимаетъ практика. Мы рекомендовали бы составителю Проекта взглянуть въ протоколы Коммиссіи по биржевой реформѣ, въ которой онъ же предсѣдательствовалъ. Изъ этихъ протоколовъ онъ узналъ бы: 1) что „въ такомъ единственномъ въ своемъ родѣ центрѣ вексельныхъ дѣлъ, какъ Москва"; принято отдавать наканунѣ праздниковъ и въ самые праздники всѣ векселя нотаріусу на предметъ ихъ эвентуальнаго опротестованія — формально всѣ векселя поступаютъ, слѣдовательно (яко бы, на случай), въ протестъ; 2) что механически такіе векселя могутъ оказаться оплаченными и, слѣдовательно, неопротестованными, и 3) что нотаріусу передаются сплошь и рядомъ такіе векселя, въ числѣ плательщиковъ (векселедателей и акцептантовъ) которыхъ сплошь и рядомъ оказываются не только первоклассныя фирмы, но—даже и Государственный Банкъ (векселя, имъ акцептованные). Это—въ Москвѣ [120]).

---

[119]) *Барацъ*, Курсъ Коммерческой Корреспонденціи, стр. 301—327.

[120]) По поводу окончанія работъ биржевой коммиссіи въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года оффиціальный органъ Министерства Финансовъ, въ спеціально посвященной биржевой реформѣ статьѣ, сообщилъ, что:

> „Умѣло подготовленное путемъ предварительнаго и тщательнаго .... изученія предмета .... *путемъ опроса представителей нашихъ биржевыхъ комитетовъ, биржевыхъ маклеровъ, представителей биржевой торговли и коммиссіонеровъ, представителей банковъ* и вообще *лицъ, близко соприкасающихся съ торговлей*, дало полную картину......"

и что онъ не будетъ возвращаться вновь къ обрисованному показаніями заинтересованныхъ лицъ положенію биржевой торговли, такъ какъ:

Въ Петербургѣ дѣло стоитъ не иначе, чтб имѣетъ въ своемъ основаніи тѣ же бытовыя и экономическія условія (массу праздниковъ, нерѣдко 2—3 и больше подъ-рядъ, платежи по векселямъ налич-

---

„и въ подробныхъ отчетахъ занятій коммиссіи, своевременно сообщавшихся въ *Торгово-Промышленной Газетѣ*, и въ краткихъ выводахъ, помѣщенныхъ въ предшествующемъ нумерѣ *Вѣстника Финансовъ* мы ознакомили съ нимъ нашихъ читателей...“ (Вѣстникъ Финансовъ, Торговли и Промышленности, № 46 за 1895 годъ, стр. 589—590).

Работы биржевой коммиссіи насъ въ данномъ случаѣ не интересуютъ, но мы привели эти выдержки изъ оффиціальнаго органа М. Ф. съ цѣлью показать: 1) что само Министерство и его представители придаютъ значеніе и вѣру показаніямъ всѣхъ поименованныхъ представителей торговли и промышленности, и 2) что тотъ же оффиціальный органъ М. Ф. подписывается подъ подробными отчетами занятій коммиссіи, своевременно сообщавшихся въ „*Торгово-Промышленной Газетѣ*“. Въ этой же газетѣ отъ 9 (21) ноября за 1895 г. (№ 244) сообщено текстуально слѣдующее:

„Послѣ разъясненія Г. А. Крестовникова *и другихъ лицъ* выяснилось, что биржевая практика создала нѣкоторыя упрощенія въ протестѣ векселей у биржевого нотаріуса... *въ особенности же установила передачу ему векселей для оплаты ихъ даже Государственнымъ Банкомъ* въ праздничные и полупраздничные дни, когда банки обыкновенно не работаютъ...“

Все это хотя и дебатировалось по другому поводу (по вопросу объ увеличеніи числа биржевыхъ нотаріусовъ), но, какъ читатель видитъ, далеко не лишено интереса для занимающаго насъ вопроса и, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что передаваемые нотаріусу, въ праздничные и полупраздничные дни, а очень часто, за позднимъ прибытіемъ почты, и въ день срока (въ непраздничный день), векселя передаются нотаріусу для инкассо, для огражденія себя отъ преюдиціи и т. п., и меньше всего для (эвентуальнаго) протеста, который тѣмъ самымъ не можетъ быть сочтенъ ни учиненнымъ, ни совершеннымъ. Прибавимъ отъ себя, что это дѣлается не только съ векселями (трассированными) на Государственный Банкъ, но и съ векселями самыхъ первоклассныхъ фирмъ и учрежденій, протестъ на коихъ такъ же мало мыслимъ, какъ и протестъ на Государственный Банкъ... Въ Москвѣ же въ предпраздничные дни принято публиковать въ газетахъ о томъ, что платежи по срочнымъ въ извѣстные дни векселямъ принимаются въ конторѣ нотаріуса. Ясно, что даже изготовленный актъ протеста самъ по себѣ еще не протестъ. Только тогда, когда самый актъ этотъ вписанъ въ нотаріальную книгу и только тогда, когда на векселѣ наложенъ штемпель нотаріуса, гласящій, что «вексель протестованъ такого-то числа въ конторѣ такого-то»,—*только* при наличности этихъ двухъ условій можно признать вексель опротестованнымъ. Если затѣмъ плательщикъ (векселедатель, трассатъ, гарантъ) является къ нотаріусу, когда у него эти формальности еще не сдѣланы,—а онъ можетъ не успѣть ихъ сдѣлать механически,—тѣмъ лучше для него, плательщика, не допустившаго, такимъ образомъ, на себя протеста, и тѣмъ пріятнѣе для векселедержателя-презентанта, какъ и для всѣхъ его векселепредшественниковъ, для которыхъ вексель разрѣшился такъ, какъ онъ нормально долженъ разрѣшиться. До 12 час. ночи дня срока время принадлежитъ плательщику, и съ этой точки зрѣнія векселедержатель даже не имѣетъ права отдавать нотаріусу вексель въ протестъ. Если онъ его отдаетъ нотаріусу въ 4—5—6 часовъ дня, а то и утромъ въ день срока безъ презентаціи, то плательщикъ на это такъ же снисходительно смотритъ, какъ снисходительно векселедержатель смотритъ на то, что плательщикъ платитъ на другой день рано утромъ нотаріусу тотчасъ или въ моментъ открытія его конторы. Очевидно, что ни одна изъ сторонъ не можетъ заставить нотаріуса функціонировать всю ночь. Вопросъ этотъ, опять-таки, такой, что законодательству его лучше не касаться и не нормировать, потому что онъ неразрѣшимъ механически. Ср. выше: прим. 65 in fine.

ными деньгами, при слабомъ развитіи чековой системы и держаніе при этомъ денегъ на дому для платежей и т. п.). Бываютъ сплошь и рядомъ и такіе случаи: изъ-за-границы или изъ провинціи прибываютъ сюда векселя, въ числѣ коихъ находятся и такіе, срокъ коимъ наступилъ не только въ день прибытія, но—за часъ до закрытія занятій въ банкѣ или конторѣ. Такіе векселя только и можно успѣть извлечь изъ пакетовъ и разнести по книгамъ, а затѣмъ они отправляются къ нотаріусу, хотя бы это были векселя съ подписями самыхъ первоклассныхъ учрежденій, не исключая и самого Государственнаго Банка. Цѣль, съ которою это дѣлается, заключается *въ устраненіи преюдиціи даннаго векселя*, попадающаго къ нотаріусу, у котораго такой вексель на слѣдующее утро либо оплачивается, либо протестуется (въ смыслѣ составленія акта). Съ точки зрѣнія буквоѣдства такой вексель можетъ быть и сочтенъ отданнымъ въ протестъ, но *отдача* векселя въ протестъ съ одной и фактъ его опротестованія съ другой стороны—не одно и то же. Вексель А. былъ имъ домицилированъ у Б. въ Петербургѣ. Б. прекращаетъ платежи. У кого именно въ рукахъ находится вексель А.—неизвѣстно, такъ какъ самый вексель переучитывался здѣсь нѣсколько разъ, переучтенъ за-границею, гдѣ онъ перебывалъ въ десяти рукахъ. Здѣсь является невозможность опредѣлить, къ кому онъ попалъ сюда въ руки. А. посылаетъ по телеграфу покрытіе Г. и поручаетъ ему оплатить, выкупить въ срокъ его вексель. Векселедержатель (презентантъ) не будетъ и не можетъ искать новаго плательщика (Г.)—онъ не можетъ даже знать, что таковымъ назначенъ Г., которому тоже неизвѣстно, кто именно является презентантомъ такого векселя [121]). И вотъ Г. пишетъ нотаріусу, что онъ уполномоченъ произвести платежъ по такому-то векселю, прося его представить вексель ему въ срокъ на предметъ полученія по нему платежа [122]). Презентантъ же знаетъ, что, не получивъ платежа отъ первоначально назначеннаго плательщика Б., пріостановившаго платежи, и отдавъ вексель нотаріусу для *эвентуальнаго* учиненія протеста, онъ, презентантъ, 1) нормально получитъ уже платежъ отъ новаго плательщика, который у нотаріуса такимъ путемъ уже обрѣтется; 2) знаетъ, что кредитоспособности вексельно-обязаннаго лица (векселедателя или трассата) онъ этимъ дѣйствіемъ не нанесетъ

[121]) См. выше: стр. 103—104.

[122]) См: *Барацъ*, Курсъ Коммерческой Корреспонденціи: стр. 317 № 502; стр. 318 № 503; стр. 321 № 509.

никакого ущерба—одному заявленію нотаріусу, хотя бы съ передачею векселя, никто не придаетъ никакого значенія—и 3) ограждаетъ себя отъ преюдиціи даннаго векселя, платежъ по которому можетъ и не поступить и который для этой цѣли будетъ уже находиться въ рукахъ нотаріуса. По Проекту всѣ такіе векселя окажутся протестованными со всѣми послѣдствіями для вексельнообязанныхъ лицъ, хотя бы у каждаго изъ нихъ оказались деньги наготовѣ для платежа и хотя бы каждый изъ нихъ такъ же мало давалъ поводъ, по своей кредитоспособности, для протеста, какъ и Государственный Банкъ, заподозрить который въ допущеніи на себя протеста не вздумаетъ, конечно, даже и самъ составитель Проекта. Увлекшись этимологіей слова «протестъ», составитель Проекта, въ желаніи сохранить занятую имъ позицію по отношенію къ данному вопросу, заявляетъ, что

„протестъ *не есть* ни составленіе акта протеста, ни совершеніе протеста, но именно заявленіе pro testibus, только что мѣсто testes на площади, на базарѣ, на биржѣ, въ гостиномъ дворѣ заступаетъ органъ публичной вѣры (fides publica), т.-е. нотаріусъ въ своей конторѣ“ (Объяснительная Записка, стр. 25) [123]).

---

[123]) У составителя Проекта вообще привычка утверждать вещи, ему фактически неизвѣстныя, хотя, можетъ быть, и желательныя:

„Съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ развитія текущихъ счетовъ въ банкахъ распространяется... ...назначеніе платежей въ банкѣ, т.-е. чрезъ банкъ. Это дѣйствительно практика живой современной жизни; она и предусмотрѣна въ Проектѣ—ст. 6 и 7-я“. (Къ вопросу о вексельномъ уставѣ стр. 60).

Мы рекомендовали бы г. Цитовичу справиться въ банкахъ, возможно ли съ такою легкостью путемъ одного счета ликвидировать другой счетъ — хотя бы оплату векселя путемъ текущаго счета, который предполагаетъ безкоммиссіонное извлеченіе денегъ путемъ чека и затѣмъ оплату векселя со взносомъ денегъ на другой счетъ, въ другое отдѣленіе банка, съ новымъ заявленіемъ, письмомъ и пр. Все это—такая процедура, которая во многихъ случаяхъ заставляетъ предпочесть *непосредственное* извлеченіе денегъ путемъ чека и *непосредственное* же учиненіе платежей по векселю. Это — въ наименѣе бюрократическихъ у насъ кредитныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ претензію походить на европейскія. Говорить, слѣдовательно, о назначеніи банка плательщикомъ, да еще думать, что банкъ согласится поставить дату на visa'ѣ и скрѣпить таковую своею подписью,—можно только, не имѣя понятія о фактахъ „дѣйствительной практики, живой, современной жизни“. Можно было бы, затѣмъ, рекомендовать г. Цитовичу посѣтить здѣшнее Общество Взаимнаго Кредита, которое, по учету векселей не имѣетъ въ настоящее время, можетъ быть, соперниковъ. Тамъ онъ узналъ бы, что оно не допускаетъ оплату учтеннаго у него векселя путемъ чека на него же безъ предварительнаго полученія денегъ, по чеку, натурою, въ одномъ окошечкѣ, и внесенія этихъ денегъ тутъ же, въ другомъ окошечкѣ, въ платежъ по векселю, со всѣми непріятностями, связанными съ этою процедурою, какъ двукратное ожиданіе, по одному, собственно, дѣлу очереди, списанія чека по книгамъ, полученіемъ и пересчитываніемъ денегъ съ внесеніемъ ихъ, для новаго пересчитыванія, другимъ пріемщикомъ (см. выше: прим. 73). Вотъ условія „дѣйствительной

Не споримъ противъ того, что слово „протестъ“ происходитъ отъ выраженія pro testibus, какъ не споримъ и противъ того, что

практики живой, современной жизни“... Не о такихъ ли „плательщикахъ“ по векселю трактуетъ Проектъ!?

Отстаивая необходимость протеста со стороны векселедержателя и рисуя рай вексельныхъ отношеній, г. Цитовичъ говоритъ:

„Кто такъ или иначе подписалъ или надписалъ вексель, долженъ помнить сумму и должника, срокъ и мѣсто платежа, *наблюдать за судьбою этого векселя*... ...Такъ поступаютъ дѣловые люди, такъ они и должны поступать; иначе поступаютъ развѣ тѣ, противъ которыхъ направлена ст. 86 Проекта—актеры, запутавшіеся въ дѣлахъ чиновники, разные сорвавшіеся антрепренеры, медики безъ практики, адвокаты безъ дѣла и т. п.......

Телефонъ значительно облегчилъ эту заботливость: съ 3—4 часовъ вечера того дня, когда наступилъ срокъ векселя и приближается протестъ, начинаются запросы у нотаріуса относительно векселя, которымъ интересуется спрашивающій, — съ цѣлью вмѣшаться по векселю или выручить свою подпись, т.-е. бланковый или именной индоссаментъ. Нынѣшняя практика посылать о протестѣ повѣстки не только векселедателю, но и надписателямъ, образовалась, какъ компромиссъ, между требованіемъ закона многократныхъ протестовъ и неудобствами, дороговизною, даже невозможностью исполненія подобнаго требованія. Практика банковъ наканунѣ срока увѣдомлять повѣсткою того, отъ кого вексель принятъ въ учетъ, имѣетъ для себя объясненіе во взглядѣ на учетъ, какъ на закладъ“. (Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 75—76).

Вся эта іеремiада очень эффектна, но ни въ какомъ отношеніи не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Оставимъ актеровъ, медиковъ, адвокатовъ и антрепренеровъ, изъ коихъ каждый, даже при наличности ихъ квалифицированныхъ особенностей, можетъ хорошо помнить и знать срокъ и сумму выданныхъ имъ векселей, и ихъ надлежащимъ образомъ оплатить. О нихъ не къ чему говорить и потому, что для нихъ протестъ не опасенъ, и ихъ вексель дальше ихъ же первопріобрѣтателя не пойдетъ — для переучета со стороны первопріобрѣтателя такой вексель не годится и его никто не приметъ. Но представимъ себѣ землевладѣльца (помѣщика, хозяина, фабриканта) изъ Минской или Подольской губ., который (для своихъ оборотныхъ средствъ) взялъ по векселю деньги у мѣстнаго банкира, назначивъ платежъ по векселю въ Петербургѣ у А.—иначе вексель не bankfähig и переучетъ его здѣсь минскимъ или подольскимъ банкиромъ, при иныхъ условіяхъ, совершенно невозможенъ. Вексель этотъ поступаетъ въ N-скій банкъ сюда въ (пере-)учетъ отъ подольскаго банкира или банка, которые только и могутъ въ своемъ районѣ снабжать деньгами лицъ, имѣющихъ надобность въ оборотныхъ средствахъ, потому, что имъ открытъ здѣсь переучетъ векселей, платежныхъ здѣсь и потому удобныхъ для дальнѣйшаго переучета. N-скій банкъ переучитываетъ этотъ вексель въ Берлинѣ, откуда таковой переходитъ въ Гамбургъ, затѣмъ—во Франкфуртъ, Парижъ, Лондонъ, иногда еще въ нѣсколько пунктовъ, а затѣмъ — опять въ Берлинъ, откуда онъ, наконецъ, попадаетъ въ руки Б. (векселедержателя-презентанта). Это—примѣръ изъ живой жизни. Это—каждодневные случаи, бывающіе десятками, а то и сотнями. Минскій помѣщикъ (фабрикантъ, заводчикъ и пр.), вѣрный морали г. Цитовича, „помнитъ сумму, срокъ и мѣсто платежа, готовъ встрѣтить всякія случайности изъ-за того же векселя“, но измѣняетъ этой морали только въ одной ея части—онъ лишенъ возможности „наблюдать за судьбою этого векселя“, каковое наблюденіе ему хотя и предписывается и ему даже желательно, но оказывается механически неисполнимымъ, и—не только для него, творца-эмитента векселя, живущаго гдѣ-то очень далеко, въ какомъ-нибудь захолустьѣ, но—и для тѣхъ контрагентовъ, которые выступили въ качествѣ надписателей гораздо позднѣе, живутъ къ тому же въ такомъ культурномъ центрѣ, какъ Петербургъ, съ организованною почтою, телефонами и пр. Домициліатъ-плательщикъ А., которому вексель долженъ быть предъявленъ къ платежу, умеръ, ликвидировалъ, уѣхалъ, прекратилъ платежи — подвергся, словомъ,

онъ, протестъ, нѣкогда совершался словесно, въ присутствіи свидѣтелей, на площади, на базарѣ или на биржѣ. Но изъ того, что

всякимъ вольнымъ или невольнымъ случайностямъ, или, просто, разошелся со своимъ домициліантомъ, заставивъ его тѣмъ самымъ искать другого домициліата. По нынѣшнему уставу, по логикѣ и по освященному давностью обычаю все это дѣлается такъ: минскій землевладѣлецъ (векселедатель-домициліантъ), освѣдомившись о такомъ положеніи дѣла своего первоначальнаго домициліата, лично, непосредственно, или чрезъ посредство того же минскаго банкира, посылаетъ (переводитъ) по телеграфу сюда деньги лицу Г., съ порученіемъ оплатить его вексель. Мораль „наблюденія за судьбою векселя" проведена во всѣхъ частяхъ, но лицо Г. все-таки не можетъ объѣхать всѣхъ допустимыхъ теоретически векселедержателей и предпринять такой безцѣльный розыскъ, потому что очень часто вексель оказывается присланнымъ въ такое учрежденіе, гдѣ этого можно было бы меньше всего ожидать. Считая безцѣльнымъ предпринимать непроизводительные поиски въ безвоздушномъ пространствѣ, хотя бы и при наличности желанія быть вѣрнымъ морали г. Цитовича, Г. *пишетъ* нотаріусамъ (ихъ, биржевыхъ, въ Петербургѣ всего 2), какъ единственнымъ центрамъ, конечнымъ пунктамъ, куда вексель поступитъ отъ векселедержателя-презентанта, который, въ свою очередь, тоже не можетъ знать, что, за смертью или несостоятельностью значащагося на векселѣ первоначальнаго плательщика (домициліата), назначенъ новый въ лицѣ Г. и который потому, не ища Г., отдаетъ вексель въ протестъ. Письма нотаріусамъ съ заявленіемъ желанія оплатить безъ протеста вексель своего коммитента пишутся всѣми учрежденіями чуть не каждодневно. При такихъ условіяхъ всѣ стороны оказываются удовлетворенными—вексель разрѣшился, оплаченъ въ срокъ средствами, заботами и безпокойствомъ векселедателя, хотя и при невозможности наблюдать за судьбою векселя. Это-то сознаніе вексельныхъ контрагентовъ, что нормально, такимъ путемъ, разрѣшается судьба каждаго векселя и что только такимъ путемъ его судьба очень часто только и можетъ разрѣшиться,—и способствуетъ его обращенію и подвижности.

При такомъ обычномъ способѣ разрѣшенія многихъ вексельныхъ сдѣлокъ, т.-е. путемъ предувѣдомленій и заблаговременныхъ (во всякомъ случаѣ—до срока векселя) заявленій нотаріусу, оказывается ненужнымъ и телефонъ, который будто-бы „облегчилъ эту заботливость". Все дѣлается *письменно*, чтобы и нотаріусъ не забылъ ни суммы, ни срока, ни надписей и подписей и пр. данныхъ, которыми квалифицируется вексель, по которому долженъ состояться платежъ. Съ 3 — 4 часовъ дня никто съ нотаріусами не разговариваетъ, потому что векселя поступаютъ къ нимъ часовъ въ 5—6, когда банки и конторы закрываются и когда некому разговаривать по телефону. (О единичныхъ, исключительныхъ случаяхъ возможности запросовъ по телефону мы не говоримъ, но происходятъ эти запросы большею частью на другой день утромъ, когда юридически тотъ или другой вексель уже преюдицированъ, хотя фактически еще не опротестованъ, а потому и оплачивается безъ протеста). На возможности обосновать всѣ радѣнія по векселю чрезъ посредство и у нотаріуса *и*, въ то же время, *не*опротестованіи самого векселя, основана и разсылка ими повѣстокъ; „неудобство, дороговизна, невозможность исполненія требованій многократныхъ протестовъ" тутъ не при чемъ, такъ какъ неисполнимое требованіе многократныхъ протестовъ относится къ надписателямъ, живущимъ въ разныхъ городахъ, и имѣетъ въ своемъ основаніи обоснованіе регресса для обратнаго требованія при такой ихъ разбросанности, а тутъ идетъ дѣло: 1) о гонорированіи, по нашему примѣру, N-скимъ банкомъ (перваго здѣшняго индоссата) своей индоссентской подписи и объ опротестованіи или неопротестованіи затѣмъ векселя на векселедателя уже имъ, N-скимъ банкомъ, отъ себя; или же 2)—просто о вступленіи N-скимъ банкомъ, въ качествѣ плательщика, за свою подпись, о выкупѣ векселя и возвращеніи его кассированнымъ (уничтоженнымъ) по назначенію, съ отнесеніемъ, значитъ, суммы векселя на счетъ либо векселедателя (непосредственно) либо—первопріобрѣтателя, отъ котораго данный вексель поступилъ сюда. Невѣрно и то, что̀ сказано г. Цитовичемъ о практикѣ банковъ относительно повѣстокъ,

протестъ такъ обставлялся когда-то при такихъ условіяхъ, а нынѣ замѣненъ «органомъ публичной вѣры—конторою нотаріуса», такъ же мало слѣдуетъ, что онъ и теперь долженъ ограничиться „заявленіемъ“ векселедержателя, какъ мало слѣдовало бы, еслибы составитель Проекта вздумалъ вводить словесный (устный) акцептъ, который тоже когда-то выкрикивался на площадяхъ, базарахъ и биржахъ. Составитель Проекта говоритъ, что «протестъ не есть ни составленіе акта протеста, ни совершеніе протеста, но именно заявленіе......», а мы позволяемъ себѣ думать: 1) что протестъ есть составленіе *акта* (документа) протеста, который имѣетъ мѣсто на основаніи заявленія, въ основаніи котораго лежитъ негонорированный вексель; 2) что это *заявленіе подлежитъ* нотаріусомъ, какъ органомъ публичной вѣры, *провѣркѣ*; 3) что провѣрка эта дѣлается тою же властью путемъ повѣстки или напоминательнымъ требованіемъ плательщику съ предупрежденіемъ о послѣдствіяхъ, т.-е. о протестѣ; 4) что такая провѣрка можетъ убѣдить публичную власть въ томъ, что требованіе платежа и предъявляемо даже не было и что плательщикъ и не думаетъ отказываться отъ платежа; 5) что при такихъ условіяхъ плательщику остается внести платежъ по векселю только этой же публичной власти, какъ потому, что она— публичная власть и такимъ путемъ убѣждается въ (вольной или невольной—безразлично) неосновательности сдѣланнаго „заявленія“, такъ и потому, что механически оно оказывается иначе неиспол-

---

какъ и то, будто „оно имѣетъ для себя объясненіе во взглядѣ на учетъ, какъ на закладъ“: *заложенный* вексель (депо-вексель) формально и нормально выкупается *до срока* залогодателемъ, или замѣняется имъ другимъ, *болѣе долгосрочнымъ*,—то и другое безъ повѣстки и безъ напоминанія. См.: *Бараць*, Курсъ Коммерческой Корреспонденціи, стр. 182 (№ 183), 183 (№ 187), 185 (№ 191) и др. Повѣстки посылаются плательщику (векселедателю простого и акцептанту переводнаго векселя) тѣми учрежденіями, которыя требуютъ платежа денегъ по векселямъ у себя въ кассахъ, не посылая векселей на домъ по адресу плательщиковъ, причемъ эти учрежденія исходятъ изъ того положенія, что нѣсколькимъ стамъ плательщикамъ по векселямъ въ одинъ день удобнѣе и легче явиться, каждому въ отдѣльности, съ платежемъ по векселю, въ кассу банка, чѣмъ тому же банку посылать за деньгами къ нѣсколькимъ стамъ плательщикамъ на домъ, на что у банка можетъ не хватить ни времени, ни людей. Посылаются *попутно* иногда, заодно, повѣстки и первому надписателю, чтобы онъ, съ своей стороны, напомнилъ плательщику (векселедателю, трассату) о срокѣ векселя и указалъ ему, гдѣ именно находится его вексель. Въ векселяхъ домицилированныхъ, гдѣ непосредственнаго плательщика, за его нахожденіемъ въ другомъ мѣстѣ, на лицо не имѣется, повѣстка посылается домиціліату (субсидіарному плательщику). Вездѣ и всегда имѣется въ виду одно: такъ или иначе указать плательщику, гдѣ именно находится его вексель въ виду рѣшительной для него невозможности „наблюдать за судьбою векселя“, хотя бы г. Цитовичъ и желалъ того... Этого правила придерживаются всѣ кредитныя учрежденія, не исключая и Государственнаго Банка.

нимымъ—платежъ производится по векселю, платежъ этотъ валедируетъ противъ векселя, находящагося уже къ тому же въ рукахъ этой публичной власти и б) что, *только при удостовѣреніи всѣхъ* этихъ *фактовъ въ отрицательномъ смыслѣ*, со стороны публичной власти учиняется протестъ, т.-е. совершается актъ, свидѣтельствующій: а) о ненаступленіи тѣхъ условій (платежа), которыми была обставлена выдача вексельнаго обязательства и б) о неисполненіи принятыхъ на себя обязательствъ, о несостоятельности (въ платежномъ смыслѣ) тѣхъ или другихъ участвующихъ въ векселѣ лицъ и т. д. Во всѣхъ законодательствахъ замѣтно исканіе наилучшей организаціи протеста, стремленіе къ достиженію наиболѣе раціональной и цѣлесообразной его формы, съ устраненіемъ всего излишняго и ненужнаго въ этой области, потому что протестъ, въ силу своего значенія и послѣдствій, можетъ повредить кредиту лицъ, заинтересованныхъ въ судьбѣ векселя, тогда какъ достиженіе такого результата совершенно не входитъ въ цѣль протеста. Но, внося путаницу въ вексельные законы, представляетъ ли собою нововведеніе Проекта что-нибудь такое, чтó вызывалось бы какой-нибудь необходимостью? Въ Объяснительной Запискѣ говорится, что дать опредѣленіе протеста необходимо для того, чтобы указать день, съ котораго начинается дѣйствіе протеста, и что этимъ днемъ представляется день заявленія векселедержателя нотаріусу о неплатежѣ по векселю, такъ какъ совершеніе протеста нотаріусомъ можетъ закончиться черезъ недѣлю, другую, по истеченіи срока платежа и протеста (стр. 25). Такимъ образомъ, *со дня заявленія* векселедержателя нотаріусу протестъ уже состоялся, вексель уже протестованъ и, слѣдовательно, по этому протестованному векселю можно взыскивать—не только съ векселедателя, но и съ надписателей—сумму векселя съ процентами, а по векселю ярмарочному можно, и безъ предъявленія иска, и безъ вызова отвѣтчика, удержать и задержать товары векселедателя и продать ихъ съ публичнаго торга [124]). Заявленіе векселедержателя нотаріусу можетъ быть

[124]) См. выше: стр. 117. Г. Цитовичъ выбралъ, какъ обсерваціонный пунктъ, Контору московскаго биржевого нотаріуса, говоря, что „подобной Конторы нѣтъ въ Россіи, а можетъ быть и во всей Европѣ“—въ смыслѣ поступающихъ туда векселей въ протестъ, „числомъ 11—12 тысячъ въ годъ, иногда въ день 500 штукъ, а 100—150 въ день—среднее количество для большинства дней въ году“, присовокупляя:

„Все это уже само по себѣ указываетъ, что подъ протестомъ, о которомъ говорятъ статьи устава о векс., послѣдній разумѣетъ тотъ протестъ, какой въ послѣдній день *можетъ* учинить векселедержатель, но рѣшительно *не въ состояніи* совершить

сдѣлано на словахъ, такъ какъ Проектъ не требуетъ письменнаго заявленія. Въ то же время Проектъ *не* предписываетъ нотаріусу

нотаріусъ... ..:И московскій нотаріусъ (?), и московскіе векселедержатели (?) понимаютъ (?) дѣло такъ: *какъ скоро* въ контору нотаріуса *вексель сданъ и «принятъ», заявленъ для протеста, протестъ учиненъ и не упущенъ, вексель протестованъ...* (курсивъ и кавычки въ подлинникѣ). (Ср. выше: прим. 65). Совершеніе протеста, какъ-то: повѣстка, составленіе акта протеста—уже дѣло нотаріуса; послѣдній долженъ выдать готовый актъ протеста, когда его потребуютъ и если потребуютъ... Изготовленные акты протестовъ иногда годы (?) лежатъ въ конторѣ нотаріуса, иногда остаются лежать навсегда (?)... Такимъ образомъ, ст. 96 Проекта... *...точно описала то событіе,* какъ дѣйствіе векселедержателя, *съ котораго и въ силу котораго* наступаетъ дѣйствіе протеста.....“ (Къ вопросу о вексельномъ уст., стр. 41—42).

Во всемъ вышеприведенномъ только и есть правды *одно*—что „какъ скоро въ контору нотаріуса вексель сданъ,—*протестъ не упущенъ*“. (Просимъ читателя это единственное мѣсто, нами извлекаемое изъ всего вышесказаннаго г. Цитовичемъ о процедурѣ протеста, сопоставить со всѣмъ тѣмъ, что онъ приводитъ какъ аргументацію). Но изъ того, что вексель сдается нотаріусу на предметъ неупущенія протеста (т.-е. на предметъ устраненія преюдиціи)—отнюдь еще не слѣдуетъ, что вексель такой уже опротестованъ. Въ томъ, что наши слова не голословны, г. Цитовичъ можетъ убѣдиться, просмотрѣвъ протоколы Коммиссіи по биржевой реформѣ, въ которой онъ, какъ извѣстно, лично предсѣдательствовалъ (см. выше: прим. 120). Просмотрѣвъ эти протоколы, онъ убѣдится, что передача векселедержателемъ въ контору нотаріуса векселей *на Государственный Банкъ* (и симъ послѣднимъ, слѣдовательно, платежныхъ) имѣетъ исключительною цѣлью устраненіе преюдиціи, хотя бы такой вексель на Государственный Банкъ „былъ сданъ, принятъ, заявленъ для протеста“. Въ огорченіе г. Цитовичу, протестъ по такому векселю на Государственный Банкъ тѣмъ самымъ еще не будетъ „ни учиненъ, ни совершенъ“ и едва-ли „и московскій нотаріусъ, и московскій векселедержатель понимаютъ это дѣло *такъ*“. Очевидно, что тутъ не можетъ быть рѣчи о протестѣ, какой „векселедержатель *можетъ* учинить въ послѣдній срокъ“, какъ не можетъ быть рѣчи о томъ, „въ состояніи *ли*“ или „не въ состояніи“ нотаріусъ учинить протестъ... Гдѣ же правда—въ этихъ словахъ г. Цитовича или въ протоколахъ биржевой коммиссіи, исключающихъ правдивость этихъ словъ? Невѣрно и то, что дѣло нотаріуса—только выдать готовый протестъ (актъ), „когда потребуютъ и *если* потребуютъ“. Вексель фактически опротестованный никуда не годится безъ протестнаго акта (документа). Намъ извѣстны случаи, когда *оплаченный* вексель остается лежать годы, а иногда остается лежать навсегда, но извѣстно это только по отношенію къ векселямъ, оплаченнымъ *въ срокъ* или *до срока* и притомъ—у векселедержателя-презентанта, выдающаго плательщику (сепаратную) контръ-росписку, которая затѣмъ, по халатности, забывчивости или, просто, по довѣрію плательщика, не обмѣнивается на самый кассированный вексель. (Это—въ тѣхъ случаяхъ, когда, напр., вексель переучтенъ за-границею, неизвѣстно гдѣ находится и векселедатель платитъ до срока одному изъ надписателей или своему первопріобрѣтателю, чтобы тотъ или другой оплатилъ уже вексель въ срокъ непосредственно, или же когда вексель въ срокъ посылается на домъ къ векселедателю, который въ это же время является въ банкъ или контору и производитъ платежъ, получая временную росписку и т. д.). Такіе случаи a priori возможны, но, опять-таки, только по отношенію къ векселямъ, оплачиваемымъ *помимо* нотаріуса. У нотаріуса же, пока вексель еще не опротестованъ, платежъ производится *по* векселю и *противъ* векселя, который, съ роспискою на немъ въ полученіи платежа, вручается по назначенію. Вексель же уже опротестованный нуженъ для регресса, и мы позволяемъ себѣ сомнѣваться въ томъ, чтобы нашелся хотя бы одинъ векселедержатель-протестантъ, который „изготовленные акты протестовъ оставлялъ лежать въ конторѣ нотаріуса годы, а иногда оставлялъ бы ихъ лежать тамъ навсегда“. Если г. Цитовичъ „точно описалъ то событіе, какъ дѣйствіе векселедержателя, съ котораго *и въ силу* котораго (курсивъ въ подлинникѣ) наступаетъ дѣйствіе протеста“ со словъ нотаріуса, то

составленіе акта о словесномъ заявленіи векселедержателя, а потому о такомъ заявленіи векселедержателя не остается никакого слѣда. Спрашивается затѣмъ, какимъ же образомъ судъ, постановляя опредѣленіе объ обезпеченіи иска съ надписателя, или давая разрѣшеніе на задержаніе и, слѣдовательно, на продажу товаровъ векселедателя, узнаетъ о томъ, что вексель протестованъ. Вѣдь нотаріусъ не можетъ, основываясь на своей памяти, выдать удостовѣреніе о сдѣланномъ ему векселедержателемъ заявленіи, а письменное заявленіе векселедержателя нотаріусу также ни одну изъ сторонъ ни къ чему не обязываетъ. Заявленіе можетъ быть нотаріусомъ, за массою дѣла, не провѣрено; векселедержатель могъ, какъ уже было замѣчено, не предъявлять векселя къ платежу вовсе, могъ предъявить его неправильно, не въ надлежащемъ мѣстѣ или въ ненадлежащее время—еще до наступленія срока платежа и т. д. Ясно, что состояніе протестованности не можетъ открыться для векселя со дня „заявленія" векселедержателя нотаріусу о неплатежѣ по векселю.

Несмотря на то, что ст. 96 Проекта признаетъ одно только „заявленіе" векселедержателя нотаріусу протестомъ, какъ таковымъ, въ ст. 148—156 Проекта говорится о *совершеніи* протеста нотаріусомъ. Такимъ образомъ, по Проекту имѣются два протеста: одинъ протестъ векселедержателя, наиболѣе важный, основной, *такъ какъ съ него начинается протестованность векселя*, но въ то же время—протестъ *скрытый*; другой—протестъ нотаріуса, протестъ менѣе важный, или, лучше сказать, не имѣющій никакого значенія, такъ какъ Проектъ не связываетъ съ нимъ никакихъ послѣдствій для векселя, но въ то же время — протестъ *явный*, *документальный*, обставленный надлежащими гарантіями.

пусть онъ, не довѣряя компетенціи и словамъ пишущаго эти строки, сопоставитъ это списанное со словъ нотаріусовъ событіе съ заявленіемъ относительно протестовъ векселей на Государственный Банкъ тѣхъ представителей московскаго купечества, которые проявляли по отношенію къ нему, г. Цитовичу, больше самостоятельности и правдивости, нежели биржевые нотаріусы... Ясно, что одно изъ двухъ: 1) или г. Цитовичъ неумѣло поставилъ вопросъ нотаріусу и тѣмъ самымъ былъ введенъ въ такое непростительное заблужденіе, приведшее его къ заключенію, по которому „вексель сданный, заявленный для протеста, тѣмъ самымъ опротестованъ и протестъ по нему учиненъ", или же 2) нотаріусъ отвѣтилъ... все въ духѣ того же вопроса... См. выше: прим. 65. Въ томъ и другомъ случаѣ не только ничего не сдѣлано для разъясненія вопроса, но сдѣлано все, чтобы его еще больше запутать. А между тѣмъ на этихъ и иныхъ показаніяхъ разныхъ сомнительныхъ и едва-ли компетентныхъ экспертовъ, свидѣтелей и quasi-свѣдущихъ лицъ построены самыя кардинальныя части Проекта...

„О протестѣ долженъ быть составленъ актъ". (Слѣдуетъ указаніе содержанія тѣхъ частей, которыя актъ долженъ содержать, и упоминается о томъ, что) „актъ подписывается нотаріусомъ съ приложеніемъ его печати" (ст. 150).

„Акты протестовъ вписываются, въ порядкѣ времени совершенія протестовъ, въ особую актовую книгу" (ст. 154).

„О совершеніи протеста нотаріусъ отмѣчаетъ на векселѣ" (ст. 155).

„Актъ протеста, по вписаніи его въ книгу, выдается лицу, предъявившему вексель къ протесту" (ст. 156).

При этомъ нужно замѣтить, что протестъ нотаріуса поставленъ внѣ всякой связи съ протестомъ векселедержателя. Нотаріусъ не обязанъ въ своемъ протестѣ помѣстить «заявленіе» векселедержателя о томъ, гдѣ и когда онъ предъявилъ векселедателю вексель къ платежу и какой полученъ имъ отвѣтъ, или по какой именно причинѣ онъ лишенъ былъ возможности потребовать платежа отъ векселедателя. Нотаріусъ долженъ лишь означить, кто и когда заявилъ вексель къ протесту (ст. 150^2).

По Проекту, какъ упомянуто выше, со дня заявленія векселедержателя нотаріусу о неполученіи платежа, вексель считается опротестованнымъ и по такому протестованному векселю можно предъявить искъ, а по векселю ярмарочному можно даже, и безъ предъявленія иска, требовать задержанія товаровъ векселедателя и продажи ихъ съ публичнаго торга. Логически изъ этого слѣдуетъ, что протестъ векселедержателя имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ протестъ нотаріуса. Но въ Проектѣ оказываются постановленія, которыя должны парализовать высказанное въ Объяснительной Запискѣ основное начало о наступленіи *протестованности* векселя со дня «заявленія» векселедержателемъ нотаріусу о неплатежѣ. Дѣлая это заявленіе, векселедержатель долженъ передать нотаріусу вексель, который возвращается отъ нотаріуса векселедержателю лишь съ актомъ протеста (ст. 96, 101). Не имѣя въ своихъ рукахъ векселя, векселедержатель, очевидно, не можетъ ни предъявить иска по векселю, ни требовать обезпеченія. Такимъ образомъ осуществленіе правъ векселедержателемъ становится возможнымъ *лишь послѣ совершенія протеста нотаріусомъ*, а въ такомъ случаѣ признаніе протестомъ одного «заявленія» векселедержателя о неплатежѣ и наступленіе протестованности векселя со дня этого «заявленія» является лишь фразою, лишенною смысла, и—постановленіемъ, не имѣющимъ никакого значенія.

Описывая процедуру протеста векселей, какъ и всѣ предше-

ствующія ему манипуляціи, противъ которыхъ въ большей части нельзя ничего возразить, въ смыслѣ эпизодическомъ, г. Цитовичъ приводитъ примѣръ срока векселя 31 января, отданнаго нотаріусу въ протестъ въ 6 часовъ вечера 31 января (какъ послѣдній граціонный день) въ виду наступленія уже 1 февраля просрочки. Что касается путаницы срока исчисленія 2-хъ-лѣтней вексельной давности со времени протеста, то опасенія его напрасны: протестъ и теперь датируется днемъ просрочки, когда бы онъ механически (въ смыслѣ нап..санія акта и пр.) ни совершался. Допустимъ, однако, осуществленіе постановленій Проекта: срокъ послѣдній 31 января, въ каковой день я заявлю нотаріусу протестъ. Въ которомъ часу—въ 6 часовъ? По какому же праву? Принципъ нормированія времени моментомъ захода солнца по отношенію къ такой необъятной странѣ какъ Россія немыслимъ, а потому до 12 часовъ ночи время принадлежитъ плательщику и до 12 часовъ ночи я не имѣю права заявить протестъ, а по точному смыслу и desiderata'мъ Проекта раньше 12 часовъ ночи я не имѣю права отдавать вексель въ протестъ нотаріусу, какъ нотаріусъ не имѣетъ права его принять. Исполнимо ли оно механически, когда часть векселедержателей прекращаетъ свои операціи въ 4—5 часовъ дня (конторы, банки, оптовые склады), а другая, какъ содержатели магазиновъ,—въ 7—9 часовъ вечера, еслибы даже и допустить возможность такого невозможнаго обязательнаго постановленія, по которому нотаріальныя конторы оказались бы открытыми до 12 часовъ ночи для заявленій протестовъ. Это было бы равносильно тому, чтобы заставить ихъ работать всю ночь: вѣдь въ 12 часовъ ночи начались бы «заявленія» протестовъ, а провѣрка и принятіе ихъ длились бы всю ночь. Составитель Проекта можетъ сослаться на вводимые имъ и имъ назначенные «дѣловые часы» для полученія платежа (ст. 82). Но гдѣ же справедливость—требовать съ меня платежа непремѣнно въ 4 часа дня, когда я имѣю право платить въ 12 часовъ ночи и только съ этого времени теряю это право? Очевидно, что все это—такія тонкости, которыхъ очень резонно не касается ни одно изъ законодательствъ, предоставляя безмолвно сторонамъ самимъ нормировать свои отношенія. Поступаетъ на другой день послѣ формальной просрочки платежъ у нотаріуса отъ плательщика, тѣмъ лучше для него и тѣмъ пріятнѣе для меня: для него—потому, что онъ не допустилъ еще написанія и зарегистрованія протеста и, слѣдовательно, избѣгъ всѣхъ его послѣдствій, а для меня — потому,

что вексель разрѣшился самъ собою, и я избавленъ отъ необходимости прибѣгать къ регрессу по отношенію къ своему предшественнику или осуществлять непосредственно права по векселю, если онъ выписанъ на мое имя. Успѣваетъ ли нотаріусъ составить протестъ и вписать его въ книгу—дѣло его. Злоупотребляетъ ли онъ такою возможностью или невозможностью — тоже его дѣло и, во всякомъ случаѣ, не дѣло Устава о векселяхъ. Объ этомъ вексельные контрагенты никогда не думаютъ: для нихъ важно полученіе платежа по векселю, или акта протеста (Protesturkunde): дѣлается ли это 1 февраля утромъ, или, за массою работы у нотаріуса, 1 февраля вечеромъ, или, наконецъ, 2 или 3 февраля—для сторонъ безразлично, ибо въ теченіе одного-двухъ дней вопросъ всегда разрѣшается. Это дѣлается повсемѣстно и устранить это не по силамъ Проекту, который задался не только несправедливыми, но и прямо неисполнимыми требованіями.

Обратимся къ поручительству, которое Проектъ устанавливаетъ двухъ родовъ: поручительство по векселю (ст. 25—31) и поручительство (авалъ или, какъ его Проектъ квалифицировалъ, аваль) [125]) по траттѣ (ст. 229 — 233). По простому векселю поручительство можетъ быть дано лишь за векселедателя (ст. 25).

„Поручитель отвѣчаетъ за платежъ въ срокъ, если въ поручительствѣ не выговорена отвѣтственность на случай несостоятельности“ (ст. 28).

„Поручитель отвѣчаетъ независимо отъ обязательности векселя для векселедателя или отъ подлинности подписи послѣдняго“ (ст. 30).

По переводному векселю или, какъ его Проектъ квалифицируетъ, по траттѣ:

„Поручительство (аваль) по траттѣ дается чрезъ присоединеніе подписи поручителя къ подписи того, за кого онъ ручается. Если не очевидно, къ чьей подписи присоединена подпись поручителя, поручительство считается даннымъ за трассанта (ст. 229).

„Поручитель отвѣчаетъ по траттѣ въ той же мѣрѣ, какъ и тотъ, за кого онъ поручился“ (ст. 231).

„Отвѣтственность поручителя (ст. 215, 218, 220) не измѣняется въ томъ случаѣ, если подпись того, за кого онъ поручился, для послѣдняго не обязательна или окажется неподлинною“ (ст. 232).

---

[125]) Русская терминологія знаетъ только «авалъ», не пользуясь терминомъ «аваль». Ср. Д. И. Мейеръ. Русское Гражданское право, стр. 695. (Цитируемъ по изд. Вицына 1868 г.).

По Объяснительной Запискѣ:

„Проектъ удерживаетъ поручительство въ его нынѣ употребительномъ видѣ, т.-е. какъ поручительство I части X т. (ст. 1555—1562) и только въ ст. 30 приспособилъ его къ векселю; есть другое подлинное поручительство по векселю, такъ называемый аваль: оно опредѣлено во второмъ раздѣлѣ Проекта, глава седьмая (ст. 229—233) (стр. 21 op. cit).

Затѣмъ въ объясненіяхъ къ главѣ 7-й говорится, что «цѣль главы—не оставить безъ послѣдствій ни одной подписи посторонняго лица, гдѣ бы на векселѣ такая подпись ни оказалась (ст. 229)" (Ibid., стр. 34).

Составитель Проекта ошибается, думая, что онъ удерживаетъ нынѣ дѣйствующія о поручительствѣ по векселямъ правила 1 ч. X т., по той простой причинѣ, что поручительство 1 части X т. построено на иныхъ началахъ, чѣмъ поручительство Устава о векселяхъ. На основаніи ст. 1557—1558 и ст. 1560 1 ч. X т. поручительство можетъ быть или простое только въ платежѣ суммы, или же—въ платежѣ ея на срокъ. По простому поручительству поручитель отвѣтствуетъ только тогда, когда все имущество должника, признаннаго несостоятельнымъ, будетъ продано и вырученная за таковое сумма будетъ распредѣлена между кредиторами, причемъ окажется, что по долгу, обезпеченному поручительствомъ, не получено полное удовлетвореніе. При поручительствѣ на срокъ поручитель отвѣтствуетъ, какъ и самый должникъ, если онъ въ срокъ не заплатилъ, но лишь въ томъ случаѣ, если обязательство будетъ представлено ко взысканію въ теченіе мѣсяца по наступленіи срока. Дѣйствующій Уставъ о векселяхъ (ст. 93) установляетъ только одинъ видъ поручительства, нѣчто среднее между простымъ и срочнымъ поручительствомъ 1 ч. X т. Поручитель по векселю отвѣчаетъ въ случаѣ несостоятельности должника, но—со времени признанія должника несостоятельнымъ, не ожидая продажи имущества и распредѣленія вырученной суммы между кредиторами. Вводимое Проектомъ поручительство отличается какъ отъ поручительства 1 ч. X т., такъ и отъ поручительства Устава о векселяхъ. Такъ, по ст. 28 Проекта въ видѣ общаго правила устанавливается срочное поручительство, тогда какъ по 1 ч. X т. такое значеніе придано простому поручительству. Затѣмъ, въ отличіе отъ срочнаго поручительства 1 ч. X т., Проектъ не требуетъ предъявленія векселя ко взысканію въ теченіе мѣсяца по наступленіи срока. Наконецъ, при оговоркѣ въ поручительствѣ объ отвѣтственности на

случай несостоятельности не требуется распредѣленія суммы, вырученной отъ продажи имущества несостоятельнаго, для наступленія отвѣтственности поручителя. Поручительство Проекта отличается отъ поручительства Устава о векселяхъ тѣмъ, что во 1) Проектъ вводитъ два вида поручительства—на срокъ и на случай несостоятельности; во 2) Проектъ установляетъ отвѣтственность поручителя и по векселю, необязательному для векселедателя, и въ 3) допускаетъ поручительство только за векселедателя, тогда какъ Уставъ о векселяхъ говоритъ и о поручительствѣ за надписателя. Высказанныя составителемъ Проекта въ Объяснительной Запискѣ (стр. 21) соображенія, будто въ поручительствѣ за надписателей нѣтъ надобности, такъ какъ такое поручительство обыкновенно *закрывается* въ другой формѣ, въ видѣ бланковой надписи, было бы во 1) справедливо лишь въ отношеніи надписателя, сдѣлавшаго бланковую надпись [126]), и во 2) несправедливо по отношенію къ тѣмъ, которые, считая возможнымъ для себя выступить въ качествѣ поручителя, какъ таковаго, считаютъ неудобнымъ выступать на векселѣ въ качествѣ надписателя [127]).

Но самое существенное отличіе Проекта отъ нынѣ дѣйствующаго Вексельнаго Устава заключается въ томъ, что Вексельный Уставъ постановляетъ одинаковыя правила для поручительства, какъ по простымъ, такъ и по переводнымъ векселямъ, тогда какъ Проектъ вводитъ различныя правила для поручительства по тѣмъ и другимъ векселямъ. Въ подтвержденіе необходимости такихъ различныхъ правилъ въ Объяснительной Запискѣ не приведено никакихъ соображеній. Говорится лишь о томъ, что цѣль главы поручительства по траттамъ—не оставить безъ послѣдствій „ни одной

---

[126]) Если за именною надписью, напр., Сидорова, о передачѣ векселя Иванову, Петровъ напишетъ свою фамилію, то онъ, Петровъ, вовсе не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности по векселю.

[127]) При возможности модулировать видимый авалъ въ яко бы невидимый путемъ вступленія авалиста въ число векселеучастниковъ (въ данномъ случаѣ—въ функціи надписателя), казалось бы, не можетъ быть надобности въ авалѣ, какъ таковомъ. Бываютъ, однако же, случаи, когда авалисту удобнѣе, приличнѣе выступить въ качествѣ таковаго, чѣмъ модулировать вексельное поручительство и вступать формально (въ число векселеучастниковъ) хотя бы и въ качествѣ надписателя. Съ одной стороны такая модулированная (закрытая) форма авала не остается, по существу, ни для кого тайною, а самый вексель въ такой модулированной формѣ отождествляется съ дутыми, бронзовыми и т. п. векселями. Съ другой стороны, авалистъ, по своимъ профессіональнымъ занятіямъ, общественному положенію и т. п., можетъ считать для себя позволительнымъ выступить въ качествѣ авалиста, не навлекая тѣмъ самымъ на себя подозрѣній въ томъ, что онъ преслѣдовалъ своимъ аваломъ личную (корыстную) цѣль. Ср.: *Барацъ*, Вексельное право, стр. 291.

подписи посторонняго лица, гдѣ бы на векселѣ такая подпись ни оказалась". Но почему это нужно для переводнаго векселя и излишне для простого—не объяснено и остается тайною составителя Проекта.

VI.

Въ главѣ IV, относящейся къ передачѣ векселя, Проектъ установляетъ полную и неполную передаточную надпись, не квалифицируя, однако, сей послѣдней какъ *препоручительную*, которою она фактически является и какою ее привыкли, для рельефности и ясности, характеризовать въ дѣловой жизни. Исходя изъ желанія создать вексельный оборотъ, т.-е. поднять подвижность векселя и придать ему характеръ денежной бумаги, Проектъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе на постановленія о передачѣ векселя. Говоря о надписателяхъ, не подлежащихъ отвѣтственности по регрессу и перечисляя тѣхъ изъ нихъ, которые не подлежатъ такой отвѣтственности за обратное удовлетвореніе (ст. 48), Проектъ не предоставляетъ лицу, сдѣлавшему на векселѣ бланковую надпись, возможность освободить себя отъ отвѣтственности въ порядкѣ регресса. Сдѣлано ли такое различіе между именною и бланковою надписью составителемъ Проекта сознательно, или же это—недосмотръ,—неизвѣстно, но несомнѣнно, что нѣтъ никакого основанія лишать бланконадписателя, получившаго вексель по именной надписи, права прибавить къ своей подписи безъоборотную формулу. Ст. 34 Проекта гласитъ:

> „Передаточная подпись можетъ быть именная или бланковая; та и другая есть передаточная надпись полная. Бланковая надпись выполненная есть надпись именная".

Въ германскомъ, австрійскомъ, швейцарскомъ и др. вексельныхъ уставахъ германскаго типа постановленія о бланковомъ индоссаментѣ выражены проще, прямѣе и безъ примѣчаній, хотя смыслъ ихъ тотъ же. Тамъ сказано, что полною передаточною надписью считается и просто надпись на оборотной сторонѣ векселя, копіи или аллонжѣ и что *каждый держатель векселя вправѣ выполнить бланковую надпись*. Мы не останавливались бы на различіи въ выраженіяхъ, еслибы въ Объяснительной Запискѣ тексту этой статьи Проекта не придано было своеобразнаго значенія. Кто прочтетъ

статью 34-ю, найдетъ, пожалуй, что ее можно было бы выразить точнѣе, какъ можно было бы точнѣе формулировать многія другія статьи Проекта, но что въ ея редакціи заключается особый умыселъ—можно узнать только изъ объясненій самого составителя Проекта. Они въ высшей степени характерны и едва-ли нѣчто подобное встрѣчалось у насъ въ мотивахъ къ законопроекту. Она-то и вызываетъ почему-то у составителя и ея редактора особенныя опасенія:

„Проектъ допускаетъ превращеніе бланковой надписи въ именную *или* такъ называемое *выполненіе*. Эта неизбѣжная, но крайне опасная (?) манипуляція передаточной надписи: а) не выставлена какъ „право“ и напоказъ, а *спрятана* (!) въ примѣчаніи къ ст. 34; б) обозначена техническимъ терминомъ, понятнымъ не для всякаго. Напр., извозчикъ, который найдетъ вексель на улицѣ или послѣ сѣдока, чего добраго, вздумалъ бы воспользоваться „правомъ“ превратить бланковую надпись найденнаго векселя въ именную на свое имя“. (Объяснительная Записка стр. 21). (Курсивъ и кавычки въ подлинникѣ).

Вы живо представляете себѣ извозчика, нашедшаго вексель и спѣшащаго справиться въ ст. 34 относительно своего «права» выполнить надпись. Къ счастью, составитель Проекта вó-время предусмотрѣлъ этотъ случай и озадачилъ пытливаго извозчика техническимъ терминомъ. Это—матеріалъ для каррикатуры, а не мотивы къ законопроекту. Законъ долженъ ясно и категорически выражать, чтó можно и чего нельзя, а не „прятать“ *опасныя* мѣста.

Въ своемъ стремленіи создать новый вексельный оборотъ, соотвѣтствующій природѣ тратты, хотя и подъ этикеткой простого векселя, Проектъ заходитъ такъ далеко, какъ не заходитъ большинство европейскихъ законодательствъ и какъ не пожелалъ пойти ни одинъ изъ появившихся понынѣ проектовъ. Если векседатель оговорилъ въ векселѣ, что онъ воспрещаетъ передавать вексель по передаточной надписи (Recta Wechsel), то индоссаментъ не имѣетъ вексельнаго значенія: таково правило Общегерманскаго Вексельнаго Устава и слѣдующихъ за нимъ многочисленныхъ европейскихъ уставовъ. Проекту въ этомъ случаѣ показалось нужнымъ пойти дальше и допустить передачу независимо отъ оговорки векседателя. И для чего это? У насъ, гдѣ передача еще такъ мало развилась, гдѣ простой вексель выступаетъ очень часто какъ залогъ, какъ обязательство съ *эвентуальнымъ* (условнымъ) разрѣшеніемъ въ срокъ, какъ обязательство съ обезпечительнымъ, такъ

сказать, характеромъ, надо было бы въ особенности сохранить человѣку, выдающему вексель, увѣренность, что противъ его воли вексель не станетъ обращаться, и разрѣшить выдачу векселей не по приказу. Въ силу установившагося взгляда на особыя свойства векселя, очень многіе увидятъ въ лишеніи этого права очень чувствительное нарушеніе своихъ интересовъ. „Если векселедатель и векселебратель соглашаются на подобный секретъ, то зачѣмъ же тогда брать вексель? для этого есть заемное письмо", отвѣчаетъ составитель Проекта [128]). Но въ такомъ случаѣ—отвѣчая на этотъ вопросъ вопросомъ же,—зачѣмъ же было тратить столько усилій, чтобы поднять, въ отличіе отъ значенія заемнаго письма, «*вексельную* силу»? Можетъ кредиторъ по заемному письму „удержать на ярмаркѣ товаръ векселедателя, *продать* задержанный *товаръ съ публичнаго торга*" и все это съ немедленнаго, безъ вызова отвѣтчика, разрѣшенія мѣстной власти (ст. 99—100)?

Описанный пріемъ служитъ недурною иллюстраціею къ „наглядной отчетливости, почти осязательной выпуклости", которою, по скромному замѣчанію составителя Проекта, отличается его трудъ. Не говоря о томъ, что постановленія, тѣсно связанныя другъ съ другомъ, разбросаны въ различныхъ отдѣлахъ и не всегда подъ соотвѣтствующею рубрикою, самая редакція не всегда отличается точностью даже въ тѣхъ случаяхъ, когда составитель Проекта ничего не хочетъ „спрятать".

„Передавшій вексель отъ имени другого отвѣчаетъ, какъ надписатель бланковой надписи, если для его подписи за другого не было законнаго основанія" (ст. 40).

Такъ какъ по Проекту отвѣтственность надписателя по именной и по бланковой надписи одинакова, то становится совершенно непонятнымъ, почему передавшій вексель отъ имени другого, не имѣя на то права, отвѣчаетъ не вообще, какъ надписатель, а—какъ бланконадписатель.

„Взаимное предшествіе передаточныхъ надписей опредѣляется порядкомъ ихъ слѣдованія. Надписатели взаимно предшествуютъ и слѣдуютъ другъ другу, какъ предшественники и преемники, въ порядкѣ ихъ предыдущихъ и слѣдующихъ надписей" (ст. 41).

---

[128]) Объяснительная Записка, стр. 19.

Подробно защищая эту редакцію противъ нападеній, г. Цитовичъ [129]) допускаетъ, что *взаимнаго предшествія* нѣтъ при двухъ надписяхъ, но считаетъ его несомнѣннымъ при *нѣсколькихъ* надписяхъ; при девяти надписателяхъ, напр., у пятаго будетъ четыре предшественника и четыре преемника. Въ этомъ никто не сомнѣвается: весь вопросъ въ томъ, гдѣ же тутъ *взаимное* предшествіе? Второй надписатель предшествуетъ третьему, но третій не предшествуетъ второму: *взаимности*, т.-е. тождества или сходства отношеній, здѣсь нѣтъ и быть не можетъ. Вся вообще редакція ст. 41 грѣшитъ крайней неточностью и неясностью: послѣдняя часть ея, напримѣръ, по буквальному своему смыслу, предполагаетъ *нѣсколько* надписей каждаго надписателя, между тѣмъ какъ объ этомъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ и рѣчи...

„Передача векселя послѣ совершенія протеста имѣетъ значеніе по ст. 2058 I ч. X т. Св. Гражд.“ (ст. 50).

Воспроизведемъ для болѣе нагляднаго сопоставленія эту статью 1 ч. X т. Св. Зак. Гражд., по которой:

„Крѣпостныя и долговыя заемныя письма безъ залога воленъ заимодавецъ до срока и послѣ срока передать другому, кто похочетъ заплатить ему деньги свои за заемщика и принять все право ко взысканію *безъ* оборота на заимодавца“.

Ясно, что статья эта допускаетъ передачу заемнаго письма, какъ до, такъ и послѣ срока, но *безъ оборота* на переуступщика, а потому изъ сопоставленія съ этою статьею ст. 50 Проекта слѣдуетъ вывести то заключеніе, что Проектъ не воспрещаетъ передачу векселя послѣ протеста, но освобождаетъ отъ отвѣтственности надписателя, учинившаго надпись послѣ протеста. Если понимать ст. 50 Проекта именно въ этомъ смыслѣ, то она совпадаетъ со ст. 27 Проекта 1884 года, по которой „надписатель не подлежитъ вексельной отвѣтственности, если вексель былъ переданъ имъ послѣ учиненія протеста въ неплатежѣ, или по истеченіи установленнаго для него срока“. По Объяснительной же Запискѣ оказывается вотъ чтó:

„Проектъ удерживаетъ правило нынѣ дѣйствующаго Устава (ст. 83), именно—что передача векселя можетъ имѣть мѣсто только до протеста (ст. 50). Правило противоположное едва-ли можетъ быть оправдано: а)

[129]) *Цитовичъ*, Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 23—24.

передача послѣ протеста открываетъ для векселя совершенно новое обращеніе, а между тѣмъ назначеніе протеста главнѣйше и заключается въ томъ, чтобы вексель, дошедшій въ своемъ обращеніи до срока платежа и въ этотъ срокъ не оплаченный, повернуть назадъ, т.-е. къ обратному удовлетворенію и чрезъ это поскорѣе, на узлахъ ихъ сѣти, вызвать окончательное разрѣшеніе всѣхъ тѣхъ отношеній, какія завязались и послѣ протеста запутались по неоплаченному векселю; б) если передачу допустить и послѣ протеста, какой же тогда срокъ этого векселя, предполагая, что онъ не былъ выданъ со срокомъ по предъявленію? Вексель, положимъ, со срокомъ на 1 іюня 1893 г., протестованъ въ неплатежѣ, но послѣ протеста векселедержатель, вмѣсто того, чтобы потребовать обратное удовлетвореніе, передаетъ свой протестованный вексель по передаточной надписи,—когда же наступитъ срокъ за-ново пущеннаго въ обращеніе векселя? в) передача протестованнаго векселя можетъ быть очень удобною формою избѣжанія расходовъ на вексельную бумагу для новаго векселя" (стр. 21—22).

Такимъ образомъ ст. 50-ая Проекта дозволяетъ передачу векселя послѣ протеста, а Объяснительная Записка такую передачу воспрещаетъ. Мы не будемъ останавливаться на нелишенной интереса, съ бытовой стороны, гармоніи между Проектомъ и Запискою, а обратимся къ соображеніямъ, высказаннымъ въ сей послѣдней, по существу, и посмотримъ, насколько они вѣрны.

Соображеніе, что передача векселя послѣ протеста откроетъ для векселя новое обращеніе, лишено всякаго значенія, потому что протестованный вексель, какъ вексель опороченный (dishonourd), уже не вексель, какъ таковой, до наступленія срока и протеста: къ учету его никто не приметъ, какъ не приметъ никто въ залогъ, подъ обезпеченіе спеціальнаго текущаго счета, съ реверсомъ и пр. Его циркуляціонная способность парализована въ корнѣ, хотя бы, какъ показываютъ факты, векселедержатель и былъ принужденъ иногда передать его въ другія руки съ редукціею противъ его номинальной стоимости, за невозможностью или нежеланіемъ взыскивать самому и при наличности лица, которое готово, по такимъ или инымъ соображеніямъ, пріобрѣсти такой вексель. Воспрещать передачу протестованнаго векселя, устанавливать для векселя исключеніе изъ общаго правила, по которому всякое требованіе можетъ быть уступлено въ другія руки, представляется совершенно излишнимъ стѣсненіемъ оборота. На вопросъ составителя Записки, «какой же срокъ этого (т.-е. протестованнаго и переданнаго) векселя», можно отвѣтить также вопросомъ: а какой же срокъ переданнаго *неопротестованнаго своевременно* векселя, т.-е. — векселя

преюдицированнаго? Протестованный вексель, конечно, вексель просроченный и о какомъ-то новомъ срокѣ не можетъ быть рѣчи. Такой вексель всегда можно предъявить ко взысканію, какъ и всякое просроченное требованіе. Послѣдній аргументъ, наконецъ, по которому «передача протестованнаго векселя можетъ оказаться очень удобною формою для избѣжанія расходовъ на вексельную бумагу для новаго векселя», представляется еще менѣе убѣдительнымъ. Прежде всего къ передачѣ протестованнаго векселя прибѣгаютъ очень рѣдко, въ случаяхъ крайности. Затѣмъ, едва-ли позволительно смотрѣть на гражданскій оборотъ *исключительно* съ точки зрѣнія фиска, къ тому же въ данномъ случаѣ и неправильно понятаго; вѣдь если быть послѣдовательнымъ,—отчего не воспретить и досрочной индоссаціи векселя, такъ какъ она, по существу, замѣняетъ выдачу новыхъ векселей. Самое же главное—это то, что казенный фискъ отъ этого не пострадаетъ: 95% выдаваемыхъ векселей, какъ констатируетъ авторъ Записки, не доходитъ до суда [130]) и, слѣдовательно, разрѣшается въ срокъ нормально. Изъ остающихся затѣмъ 5% выдаваемыхъ векселей, доходящихъ до суда, часть (и, можетъ быть, значительная) оканчивается, можетъ быть, также не въ ущербъ фиску. Остается затѣмъ, повидимому, такой ничтожный процентъ «переданныхъ протестованныхъ векселей», которому, съ точки зрѣнія фиска, само Министерство Финансовъ, вѣроятно, согласится не придавать никакого значенія...

Ясно, что аргументація составителя Записки, полемизирующаго противъ Проекта Министерства Юстиціи, во 1) не оригинальна—въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ она повторяется почти въ каждомъ нѣмецкомъ учебникѣ, какъ и въ рѣшеніяхъ Reichsgericht'a, а во 2) она не касается сущности вопроса. Министерство Юстиціи, вѣроятно, точно такъ же понимало, какъ и составитель Проекта, что съ наступленіемъ протеста вексель потерялъ способность дальнѣйшаго *вексельнаго* оборота,—но вѣдь это не значитъ, что онъ потерялъ способность обращенія. Вотъ почему и возникаетъ необходимость установить отношенія новаго индоссатапріобрѣтателя какъ къ индоссенту, передавшему ему вексель послѣ протеста, такъ и ко всѣмъ предыдущимъ, вплоть до перваго векселедателя [131]).

---

[130]) См. выше: стр. 35.

[131]) Устанавливаются ли передачею векселя послѣ протеста отношенія ex jure cesso или же между индоссаментомъ и цессіею есть еще различіе въ этомъ случаѣ? Какъ въ

„По неполной надписи уполномоченный имѣетъ право. . . в) передать вексель другому по неполной надписи отъ себя, или по надписи полной отъ имени препоручителя, если право на ту или другую передачу ему предоставлено особою оговоркою за подписью препоручителя" (ст. 52).

Въ силу неполной (препоручительной) надписи, лицо, коему передается вексель, становится не векселедержателемъ, а—лишь представителемъ векселедержателя, уполномоченнымъ на полученіе денегъ и на совершеніе иныхъ необходимыхъ для сего дѣйствій. Ясно, что о функціи передачи такого индоссамента не можетъ быть и рѣчи: если сама препоручительная надпись, какъ таковая, не даетъ уполномоченному (Procura-Indossat'у) права передать вексель другому лицу въ собственность, то едва-ли слѣдуетъ ему предоставить это право въ силу особой оговорки въ препоручительной надписи. Такія оговорки, нежелательныя вообще, въ видахъ необходимости проведенія грани между полною (передаточною) и неполною (препоручительною) надписями, въ дѣйствительности и немыслимы: сомнительно, чтобы нашелся такой прокура-индоссатъ, который пожелалъ бы выступить съ индоссентскою подписью гарантіи отъ себя на имя другого лица, принимая, такимъ образомъ, на себя отвѣтственность по векселю, относительно котораго у него не будетъ права регресса къ своему предшественнику. Съ другой стороны, Проекту надлежало бы предоставить уполномоченному препоручительною надписью право передать вексель далѣе по такой же препоручительной надписи и безъ особой о томъ оговорки въ первоначальной препоручительной надписи. Этого не только справедливаго, но и необходимаго для оборота принципа держится большинство вексельныхъ уставовъ [132]), а Проектъ почему-то его игнорируетъ.

По ст. 55-ой Проекта „значеніе передаточной надписи одинаково до протеста и послѣ протеста". Находясь въ Отдѣленіи 3-мъ Проекта подъ заголовкомъ «Передаточная надпись неполная» (стр. 6 Проекта), статья эта можетъ относиться только къ препоручительной надписи. Несомнѣнно, что ясность статьи выиграла бы, еслибы ея смыслъ могъ быть установленъ по ея тексту, а не въ связи съ

европейской литературѣ, такъ и въ судебной практикѣ вопросы эти рѣшаются разно. Проектъ Министерства Юстиціи, во всякомъ случаѣ, ближе подходилъ къ господствующему мнѣнію, устанавливая, что передача можетъ произойти и послѣ протеста, но, конечно, съ тѣми измѣненіями въ послѣдствіяхъ, которыя связаны съ актомъ протеста.

[132]) Германскій Векс. Уст. ст. 17; Венгрія ст. 15; Швейцарія ст. 735; Скандинавскій уст. ст. 16 и др.

заголовкомъ, подъ которымъ она помѣщена,—заголовкомъ, котораго, по справедливому замѣчанію г. Цитовича въ другомъ мѣстѣ и по другому случаю [133]), обыкновенно и не читаютъ, ибо заголовокъ—не законъ.....

Въ вопросахъ, касающихся передаточной надписи, составитель Проекта вообще проявилъ незнаніе экономическихъ отношеній по векселю. Какъ на образецъ такого непониманія, можно указать на слѣдующее:

«По надписи полной вексель передается не только въ собственность, но, напр., въ обезпеченіе, а *еще чаще—именно для полученія денегъ* (incasso)... Какой банкъ возьметъ вексель въ залогъ или для *incasso по не*полному индоссаменту? (Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 21).

Вопросъ нѣсколько неожиданный и можетъ быть встрѣченъ двумя другими: а зачѣмъ банку полный индоссаментъ по векселю. передаваемому ему на инкассо, и какая можетъ быть связь между векселемъ на инкассо и векселемъ, передаваемымъ въ «обезпеченіе» или въ «залогъ»? Въ одномъ (первомъ) случаѣ я передаю вексель, сохраняя по нему всѣ права до имѣющей поступить въ мою пользу въ срокъ валюты включительно. Во второмъ случаѣ (экономически) я какъ бы дисконтирую вексель, но не дисконтируя его механически, получаю сумму его (даже и не полностью), передаю въ обезпеченіе, въ залогъ вексель, для эвентуальнаго «самопокрытія» со стороны заимодателя, т.-е. для полученія платежа по векселю, въ случаѣ моей неисправности, на основаніи полнаго или бланковаго индоссамента. Въ первомъ случаѣ немыслимъ регрессъ по отношенію ко мнѣ—я и валюты не получалъ. Во второмъ случаѣ—является формальный регрессъ, потому что, не возвращая занятой суммы (подъ залогъ и обезпеченіе векселя, снабженнаго моею надписью) и передавъ заимодавцу въ залогъ вексель на опротестованіе за непоступленіемъ платежа, я естественно являюсь отвѣтственнымъ по регрессу [134]). Читателю, которому это оказалось бы недостаточнымъ, рекомендуемъ обратиться къ аргументаціи составителя Проекта, въ тирадѣ, относящейся къ безъоборотной бланковой надписи:

„ . . . Основанія есть и притомъ различныя для различныхъ случаевъ бланковой надписи. Чрезъ устраненіе оговорки безъ оборота Проектъ

---

[133]) *Цитовичъ*, Вексель и задачи его кодификаціи въ Россіи, стр. 19.

[134]) Объ операціи передачи векселей въ депо и пр. см. подробнѣе: *Барацъ*, Курсъ вексельнаго права, стр. 718—726; стр. 135 прим. 16 и стр. 233 прим. 7. Ср.: *его-же*, Курсъ коммерческой корреспонденціи, стр. 54—55, 179—186.

а) устраняетъ изъ обращенія векселя съ одною подписью; б) на того, кто своею подписью превращаетъ вексель въ бумагу на предъявителя, Проектъ возлагаетъ и гарантію по векселю. Наконецъ, есть и еще одно основаніе, и притомъ такое, что указывать на него въ Объяснительной Запискѣ было бы даже странно: бланковая надпись безъ оборота ни на что не нужна и совершенно безцѣльна. Это все равно, что допустить такой вексель: повиненъ я заплатить, но платить не стану. Кромѣ гарантіи платежа бланковая *надпись ничего другого въ себѣ не заключаетъ*; въ этомъ ея отличіе отъ надписи именной, въ которой сверхъ гарантіи заключается еще и трансфертъ . . . Но бланковая надпись безъ оборота все равно, что надпись уничтоженная, зачеркнутая. Еще разъ: рѣшительно нѣтъ возможности представить себѣ, зачѣмъ и кому понадобилась бы подобная надпись; она интересна развѣ для собирателя автографовъ". (Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 21). Ср.: Дополнительная Записка, стр. 29—30).

Если А. выдалъ вексель Б., то вексель всегда останется съ одною (векселедательскою) подписью А., независимо отъ того, пустилъ ли Б. въ обращеніе такой вексель со своею безъоборотною бланковою надписью, или нѣтъ: въ первомъ случаѣ остается та же единственная подпись А., по отношенію къ которому выступаетъ *безъимянный* новый векселедержатель (бланко-индоссатъ), съ тѣми же правами по векселю, какими пользовался Б. До тѣхъ поръ, пока вексель не вышелъ изъ рукъ Б., или до тѣхъ поръ, пока онъ находится въ рукахъ безъимяннаго новаго держателя, для Проекта должно было бы быть безразлично, какова конструкція векселя, потому что такая модуляція, вопреки намѣреніямъ Проекта, *не* устраняетъ изъ обращенія векселя *съ одною* подписью. Здѣсь къ тому же не можетъ быть и рѣчи объ *обращеніи* (циркуляціи) векселя—это одинъ изъ видовъ *эммиссіи*, порождаемый массою самыхъ разнообразныхъ экономическихъ отношеній [135]). Неправъ составитель Проекта и въ томъ отношеніи, что „кромѣ гарантіи платежа бланковая надпись ничего другого въ себѣ не заключаетъ; въ этомъ ея отличіе отъ надписи именной, въ которой сверхъ гарантіи за-

---

[135]) Я состою здѣсь агентомъ (коммиссіонеромъ) лица А изъ Пскова, продаю его (консигнированные мнѣ) товары и получаю векселя на свое имя. По Проекту, мнѣ остается передать А. векселя путемъ *именной* безъоборотной на его имя надписи, которая для него, А., сплошь и рядомъ оказывается неудобною. Бланковой же безъоборотной надписи Проектъ не допускаетъ. Чайные (оптовые) торговцы, напр. изъ Кенигсберга, продающіе свой товаръ здѣсь и выступающіе на векселяхъ первопріобрѣтателями, дисконтируютъ свои векселя здѣсь путемъ бланковыхъ надписей, частью и безъоборотныхъ, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ выбываютъ изъ вексельной отвѣтственности путемъ сепаратныхъ, такъ называемыхъ, освободительныхъ (дешаржныхъ) писемъ (Entbindungsschreiben). См.: *Барацъ*, Курсъ Коммерческой Корреспонденціи, стр. 242—253.

ключается и трансфертъ". Съ точки зрѣнія казуистики — можетъ быть. Но *экономически* бланковая надпись, такъ же, какъ и именная, заключаетъ въ себѣ *и гарантію* платежа, *и трансфертъ*. Это знаетъ послѣдній ученикъ торговой школы и послѣдній конторщикъ, не перешагнувшій еще ранга конторскаго „волонтера". Если же экономически бланковая надпись, такъ же, какъ и именная, заключаетъ въ себѣ и гарантію платежа, и трансфертъ, и если затѣмъ именная надпись не лишена права безъоборотности, то непонятно, почему этого права лишать бланковую надпись. Наказывать безъоборотнаго бланко-надписателя за это „возложеніемъ на него гарантіи по векселю" – просто насиліе, до котораго еще не снизошелъ ни одинъ кодексъ именно потому, что это равносильно вторженію въ такія сложныя экономическія отношенія, до которыхъ законодательству нѣтъ дѣла... „Нужна ли она, или безцѣльна"—знаютъ лучше контрагенты и тѣ подчасъ неуловимыя отношенія, которыя ихъ вызываютъ. Ихъ знаютъ и видятъ всѣ,—не знаетъ ихъ только Проектъ, который изъ-за желанія все регламентировать, все досмотрѣть, предусмотрѣть, предотвратить и пресѣчь, вопіющимъ образомъ пытается нарушить самыя элементарныя права контрагентовъ. Могутъ ли эти надписи быть „интересны для собирателя автографовъ" тоже сомнительно, потому что дѣловому люду во время разсчетовъ и передачи векселей на такихъ или иныхъ основаніяхъ совсѣмъ не до собиранія автографовъ. Уподоблять вексель съ бланковою безъоборотною надписью темѣ «повиненъ я заплатить, но платить не стану» — даже и не остроумно, потому что въ послѣднемъ случаѣ идетъ рѣчь объ *отрицаніи* скрѣпляемаго подписью обязательства въ *положительной* формѣ, а тамъ на обязательство, какъ на таковое, и на векселедательскую подпись покушенія никакого нѣтъ, а отрицаніе замѣняется лишь *устраненіемъ* той гарантіи, которую, при однихъ условіяхъ, *въ смыслѣ формы*, самъ Проектъ допускаетъ, а при другихъ зачѣмъ-то и почему-то запрещаетъ.

Остановимся на минуту на главѣ V Проекта, трактующей о платежѣ, которому посвящены ст.ст. 56—94.

„Отказъ въ отмѣткѣ (рѣчь идетъ о визѣ [visa] векселей по предъявленію) долженъ быть удостовѣренъ на векселѣ нотаріусомъ той мѣстности, гдѣ вексель предъявляется для отмѣтки" (ст. 68).

„Въ томъ случаѣ, когда вексель не могъ быть предъявленъ для отмѣтки векселедателю (или плательщику) въ мѣстѣ его жительства или

въ мѣстѣ платежа, неполученіе отмѣтки удостовѣряется нотаріусомъ той мѣстности, гдѣ отмѣтка не получена“ (ст. 69).

Здѣсь прежде всего поражаетъ опять отождествленіе векселедателя съ (постороннимъ) плательщикомъ, которому въ данный моментъ, за несостоявшеюся еще презентаціею векселя векселедателю, можетъ даже еще не быть извѣстно о состоявшемся у него назначеніи векселя къ платежу; у котораго можетъ еще даже не быть подлежащаго адвиза, покрытія; который могъ и умереть, прекратить платежи, съ которымъ, словомъ, могло случиться все то, о чемъ было упомянуто выше [136]). И здѣсь, слѣдовательно, Проектъ пытается субсидіарному, пассивно, да еще эвентуально пристегнутому, къ векселю непричастному лицу, навязать функціи, на которыя, съ достовѣрностью можно сказать, никто никогда не пойдетъ. Это—во-первыхъ. Затѣмъ Проектъ ничего не говоритъ объ устраненномъ имъ въ этомъ случаѣ протестѣ, который замѣняется въ этомъ случаѣ «удостовѣреніемъ нотаріуса на векселѣ». Въ Объяснительной Запискѣ пояснено, что векселей по предъявленію въ дѣйствительности вовсе нѣтъ, а потому

„Проектъ устранилъ протестъ въ неполученіи отмѣтки: протестъ — мѣра слишкомъ торжественная, чтобы предписывать ее для такой лишь гадательно возможной случайности“.

Одно изъ двухъ: или такіе векселя существуютъ, или—нѣтъ. Если нѣтъ, то ихъ нечего было включать въ Проектъ, какъ не включены, напр., въ него векселя по обычаю. Если они существуютъ — зачѣмъ же иначе было о нихъ упоминать въ Проектѣ?—то становится совершенно непонятною попытка составителя Проекта поставить ихъ, такъ сказать, «внѣ закона», хотя бы на случай „лишь гадательно возможной случайности“, и сдѣлать для векселей этой категоріи исключеніе изъ общаго начала вексельнаго права, по которому *неудовлетвореніе вытекающихъ изъ векселя требованій удостовѣряется протестомъ*, хотя бы число такихъ векселей было еще меньше теоретически допускаемыхъ Проектомъ. Что́ имѣлъ въ виду составитель Проекта, дѣлая такое постановленіе—неизвѣстно. Если у него было желаніе сохранять «торжественность» процедуры протеста для болѣе важныхъ случаевъ уклоненія отъ обычныхъ нормъ вексельнаго права, то можно напомнить ему о многихъ другихъ

---

[136]) См. выше: стр. 103, 111.

случаяхъ такъ же мало «торжественныхъ», но все же не лишенныхъ покровительства и охраны протеста дѣйствій (за невыдачу акцептованнаго экземпляра, неправильность акцепта и пр.). Если онъ имѣлъ въ виду устраненіе формальностей для этой процедуры, то нужно ему имѣть въ виду, что формальности такимъ путемъ не устранятся, ибо векселедержателю нужно сдѣлать заявленіе нотаріусу, который долженъ справедливость этого заявленія провѣрить и продѣлать, словомъ, все то, что́ необходимо для удостовѣренія такого отказа на векселѣ и что́ справедливѣе констатировать въ актѣ протеста, какъ въ таковомъ.

Мы хотѣли бы остановиться на другихъ постановленіяхъ Проекта матеріальнаго свойства, какъ напримѣръ: на искѣ по векселю, на утратѣ векселя, совершеніи протестовъ и др., относительно коихъ можно было бы также констатировать ту легкость, съ которою составитель Проекта отнесся къ своей задачѣ. Но наши замѣчанія относительно первой части Проекта, трактующаго о простомъ векселѣ, разрослись и безъ того, а потому мы считаемъ болѣе удобнымъ перейти къ раздѣлу второму, трактующему о переводныхъ векселяхъ, или, какъ ихъ квалифицируетъ Проектъ,—„траттахъ“, насколько мы ихъ не коснулись въ предыдущихъ замѣчаніяхъ.

VII.

Переименовавъ переводный вексель въ тратту, Проектъ установляетъ два рода переводныхъ векселей: 1) тратту внутреннюю, выданную въ Имперіи съ платежемъ въ Имперіи, и 2) тратту заграничную, выданную въ Имперіи съ платежемъ за-границею, или выданную за-границею съ платежемъ въ Имперіи. Къ чему понадобилось составителю Проекта такое дѣленіе переводныхъ векселей—неизвѣстно. Оно неизвѣстно нынѣ дѣйствующему Уставу о векселяхъ, съ этой стороны не подававшему до сихъ поръ повода судить о его деффектности; его не знаютъ и западно-европейскіе кодексы, за исключеніемъ одной лишь Англіи, гдѣ дѣленіе переводныхъ векселей на внутренніе и заграничные имѣетъ лишь историческое значеніе. Въ Объяснительной Запискѣ говорится, что различіе между траттою внутреннею и траттою заграничною „нужно для подлежащихъ статей Проекта (161-ой, 201-ой, 207-ой и 204-ой)“. Изъ означенныхъ четырехъ статей, *три вовсе не подтверждаютъ* необ-

ходимости установленія въ будущемъ вексельномъ уставѣ двухъ родовъ переводныхъ векселей, а одна (ст. 161), трактующая о „траттѣ заграничной, по которой сумма приказа можетъ быть означена въ иностранной валютѣ“,—хотя и относится къ обоимъ видамъ заграничныхъ траттъ, но она должна бы трактовать только о траттахъ, выдаваемыхъ въ Имперіи съ платежемъ за-границею, ибо *форма* и *содержаніе* тратты, выдаваемой за-границею съ платежемъ въ Имперіи, опредѣляется, очевидно, иностранными, а не русскими законами. Засимъ о траттахъ внутреннихъ составитель Проекта напрасно безпокоился—ихъ еще немного и не Проекту ихъ насадить: для этого нужны еще другіе факторы, которыхъ мы здѣсь касаться не будемъ,—о нихъ можно будетъ поговорить въ другомъ мѣстѣ и въ другое время. Остаются тратты, выданныя изъ Имперіи на заграницу (тамъ платежныя), и тратты, выданныя за-границею на Имперію и платежныя въ сей послѣдней. О траттахъ внутреннихъ можно лишь упомянуть только постольку, поскольку онѣ касаются вексельной правоспособности, хотя и здѣсь для насъ вопросъ имѣетъ болѣе теоретическое, чѣмъ практическое значеніе. Къ русскимъ подданнымъ примѣняются въ этомъ отношеніи правила, постановленныя относительно простыхъ векселей, въ томъ числѣ и правилъ о большей или меньшей эмансипаціи несовершеннолѣтнихъ. Тѣ же правила о простыхъ векселяхъ примѣняются къ иностранцамъ въ отношеніи внутреннихъ траттъ. Что же касается траттъ заграничныхъ, то право иностранцевъ по нимъ обязываться опредѣляется по законамъ ихъ родины (отечества), безъ оговорки, въ силу которой иностранецъ, не имѣющій сего права по законамъ своего государства, отвѣтствуетъ по принятымъ имъ на себя въ предѣлахъ Имперіи вексельнымъ обязательствамъ, если означенное право принадлежитъ ему на основаніи устава.

Въ желаніи отвести переводный вексель какъ можно дальше отъ простого, Проектъ, узаконяя тратту, уничтожилъ для сей послѣдней вексельную мѣтку, которой, по соображеніямъ, высказаннымъ въ Объяснительной Запискѣ, „не требуютъ, напр., уставы англійскій, французскій и бельгійскій“, но которой, прибавимъ мы отъ себя, требуетъ большинство европейскихъ законодательствъ, не исключая и тѣхъ, которыя раньше ихъ тоже не требовали, а затѣмъ сочли болѣе нужнымъ узаконить (Италія, Швейцарія). Такимъ образомъ, отнынѣ по Проекту переводными векселями или траттами будутъ всѣ орудія перевода: переводы (Anweisung), ман-

даты (Mandat), трансферты, делегаціи, переводныя квитанціи, чеки и т. д. При этихъ условіяхъ и при такой постановкѣ вопроса оказываются однимъ взмахомъ пера кодифицированными цѣлые институты торговаго права, а такъ какъ всѣ эти орудія перевода, по существу, содержатъ всѣ составныя части переводныхъ векселей (траттъ), то Проектомъ, облагающимъ все это вексельнымъ налогомъ (ст. 159), уничтожаются въ корнѣ всѣ эти орудія перевода: окажется выгоднѣе перевозить деньги по желѣзнымъ дорогамъ, какъ это дѣлается у насъ еще и нынѣ, чѣмъ дѣлать это путемъ трансфертовъ [137]).

„*Векселе*брателемъ *тратты* можетъ быть означенъ самъ трассантъ. Тратта своему приказу вступаетъ въ силу послѣ акцепта или *послѣ передаточной надписи*“ (ст. 164).

По тому же Проекту (ст. 32, 34 и 52) вексель можетъ быть передаваемъ по передаточнымъ надписямъ, которыя бываютъ двухъ родовъ: полныя, передающія вексель въ собственность, и неполныя или препоручительныя, передающія вексель лишь для полученія денегъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Проектъ, говоря въ этой статьѣ о передаточной надписи, имѣлъ въ виду не препоручительную, а—полную надпись, такъ какъ векселю собственному приказу, еще не акцептованному, мудрено вступить въ силу при наличности на немъ одной лишь препоручительной надписи. Но характерно то, что составитель Проекта обмолвился и своею недомолвкою показалъ, что даже и онъ не отрѣшился отъ установившейся терминологіи дѣленія передаточныхъ надписей на категоріи, обрекая, однако, всѣхъ тѣхъ, кому пришлось бы справляться въ его Проектѣ, на такую безцѣльную и непроизводительную работу.

„Подпись трассата [138]) на лицевой сторонѣ тратты есть акцептъ неограниченный. Акцептъ ограниченный есть акцептъ въ части суммы, если часть точно означена предъ подписью акцептанта“. (стр. 170).

[137]) Знатокъ нашихъ кредитныхъ условій, Е. И. Ламанскій, въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, посвященныхъ реформѣ нашей кредитной системы, констатировалъ обыденность такового факта, по которому у насъ не рѣдкость отправленія отсюда въ Москву наличными 3 милліоновъ рублей въ то время, когда изъ Москвы сюда пересылается одновременно 2 милліона... Комментировать это—значитъ только умалять то, о чемъ такіе факты, сами по себѣ, краснорѣчиво говорятъ.

[138]) Ст. 159⁷ Проекта гласитъ: „Тратта (переводный вексель) [это—при изгнанности «переводнаго векселя» и при общемъ заголовкѣ раздѣла 2-го «о траттахъ»] *излагается* на вексельной бумагѣ. Изложеніе заключаетъ въ себѣ... *адресъ* того, кому выдается приказъ заплатить, или трассатъ“. Такимъ образомъ, по Проекту, *адресъ* и *трассатъ* являются синонимами...

„*Сверхъ ограниченія въ суммѣ* (ст. 170), никакія оговорки, ограниченія, условія, отрицанія не ограничиваютъ акцепта". (ст. 173).

Въ Объяснительной Запискѣ относительно этихъ статей сказано:

„Ст. 173 не допускаетъ при акцептѣ даже и отрицаній: иными словами, отказъ въ акцептѣ, изложенный въ самой же траттѣ и подписанный трассатомъ, есть акцептъ. Такое правило устраняетъ возможность для трассата уронить тратту, опорочить ее для обращенія". (стр. 31—32 Op. cit).

Итакъ, по Проекту: 1) акцептъ состоитъ лишь изъ подписи трассата на лицевой сторонѣ векселя и 2) *все, что предшествуетъ подписи*, въ чемъ бы оно ни заключалось, *лишено всякаго значенія*, кромѣ оговорки о принятіи векселя въ меньшей противъ означенной въ немъ суммы. Такимъ образомъ, Проектъ прежде всего не признаетъ акцептомъ формулу ‹принятъ или акцептованъ›, написанную на оборотной сторонѣ векселя и подписанную трассатомъ, расходясь въ данномъ случаѣ не только съ дѣйствующимъ Уставомъ о векселяхъ, но и со всѣми иностранными вексельными законами, для которыхъ совершенно безразлично, на какой именно сторонѣ векселя (лицевой или оборотной) значится акцептаціонная формула [139]). Для чего понадобилось Проекту такое ограниченіе и такой формализмъ—неизвѣстно, какъ неизвѣстно, почему Проектъ не придаетъ значенія даже и такимъ предшествующимъ подписи трассата словамъ, въ которыхъ выражается воля трассата *не* исполнить порученія трассента, не принять (не акцептовать) векселя [140]).

---

[139]) Уставъ о векселяхъ ст. 38; Франція ст. 122; Италія ст. 261; Бельгія ст. 12; Англія ст. 17; Германія ст. 21; Венгрія ст. 21; Швейцарія ст. 739; Скандинавскій уст. ст. 21.

[140]) Г. Цитовичъ напрасно думаетъ, что кто-нибудь изъ вексельныхъ контрагентовъ вздумаетъ заниматься, при нежеланіи акцептовать вексель, писаніемъ формулъ: „какъ бы не такъ", „не принимаю и платить не буду", „убирайтесь къ нечистому" и т. п. (См. его Курсъ вексельнаго права, стр. 180). Характерно, что всѣ такія опасенія высказываются относительно трассата переводнаго векселя и даже теоретически г. Цитовичемъ не допускаются по отношенію къ векселедателю простого векселя. Опасенія, во всякомъ случаѣ, неосновательны: этимъ не занимается никто, какъ не занимался этимъ несомнѣнно никогда никто въ то отдаленное время, когда вексель возникъ и когда имъ, какъ новинкою, можно было потѣшаться и на такой манеръ. Этимъ не станетъ заниматься даже и нашъ обыватель, не исключая и „саврасовъ безъ узды" и прочихъ культуртрегеровъ отдаленной провинціи, которые способны „шутить" на всякій манеръ до пользованія городскою почтою, какъ новинкою, включительно. Опытъ показываетъ, что даже шутки, при наличности такой новинки, какъ городская почта, тоже пріѣдаются... Лицу, которому предъявляется вексель во время его дѣловыхъ занятій, не до шутокъ. Тутъ одно изъ двухъ: или акцептовывай, хотя бы и въ части, или — отказывай. Для такихъ шутокъ, какъ „убирайтесь къ нечистому", и т. п. не нужно даже и Улож. о наказ. Отъ

И это постановленіе такъ же, какъ и предшествующее, идетъ въ разрѣзъ не только съ „устарѣвшимъ и никуда негоднымъ“ дѣйствующимъ Уставомъ о векс., но—даже и съ большинствомъ, если не всѣхъ, европейскихъ вексельныхъ законовъ, за исключеніемъ одного, можетъ быть, и то только съ натяжкою, Скандинавскаго вексельнаго устава 1880 г. Всѣ эти постановленія имѣютъ только значеніе теоретическое, и если законодательства становятся въ такое или иное положеніе къ оговоркамъ и формуламъ, обусловливающимъ акцептъ, то это не для того, чтобы формально выраженный въ акцептѣ отказъ считать quand même акцептомъ, а — для того, чтобы дать руководящую нить для толкованія такого или иного ограниченія въ акцептѣ помимо частичности въ таковомъ (какъ напримѣръ при акцептѣ: «принялъ, но при условіи полученія коносамента на товаръ», или: «принялъ съ платежемъ 20-го Января», когда срокъ векселя назначенъ на 20-е Декабря, и т. п.). При этихъ условіяхъ составителю Проекта лучше уже было бы и не касаться этого вопроса и не настаивать на томъ, что отказъ въ акцептѣ, изложенный на траттѣ и подписанный трассатомъ, признается, тѣмъ не менѣе, акцептомъ... Правило, устанавливающее фикцію согласія, вопреки вполнѣ ясно выраженной волѣ несогласія трассата (даже еслибы допустить невозможную возможность чего-либо подобнаго на дѣлѣ),—не есть правило, а насиліе, которое ни мало не устранитъ для трассата „возможность уронить тратту и опорочить ее для обращенія“—она окажется въ такомъ видѣ опороченною и деффектною, сколько бы Проектъ ей ни покровительствовалъ и сколько бы онъ ни распинался за ея годность...

нихъ сдерживаетъ прежде всего *дѣловитость* отношеній, связанная съ ними серьезность и та элементарная, хоть и примитивная, порядочность, которая сдерживаетъ отъ срыванія цѣпочки и часовъ у того, кто является презентантомъ векселя. Стоя на почвѣ опасеній и боясь акцепта на тему „платить не буду, не желаю“ и т. п., можно договориться и до случаевъ полученія денегъ векселедержателемъ съ роспискою на векселѣ: «платежа *не* получилъ» и т. п. Все это—продуктъ больного воображенія, которое можетъ завести очень далеко. Отъ акцепта „убирайтесь къ нечистому“ до вырыванія векселя изъ рукъ презентанта и бросанія его въ каминъ гораздо ближе, чѣмъ отъ акцепта до отказа. Если изыскивать средства противъ покушеній на „убирайтесь къ нечистому“ на векселяхъ, то нужно вѣдь подумать и о томъ, что идетъ послѣ этого. Приходитъ векселедержатель за деньгами по векселю и расписывается въ полученіи по нему платежа, а векселедатель (плательщикъ) кладетъ сквитованный вексель въ карманъ или, просто, бросаетъ въ печь, а денегъ не платитъ. Что-жъ, это „только уронитъ кредитъ векселя“? Если обезпечивать векселедержателя по акцепту въ смыслѣ положительнаго дѣйствія, то нужно вѣдь обезпечивать того же векселедержателя и въ полученіи денегъ, которыхъ онъ можетъ и не получить по насилію. Додуматься можно до всего,—гдѣ граница?

Безпокоясь объ изложенiи отказа въ акцептѣ и рисуя въ своемъ воображенiи самыя мрачныя эвентуальности, г. Цитовичъ говоритъ, что его редакцiя, въ смыслѣ постановленiя—„своего рода угроза для тѣхъ, кто вздумалъ бы пачкать тратту, ронять ея годность къ обращенiю—подрывать довѣрiе къ ней, безчестить ее изложенiемъ на ней самой отказа въ принятiи, а черезъ это ронять честь и кредитъ трассанта“, присовокупляя, что „многiе первоклассные банки и банкиры никогда не акцептуютъ выданныхъ на нихъ траттъ, считаютъ это ниже своего достоинства“. Откуда г. Цитовичъ взялъ это—неизвѣстно. Вѣроятно, и это ему понадобилось для того, чтобы оправдать то, что его Проектъ не предписываетъ обязательности предъявленiя (презентацiи) къ акцепту. Каковы бы ни были, однако, мотивы, по которымъ онъ констатируетъ это съ такою непреложностью и самоувѣренностью, *несомнѣнно* то, что *всѣ* первоклассные банки и банкиры *всегда* акцептовываютъ выданныя на нихъ тратты и не только не считаютъ это ниже своего достоинства, но *считаютъ это для себя обязательнымъ*, въ чьихъ бы рукахъ ни находились трассированные на нихъ векселя. Они не считаютъ этого ниже своего достоинства и считаютъ это для себя обязательнымъ, хотя бы тратта предъявлялась имъ къ акцепту за 3—4 дня до срока (платежа по ней), и считаютъ ниже своего достоинства *только одно*—акцептовывать предъявляемую имъ захудалую и залежавшуюся тратту на незначительную сумму (въ нѣсколько сотъ рублей), выписанную на 14 дней—3 недѣли и предъявляемую имъ для акцепта дня за три до срока. Но то же достоинство предписываетъ имъ, отклоняя акцептъ такой тратты, какъ акцептацiю, предложить презентанту тутъ же (досрочный) платежъ и притомъ безъ дисконта. Такое гонорированiе не только равносильно акцепту, но—еще лучше таковаго.

Говоря затѣмъ объ «угрозахъ для тѣхъ, кто вздумалъ бы пачкать тратту», г. Цитовичъ проявляетъ трогательную по отношенiю къ ней заботливость, къ которой мы, считая тратту падчерицей г. Цитовича, даже и не привыкли. Позволительно все-таки спросить, почему г. Цитовичъ проявляетъ по отношенiю къ траттѣ такую заботливость, боясь „обезчестить ее изложенiемъ на ней же самой отказа въ принятiи“, не проявляя такой же заботливости по отношенiю къ (простому) векселю, векселедатель котораго тоже вѣдь можетъ предъ своею (векселедательскою) подписью написать: «хоть и повиненъ заплатить, но не заплачу!..» Одно изъ двухъ: или

тратта выдана (трассирована) такимъ лицомъ (учрежденіемъ), подпись котораго, какъ трассента, служитъ уже сама по себѣ гарантіею тому, что трассатъ не вздумаетъ «ронять честь и кредитъ трассента». Тогда нечего безпокоиться и придумывать «угрозы для тѣхъ, кто вздумалъ бы пачкать тратту»—угрозы излишни, такъ какъ тратта не будетъ обезчещена со стороны трассата, который пачкотней ея не станетъ заниматься. Вопросъ этотъ самъ по себѣ вовсе не такъ важенъ, чтобы на немъ стоило останавливаться. Гораздо лучше было-бы Проекту, по примѣру большинства вексельныхъ уставовъ, вовсе и не касаться этого вопроса, такъ какъ здѣсь споръ—чисто академическій. Если мы считали нужнымъ на немъ остановиться, то не потому, чтобы мы придавали ему какое-нибудь значеніе,—статья всегда останется ненужнымъ постановленіемъ,—а потому, что насъ занимаютъ тѣ доводы, которые составитель Проекта приводитъ въ укрѣпленіе той позиціи, которую онъ занялъ въ этомъ вопросѣ. Говоря о ст. 170 Проекта, которая трактуетъ объ акцептѣ, г. Цитовичъ говоритъ, что

„Опредѣленіе ст. 170 разсчитано на безопасность тратты: оно устраняетъ возможность—уже выданный акцептъ уничтожить чрезъ приставки въ смыслѣ его отмѣны (!). Подобное уничтоженіе тѣмъ легче, что приставки къ акцепту обыкновенно дѣлаются чужою рукою (конторщика), а еще чаще набиваются штемпелемъ. Положимъ, тратта акцептована 1-го Марта, до ея срока еще 6 мѣсяцевъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ акцепта она по индоссаменту дошла до акцептанта, который какъ разъ въ это время узналъ, что трассантъ прекратилъ платежи, или теперь только замѣтилъ, что тратта была подложна, трассирована на вѣтеръ (безъ покрытія), или что онъ по ошибкѣ акцептовалъ эту тратту въ двухъ экземплярахъ. Поправить дѣло легко: при акцептѣ набить слова штемпелемъ: *не принять*, а если тамъ уже стояло *принять*, приставить *не*. Но даже и помимо того—когда тратта у другого, *всегда возможно войти въ соглашеніе* (?!) насчетъ приставки къ акцепту „не“ или „не принятъ“. (Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 121).

Прежде всего г. Цитовичъ могъ бы не безпокоиться насчетъ того, что̀ будетъ съ траттой, которая «черезъ мѣсяцъ послѣ акцепта по индоссаменту дошла до акцептанта». *Она у него и останется*. такъ какъ пустить ее послѣ въ обращеніе, со своимъ дальнѣйшимъ индоссаментомъ, независимо отъ разрѣшенія или неразрѣшенія этого подлежащими вексельными законами, ему окажется невозможнымъ уже по тому одному, что такой тратты у акцептанта-индоссента никто не возьметъ, какъ признакъ его дѣловой слабости, изъ опа-

сенія быть заподозрѣннымъ въ коей, онъ и не допуститъ ее въ дальнѣйшее обращеніе. Когда тратта у него при такихъ условіяхъ останется, онъ можетъ, для потѣхи себѣ, представлять чтó ему угодно къ акцепту. Такія приставки ни для кого не будутъ обязательны и ни для кого не убыточны. Но предположимъ, что и этого нѣтъ, т.-е.—что съ разрѣшенія г. Цитовича, съ благословенія его Проекта и подъ прикрытіемъ его реплики, акцептантъ пуститъ тратту въ обращеніе. Чтó же тогда? Вѣдь принявъ отъ своего кліента-корреспондента такую *тратту черезъ мѣсяцъ послѣ* (состоявшагося, значитъ, раньше) *акцепта*, по индоссаменту, онъ не можетъ не признать акцепта и не можетъ не выдать денегъ и вообще разсчитаться по тому индоссаменту, по которому тратта къ нему перешла, хотя бы онъ узналъ о несостоятельности трассента, о трассированности тратты на вѣтеръ и т. д.—акцептъ налицо. По логикѣ г. Цитовича онъ послѣ всего этого приставитъ частицу *не* или набьетъ штемпель *не принятъ* и пуститъ тратту въ такомъ видѣ въ обращеніе? Кто же приметъ такую тратту, кому онъ ее продастъ и чтó онъ сдѣлаетъ съ такою траттою, которая „по ошибкѣ акцептована въ двухъ экземплярахъ, трассирована на вѣтеръ и т. д.“? Очевидно, что и въ этомъ случаѣ акцептантъ останется на рукахъ съ акцептованною имъ траттою, по которой онъ выдалъ (уплатилъ) валюту по индоссаменту, хотя, конечно, никто не помѣшаетъ ему любоваться своимъ акцептомъ, который онъ гонорировалъ, но къ которому онъ приставилъ послѣ гонорированія частицу *не*. Затѣмъ, нужно еще присовокупить, что никто не подписываетъ (не акцептовываетъ) тратты въ двухъ экземплярахъ, какъ не подписываетъ никто векселя (простого) in duplo. Никто не акцептовываетъ векселя, трассированнаго на вѣтеръ (безъ покрытія), а если акцептовываютъ векселя, трассированные въ бланкѣ, то по нимъ и платятъ, хотя бы трассентъ «прекратилъ платежи (не только) черезъ мѣсяцъ послѣ состоявшагося акцепта», но даже чрезъ часъ, чрезъ минуту послѣ состоявшагося акцепта. Это—уже убытокъ трассата-акцептанта, котораго не спасутъ и не оградятъ никакія приставки *не* или *не принятъ*, сдѣланныя послѣ невѣдомыми путями. Остается еще одно серьезное опасеніе г. Цитовича, сводящееся къ тому, что «когда тратта у другого, *всегда возможно войти въ соглашеніе* (съ кѣмъ—съ конторщикомъ, камердинеромъ?) насчетъ приставокъ къ акцепту *не* или *не принятъ*». Возможно, конечно, все, но почему же эту возможность г. Цито-

вичъ допускаетъ только по отношенію къ «траттѣ», и въ частности къ акцептанту, и отчего онъ не допускаетъ «возможности войти въ соглашеніе» со стороны векселедателя по отношенію къ (простому) «векселю»? Вѣдь если стоять на почвѣ того, что̀ будетъ, когда тратта или вексель у другого, когда «всегда возможно войти въ соглашеніе насчетъ приставокъ и пр.», то можно дойти и до того, что̀ будетъ, когда въ одномъ случаѣ акцептантъ, а въ другомъ случаѣ векселедатель доберутся до портфеля или просто до кармана «векселебрателя векселя и векселебрателя тратты» и не только совершатъ *временное* отчужденіе векселей на предметъ учиненія приставокъ и всякихъ иныхъ починокъ у ихъ подписей, но просто похитятъ и „векселя" и „тратты" съ ихъ подписями, чтобы не заниматься такими пустыми дѣлами, какъ приставки — вѣдь у людей такой категоріи тоже есть понятіе о своей чести, какъ и о томъ, чѣмъ сто̀итъ заниматься, и чѣмъ—нѣтъ... А если не всѣ «векселедатели» способны на это, а только всѣ акцептанты, то послѣднимъ вѣдь можно противопоставить „ярмарочныхъ героевъ", которыхъ такъ художественно описалъ г. Цитовичъ и которые наивѣрное предпочтутъ «войти съ кѣмъ-либо въ соглашеніе» насчетъ своихъ подписей на (простыхъ) «векселяхъ», чтобы такимъ путемъ парализовать тѣ усилія, которыя употребилъ г. Цитовичъ «противъ сплава ихъ товаровъ въ Персію и въ Тавризъ»? Договориться и додуматься, какъ видитъ г. Цитовичъ, можно до всего, даже и до того, чего не можетъ ни предвидѣть, ни предотвратить ни одинъ вексельный законъ...

Что касается затѣмъ допущеннаго Проектомъ частичнаго акцепта, то здѣсь Проектъ не только оказывается непослѣдовательнымъ, но—идущимъ въ разрѣзъ съ самимъ собою. Послѣдовательность требовала бы не допускать для акцепта и ограниченія въ суммѣ, такъ какъ такое право парализируетъ всѣ ограниченія и всѣ попытки г. Цитовича, направленныя противъ мелкаго векселя, создаваемаго въ «кабакахъ и на тумбахъ тротуаровъ». Достаточно найтись какому-нибудь доморощенному юристу, деревенскому адвокату,—а отчего не найтись и такому,—который научитъ контрагентовъ выписать «внутреннюю тратту» въ 100 рублей съ тѣмъ, чтобы крестьянинъ акцептовалъ ее лишь въ суммѣ 5—10 рублей, и въ обращеніи окажется формальный вексель, хотя и подъ этикеткою «тратты внутренней», устранить каковой мелкій вексель не помогли ни творчество, ни потуги, ни натяжки составителя Проекта

для его парализованія. Безмолвно Проектъ не ограничиваетъ суммы «тратты внутренней», къ тому же, никакимъ минимумомъ. Вышла бы дѣйствительно очень интересная картина насажденія переводнаго векселя «снизу»... въ такихъ сферахъ, которыя, при другихъ условіяхъ, до него, можетъ быть, никогда бы и не додумались...

„Принявшій тратту отъ имени другого обязывается, какъ акцептантъ за счетъ трассанта, если для подписи за другого не было законнаго основанія". (ст. 172).

Означенная статья соотвѣтствуетъ статьямъ 19, 40 и 167, по которымъ лицо, выдавшее или надписавшее простой вексель, или выдавшее переводный вексель отъ имени другого, безъ законнаго основанія, отвѣчаетъ лично, какъ векселедатель, надписатель, или трассентъ. Казалось бы, что проще и логичнѣе было распространить это правило и по отношенію къ случаю акцепта переводнаго векселя, т.-е.—постановить, что лицо, принявшее вексель отъ имени другого, безъ надлежащаго къ тому полномочія, должно бы отвѣчать какъ акцептантъ. Но составителю Проекта вздумалось почему-то установить, что принявшій вексель отъ имени трассата долженъ отвѣчать не какъ прямой должникъ, а какъ посредникъ за честь трассента, т.-е.—ввести правило, хоть и оригинальное, но *спорное* во всей обширной и богатой литературѣ вексельнаго права,—правило, которое служило предметомъ горячихъ споровъ и дебатовъ на извѣстной Лейпцигской конференціи, на которой не пришли и, по существу вопроса, не могли придти къ единодушному рѣшенію [141]).

Не останавливаясь на статьяхъ, касающихся протестовъ въ непринятіи примѣнительно къ правиламъ относительно протестовъ вообще, хотя въ вопросѣ о протестахъ въ непринятіи «институтъ заявленія» оказывается еще меньше пригоднымъ, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, нельзя не констатировать радикальной перемѣны во взглядахъ составителя Проекта и противорѣчія на систему, такъ называемаго, досрочнаго удовлетворенія. Въ одномъ трудѣ, посвященномъ критикѣ Проекта 1884 г. [142]), вся предложенная симъ послѣднимъ система досрочнаго удовлетворенія подверглась самой безпощадной критикѣ, самымъ яростнымъ, не лишеннымъ основаній,

---

[141]) Motiven zu dem Preussischen Entwurfe v. 1847, L. XVII. Мимоходомъ о нихъ см.: *Барацъ*, Курсъ вексельнаго права, стр. 560—561 и прим. 25 ibid.

[142]) *Цитовичъ*, Вексель и задачи его кодификаціи въ Россіи, стр. 46—50.

нападкамъ (допущеніе досрочнаго удовлетворенія въ случаѣ непринятія переводнаго векселя и игнорированіе вопроса о такомъ удовлетвореніи на случай открывшейся несостоятельности акцептанта переводнаго и векселедателя простого векселя, до наступленія срока такового). Повторяя то же, что и Проектъ 1884 г., составитель Проекта обнаружилъ измѣнчивость взгляда по вопросу, гдѣ такая измѣнчивость менѣе всего допустима, менѣе всего понятна и потому и менѣе всего простительна. Вопросъ о досрочномъ удовлетвореніи, при хронической долгосрочности кредитовъ и массѣ спеціально-бытовыхъ условій, въ Россіи больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, имѣетъ очень важное значеніе и стоитъ того, чтобы, такъ или иначе, быть урегулированнымъ.

Обратимся къ главѣ V, трактующей о платежѣ по траттамъ. Почти вся она состоитъ изъ ссылокъ на подлежащія статьи относительно простыхъ векселей, а потому мы здѣсь ограничимся лишь тѣми двумя статьями, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ занимающему насъ вопросу.

„По траттамъ, выданнымъ за-границею съ платежомъ въ Имперіи въ иностранной или въ русской золотой валютѣ, векселедержатель не въ правѣ отказаться отъ принятія слѣдуемой ему суммы, въ государственныхъ кредитныхъ билетахъ по курсу. Курсомъ, если таковой не назначенъ въ самой траттѣ, считается послѣдній предъ наступленіемъ срока тратты курсъ на петербургской биржѣ, или на биржѣ мѣстной, гдѣ таковая имѣется". (ст. 201).

„Къ траттѣ примѣняются статьи 93 и 94 сего Устава, причемъ подъ векселедателемъ разумѣется трассатъ или акцептантъ". (ст. 202).

Этой послѣдней статьи (202) мы касаться не будемъ—она попала сюда лишь изъ-за вопроса о частичномъ платежѣ, о которомъ трактуетъ ст. 93—94; затѣмъ остаются непонятными слова: «причемъ подъ векселедателемъ разумѣется трассатъ или акцептантъ»: въ ст. 93—94 слово «векселедатель» и не упоминается, а потому и неизвѣстно, зачѣмъ понадобилось Проекту «разумѣть» подъ нимъ «трассата (адресъ?) или акцептанта». Гораздо интереснѣе первая изъ нихъ (ст. 201), которая вызываетъ цѣлый рядъ недоумѣній.

Прежде всего статья эта предусматриваетъ лишь платежъ по переводному векселю, выданному за-границею въ иностранной валютѣ съ платежемъ въ Имперіи. Въ ней, слѣдовательно, не упоминается ничего:

а) о векселяхъ, выданныхъ въ Имперіи въ иностранной валютѣ

съ платежемъ заграницею, въ случаѣ ихъ негонорированія тамъ, на мѣстѣ, и подлежащихъ, въ порядкѣ регресса, платежу въ Имперіи;

б) о простыхъ векселяхъ, выданныхъ за-границею въ иностранной валютѣ, но платежныхъ въ Россіи, и

в) о такихъ выданныхъ за-границею въ иностранной валютѣ простыхъ и иныхъ векселяхъ, по которымъ платежъ хотя и былъ назначенъ за-границею, но взысканіе по коимъ производится въ Имперіи, по мѣсту нахожденія векселедателя или надписателя.

Затѣмъ: на всѣхъ биржахъ бываетъ нѣсколько 3-хъ-мѣсячныхъ котировокъ (вексельныхъ) курсовъ (2—3), не говоря о томъ, что на нѣкоторыхъ биржахъ есть нѣсколько *категорій* котировокъ (3 мѣс., 3 нед., 6 нед., à vue и пр.), которыя, въ свою очередь, иногда, смотря по сдѣлкамъ, подраздѣляются еще на высшую, низшую и среднюю. Очевидно, что чѣмъ курсъ будетъ ниже, т.-е. чѣмъ дороже будетъ стоить заграничная валюта, тѣмъ больше придется трассату платить по трассированному на него въ иностранной валютѣ векселю. Это—при разныхъ котировкахъ (высшей и низшей) *одной и той же категоріи*, либо 3-хъ-мѣсячной, либо à vue. При той и другой котировкѣ одновременно разница еще чувствительнѣе [143]). Какой же изъ этихъ котировокъ придерживаться и какую изъ нихъ считать нормой: высшую, низшую или среднюю? Это—въ Петербургѣ, гдѣ оффиціальная котировка была до сихъ поръ только 3-хъ-мѣсячная, гдѣ практика нормально разрѣшаетъ вопросъ въ смыслѣ средняго 3-хъ-мѣсячнаго курса и гдѣ въ то же время царитъ произволъ, потому что берутъ въ основаніе разсчетовъ не только *низшій* курсъ, но и вычисляютъ и курсъ a vue. Ну, а въ Одессѣ, Москвѣ и др. городахъ, гдѣ есть и 3-хъ-мѣсячная котировка, и à vue, и 3-хъ-недѣльная, и 6-ти-недѣльная? Какого критерія придерживаться тамъ? Проектъ этого не разрѣшаетъ—онъ въ этомъ отношеніи воспроизводитъ цѣликомъ подлежащую неясную статью нынѣ дѣйствующаго Устава о векселяхъ. Не можетъ быть признано затѣмъ правильнымъ требованіе Проекта о томъ, чтобы разсчетъ производился *всегда по курсу здѣшней биржи*, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда въ мѣстѣ платежа имѣется своя мѣстная биржа. Го-

---

[143]) Напр.: 3-хъ-мѣсячный курсъ германскихъ марокъ—40 коп. за марку, а курсъ à vue—42 коп. (Для большей рельефности все взято въ круглыхъ цифрахъ). При перечисленіи трассированныхъ на меня 1000 марокъ по курсу à vue я уплачу векселедержателю 420 руб., тогда какъ по 3-хъ-мѣсячному курсу эти же 1000 марокъ составятъ лишь сумму въ 400 руб.

раздо справедливѣе — производить разсчетъ по курсу *ближайшей* биржи, въ особенности въ виду нашихъ огромныхъ разстояній. Гдѣ, напр., нашимъ приморскимъ и азовскимъ портамъ, въ ихъ сношеніяхъ съ Турціею, Греціею, Египтомъ и даже съ Франціею руководствоваться курсомъ здѣшней биржи, когда у нихъ подъ бокомъ биржа въ Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону и когда тамъ циркулируютъ платежные тамъ же векселя, трассированные изъ Италіи и Австріи, на которыя здѣсь вексельные курсы: на первую вовсе не котируются, а на вторую никогда не помѣчаются. Какъ быть по Проекту въ такомъ случаѣ? При чтеніи Проекта всѣ эти вопросы напрашиваются сами собою. На нихъ нельзя не обратить вниманія. Возбудилъ ихъ и г. Книримъ въ своемъ разборѣ, на который отвѣчалъ г. Цитовичъ. До сихъ поръ мы считали нужнымъ, по поводу всѣхъ нашихъ замѣчаній, приводить, по возможности, цѣликомъ, какъ всѣ соображенія Объяснительной Записки, такъ и всѣ реплики Дополнительной Записки и параллельной послѣдней брошюры „Къ вопросу о вексельномъ уставѣ". Каковы бы ни были реплики и соображенія г. Цитовича относительно тѣхъ положеній, которыя онъ защищалъ и отстаивалъ, но они имѣли хоть какой-нибудь смыслъ, были доступны нашему пониманію. Реплики же касательно «вексельныхъ курсовъ, платежа по векселямъ, выписаннымъ въ иностранной монетѣ, о золотой, серебряной и кредитной валютѣ въ Россіи, о фиксаціи курса въ векселяхъ, о возможности чрезъ трассировки изъ-за-границы колебать кредитный рубль даже на русскихъ биржахъ, о разныхъ комбинаціяхъ биржевого арбитража, объ упраздненіи русской денежной единицы, о цѣнности кредитнаго рубля по усмотрѣнію биржи русской или иностранной, о низверженіи кредитнаго рубля въ смыслѣ денежной единицы и орудія платежей, о замѣшательствѣ въ денежномъ обращеніи», и т. д., и т. д. ad infinitum,—мы не коснемся, потому что въ нихъ, кромѣ громкихъ, высокопарныхъ и напыщенно-патріотическихъ словъ, ничего не нашли. Оказались ли они недоступными нашему пониманію по своей необычайной глубинѣ и нашей недостаточной подготовленности для сужденія о такихъ глубокихъ матеріяхъ, или же глубина ихъ такого же свойства и качества, какъ и другія познанія составителя Проекта въ области экономическихъ вопросовъ [144])—рѣшать не

[144]) Хотя бы, напр., въ вопросѣ относительно возникновенія векселей по вывозу и привозу: см. стр. 56—57. О глубинѣ экономическихъ познаній составителя Проекта вообще см. выше: стр. 18—20, 44—47, 49, 53, 67—69, 88, 113, 140 и др.

беремся. Пусть разсудитъ все это читатель, который къ тому же имѣетъ возможность обратиться къ непосредственному источнику для сопоставленія тѣхъ замѣчаній, какія вызываетъ Проектъ г. Цитовича по данному вопросу, съ тѣми соображеніями и поясненіями, которыми онъ сопровождаетъ свои соотвѣтственныя постановленія [145]).....

Акта посредничества за честь (интервенціи) [146]) Проектъ не отмѣнилъ, хотя положительныхъ рельефныхъ о немъ положеній и не высказываетъ, низводя его до нуля и о немъ не упоминая. Считать ли эти положенія «спрятанными» умышленно, какъ «спрятано» право выполненія бланковой надписи, или считать это по-

---

[145]) См. Дополнительную Записку, стр. 38—45; Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 32—39. Кстати и о „девальваціи г. Книрима“ (Ibid., стр. 39, прим. 1). Ср.: *Цитовичъ*, Вексель и задачи его кодификаціи въ Россіи, стр. 9, гдѣ Проекту 1884 г. вмѣненъ и криминалъ такого свойства:

> „Ст. 65 Проекта разрѣшаетъ векселя, выдаваемые въ Россіи, писать на иностранную валюту съ переводомъ на русскій бумажный рубль по курсу; иными словами, косвенно, чрезъ щель одной изъ статей вексельнаго устава вводится *девальвація* (курсивъ въ подлинникѣ), предѣлъ которой опредѣлитъ не Правительство, а С.-Петербургская биржа“. (Ibidem, стр. 9).

Ср. также: *Цитовичъ*, Курсъ вексельнаго права, прим. 429 и 607. Что значитъ измѣнчивость временъ! Это было сказано въ 1887 г., незадолго, кажется, до разрѣшенія Правительствомъ совершать во внутреннемъ оборотѣ сдѣлки въ золотой валютѣ. Или экономически это не одно и то же, что совершать сдѣлки въ иностранной валютѣ, которая, по паритету, не всегда равна внутренно золотой?..

[146]) Проектъ называетъ интервенцію *вмѣшательствомъ*, но его («вмѣшательства») не узаконяетъ, за его якобы «малою (а мы думаемъ—*совершенною*) неупотребительностью». См. Дополнительную Записку, стр. 51. Играя словами и отводя интервенцію отъ назначенія посредниковъ на случай нужды (т.-е. отъ тѣхъ же интервеніентовъ), г. Цитовичъ ссылается на Fremery (Etudes de droit commercial, гл. XXIV), у котораго можно найти о спорахъ и недоразумѣніяхъ, какіе возникали будто-бы въ судахъ Франціи по поводу обычая назначать au besoin (ibid. стр. 53). Эти споры и недоразумѣнія, по Fremery, вовсе не такъ велики и вовсе уже не такъ безнадежны, чтобы по нимъ можно было судить о ненужности регламентаціи этого обычая. Напротивъ того: благодаря устарѣлости французскаго вексельнаго кодекса и отсутствія въ немъ регламентацій, касающихся интервенціи, и возможна та масса судебныхъ дѣлъ именно въ этой области, которыя тамъ возникаютъ. См.: Journal des Tribunaux de commerce (par *Teulet* et *Camberlin*) за всё время изданія т. I (1852 г.)—XLV (1895 г.). Къ нимъ: Répertoire alphabétique de jurisprudence commerciale par *E. Muzard*, comprenant la Table générale du Journal des Tribunaux de commerce. 2 тома. Одинъ бѣглый взглядъ на перечень дѣлъ по этому поводу долженъ убѣдить въ полной деффектности въ этомъ отношеніи французскаго вексельнаго устава, вызывающаго въ г. Цитовичѣ совсѣмъ незаслуженныя симпатіи. Есть еще одинъ „Répertoire Alphabétique de jurisprudence commerciale“ (къ тому же Journal des Tribunaux de commerce), составленный (тѣми же редакторами) *Teulet* et *Camberlin* за время 1852—1872 гг. изданія того же журнала. Мы рекомендовали бы г. Цитовичу просмотрѣть хотя бы одинъ только Répertoire, который его несомнѣнно убѣдилъ бы въ томъ, что обороту во Франціи хорошо извѣстна интервенція, не взирая на то, что устарѣлый французскій кодексъ таковую игнорируетъ.

ложеніе неформулированнымъ въ виду того, что оно не стóитъ большаго—неизвѣстно. Можно допустить и послѣднее въ виду ссылки составителя Проекта на Французскій кодексъ, оказывающійся и въ данномъ вопросѣ самымъ консервативнымъ и наиболѣе устарѣвшимъ. Не останавливаясь на деталяхъ редакціи статей 204—206, мы не можемъ не выразить нашего удивленія по поводу того, что въ нихъ ничего не говорится о томъ, что векселедержатель обязанъ предъявить протестованную въ неплатежѣ тратту посреднику на случай нужды, подъ страхомъ потери права обратнаго требованія съ лица, назначившаго посредника. Это умолчаніе объясняется именно тѣмъ, что Проектъ не упоминаетъ вообще о посредникахъ на случай нужды. Въ Объяснительной Запискѣ сказано по этому поводу слѣдующее:

„Въ Проектѣ ничего не говорится о такъ называемомъ посредничествѣ за честь по назначенію. Основная мысль Проекта такова: отъ воли векселедержателя зависитъ допустить или нѣтъ посредника за честь, хотя бы такой посредникъ былъ назначенъ трассентомъ или надписателемъ. Такія назначенія сильно связали бы векселедержателя, тѣмъ болѣе они неумѣстны при системѣ досрочнаго платежа. Единственное здѣсь исключеніе—когда акцептъ за честь предлагаетъ трассатъ, передъ тѣмъ отказавшій въ акцептѣ: въ этомъ случаѣ для векселедержателя все равно, какъ акцептуетъ трассатъ—безусловно или за честь. Такимъ образомъ, по системѣ Проекта, протестъ въ непринятіи открываетъ предъ векселедержателемъ выборъ: или допустить акцептъ за честь, или, не стѣсняясь срокомъ протестованной тратты, дѣйствовать такъ, какъ если бы она была со срокомъ по предъявленію (ст. 188, 192), причемъ первое средство, если оно выбрано, исключаетъ второе“. (стр. 32).

Общій смыслъ всѣхъ вексельныхъ законовъ касательно постановленій о посредничествѣ (не исключая и дѣйствующаго Устава о векселяхъ) можетъ быть сведенъ къ тому, что они: 1) опредѣляютъ, *для чего* назначаются посредники на случай нужды, *кѣмъ* они назначаются и *какъ* назначаются: и 2) вмѣняютъ векселедержателю въ обязанность—«въ случаѣ непринятія или неоплаты» векселя первоначальнымъ плательщикомъ (трассатомъ) предъявить вексель посреднику на случай нужды и требовать отъ него принятія или платежа. Объяснительная Записка доказываетъ, что нѣтъ основанія, въ особенности при системѣ досрочнаго удовлетворенія, стѣснять векселедержателя акцептомъ посредника на случай нужды. Почему, позволимъ мы себѣ спросить, нѣтъ основанія «стѣснять», хотя бы и при наличности системы досрочнаго удовлетворенія?

Не потому ли что этотъ посредникъ можетъ быть назначенъ помимо согласія первоначальнаго векселепріобрѣтателя? Не потому ли, что векселедержатель, котороммy трассатъ отказалъ въ принятіи векселя, не знаетъ, можетъ быть, назначеннаго посредника или не довѣряетъ его состоятельности? Да онъ, посредникъ, и назначается помимо согласія или несогласія первопріобрѣтателя (ремитента) и назначается именно въ интересахъ циркуляціонной способности векселя, потому что для первопріобрѣтателя прежде всего важна подпись трассента, какъ гаранта, которой онъ прежде всего довѣряетъ, независимо отъ того, кого именно такой трассентъ назначитъ трассатомъ или въ качествѣ субсидіарнаго лица—адрессатомъ на случай нужды. Говорить здѣсь о довѣріи или недовѣріи къ состоятельности и пр. и сообразно съ этимъ выдвигать вопросъ о досрочномъ удовлетвореніи—можно только въ томъ случаѣ, когда, такъ или иначе, поколеблена кредитоспособность трассента. Пока этого нѣтъ, вопросъ объ опороченности или неопороченности векселя остается въ statu quo ante и на векселѣ продолжаетъ находиться подпись трассента и акцептъ адрессата на случай нужды, хотя бы сей послѣдній и выступалъ здѣсь въ качествѣ субсидіарнаго лица. Это все—въ случаѣ *непринятія* векселя трассатомъ, какъ таковымъ. Говорить здѣсь, слѣдовательно, о какомъ-то правѣ векселедержателя требовать немедленнаго платежа съ игнорированіемъ притомъ назначенныхъ посредниковъ на случай нужды, при наличности ихъ желанія выступить въ качествѣ таковыхъ,—едва ли логично: до этого можно додуматься только сидя въ кабинетѣ и витая въ области отвлеченностей и недосягаемыхъ идеаловъ въ оборотѣ. Еще иначе стоитъ вопросъ, когда трассатъ не произвелъ платежа по векселю (значитъ—въ срокъ) и когда вексель опротестованъ въ неплатежѣ. Но тогда какое можетъ быть основаніе предоставлять векселедержателю право требовать немедленнаго платежа отъ надписателей и векселедателя (трассента?) въ порядкѣ регресса, прежде нежели векселедержатель обратится съ требованіемъ платежа къ посредникамъ на случай нужды и его попытка окажется безуспѣшною? Здѣсь очевидная несообразность: вѣдь посредники и назначаются съ цѣлью, если не предотвратить абсолютно, то сократить до минимума обратный ходъ векселя, который, если не вредитъ безусловно кредиту отвѣтственныхъ по векселю лицъ, то сопряженъ для нихъ съ нѣкоторымъ матеріальнымъ ущербомъ, и призванъ разрѣшить обратный пробѣгъ векселя въ наикратчайшій

срокъ. Проектъ, можетъ быть, боится медленности въ удовлетворенiи векселедержателя? Но и здѣсь его опасенiя напрасны, такъ какъ интервенiентами выступаютъ *лишь и только лица въ мѣстѣ платежа по векселю* и согласiе ихъ на вступленiе въ такiя функцiи даже механически происходитъ одновременно съ платежемъ или неплатежемъ по векселю. Мы всегда думали, что обращенiе къ посредникамъ на случай нужды - это *обязанность* векселедержателя подъ страхомъ потери права на обратное требованiе съ лица, назначившаго посредника, а Проектъ освобождаетъ векселедержателя отъ этой обязанности, низводя самую главную область векселя и самую надежную его охрану до нуля. [147]).

Не лишены интереса статьи Проекта (225—228), трактующiя о протестѣ тратты и его упущенiи. An und für sich мы на этихъ статьяхъ не останавливались бы потому, что, по сравненiю съ другими, онѣ довольно невиннаго свойства. Но онѣ характерны по сопоставленiю ихъ со статьями 121—122, по которымъ чрезъ упущенiе протеста простой вексель перестаетъ быть векселемъ «въ смыслѣ постановленiй сего Устава» (т.-е. пока еще, къ счастью,— только Проекта) и сохраняетъ значенiе домашняго долгового документа, на общемъ основанiи гражданскихъ законовъ, противъ векселедателя и поручителя. Не повторяя сказаннаго выше относительно системы превращенiя векселя въ домашнiй долговой документъ, мы не понимаемъ только, почему та же система превращенiя, которую составитель Проекта рекомендуетъ для простыхъ, признается имъ негодною для переводныхъ векселей. Объяснительная Записка хранитъ по этому поводу полное молчанiе. Происходитъ ли это молчанiе сознательно или по недосмотру — неизвѣстно. Несомнѣнно только то, что при желанiи обойти постановленiя о простыхъ векселяхъ и въ видахъ всякихъ

---

[147]) Только при непониманiи экономическихъ отношенiй по векселю можно, напр., утверждать, что

> „обычай назначенiя посредниковъ не могъ развиться въ Россiи по той самой причинѣ, по которой не привилась и не развилась у насъ тратта“. (Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 54).

съ отождествленiемъ историческихъ причинъ, тормозившихъ привитiе у насъ переводнаго векселя, съ неграмотностью, незнанiемъ и игнорированiемъ законовъ и съ др. особенностями нашего бытiя и обихода. Ср.: *Барацъ*, Вексельное право, стр. 689, прим. 22. Мы должны сказать, что оказались непонятыми г. Цитовичемъ и что изъ того, что̀ нами было сказано по этому поводу, отнюдь не явствуетъ, чтобы не было необходимости поднять вексельныхъ контрагентовъ до пониманiя института «вмѣшательства» и въ области простого векселя.

эвентуальностей удобнѣе будетъ и въ этомъ случаѣ прибѣгать къ эммиссіи «тратты внутренней», чему, впрочемъ, мы первые порадуемся. При этомъ неопротестованная тратта останется, попрежнему, векселемъ, а потому: 1) разсчеты акцептанта съ прежнимъ векселедержателемъ будутъ необязательны для новаго векселедержателя; 2) нѣсколько акцептантовъ будутъ подлежать предъ векселедержателемъ совокупной отвѣтственности; 3) тратта будетъ передаваться для взысканія по препоручительной надписи; 4) передача тратты по бланковой надписи не сможетъ быть оспорена. Въ то же время тратта не пріобрѣтетъ и тѣхъ преимуществъ, которыя по Проекту соединены съ превращеніемъ простого векселя въ домашнее долговое обязательство. Не возникнетъ также вопроса и о томъ, не становится ли акцептъ, сдѣланный несовершеннолѣтнимъ и обязательный для него въ силу ст. 2 Проекта, недѣйствительнымъ, въ случаѣ упущенія протеста въ неплатежѣ.

Полемизируя противъ акта посредничества (интервенціи) въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ вездѣ и для каковой цѣли оно было вызвано оборотомъ къ жизни, и отрицая необходимость предоставленія интервеніенту права вступленія въ права кредитора, составитель Проекта говоритъ:

„Какъ платежъ безусловный, вмѣшательство *всегда* происходитъ безъ «вступленія въ права кредитора (subrogatio)» (курсивъ и кавычки въ подлинникѣ). Примѣры. *Вмѣшался тотъ, за чей счетъ вексель былъ выданъ*, вмѣшался коммитентъ по векселю своего коммиссіонера; вмѣшался одинъ изъ подрядчиковъ по векселю, выданному его компаньономъ за общій счетъ; вмѣшался одинъ изъ директоровъ банка по векселю своего банка,— во всѣхъ этихъ и въ безконечномъ разнообразіи другихъ случаевъ,—гдѣ тутъ будетъ „вступленіе въ права кредитора (subrogatio)"? Теперь примѣръ изъ другой сферы. Дядя вмѣшался по векселю своего племянника, «выкупилъ» его (кавычки въ подлинникѣ), разорвалъ и послалъ въ подарокъ племяннику на именины. Жена такимъ же порядкомъ «выкупила» (кавычки въ подлинникѣ) вексель съ подписью своего мужа, напр., съ цѣлью *потушить* дѣло: подпись мужа поддѣлана ея сыномъ отъ перваго брака. Мать спѣшитъ выкупить,—сама лично или по телеграфу, поручаетъ своему банкиру,—не столько для subrogatio . . . сколько въ страхѣ за своего первенца, которому угрожаетъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ Сибирь на поселеніе. . . . " (Дополнительная Записка, стр. 52).

Оставляя въ сторонѣ всѣ эти перлы вексельнаго оборота, одно упоминаніе о коихъ было бы, можетъ быть, умѣстнѣе въ

Объяснительной Запискѣ къ Проекту Улож. о наказ., въ трактатѣ, касающемся этики и вообще—во всемъ, только не по отношенію къ Проекту Устава о векселяхъ, и вполнѣ соглашаясь, что во всѣхъ этихъ перечисленныхъ случаяхъ предупредительно-пресѣкательнаго свойства нѣтъ мѣста интервенціи, какъ нѣтъ мѣста даже «вмѣшательству»,—тутъ буквально все случаи «выкупа, изъятія» векселя изъ обращенія съ «исключительною цѣлью потушить дѣло»,—мы все же позволяемъ себѣ думать, что не Проекту о векселяхъ этимъ заниматься и и не ему объ этомъ безпокоиться. Все это не служитъ аргументомъ въ пользу ненадобности въ вексельномъ законѣ постановленій объ интервенціи, прежде всего потому, что и «дядя по отношенію къ племяннику», и «мать со страхомъ за своего первенца», и всѣ прочіе перечисленные въ Запискѣ герои будутъ справляться въ другихъ томахъ Св. Зак.,— вексельнымъ уставомъ они руководствоваться не будутъ, а прикрываться въ честномъ спорѣ такою аргументаціею даже и неприлично... ...Замѣчанія Министерства Юстиціи имѣли въ виду не эту категорію вексельныхъ контрагентовъ. Для этой цѣли ему не къ чему было прибѣгать къ компетенціи Министерства Финансовъ. Полна затѣмъ натяжекъ и основана на игрѣ словами, съ желаніемъ затемнить вопросъ, и слѣдующая тирада составителя Проекта:

„Если вмѣшательство (Intervention) появилось уже въ XV и развилось въ XVI столѣтіи, главнымъ образомъ, для векселей ярмарочныхъ, и затѣмъ дѣйствительно вошло во всеобщее употребленіе, то нельзя сказать того же о назначеніи посредниковъ на случай нужды. Послѣдній обычай не такъ давній, не такъ безспорный и далеко не такъ всеобщій, какъ предполагаетъ отзывъ (Министерства Юстиціи). Всего лучше это можно видѣть изъ Ордонанса Людовика XIV (1673 г.); тамъ о назначеніи посредниковъ даже не упоминается“. (Ibid., стр. 53).

Съ точки зрѣнія казуистики и буквоѣдства можетъ быть и правъ составитель Проекта. По существу же и съ экономической точки зрѣнія «вмѣшательство» (Intervention)—*то же самое*, что и «назначеніе посредниковъ на случай нужды», потому что посредникъ вступаетъ съ цѣлью «вмѣшательства» (интервенціи), а вступить онъ можетъ только вслѣдствіе «назначенія», которое имѣетъ не столько цѣлью призвать его для этихъ дѣйствій, сколько указать векселедержателю тотъ «адресъ», по которому «въ случаѣ нужды» онъ можетъ получить платежъ по векселю, оказывающемуся въ такой нуждѣ. Еслибы для десятковъ, сотенъ и тысячъ век-

селей, которые каждому векселеучастнику приходится пускать въ обращеніе путемъ трассированія и надписанія, было бы возможно дѣлать призывъ *внѣ* векселя, то это дѣлалось бы помимо страховъ Проекта. Но такъ какъ это оказывается механически неисполнимымъ, то этотъ призывъ дѣлается на самомъ векселѣ. Такъ какъ затѣмъ всякое лицо (учрежденіе), черезъ руки котораго проходитъ данный вексель, накладываетъ свой штемпель съ фирмою, текущій № векселя, надписываетъ срокъ и вводитъ въ вексель, вообще, такія данныя, которыя вызываются его книговодствомъ и контролемъ, то вексель оказывается испещреннымъ массою дополнительныхъ данныхъ и заботиться о чистотѣ и «бѣлизнѣ» его никому не приходитъ въ голову.

„Гдѣ сдѣлано такое назначеніе—на лицевой или на оборотной сторонѣ векселя, снизу, сверху, на одномъ изъ угловъ, по серединѣ,—все равно, какъ все равно, чьей рукой оно сдѣлано, или кто набилъ его сухимъ штемпелемъ . . . Очевидно, въ такой формѣ назначеніе посредника на случай нужды имѣетъ видъ какой-то случайной замѣтки. Замѣтка сдѣлана (почему и не карандашомъ?) на векселѣ гдѣ-нибудь въ углу,—неизвѣстно кѣмъ и когда,—подобно тому, какъ въ записныхъ книжкахъ дѣлаются замѣтки нужныхъ адресовъ". (Ibid., стр. 55).

Съ точки зрѣнія полицейско-предупредительной и было бы, можетъ быть, необходимо предписать топографически ту точку для адреса на случай нужды, которая свидѣтельствовала бы о правѣ на такое «занумерованное мѣсто», или на такой абонементъ sui generis, которые къ тому же «безусловно *под*писывались бы тѣмъ, кто его сдѣлалъ». Съ механической же стороны оно оказывается невозможнымъ и неисполнимымъ, а такъ какъ для экономической стороны векселя все это не имѣетъ ровно никакого значенія, то практика его всюду и всегда не столько обходила, сколько игнорировала. Сочувствіе составителя Проекта къ ст. 46 (554?) дѣйствующаго Устава о векселяхъ преждевременно: «своеручностью» надписи никто не пользуется; статья эта всегда была мертвою буквою и существуетъ только для того, чтобы никогда не исполняться [148]). Игнорируетъ практика и топографическое означеніе нотадрессата, и вопросъ о томъ, чѣмъ, какъ и когда оно сдѣлано. Посредника не тронетъ ни подпись нотадрессанта на адресѣ, ни мѣсто, гдѣ нотадрессъ показанъ, ни дата, ни каран-

[148]) См.: *Барацъ*, Вексельное право, стр. 354—355.

дашъ, ни способъ призыва, если у него нѣтъ покрытія со стороны нотадрессанта для оплаты векселя, или если кредитъ сего послѣдняго у него оказывается недостаточнымъ. Для личныхъ, хотя бы и дѣловыхъ цѣлей, и «въ своихъ интересахъ», для зачета и проч., какъ думаетъ составитель Проекта, нотадрессатъ никогда не вмѣшивается. Напротивъ: при наличности покрытія для этой цѣли или при оказываемомъ имъ ему кредитѣ онъ выступитъ нотадрессатомъ за честь гонората, даже еслибы призывъ оказался «на оборотной сторонѣ векселя» и былъ сдѣланъ случайно «карандашомъ», хотя, должно прибавить, никто никогда не дѣлаетъ ни того, ни другого, потому что призывъ дѣлается въ собственномъ интересѣ призывающаго, а потому онъ дѣлаетъ это такъ, чтобы его призывъ всегда можно было установить, т.-е. — не на оборотной сторонѣ векселя, которая предназначается для индоссаментовъ и — не карандашомъ, который можетъ быть стертъ... Невѣрно и то, что этотъ обычай «не такъ давній» — это опровергаетъ и самъ составитель Проекта, ссылающійся на Мартенса и Гольдшмидта, (*Martens*, Versuch etc., стр. 72—73, и *Goldschmidt*, Universalgeschichte, стр. 456—457), которые доказываютъ, что оно, появившись въ XV и XVI столѣтіи, „затѣмъ дѣйствительно вошло во всеобщее употребленіе“, именно потому, что одно развилось изъ другого, одно выросло изъ другого. То обстоятельство, что о немъ не упоминаетъ Ордонансъ Людовика XIV (1673 г.) тоже еще ничего не доказываетъ. Этотъ Ордонансъ не упоминаетъ о многомъ другомъ такъ-же. Онъ запрещалъ еще бланковыя надписи въ 1795 г. Сдѣлалъ же составитель Проекта (хоть и «спрятанную») уступку времени относительно бланковыхъ надписей, вызванныхъ потребностью оборота [149]). Отчего же не сдѣлать уступку и «посредничеству на случай нужды», въ которомъ оборотъ еще болѣе нуждается. Не къ чему бояться составителю Проекта, что такіе адреса на случай нужды „могутъ быть сдѣланы кѣмъ-нибудь для шутки, если не по злорадству“ — и что это можетъ оказаться

---

[149]) Ни одно изъ западно-европейскихъ законодательствъ не только не знаетъ никакихъ ограниченій относительно бланковыхъ надписей и не только не «прячетъ» касающихся ихъ постановленій, но, напротивъ того, выставляетъ ихъ прямо на показъ, какъ право. Читая Проектъ и Записку, можно подумать, что мы живемъ въ XVII и XVIII столѣтіи, которое славится ограниченіями этого свойства Ср. «Manuel des agents de change, banque, finance et commerce, contenant les lois, réglements et actes officiels qui regissent et interessent l'éxercise de leurs fonctions de 1304—1893 (Paris, 1893 г.): стр. 11 (1615 г.), стр. 175, 180—181 (1795 г.) и др.

незамѣченнымъ векселедержателемъ: вексель, пока онъ не переданъ, по индоссаменту, дальше, находится у него, векселедержателя, въ рукахъ. Чѣмъ же онъ будетъ «шутить» и какой поводъ ему «злорадствовать»? Вѣдь это *онъ*, векселедержатель, назначаетъ нотадрессата 1) для того, чтобы его векселепреемникъ (индоссатъ) получилъ платежъ по векселю, посланному (ремитированному) въ покрытіе его долга, и получилъ платежъ либо отъ формальнаго плательщика, либо отъ нотадрессата,—въ томъ и другомъ случаѣ на одинъ и тотъ же предметъ покрытія, погашенія долга, и 2) для того, чтобы сократить регрессъ, т.-е. гонорировать по регрессу свою надписательскую подпись предпочтительно, положимъ, черезъ три *дня* послѣ несостоявшагося нормальнаго разрѣшенія векселя и тотчасъ же вступить въ функцію регредіента по отношенію къ своему векселепредшественнику, чѣмъ ждать per ordinem прибытія къ нему векселя, на что (при нашихъ еще къ тому же разстояніяхъ) можетъ понадобиться не три дня, а три *недѣли*. Не къ чему бояться составителю Проекта и тѣхъ затрудненій, которыя будетъ испытывать нотаріусъ:

„. . . отправиться на поиски (?) самому, послать нотаріуса, который удостовѣрится, что посредники тоже не платятъ,—одинъ заключенъ въ тюрьму (за долги), другой «затрудняется», третій отказываетъ, четвертый говоритъ дерзости и показываетъ дверь“ и т. д. (Дополнительная Записка, стр. 57).

Здѣсь, какъ читатель видитъ, предвидѣны всѣ эвентуальности и случайности, кромѣ развѣ излюбленныхъ также составителемъ Проекта опасеній на тему «убирайтесь къ нечистому» и всего, что̀ только можетъ создать болѣзненная фантазія, все творчество коей сосредоточено на предупрежденіи и пресѣченіи. Проектъ Министерства Юстиціи не боится ни заключенныхъ въ тюрьму однихъ нотадрессатовъ, ни «затрудненій и отказываній» другихъ, ни «дерзостей и показыванія на дверь» со стороны четвертыхъ, ни «даже покойниковъ и лицъ вымышленныхъ», въ качествѣ нотадрессатовъ. Проектъ Министерства Юстиціи всего этого не боится, а не боится онъ всего, какъ потому, что исходитъ изъ того положенія, что Уставъ вексельный не есть Уложеніе о наказаніяхъ, а затѣмъ имѣетъ въ виду: 1) что назначать завѣдомыхъ покойниковъ и лицъ вымышленныхъ, заключенныхъ въ тюрьму и проч., нѣтъ разсчета самому нотадрессанту, потому что онъ назначаетъ нотадрессатовъ въ своемъ собственномъ интересѣ; 2) что предотвратить случаи

назначенія лица, оказавшагося покойникомъ и посаженнымъ въ тюрьму *послѣ* назначенія его нотадрессатомъ нѣтъ возможности, а потому такихъ случаевъ можно и не касаться, тѣмъ болѣе, что по существу оно не измѣняетъ положенія дѣла—нотаріусъ не пошлетъ такимъ лицамъ «призыва» (приглашенія) интервенировать, а если для формы, какъ оно основательно и дѣлается, и пошлетъ, то, за неполученіемъ отъ такихъ лицъ отвѣта, онъ сочтетъ ихъ молчаніе за отказъ интервенировать, и 3) что бояться «затрудненія» (точно дѣло идетъ о займѣ денегъ у пріятеля), отказа, дерзостей и указанія на дверь нотаріусу тоже нечего, потому что онъ, нотаріусъ, *посылаетъ всѣмъ* нотадрессатамъ *письменныя извѣщенія*, (*повѣстки*), на которыя приходится отвѣчать *письменно* же (утвердительно или отрицательно), причемъ *не*полученіе *никакого* отвѣта считается равносильнымъ отказу со стороны нотадрессата,—отказу, который и констатируется въ протестѣ. Не боится же законъ «показыванія дверей и дерзостей» по отношенію къ судебнымъ приставамъ, являющимся для совершенія болѣе непріятныхъ обрядностей, какъ опись имущества и продажа его съ публичнаго торга, а повѣстка нотаріуса нотадрессату еще даже и не опись...

VIII.

Полнѣйшая неудовлетворительность Проекта въ вопросѣ объ интервенціи находится въ прямой связи съ непониманіемъ составителемъ Проекта экономической стороны вексельныхъ отношеній. Приведемъ еще нѣсколько замѣчаній относительно экономическихъ воззрѣній г. Цитовича, въ дополненіе къ тому, чтó высказывалось нами попутно при оцѣнкѣ его Проекта по отдѣльнымъ частямъ и постановленіямъ. Это необходимо не только потому, что оно даетъ ключъ къ уразумѣнію и надлежащей оцѣнкѣ его аргументаціи, но и потому, что вся его позиція, «исходная точка зрѣнія Проекта—народно-хозяйственная, а не судебная»:

„Для Министерства Финансовъ вексельный уставъ—одинъ изъ уставовъ государственнаго благоустройства (слѣдуетъ ссылка на Сперанскаго). Этотъ уставъ не есть дополненіе . . . ни. . . къ . . . Св. гражд. зак. объ обязательствахъ по договорамъ, ни къ дѣйствующимъ законамъ гражданскаго судопроизводства,—нѣтъ, онъ—лишь необходимое продолженіе и естественное довершеніе Устава Кредитнаго. *Единственно въ такомъ видѣ и значеніи новый вексельный уставъ* не только желателенъ, но давно и

настоятельно необходимъ для жизненныхъ интересовъ русской торговли, промышленности и сельскаго хозяйства". (Курсивъ подлинника). (Дополнительная Записка, стр. 98; Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 139—140).

Мы первые подписываемся подъ этою исходною точкою взглядовъ г. Цитовича на вексель и первые не только признаемъ, но и утверждаемъ, что въ вексельномъ уставѣ заинтересовано, прежде всего, Министерство Финансовъ. Но позволительно спросить, въ чемъ г. Цитовичъ проявилъ свои экономическія познанія вообще и проведеніе этихъ принциповъ въ частности? Мы упомянули мелькомъ, что не понимаемъ, какое отношеніе имѣетъ къ вексельному уставу, къ его достоинствамъ и деффектамъ, то обстоятельство, что „Министерство Финансовъ слѣдитъ за колебаніями вексельнаго курса, наблюдаетъ за его котировкою, ежегодно, въ сотняхъ милліоновъ рублей, производитъ вексельные переводы за границу и т. д." Какое отношеніе къ Уставу о векселяхъ между всѣми этими операціями и заботами Министерства Финансовъ? Ровно никакого. Не только въ экономическомъ, но даже въ юридическомъ отношеніи Министерство Финансовъ не испытывало до сихъ поръ никакого неудобства отъ нынѣ дѣйствующаго Устава о векс., какъ не испытало бы этого неудобства отъ Проекта 1884 г. и какъ не испытаетъ никакихъ удобствъ отъ дѣйствія своего собственнаго Проекта 1893 г. Все это свидѣтельствуетъ только о незнаніи вопроса и его непониманіи, такъ какъ вексельные курсы, котировка и пр. регулируются не уставами о векселяхъ, а—другими экономическими законами, которыхъ бы лучше было составителю Проекта не трогать, такъ какъ это подрываетъ только его авторитетъ въ экономической наукѣ, въ которой онъ еще не занялъ никакого положенія, хотя и старается тщетно въ ней укрѣпиться. Мы не будемъ напоминать читателю объ экономическомъ положеніи крестьянъ въ Россіи и Галиціи, о томъ, какія тратты возникаютъ по экспорту или импорту и какъ тотъ и другой регулируется; не будемъ касаться и другихъ экономическихъ воззрѣній составителя Проекта, насколько они обрисовались изъ высказанныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ положеній. Остановимся только на одномъ очень характерномъ тезисѣ г. Цитовича, который краснорѣчивѣе всякихъ словъ свидѣтельствуетъ о глубинѣ его экономическихъ воззрѣній. Отстаивая неприкосновенность своего постановленія относительно недопущенія частичнаго досрочнаго платежа по векселю, г. Цитовичъ говоритъ:

„ . . . Какъ бы то ни было, допустить досрочную уплату векселя неудобно и даже невозможно. Вексель оплаченный лишь въ части суммы, напр. на половину, останется въ рукахъ векселедержателя . . . каждая уплата будетъ производить соотвѣтственное сокращеніе суммы векселя . . . а между тѣмъ не только заголовокъ, но и текстъ векселя, по прежнему, возвѣщаютъ, что это все тотъ же вексель на 1000 рублей. Правда, каждая изъ уплатъ отмѣчена на самомъ же векселѣ, но одна отмѣтка сдѣлана сверху, другая внизу, третья на одномъ изъ угловъ оборотной стороны, четвертая тамъ же поперекъ передаточныхъ надписей и т. д. Представить себѣ вексель въ такомъ видѣ такъ же трудно, какъ и представить закладной листъ, еслибы предположить, что для закладныхъ листовъ тоже допущено не только погашеніе полностью чрезъ выходъ въ тиражъ, но и погашеніе долевое, чрезъ частичныя уплаты, отмѣчаемыя на самыхъ же по частямъ оплачиваемыхъ листахъ". (Дополнительная Записка, стр. 37—38; Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 32).

Съ точки зрѣнія бюрократизма, гдѣ всякое дѣйствіе, всякая бумага имѣетъ свою синюю занумерованную и зарегистрированную обложку, и гдѣ всякое дѣйствіе вызываетъ необходимость составить дѣло, отношеніе, заявленіе, донесеніе и т. п.,—дѣйствительно неудобно допущеніе частичной уплаты. Съ точки зрѣнія формалистики тоже неудобно допустить ту же частичную уплату, потому что она будетъ или можетъ отмѣчаться во всѣхъ направленіяхъ и точкахъ векселя, который, horribile dictu, будетъ въ заголовкѣ и въ текстѣ свидѣтельствовать о томъ, что онъ представляетъ собою тѣ же (первоначальные) 1000 рублей, а фактически—только 300, 200 рублей. Съ той же точки зрѣнія внѣшняго, такъ сказать, изящества непреложно, можетъ быть, и то, что такой вексель такъ же трудно представить себѣ, какъ представить себѣ закладной листъ, путемъ частичнаго долевого погашенія (помимо тиража полностью) уменьшеннаго въ своей внутренней номинальной цѣнѣ, въ которой онъ былъ выданъ (эммитированъ). Совершенно вѣрно: и закладной листъ (будемъ его для краткости называть облигаціей) эммитируется, и вексель выдается; тотъ выдается на извѣстный срокъ, обусловливаемый его погашеніемъ (оплатою), тутъ—тоже самое; тамъ облигаціонеръ, тутъ—«векселебратель»; тамъ есть эммитентъ, есть онъ и здѣсь; тамъ платитъ первый изъ сихъ послѣднихъ, тутъ платитъ второй. Аналогія полнѣйшая и юридическая позиція лицъ совершенно одинакова: если тамъ немыслимъ, съ точки зрѣнія казуистики, частичный платежъ, то какъ же онъ можетъ быть мыслимъ и допустимъ здѣсь. Такъ будетъ разсуждать буквоѣдъ и съ своей точки зрѣнія будетъ, можетъ быть, и правъ. А эконо-

мистъ и даже не-экономистъ, а самый обыкновенный купецъ, имѣющій въ виду исключительно или прежде всего только экономическую сторону вопроса, скажетъ, что это не такъ и что тутъ никакой аналогіи нѣтъ и быть не можетъ. А почему—тому слѣдуютъ пункты, которые мы, для большей видимости и рельефности, представимъ en regard и по которымъ разсужденія экономиста будутъ сведены къ тому, что:

въ закладномъ листѣ (облигаціи):	*въ векселѣ:*
1) подкладка—кредитъ вещный; эммитентъ хотя и является непосредственно обязаннымъ лицомъ по облигаціи, но фактически онъ плательщикъ ***транзитный***, платящій то, что ему вносится заемщикомъ для платежей, а потому	подкладка —кредитъ личный и эммитентъ является плательщикомъ ***не*** транзитнымъ, а ***непосредственнымъ;***
2) эммитентъ только дебиторъ (кредитъ пассивный) и платитъ по облигаціямъ только тѣ суммы, которыми онъ располагаетъ отъ заемщиковъ, какъ погасительными взносами на предметъ платежей по облигаціямъ, почему и поступленія къ нему имѣютъ односторонній характеръ, при недопустимости оборотнаго капитала для платежей по облигаціямъ;	эммитентъ тоже является дебиторомъ (кредитъ пассивный), но въ то же время, при функціонированіи больше всего по кредиту, онъ, эммитентъ, самъ принимаетъ въ платежи векселя (оказываетъ кредитъ активный), поступленіями по каковымъ векселямъ въ не совпадающіе съ его платежами сроки онъ регулируетъ свои обязательства, располагая къ тому же оборотнымъ капиталомъ, который, возвращаясь къ нему, даетъ ему возможность, по его усмотрѣнію, извлекать свои обязательства изъ обращенія;
3) держателемъ является предъявитель (Vorzeiger, Porteur);	держателемъ является опредѣленное лицо или его векселепреемникъ;
4) по свойству и по цѣли эммиссіи продолжительность кредита долгосрочная (десятки лѣтъ, до 60 лѣтъ);	самый кредитъ краткосрочный, 3-хъ, 6-9-ти-мѣсячный и хотя бы годовой;
5) въ основаніи кредита (обезпеченнаго всегда ипотекою) лежитъ постоянный, спокойный и однообразный трудъ заемщика, при равномѣрномъ болѣе или менѣе заработкѣ, дающемъ ему возможность производить причитающіеся съ него платежи черезъ посредство эммитента, являющагося, какъ уже замѣ-	въ основаніи кредита лежитъ рискъ, при разнообразномъ трудѣ, полномъ комбинацій, могущихъ и не оправдаться, при трудѣ притомъ рискованномъ, исполненномъ сутолоки, движенія, тревогъ и комбинацій, могущихъ дать и барыши и убытки;

чено, транзитнымъ, такъ сказать, дебиторомъ;

6) держатель видитъ обезпеченіе въ опредѣленномъ, всегда конкретно выраженномъ имуществѣ, имѣющемъ въ своей цѣнѣ устойчивый характеръ;

держатель имѣетъ дѣло съ измѣнчивыми, вѣчно колеблющимися условіями, благопріятно или губительно вліяющими на данный родъ торговли, то разоряющихъ его, то вновь ставящихъ его въ положеніе достатка, состоятельности и пр. условій платежеспособности, которая связана и зависитъ отъ неизбѣжныхъ въ торговой сферѣ рисковъ, съ которыми связанъ самый промыселъ:

7) держатель (владѣлецъ) обезпеченъ и застрахованъ отъ всякихъ случайностей неполученія обратно капитала и процентовъ.

держатель хотя и имѣетъ не одно только обезпеченіе въ товарѣ, купленномъ векселедателемъ съ цѣлью его перепродать съ барышомъ, но въ дѣйствительности это обезпеченіе часто оказывается фикціею, такъ какъ самый товаръ нерѣдко перепродается съ убыткомъ, ибо платежеспособность векселедателя (акцептанта) зависитъ не отъ запасовъ товара и его количества, а отъ оживленности оборотовъ, что́, при застоѣ въ дѣлахъ, вызываетъ продажи съ убыткомъ, каковыя убыточныя продажи имѣютъ въ своемъ основаніи желаніе не отвадить покупателей въ ожиданіи оживленія, порчу товаровъ, перемѣну вкусовъ и т. п.

При такомъ коренномъ различіи въ обезпеченности, которая присуща держателю облигаціи,—держателю, которому въ свою очередь противопоставленъ держатель векселя(векселедержатель),—является естественно и коренное различіе *въ правахъ* однихъ—*эммитентовъ* того и другого вида обязательства и *обязанностяхъ* другихъ—держателей тѣхъ же обязательствъ. Это различіе въ позиціи лицъ, въ ихъ правахъ и обязанностяхъ, можетъ быть, опять-таки, сведено къ цѣлому ряду пунктовъ, изъ коихъ упомянемъ о главнѣйшихъ. По свойству кредита, лежащаго въ основаніи эммиссіи того и другого вида долговыхъ обязательствъ, оказывается, что возвратъ капитала и платежи по нимъ зависятъ отъ той подкладки, которая лежитъ въ основаніи самой эммиссіи. Способъ погашенія обязательствъ нормированъ платежами

въ облигаціи (закладномъ листѣ):	*въ вексель:*
1) тиражами погашенія, на основаніи таблицъ, по которымъ эммитентъ имѣетъ *такое же право выкупить облигацію тотчасъ же послѣ ея эммиссіи*, какъ и въ *самый предѣльный (крайній)* срокъ, т.-е. *черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ*, съ прекращеніемъ платежа %% эммитентомъ облигаціонеру съ того момента, какъ обязательство оказалось выкупленнымъ;	только въ срокъ, назначенный въ моментъ эммиссіи съ a priori'нымъ неимѣніемъ права одною стороною требовать и съ правомъ другою стороною платить до срока, чтò для стороны, не имѣющей права требовать до срока, только удобно и пріятно;
2) чѣмъ чаще производится тиражъ, тѣмъ успѣшнѣе (быстрѣе) идетъ выкупъ обязательствъ. Сообразно суммѣ поступающихъ сверхсрочныхъ погасительныхъ взносовъ со стороны заемщиковъ, эммитентъ производитъ усиленные, форсированные платежи, не только не справляясь съ желаніемъ и съ правами облигаціонеровъ, но лишая ихъ и того и другого, ибо относительно сроковъ и способовъ платежей на сторонѣ эммитента все, а на сторонѣ держателей — ничего;	права и обязанности обѣихъ сторонъ регламентируются до тѣхъ поръ, пока обѣ стороны, по соглашенію, не видоизмѣняютъ ихъ, причемъ видоизмѣненіе въ смыслѣ сверхсрочнаго (частичнаго) платежа касается исключительно интересовъ только двухъ контрагентовъ (векселедателя и векселедержателя);
3) принципъ эммиссіи — ея *нераздѣльность*; уплата за нее по частямъ не можетъ быть допустима потому, что это необходимо для того, чтобы сохранить за нею характеръ, отличающій ее, какъ процентную бумагу, отъ кредитныхъ билетовъ и другихъ денежныхъ знаковъ, подлежащихъ размѣну на части;	принципъ этотъ не имѣетъ никакого значенія, ибо, несмотря на свою необычайную циркуляціонную способность и подвижность, вексель не предназначается для публичнаго обращенія:
4) въ своемъ основаніи онъ, сравнительно крупною суммою, въ немъ значащеюся, удерживается отъ соперничества съ бумажными деньгами и другими денежными знаками;	о такомъ соперничествѣ еще меньше можно говорить, чѣмъ по отношенію къ какимъ бы то ни было инымъ денежнымъ знакамъ;
5) обязательно находится купонный листъ; купоны отрѣзаются въ точно опредѣленные и заранѣе назначенные сроки, въ которые производится платежъ процентовъ на всю сумму листа (обязательства), чтò не только оказа-	размѣръ долга фиксированъ и разсчетъ по процентамъ учиненъ, такъ или иначе, въ моментъ эммиссіи самаго обязательства, при частичномъ досрочномъ погашеніи котораго не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо усло-

лось бы затруднительнымъ, но механически прямо невозможнымъ при наличности досрочныхъ частичныхъ платежей по самимъ листамъ;

6) механически же немыслимо частичное (долевое) погашеніе потому, что оно, погашеніе, совершается путемъ тиража (лотерейнымъ способомъ), а тирируются №№ билета и тирируются, слѣдовательно, полностью: долевое погашеніе обязательства вызвало бы необходимость дробленія каждаго номера (какъ такового), а до этого, сколько извѣстно, не додумался еще никто;

7) механически же всѣ облигаціи печатаются съ механическимъ же воспроизведеніемъ подписей (грифы), скрѣпляющихъ обязательство. Отмѣтка долевыхъ по нимъ погашеній механически невозможна, ибо единственный способъ достиженія этого штампою не достигъ бы цѣли;

8) облигація выпущена на продолжительный, часто 60-лѣтній срокъ по каждому займу, на относительно и сравнительно крупную сумму и для эммитента не можетъ быть лишеніемъ наложеніе на него запрета погашать долгъ иначе какъ некрупною минимальною суммою въ 100 рублей, и, наконецъ,

9) эммитентъ, такимъ образомъ, права досрочнаго долевого платежа не лишенъ, но ограниченъ только въ этомъ правѣ минимальною суммою въ 100 р. и можетъ вообще пользоваться этимъ правомъ, но лишь въ круглыхъ сотняхъ.

женіяхъ въ разсчетахъ сторонъ, которыя, такимъ образомъ, имѣютъ дѣло только съ капиталомъ, заключеннымъ въ обязательствѣ;

погашеніе, хотя бы и частичное, производится исключительно по добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ — контрагентовъ, — соглашенію, которое въ такой же мѣрѣ выгодно одному, какъ пріятно другому, вызываясь массою самыхъ разнообразныхъ экономическихъ отношеній (см. выше: стр. 86—92); здѣсь нѣтъ мѣста тиражу (лотереѣ), ибо досрочное долевое погашеніе относится не къ опредѣленному № какъ къ таковому, а—къ суммѣ;

все сводится и сосредоточено въ *рукописной* подписи плательщика (векселедателя или акцептанта),—подписью котораго (нормально и логически) констатируется фактъ досрочнаго платежа;

срочность эммиссіи краткая; размѣръ займа сравнительно ничтоженъ и призванъ погашаться, хотя бы и въ доляхъ, только для того, чтобы тотчасъ же или даже одновременно возникнуть въ видѣ новаго вексельнаго долга при наличности, но и редукціи стараго;

составитель Проекта лишаетъ эммитента этого права, хотя бы и въ такой только формѣ, очевидно не зная, что очень легко представить себѣ вексель, оплаченный до срока въ одной лишь его части, и думая, что онъ разрѣшилъ вопросъ, уподобивъ вексель закладному листу.

Досрочный (частичный) платежъ по векселю существовалъ до сихъ поръ, какъ существуетъ, вопреки увѣреніямъ г. Цитовича, и досрочный частичный платежъ по займамъ банковъ (облигаціямъ):

если предположить невѣроятный по минимуму размѣръ займа въ 1000 рублей, то заемщикъ, вносящій рядъ полугодовыхъ платежей на проценты и погашеніе (согласно обязательности), имѣетъ право всегда, во всякое время, внести досрочное (опять-таки частичное) погашеніе, независимо отъ обязательности взносовъ. Банкъ (эммитентъ) не только имѣетъ право, но и обязанъ принимать отъ заемщиковъ (тѣхъ же должниковъ) частичные платежи, которые идутъ на досрочное частичное погашеніе облигацій. Слѣдовательно, и юридически, и экономически это одно и то же. Отчего же должникъ банка имѣетъ право заявить кредитору о желаніи погасить досрочно извѣстную сумму, а векселедатель этого права лишается. Такимъ образомъ и юридически, и экономически досрочное и притомъ частичное погашеніе относительно облигацій, вопреки увѣреніямъ г. Цитовича, допустимо. Такимъ образомъ, въ итогѣ итоговъ, несмотря на всю подкладку тѣхъ и другихъ займовъ, частичное досрочное погашеніе допускается и по отношенію къ закладнымъ листамъ. Въ этомъ отношеніи аналогіи между векселемъ и закладнымъ листомъ никакой нѣтъ и г. Цитовичъ напрасно ухватился за закладной листъ, говоря, что онъ не можетъ себѣ представить его частично погашеннымъ. Является предположеніе, если толковать г. Цитовича слишкомъ узко и казуистично, что онъ имѣлъ въ виду погашеніе 100-рублевой облигаціи частью въ 40 руб. до срока съ тѣмъ, чтобы осталось въ обращеніи 60 руб. Но мы не думаемъ, чтобы г. Цитовичъ могъ серьезно высказывать такія положенія, такъ какъ не можетъ же онъ не знать, что для погашенія закладного листа необходимъ еще, какъ уже замѣчено, тиражъ (колесо), которое вызывается массою №№, серій и т. п. и которое требовало бы многократныхъ опусканій вновь въ колесо того №, который разъ или больше оказался бы извлеченнымъ изъ того же колеса. Выпуская облигаціи разныхъ достоинствъ въ интересахъ публики, среди которой онѣ циркулируютъ (5000 р., 1000 р., 500 р. и 100 р. и другихъ достоинствъ), банки выпускаютъ эти облигаціи въ такихъ купюрахъ и въ интересахъ заемщиковъ для частичнаго, а потому eo ipse и досрочнаго погашенія, причемъ банки, выпускающіе листы и 150-рублеваго достоинства, допускаютъ, нужно думать, тѣмъ самымъ досрочное погашеніе не только сотнями, но и меньшими суммами (50 руб.). Затѣмъ г. Цитовичъ упустилъ изъ виду, что въ вопросѣ объ эммиссіи закладныхъ листовъ власть контролируетъ и слѣдитъ за 10-ти и 20-ти-кратнымъ отношеніемъ кредита и пропорціи

между выпущенными облигаціями и основнымъ и запаснымъ капиталомъ, контролируетъ погашеніе потому, что взамѣнъ погашенныхъ эммитируются новые листы, все съ тѣмъ же соблюденіемъ пропорціи. чтó при частичномъ долевомъ погашеніи *не въ* круглыхъ, но за то и минимальныхъ суммахъ 100 р. дѣлало бы самый учетъ и контроль невозможнымъ. Тамъ десятки и сотни милліоновъ долговъ эммитента, а здѣсь—сравнительно ничтожныя суммы. Тамъ досрочный платежъ транзитомъ чрезъ эммитента (банкъ) въ пользу неизвѣстнаго держателя (предъявителя листа), а тутъ непосредственный платежъ эммитента (векселедателя) не предъявителю (Porteur'у), а опредѣленному индоссату—векселедержателю, потому что векселедержатель по бланковому индоссаменту—не норма, а исключеніе. и платежъ частичный по векселю въ рукахъ бланко-индоссата экономически все-таки—платежъ опредѣленному векселедержателю, которому, и въ своемъ интересѣ. и въ интересѣ всѣхъ его векселепредшественниковъ. пріятно получить частичный платежъ, учинить который пріятно и векселедателю, для округленія долга, уменьшенія долговъ своихъ по векселедательству, чтобы, можетъ быть, оказавшимся такимъ путемъ свободнымъ кредитомъ увеличить себѣ таковой же по надписательству—все на пользу того усиленія подвижности векселя. о которой такъ основательно старается г. Цитовичъ, не понимая только, что этимъ и другими своими постановленіями онъ только парализуетъ его подвижность и циркуляціонную способность. Мы очень жалѣемъ о томъ, что утомили читателя этими скучными элементарными положеніями, но г. Цитовичъ поднимаетъ уже слишкомъ много пыли и взбалтываетъ безнаказанно слишкомъ много пѣны во всѣхъ своихъ репликахъ, разсчитывая, очевидно, либо на невѣдѣніе читателя, либо на глубину и непогрѣшимость своихъ доводовъ...

Нѣсколько словъ о „примѣрныхъ образцахъ (формулярахъ) векселей“, приложенныхъ къ Проекту и относящихся исключительно къ простымъ (соло-) векселямъ [150]. Почему именно не приложены за-одно „примѣрные образцы“ относительно переводныхъ векселей—неизвѣстно. Косвенное объясненіе этому можно найти, впрочемъ, въ Объяснительной Запискѣ, въ которой составитель, иронизируя надъ Проектами Министерства Юстиціи и Государственной Канцеляріи, говоритъ. что „наставленія въ вексельномъ слогѣ то-и-

[150]) Проектъ, стр. 29 - 34.

дѣло встрѣчаются въ означенныхъ проектахъ", что „можно подумать, что идетъ рѣчь о введеніи строя вексельнаго института въ такой странѣ, гдѣ вексель никогда не существовалъ", что „поученія уже просто—*роскошь для постановленій о траттѣ*: банкиры, ихъ конторщики, бухгалтеры, знаютъ вексельный *слогъ лучше всякаго законодателя*"... (Объяснительная Записка, стр. 15—17) [151]).

---

[151]) Не знаемъ, насколько вѣрно то, что „банкиры, ихъ конторщики и бухгалтеры знаютъ вексельный слогъ лучше всякаго законодателя", но что они знаютъ этотъ слогъ лучше всякаго департаментскаго чиновника, мнящаго себя тоже законодателемъ, — не подлежитъ сомнѣнію. Это, впрочемъ,—мимоходомъ, вообще, какъ по отношенію къ „вексельному слогу", такъ и по отношенію къ простой грамотѣ. Для узаконенія термина „тратта" г. Цитовичъ ссылается и на „провинціальнаго нотаріуса г. Григорьева" съ его „Вексельнымъ лексикономъ", ссылается на наши личныя работы, „провѣряетъ это справками въ обиходномъ языкѣ нашихъ банковъ, биржъ, биржевыми правилами, маклерами" и заключаетъ, что

> „вмѣсто всѣхъ справокъ лучше вспомнить № 98 Собранія Узаконеній и распоряженій Правительства за 1893 г., въ которомъ помѣщено воспрещеніе сдѣлокъ по покупкѣ и продажѣ золотой валюты, *траттъ* (курсивъ подлинника) и т. п. цѣнностей".

торжественно восклицая, что

> „тратта (какъ терминъ) ворвалась не только случайно въ текстъ, но даже прямо поднялась въ заголовокъ узаконенія, на виду всѣхъ и на скандалъ г. Книриму.... что брешь сдѣлана не мимоходомъ, а нарочно, ad hoc: тратту узаконилъ законодатель и записалъ въ свою метрику Сенатъ; пріемный отецъ этой миньоны—нынѣшній Министръ Финансовъ". (Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 109—110).

Кажется, довольно убѣдительно? Но разберемъ всю аргументацію. „Нотаріуса, да еще провинціальнаго, уѣзднаго города (Динабурга-Двинска), да еще такого, который за девять лѣтъ раньше до критики г. Книрима освятилъ терминъ *тратта*", можно оставить въ покоѣ. При всемъ желаніи воздать должное означенному нотаріусу (г. Григорьеву, составителю „Вексельнаго Лексикона") за его попытку издать лексиконъ, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ признать его компетенціи въ вопросахъ вексельной терминологіи уже по тому одному, что онъ пользовался разными противорѣчивыми касательно терминологіи источниками (Мейера, Гурлянда, словарями Гейзе, Рейфа, словаремъ иностранныхъ словъ Михельсона и попутно всякою дребеденью Манухинско-Леухинскаго пошиба) и, не подвергая ихъ никакой критической оцѣнкѣ, просто нанизывалъ слова (термины) въ алфавитномъ порядкѣ, не вникая ни въ смыслъ, ни въ значеніе даннаго термина, и наполнивъ его на половину иностранными словами, не имѣющими никакого отношенія къ вексельной терминологіи (арестъ, аффера, аффepистъ), съ приложеніемъ за-одно и плана тиражей 1-го и 2-го выигрышнаго займовъ. Достаточно взять наугадъ нѣсколько словъ изъ его творенія:

> „Абсолютный, абонентъ, авантажъ, ажіотажъ, активная торговля, альтернатива, Allgemeine Conto (?), амбаръ, angehörich (съ объясненіемъ, что это—*родственникъ*, жена, совершеннолѣтніе дѣти и пр., которымъ нотаріусъ оставляетъ увѣдомленіе при требованіи платежа); an solche ein Conto (?). (Сохраняемъ вездѣ орѳографію и падежи). Banca — столъ, скамья, а въ переносномъ смыслѣ — банкиръ. Барышники — мелкіе торговцы, перекупщики, во многихъ мѣстностяхъ называемые *кулаками*; безестанъ; Börsenhasen (?) — заяцъ. Валюта перемѣнная — прейсъ-курантъ; Wechsel — перемѣна, измѣненіе, вексель; Wechselarrest— взятіе подъ стражу того, который не заплатилъ по векселю", и т. д.

Этихъ небольшихъ выдержекъ достаточно, позволяемъ себѣ думать, для того, чтобы намъ было дозволено утверждать, что онъ, нотаріусъ, своимъ опредѣленіемъ слова „тратта"

Когда въ Россіи былъ введенъ *впервые* вексельный уставъ (16-го мая 1729 г.), то „формы или образцы *внутреннихъ* вексе-

---

еще не даетъ основаній для введенія таковаго въ Уставъ о векс. Что касается терминологіи банковъ, то и она не доказательна во 1) потому, что она сумбурна и зависитъ много какъ отъ личныхъ вкусовъ бухгалтера, такъ и отъ степени полученнаго имъ коммерческаго образованія, а во 2) потому, что эта же терминологія банковъ можетъ быть выставлена и какъ argumentum a contrario: рядомъ со „счетомъ акцептованныхъ траттъ“ эта же терминологія знаетъ совершенно аналогичный и однозначащій „счетъ *векселей* къ платежу“. (См. выше: прим. 23). Что касается „биржи, маклеровъ“ и вообще представителей „улицы“, то о нихъ лучше и не говорить, а ссылаться на нихъ даже не безопасно, такъ какъ, для краткости, они же знаютъ „синенькую, красненькую, Катенекъ“ и прочіе синонимы своего языка и жаргона, которыми не захочетъ, конечно, г. Цитовичъ квалифицировать то, что̀ этими терминами квалифицируетъ „улица“. Къ тому же та же биржа, маклера, банкиры, конторщики и пр. отлично *только* и знаютъ такъ-называемый «готовый *вексель*», квалифицируя этимъ терминомъ *исключительно* тратту, на которой имѣется уже одинъ или больше индоссаментовъ. См.: *Барацъ*, Курсъ Коммерческой Корреспонденціи, стр. 62—63; ср.: ibid., стр. 842—845 съ образцами контрактовъ на 4 языкахъ касательно срочныхъ курсовыхъ сдѣлокъ: собственныя *тратты* (aus der Hand), eigene Tratten, drafts, traites - *отождествляются* съ готовыми *векселями*, gemachte Briefe, papier fait, made Bills. Та же терминологія квалифицируетъ и простой вексель съ 2 индоссаментами, какъ gemachte Briefe. Все это—по поводу ссылки г. Цитовича на насъ лично. Если только это для кого-нибудь интересно, то, какъ читатель видитъ, мы не только ничего подобнаго не утверждали, но прямо предостерегали г. Цитовича еще задолго до составленія имъ Проекта:

> „...... Въ виду того, что слово „вексель“ прямо обозначаетъ яснымъ и понятнымъ для всѣхъ образомъ характеръ даннаго долгового обязательства, было бы, слѣдовательно, не совсѣмъ точно вмѣсто слова „вексель“ пользоваться словомъ „тратта“ или „прима“, *такъ какъ ни та, ни другая не квалифицируетъ* еще *документа, какъ вексель*: прима возможна и при обыкновенномъ переводѣ (ассигнаціи — Anweisung), не регулируемомъ совсѣмъ вексельнымъ правомъ......“ (*Барацъ*, Курсъ вексельнаго права, стр. 76—77).

т.-е. утверждали всегда то, что̀ утверждаемъ и теперь (См. выше: прим. 23). Остается брешь, сдѣланная законодателемъ, узаконившимъ *тратту*. Но тогда послѣдовательность требовала бы узаконенія въ Проектѣ и «*соло*-векселя», не только также «имѣющаго крестнаго отца въ лицѣ Министра Финансовъ» и не только также „записаннаго въ метрику Сената“, но...... также узаконеннаго и законодательною властью. Зачѣмъ же было, на основаніи такихъ посылокъ, замѣнять говоримъ мы, «*соло*-вексель» просто «векселемъ», даже при наличности тѣхъ чувствъ, которыя вызываетъ въ г. Цитовичѣ «*переводный* вексель». И объ этомъ мы упоминаемъ мимоходомъ, только къ слову, отлично понимая, что законодательная власть, разсматривая вопросы по существу, не можетъ имѣть ни времени, ни интереса касаться и вникать въ терминологію, которая, поэтому, и остается на усмотрѣніи и отвѣтственности канцелярій. Канцеляріи же таковы, что подчасъ не только не имѣютъ понятія о терминологіи, но не безгрѣшны въ элементарной грамотѣ. Чтобы не быть голословнымъ, рекомендуемъ г. Цитовичу вытребовать изъ Государственнаго Банка хоть одну кассированную облигацію конвертированнаго чуть ли не вчера Восточнаго Займа гдѣ онъ увидитъ такіе перлы грамотности: «по истеченіи десяти лѣтъ, если *между тѣмъ* (inzwischen?—понимай: если *въ промежуткѣ этого времени*) облигація не выйдетъ въ тиражъ...» Мы не имѣемъ фондовъ подъ руками, но думаемъ, что и на другихъ фондахъ можно найти многое въ такомъ же родѣ. Рекомендуемъ г. Цитовичу просмотрѣть въ заграничныхъ паспортныхъ книжкахъ отпечатанныя тамъ постановленія, въ которыхъ онъ тоже найдетъ интересные обороты. Рекомендуемъ ему взять

лей съ толкованіями" дѣйствительно были нужны: мало было предписать вексель, нужно было и наставить, какъ съ нимъ обращаться,

---

уставъ „Торгово-промышленнаго коммерческаго банка", надъ которымъ канцеляріи, вѣроятно, тоже порядкомъ проработали, не замѣтивъ того, что, съ точки зрѣнія грамотности, банкъ можетъ быть

торговымъ *и* промышленнымъ,

или: торгово-промышленнымъ,

или: торговымъ, промышленнымъ *и* коммерческимъ,

или: торгово-промышленнымъ *и* коммерческимъ

и никакъ не можетъ быть

торгово-промышленнымъ (и ?) коммерческимъ банкомъ.

Мы могли бы привести г. Цитовичу много примѣровъ отсутствія одной только элементарной грамотности въ департаментскихъ регламентаціяхъ и постановленіяхъ, еслибы считали это интереснымъ занятіемъ, а если мы объ этомъ упомянули, то—съ исключительною цѣлью показать г. Цитовичу, что его аргументація—палка о двухъ концахъ, что, въ вопросѣ о терминологіи, законодателя можно и подвести: если „переводный вексель" неудобенъ потому, что законодатель узаконилъ „тратту", которая оказывается „имѣющею пріемнаго отца и записанною въ метрику Сената", то и „вексель" также долженъ оказаться неудобнымъ, потому что законодатель узаконилъ „*соло*-вексель", который также и „записанъ въ метрику Сената, и имѣетъ своего пріемнаго отца", пройдя предварительно чрезъ всѣ тѣ „столы" и „отдѣленія", которые его создали... А чтобы убѣдиться въ томъ, что „столы и отдѣленія" не сильны въ вопросахъ терминологіи, достаточно просмотрѣть всѣ публикаціи Государственнаго Банка со времени открытія имъ операціи по покупкѣ и продажѣ иностранныхъ векселей. Публикаціи эти появлялись во всѣхъ газетахъ, не исключая и оффиціальныхъ «Вѣстника Финансовъ» и «Торгово-промышленной Газеты», гдѣ заграничные векселя квалифицировались съ большимъ разнообразіемъ на всякій манеръ — и какъ „иностранная *валюта*", и какъ „девизы", и какъ „римессы", и какъ „тратты" и какъ „переводы" и т. п. Въ своихъ позднѣйшихъ публикаціяхъ Государственный Банкъ квалифицируетъ продаваемые имъ заграничные векселя какъ *тратты*, которымъ противуставляются *чеки*: Государственный Банкъ продаетъ: тратты на.....; чеки на......, что, въ смыслѣ квалификаціи этихъ девизовъ, опять-таки, представляется абсолютно неправильнымъ. Чекъ бываетъ только à vue — поэтому-то онъ и чекъ; чекъ не à vue не есть чекъ. Тратта, т.-е. (трассированный) вексель бываетъ и 3-хъ и 6-тимѣсячный, 3-хъ и 6-ти-недѣльный, *бываетъ и à vue*. Но такъ какъ для такихъ *краткосрочныхъ* обязательствъ, какъ чекъ, контрагенты не считаютъ нужнымъ ограждать себя силою вексельнаго права; такъ какъ, къ тому же, по большинству западно-европейскихъ законодательствъ, диспонировать путемъ чека можно лишь противъ Guthaben'а и такъ какъ самый чекъ для циркуляціи не предназначается, то для краткосрочныхъ (именно—vista'ныхъ) трассированій (точнѣе—диспонированій) и пользуются чеками, которымъ противопоставляютъ *долгосрочнымъ* диспонированіямъ, совершаемымъ путемъ 3-хъ-мѣсячныхъ хотя бы и траттъ, фактически и юридически представляющихъ собою *векселя*. Спросите у всего того контингента лицъ, къ которымъ г. Цитовичъ взываетъ, какъ къ свидѣтелямъ, что такое 3-хъ-мѣсячная (вообще—долгосрочная) тратта, и они отвѣтятъ всѣ единогласно: 1) что чекъ есть тратта (трассированіе) à vue, а тратта 3-хъ-мѣсячная (долгосрочная) - всегда *вексель*; и 2) что краткосрочныя трассированія (*чеки*, Anweisung, Mandat и пр.) можно противопоставить только долгосрочнымъ *вексельнымъ* трассированіямъ и ни въ какомъ случаѣ не траттамъ. Ср.: *Барацъ*, Курсъ вексельнаго права, стр. 63, прим. 4 и стр. 64 - 69. Первые шаги Государственнаго Банка по продажѣ девизовъ выражались, какъ замѣчено выше, въ публикаціяхъ о „продажѣ иностранныхъ *валютъ*" по такимъ-то

а для этого вѣрнѣйшее средство—поставить дѣйствительность векселя въ зависимость отъ соблюденія «учиненныхъ образцовъ», «объявленныхъ формъ» (формуляровъ). Третья глава Устава 1729 г. представляетъ собою не только законъ о векселяхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ,—и обязательный вексельный письмовникъ [152]). Къ дѣйствующему нынѣ въ Россіи Уставу о векселяхъ 1832 г. также приложены «формы» векселей, и хотя эти «формы» не представляютъ собою закона, а кассаціонная практика неоднократно и категорически прямо заявляла, что «за формами векселей должно быть признано значеніе лишь примѣра или образца, соблюдать или несоблюдать который предоставлено усмотрѣнію лица, выдающаго вексель» [153]), тѣмъ не менѣе практика крѣпко держится образцовъ и, цѣпляясь за предписанныя формы, не признаетъ векселя векселемъ, если онъ не написанъ согласно приложеннымъ формамъ: ни одно лицо (учрежденіе) не приметъ къ учету векселя, если онъ не написанъ согласно формамъ, какъ ни одинъ нотаріусъ (въ особенности въ болѣе крупныхъ центрахъ) не опротестуетъ векселя, написаннаго не по формѣ. Такова уже сила привычки, традицій и культурныхъ особенностей Россіи [154]). Что́ же новаго вводитъ Проектъ? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно рѣшить предварительно вопросъ о томъ, нужны ли въ русскомъ вексельномъ уставѣ формы (образцы), или—нѣтъ? Мы лично думаемъ, что—нужны, не касаясь, впрочемъ, пока этихъ формъ (образцовъ)

цѣнамъ. Въ этихъ публикаціяхъ нѣтъ и помину не только о *векселяхъ*, но даже о *траттахъ*, хотя „Лондонъ на 3 мѣсяца“ и др. города мудрено было продавать, какъ „валюту“. Позднѣйшія публикаціи того же Г. Б. извѣщали о „траттахъ и т. п. цѣнностяхъ на иностранную валюту, а также о выдачѣ *кредитивовъ*“, съ разумѣніемъ подъ сими послѣдними и (ак)кредитивовъ, какъ таковыхъ, и чековъ, и векселей и просто переводовъ.

[152]) Ст. 2 главы 1-й постановляетъ:

> „Векселя, кто даетъ, тѣ должны писать по учиненнымъ образцамъ и смотрѣть, чтобы нужное въ тѣхъ Векселяхъ не было упущено, о чемъ пространно въ формахъ изложено и истолковано, дабы такіе люди, кои не имѣютъ разсужденія, не имѣли случая спориться, представляя яко-бы одно слово выпущено, или лишнее написано“.

а ст. 1-я той же Главы признаетъ дѣйствительными только векселя, составленные согласно формамъ (формулярамъ).

[153]) Сборникъ рѣшеній 4-го Департамента: 74/1535; 72/2592; 73/1778; 76/1893; 77/490 и др.; Рѣшенія Гражд. Кассац. Деп.: 75/25; 77/49; 89/4 и др.

[154]) Пусть г. Цитовичъ предприметъ обслѣдованіе по этому вопросу у тѣхъ же нотаріусовъ, въ томъ же Государственномъ Банкѣ, какъ и въ другихъ учрежденіяхъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ нашихъ словахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Ср. выше: прим. 102. Ср. также: *Барацъ*, Вексельное право, стр. 127 прим. 9, стр. 599 прим. 14 in fine, стр. 694 прим. 26, стр. 697 прим. 27 и др.

со стороны редакціонной (объ этомъ—дальше): при сплошной почти безграмотности нашего купечества и при грамотности нѣкоторой и, притомъ, значительной части векселедателей, вся грамотность которыхъ заключается въ умѣньи начертать или, точнѣе, «напечатать» рукописно свою подпись, когда печатный (литографированный) текстъ векселей представляетъ собою роскошь, доступную пониманію лишь нѣкоторыхъ единичныхъ предпринимателей, и т. д., и т. д.,—предписанный образецъ представляется далеко не излишнимъ для поднятія подвижности векселей, очень часто остающихся въ портфеляхъ первопріобрѣтателей только по невозможности ихъ текста. (См.: *Барацъ*, Вексельное право, стр. 701—702).

Станемъ на точку зрѣнія Проекта. Съ одной стороны:

„Отчетливость и ясность изложенія не требовали преподанія въ самомъ же уставѣ различнаго рода примѣрныхъ выраженій вексельнаго слова: *вексель употребляется въ Россіи не со вчерашняго дня, вексельный слогъ успѣлъ выработаться*“.

Изъ этого слѣдуетъ, что образцы (формуляры) не нужны и, слѣдовательно, имъ не мѣсто въ вексельномъ уставѣ, какъ нѣтъ имъ мѣста ни въ одномъ изъ западно-европейскихъ кодексовъ. Это—по Объяснительной Запискѣ (стр. 16—17). Но въ Проектѣ помѣщены на протяженіи шести страницъ in folio, „приложенія къ главѣ второй раздѣла перваго“ въ видѣ „примѣрныхъ образцовъ векселей“ съ ссылками на подлежащія статьи Проекта. Здѣсь цѣлый рядъ формуляровъ (образцовъ), общій смыслъ и назначеніе коихъ, по примѣру дѣйствующаго нынѣ Устава о векселяхъ съ приложеніями—представлять собою ту же *обязательность*, хотя составитель Проекта, одною страницею дальше въ той же Объяснительной Запискѣ, трактуя объ образцахъ, и говоритъ, что хотя „значеніе образцовъ не обязательное, а—руководящее, но къ нимъ (образцамъ) привыкли при нынѣ дѣйствующемъ Уставѣ“ [155]). Затѣмъ эта въ слабой формѣ выраженная обязательность формуляровъ-образцовъ. при наличности отрицанія даже этой необходимости одною страницею выше въ той же Объяснительной Запискѣ, принимаетъ такую форму:

„Къ проекту приложены *руководящіе* образцы,—своего рода атласъ,—въ разъясненіе предписаній Проекта относительно формы векселей“. (Дополнительная Записка стр. 5; Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 5).

[155]) Объяснительная Записка, стр. 17, прим. 2 in fine.

Какъ читатель видитъ, здѣсь съ одной стороны идетъ рѣчь уже объ обязательности образцовъ, обязательность коихъ, съ другой стороны, тутъ же отрицается. Какъ бы то ни было, но Объяснительная и Дополнительная Записки, какъ и специальная реплика г. Книриму со стороны автора всѣхъ означенныхъ перечисленныхъ произведенiй, въ которыхъ приведена вся эта аргументацiя,—не законъ, даже если бы Проектъ сталъ законодательнымъ актомъ. Какъ Объяснительная, такъ и Дополнительная Записки эти, не взирая на ихъ оффицiальный характеръ, не составятъ даже достоянiя публики и, слѣдовательно, всему тому контингенту (будущихъ) вексельныхъ контрагентовъ, которые будутъ обречены на пользованiе Проектомъ, какъ Уставомъ, нимало не будетъ извѣстно, что «значенiе образцовъ не обязательное, а—руководящее». Образцы будутъ приложены къ Уставу, если Проектъ удостоится законодательной санкцiи, въ видѣ приложенiя со ссылками на подлежащiя статьи, и они станутъ обязательными, какъ были и есть обязательны образцы, приложенные къ Уставу 1729 г. и (нынѣ дѣйствующаго) 1832 г.

Но, сохраняясь, какъ conditio sine qua для бытiя векселя, образцы эти вносятъ ли что-нибудь новаго по Проекту въ смыслѣ (хотя бы только) системы, если, какъ оно дѣйствительно есть, «къ нимъ не только привыкли при нынѣ дѣйствующемъ Уставѣ» и если признать ихъ наличность желательною, въ виду специальныхъ культурныхъ и бытовыхъ условiй Россiи, о которыхъ было упомянуто выше. До сихъ поръ въ вексельныхъ уставахъ вводились образцы. Худы ли они были, или хороши —но это были формы, которыя обязательно копировались и на основанiи коихъ составлялись векселя. Въ этихъ формахъ не трудно было орiентироваться, и все, что̀ не подходило подъ эти формы, не было векселемъ. Къ Проекту также приложены образцы соотвѣтственно подлежащимъ статьямъ [156], и хотя эта серiя образцовъ и грѣшитъ нѣкоторою невыдержанностью стиля и пестротою, но съ ними, тѣмъ не менѣе, можно примириться и за ними, во всякомъ случаѣ, должно признать прогрессъ въ сравненiи съ обязательными нынѣ образцами по дѣйствующему Уставу о векселяхъ [157]). Этими образцами могъ бы составитель Проекта, казалось бы, ограни-

[156]) Проектъ, стр. 29—30. I. образцы №№ 1—6 къ ст. 3, 4, 11, 12, 18 и 19 Проекта.

[157]) См. выше: прим. 154.

читься и считать вопросъ объ (обязательныхъ) образцахъ исчерпаннымъ. Но здѣсь начинается нѣчто неслыханное и невиданное не только въ какомъ бы то ни было законодательномъ актѣ, но—даже въ самыхъ элементарныхъ учебникахъ вексельнаго права. Вслѣдъ за этими образцами начинается серія образцовъ, печатанныхъ не только двумя шрифтами (основнымъ, не подлежащимъ измѣненію текстомъ, и болѣе жирнымъ для варьирующагося текста векселей), но—еще и третьимъ шрифтомъ, огненнымъ (красною краскою). Всѣхъ серій этой категоріи четыре. Онѣ раздѣлены на:

а) II. **«Образцы векселей съ условіями воспрещенными»**, но не лишающими вексель вексельной силы, съ „процентами изъ шести въ годъ" и съ образцами векселя, выданнаго коллективно „Казакомъ Вакулою Кузьмичемъ Пащенко и псаломщикомъ села Поповки Панкратіемъ Карповичемъ Найденко" на имя (приказу) „Ея Высокородія супругѣ господина земскаго начальника Софіи Алексѣевнѣ Полянской" съ оговоркою (краснымъ шрифтомъ), что „буде не заплатимъ въ срокъ, то должны заплатить, сверхъ долга, неустойки триста рублей". Затѣмъ слѣдуютъ:

б) III. **«Образцы съ оговорками и указаніями допущенными»**, вся допущенность каковыхъ оговорокъ и указаній сводится къ *домициляціи* векселей. Можно подумать, глядя на эти образцы, что домициляцію векселей Проектъ только «терпитъ» и потому только «допускаетъ», хотя, мимоходомъ сказать, по поводу одного образца, составителю Проекта не мѣшало бы справиться о томъ, что „*Управляющій* дѣлами торговаго дома такого-то такой-то" не является уполномоченнымъ на право выдачи векселей (образецъ №№ 6 и 11). За ними слѣдуютъ:

в) IV. **«Образцы векселей съ означеніями, оговорками, указаніями и пр., не имѣющими значенія для векселя»**. Тутъ есть и означеніе векселя цифрами въ заголовкѣ, независимо отъ означенія суммы прописью въ текстѣ; есть векселя съ признаніемъ валюты [158]), а

---

[158]) Кстати. Требуетъ ли Проектъ валютнаго признанія, или—нѣтъ? Если нѣтъ, т.-е., если признаніе валюты не имѣетъ значенія для векселя (см. образецъ № 12 стр. 31 Проекта), то какъ понимать ст. 23 Проекта, по которой „означеніе полученія валюты указываетъ на возмездную выдачу векселя, пока не доказано противное". Одно изъ двухъ—или признаніе валюты, или нѣтъ. При такой постановкѣ вопроса можно, по Проекту, оспорить любой вексель. „Можно подумать, что дѣло идетъ о составленіи учебника, притомъ учебника, изложеннаго простымъ слогомъ, возможно наглядно, съ приведеніемъ примѣровъ и съ устраненіемъ всякой отвлеченности"... Это сказано г. Цитовичемъ (Вексель и задачи его кодификаціи въ Россіи, стр. 21) по поводу Проекта 1884 — 86 гг.—и притомъ

затѣмъ идутъ невѣроятные образцы съ трехсаженнымъ признаніемъ полученія валюты „сахарнымъ пескомъ въ количествѣ тысячи пудовъ и съ оставленіемъ векселедателемъ за собою права, въ случаѣ пониженія цѣны на сахарный песокъ менѣе 4 рублей за пудъ, уплатить долгъ за вычетомъ разницы, происшедшей отъ пониженія цѣны на сахаръ“. Затѣмъ слѣдуетъ образецъ векселя, по которому „помѣщикъ Харьковской губерніи такой-то (имя, отчество и фамилія“), задолжалъ дочери своей такой-то вексельную сумму, „которую онъ назначилъ ей въ приданое“, а заключается вся серія этихъ образцовъ векселемъ, выданнымъ „Генеральшѣ Маевской“ съ такою формулою въ текстѣ со стороны векселедателя: „сей вексель передачѣ не подлежитъ и долженъ быть возвращенъ мнѣ по уплатѣ мною своевременно означенной суммы за аренду имѣнія Могильцы, принадлежащаго госпожѣ Маевской (генеральшѣ)“. Вѣнцомъ же всѣхъ образцовъ должна быть признана группа

г) V. «**Образцовъ векселей недѣйствительныхъ**», напечатанныхъ не только двумя основными и однимъ краснымъ шрифтомъ, для указанія деффектовъ, но — красною же типографскою краскою крестообразно перечеркнутыхъ для указанія ихъ абсолютной деффектности съ точки зрѣнія Проекта. Тутъ есть векселя, выданные безъ указанія мѣста ихъ эммиссіи, есть векселя долевые: съ разными сроками на имя одного первопріобрѣтателя и вексель долевой съ двумя первопріобрѣтателями, „выданный на имя мѣщанина въ одной суммѣ и на имя жены его въ другой суммѣ студентомъ С.-Петербургскаго Университета такимъ-то, каковую сумму онъ имъ задолжалъ за столъ и квартиру“. Есть образецъ векселя, выданнаго „дворяниномъ Анатоліемъ Ѳедоровичемъ Переверзевымъ“ и оказывающагося недѣйствительнымъ не потому, что по нему онъ, векселедатель, повиненъ заплатить вексельную сумму „своей гувернанткѣ, французской гражданкѣ Кларѣ Бомондъ“, а—потому что въ немъ нѣтъ вексельной мѣтки......

Таковы образцы, которые такъ наглядно комментированы разными шрифтами и разными типографскими красками подъ пятью различными категоріями. Можно подумать, что составитель Проекта, обрадовавшись допущенной имъ всеобщей вексельной правоспособности, счелъ удобнымъ перечислить, для большей наглядности,

---

по случаю болѣе безобидному. Чтó же сказать о Проектѣ 1893 г. съ приложеннымъ къ нему «атласомъ»?...

всѣхъ вексельныхъ in spe контрагентовъ, которые будутъ пользоваться Проектомъ и въ числѣ которыхъ у него оказывается и купецъ, и артистъ Императорскихъ театровъ, и жена тайнаго совѣтника, и профессоръ Кіевскаго Университета, и землевладѣлецъ, и князь, и казакъ, и псаломщикъ, и т. д., и т. д,, съ цѣлою шеренгою другихъ лицъ въ видѣ поссессоровъ, помѣщиковъ съ приданымъ дочери, ихъ высокородій супругъ господъ земскихъ начальниковъ, задолжавшаго за столъ и квартиру студента, дворянина съ своею гувернанткою и т. д. до безконечности... Такіе образцы-комментаріи, по ихъ дѣтски-наивной формѣ, были бы, по существу дѣла, неприличны въ школѣ, при изложеніи доктрины вексельнаго права, съ перечисленіемъ всего того, что́ допускается или не допускается вексельнымъ правомъ, и оказываются совсѣмъ неумѣстными, чтобы не сказать болѣе, въ законодательномъ актѣ. Можно дѣйствительно подумать, что въ Россіи никогда не видали векселя и что дѣло идетъ о «введеніи строя вексельнаго института»... Такъ далеко не заходилъ «сочинитель» перваго въ Россіи вексельнаго устава 1729 г., а съ тѣхъ поръ прошло вѣдь больше полутора столѣтій, въ теченіе коихъ успѣли вѣдь научиться кое-чему и у насъ. И для чего понадобились составителю Проекта всѣ эти 4 категоріи разныхъ образцовъ, уклоняющихся отъ предписанныхъ имъ же формъ? Неужели составитель Проекта думаетъ, что учетные комитеты всѣхъ кредитныхъ учрежденій, занимающихся дисконтомъ векселей, ихъ конторщики и портфелисты будутъ заниматься таксаціею вексельнаго текста и сортировать представляемые къ учету векселя сообразно формамъ, принимая одни векселя съ условіями воспрещенными, но не лишающими векселя вексельной силы, бракуя другіе векселя, какъ недѣйствительные, вслѣдствіе разныхъ оговорокъ, и останавливаясь опять на векселяхъ съ оговорками, указаніями и пр., не имѣющими значенія для векселя. Это—такая работа, которая никому не окажется по силамъ, не столько потому, что на это ни у кого не хватитъ ни времени, ни терпѣнія, сколько потому, что на это ни у кого не хватить умѣнья: вѣдь составитель Проекта, при всемъ желаніи и усердіи, не могъ охватить своими четырьмя разными категоріями всѣхъ тѣхъ уклоненій въ писаніи векселей, которыя можетъ выдвинуть жизнь и спеціальныя бытовыя условія Россіи. Всегда, слѣдовательно, найдутся векселя, писанные не по формѣ, съ невозможностью подвести ихъ подъ категорію дѣйствительныхъ или недѣйствительныхъ векселей и опредѣлить ихъ

пригодность или непригодность къ учету съ точки зрѣнія Проекта, какъ Устава о векселяхъ in spe. Самымъ надежнымъ и наиболѣе цѣлесообразнымъ окажется совершенное непринятіе къ учету векселя, писаннаго не по формѣ, съ полнѣйшимъ притомъ игнорированіемъ вопроса о томъ, насколько снисходительно или неснисходительно Проектъ относится къ уклоненіямъ отъ предписанныхъ формъ. Оно такъ и будетъ несомнѣнно. Въ такомъ случаѣ къ чему и для кого составитель Проекта такъ много старался? Эти категоріи и образцы могли бы быть съ натяжкою допустимы въ *устномъ*,—именно *только* и *только* въ устномъ, изложеніи съ каѳедры въ *начальной* школѣ и представляли бы собою, въ смыслѣ иллюстраціи доктрины, позоръ въ любомъ элементарномъ учебникѣ вексельнаго права. А уставъ о векселяхъ—не только не *учебникъ*. но даже и не *курсъ* вексельнаго права...

IX.

Резюмируемъ сказанное. Если свести воедино все то, чѣмъ раздѣлъ второй отличается отъ раздѣла перваго, то нельзя не обратить вниманія на ту систематичность, съ которою составитель Проекта хотѣлъ отвести одинъ раздѣлъ отъ другого, хотя бы оно шло въ разрѣзъ съ самыми элементарными требованіями логики, справедливости и послѣдовательности. Вексельная мѣтка, обязательная для простого векселя, не обязательна для тратты. Простой вексель можетъ быть выданъ только на сумму не ниже 100 рублей, тогда какъ тратта такому ограниченію не подлежитъ. Въ простомъ векселѣ означеніе суммы должно быть сдѣлано прописью; для переводнаго же векселя это не требуется. Поручительство по простому векселю построено на началахъ совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, на которыхъ построено поручительство по траттѣ. Простой вексель, въ случаѣ упущенія протеста въ неплатежѣ, превращается въ домашній долговой актъ, а переводный вексель этому превращенію не подлежитъ.

Въ то время какъ раздѣлъ I о простыхъ векселяхъ представляетъ собою попытку націонализировать вексель на основаніи болѣе чѣмъ сомнительныхъ данныхъ, раздѣлъ второй представляетъ собою заимствованія изъ иностранныхъ вексельныхъ уставовъ,—заимствованія, наименѣе достойныя вниманія въ смыслѣ постановленій,

какъ, напр., заимствованіе изъ англійскаго права раздѣленія переводныхъ векселей на внутренніе и заграничные, изъ французскаго—устраненіе вексельной мѣтки [159]) и игнорированіе акта интервенціи, изъ скандинавскаго—признаніе акцептомъ и такой подписи на векселѣ, въ которой содержится отказъ отъ принятія и др., и все это—рядомъ съ сумбурностью изложенія, недомолвками и неясностями редакціоннаго свойства [160]). Каждый Проектъ новаго закона, въ особенности затрогивающаго такія сложныя экономическія отношенія, какъ вексель, долженъ содержать и проектъ закона или постановленій о введеніи его въ дѣйствіе (Einführungsgesetzordnungen), чего въ Проектѣ 1893 г. тоже нѣтъ. Нѣтъ въ немъ или къ нему и примирительныхъ постановленій касательно подлежащихъ статей Устава о гербов. сборѣ. Сохраняя вексельную бумагу какъ conditio sine qua, Проектъ не касается случаевъ оплаты и гербовыми марками векселей, хотя бы и платежныхъ въ Имперіи, но возникшихъ

---

[159]) Не знаемъ, какъ понимать увѣренія г. Цитовича, что имъ удержано требованіе вексельной мѣтки относительно траттъ, выдаваемыхъ въ Имперіи, когда этого требованія нѣтъ въ примѣчаніи къ ст. 158 Проекта, на которое онъ ссылается въ своей репликѣ г. Книриму (Къ вопросу о вексельномъ уставѣ стр. 117 и прим. тамъ же). Примѣчаніе къ ст. 158 Проекта текстуально гласитъ такъ:

„Тратта, выданная въ Имперіи съ платежемъ въ Имперіи, есть тратта внутренняя. Тратта, выданная въ Имперіи съ платежемъ за-границею или выданная за-границею съ платежемъ въ Имперіи, есть тратта заграничная“.

Гдѣ же тутъ вексельная мѣтка, о которой говоритъ г. Цитовичъ, даже еслибы и допустить неслыханность и неточность квалификаціи тратты, выданной за-границею съ платежемъ въ Имперіи, какъ тратту „заграничную“. Тратта, выданная за-границею съ платежемъ въ Имперіи, въ рубляхъ, попадаетъ сюда либо какъ „коммиссіонный вексель“, либо какъ „учтенный вексель“—иначе ее невозможно квалифицировать. Тратта, выданная за-границею съ платежемъ въ Имперіи, въ иностранной валютѣ, т.-е.,—въ монетѣ той страны, откуда она выписана, не попадаетъ и не можетъ попасть въ балансъ (Status), за невозможностью опредѣлить заранѣе тотъ вексельный курсъ, по которому платежъ поступитъ по такому векселю — такая тратта, до фактическаго поступленія по ней платежа, остается *внѣ* систематической записи (Buchung). Объ этомъ см.: *Барацъ*, Курсъ Коммерческой Корреспонденціи, стр. 52.

Еслибы такія „тратты *заграничныя*“ фигурировали въ балансахъ банковъ по рецепту г. Цитовича, т.-е. въ рубрикѣ того, что́ дѣйствительно разумѣется и что́ только и можно разумѣть подъ «заграничными векселями (траттами)» (т.-е. иностранный портфель), то мудрено было бы г. Цитовичу „вѣдать банки, слѣдить за колебаніями вексельныхъ курсовъ, наблюдать за его котировкою и т. д. и т. д.» даже въ тѣхъ границахъ, въ какихъ это оказывается неисполнимымъ при нынѣ дѣйствующемъ Уставѣ о векс. и въ какихъ Министерство Финансовъ заинтересовано въ осуществленіи Проекта г. Цитовича... (См. выше: стр. 46).

[160]) Между прочимъ относительно недомолвокъ и неясностей ср. Записку ст. 11, въ которой идетъ рѣчь о „женщинахъ, которыя чаще и охотнѣе берутъ, чѣмъ даютъ векселя“; *Книримъ*, op. cit. стр. 125, какъ и реплику г. Цитовича съ поясненіемъ post factum (Къ вопросу о вексельномъ уставѣ, стр. 47).

за-границею, какъ, напр., простого векселя, выданнаго за-границею, подлежащаго по Проекту, «изложенію» на вексельной бумагѣ, а по Уставу о гербов. сборѣ подлежащаго лишь скопированію въ смыслѣ уничтоженія (кассированія) соотвѣтственнаго листа вексельной бумаги [160a]).

Всякому понятно, что уставъ о векселяхъ, предназначаемый для регулированія сложныхъ экономическихъ отношеній и имѣющій цѣлью ввести эти установившіяся отношенія въ надлежащія рамки, есть трудъ столько же юридическій, какъ и экономическій. Многовѣковая (почти 600-лѣтняя) исторія векселя свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ возникъ, развивался и развился на почвѣ экономическихъ отношеній, безъ всякаго вліянія и посредства юридическихъ ученій, которыя *шли за нимъ*, очень часто медленными шагами, всегда, во всякомъ случаѣ, отставая отъ того, чтó было выдвигаемо жизнью въ смыслѣ потребностей оборота. Если составитель Проекта, спеціалистъ по юриспруденціи, не могъ справиться съ экономическою стороною вопроса, то не къ чему было ему брать на себя такую непосильную работу. Вышло то, чтó и слѣдовало ожидать: юридическая сторона заняла слишкомъ много мѣста, въ ущербъ экономической, а экономическія отношенія въ Проектѣ совершенно игнорированы. Дѣло въ томъ, что для правильной передачи какого-либо сложнаго явленія необходимо вникнуть въ него, а для этого нуженъ извѣстный къ нему интересъ, привычка и умѣнье обращаться съ надлежащимъ матеріаломъ. Человѣкъ данному дѣлу посторонній не имѣетъ ни этого интереса, ни надлежащаго навыка, и потому постоянно можетъ попадать въ просакъ. Такъ, техникъ, взявшійся за экономическую работу, будетъ механически относиться ко многимъ явленіямъ и не замѣтитъ внутренняго ихъ значенія; онъ пройдетъ спокойно мимо фактовъ, которые непремѣнно остановятъ на себѣ вниманіе экономиста; онъ не привыкъ вникать въ явленія и сопоставлять ихъ другъ съ другомъ въ этой, чуждой ему, области, и потому онъ не остановится надъ тѣмъ, чтó требуетъ выясненія, легко допуститъ экономическія невѣрности и т. д. Еще Рошеръ высказалъ, почти 40 лѣтъ тому назадъ, слѣдующую глубокую истину: гдѣ явно спорятъ между собою народно-хозяйственное и юридическое воззрѣніе, тамъ первое

[160a]) Относительно путаницы и несоотвѣтствія статей Уст. о герб. сб. со статьями Уст. о векс. см.: *Барацъ*, Вексельное право, стр. 113 прим. 3, стр. 115, стр. 118, 119, 121 прим. 6, 619 прим. 31, 433 прим. 16, 619 прим. 31 и др.

изъ нихъ—болѣе новое. Вотъ почему очень естественно, что юристъ, уже по профессіи своей преимущественно обращая вниманіе на истолкованіе законовъ, контрактовъ и т. д., тянетъ къ прошедшему, тогда какъ экономистъ обращаетъ вниманіе на признаніе и удовлетвореніе потребностей, т.-е. обращаетъ вниманіе на настоящее и будущее. Если взять для примѣра юридическое опредѣленіе понятія бумажныхъ денегъ, въ которыхъ главную роль играетъ ихъ принудительный курсъ, то сразу рѣшается споръ о томъ, принимать ли ихъ или нѣтъ. „Бумага, которую имѣющій право на деньги не обязанъ принимать, а можетъ отвергнуть, не есть денежный знакъ; бумажныя деньги, по самому понятію своему, имѣютъ принудительный курсъ“. (*Thöl*, Handelsrecht, I, § 51). Для экономическаго же воззрѣнія на деньги, на первомъ планѣ стоитъ постоянная и общая потребность ихъ обращенія,—слѣдовательно,—постоянная возможность обмѣна бумажныхъ денегъ на самостоятельныя цѣнности (т.-е.—не только на кредитныя цѣнности). Для послѣдняго воззрѣнія принудительный курсъ, который во что бы то ни стало долженъ быть признаваемъ, есть порокъ въ бумажныхъ деньгахъ. Это ведетъ къ глубокому различію обоихъ воззрѣній: юристъ, по самой профессіи своей, долженъ вѣрно толковать и прилагать ко всѣмъ подходящимъ спорнымъ случаямъ всякій дѣйствующій законъ, хотя бы онъ и не одобрялъ его содержанія. Съ его стороны всякая критика закона, которая идетъ дальше раскрытія согласія или противорѣчія даннаго закона съ другими законами, была бы отступленіемъ отъ чисто юридической точки зрѣнія и примкнула бы ко взглядамъ политическимъ, экономическимъ и т. д. Напротивъ, экономистъ, который, по самой профессіи своей, постоянно занятъ потребностями оборотныхъ отношеній между людьми, разсматривая данный законъ, никакъ не можетъ упустить изъ виду того, отвѣчаетъ ли онъ этимъ потребностямъ, или—нѣтъ [161]).

---

[161]) См. предисловіе В. Рошера къ книгѣ *H. Dankwardt*'а „Nationalökonomisch-civilistische Studien“ (Leipzig und Heidelberg 1862), стр. V—VII. Въ отечественной литературѣ имѣются эти этюды Данкварта „Гражданское право и общественная экономія“ въ переводѣ (только 1-й части) проф. Цитовича (1866 г.). (Эти этюды въ переводѣ на русскій языкъ не должно отождествлять съ другою монографіею Данкварта „Nationalökonomie und Jurisprudenz“ Rostock 1859). Г. Цитовичъ когда-то тоже не сомнѣвался въ томъ, что юристъ, для выполненія своей задачи, долженъ быть знакомъ съ экономическими воззрѣніями, что цивилистъ не можетъ обойтись безъ знанія народно-хозяйственныхъ отношеній и что въ области гражданскаго права назначеніе юриспруденціи—

Но примиряясь даже со взглядомъ составителя Проекта на экономическое значеніе векселя хотя бы постольку, поскольку это оказалось, въ предѣлахъ его компетенціи, для него доступнымъ, можно ли признать достигнутою имъ ту цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ тѣ бѣглыя замѣчанія, которыя мы посвятили Проекту, задавшемуся трудною, скажемъ прямо, непосильною для Устава задачею радикально измѣнить «ни на что не нужный нашъ разслабленный простой вексель» и превратить его въ то могущественное орудіе денежнаго и товарнаго обращенія, какимъ онъ является въ Европѣ. Къ сожалѣнію, средства, которыми онъ располагалъ, не соотвѣтствуютъ размѣрамъ задачи. Насажденіемъ постановленій европейскихъ кодексовъ или ихъ устраненіемъ и игнорированіемъ нельзя измѣнить экономическихъ условій [162]). Гоняясь сразу за разными и противоположными

совпадать съ развитіемъ народно-хозяйственныхъ потребностей и средствами къ ихъ удовлетворенію... Объ этой пропагандѣ проф. Цитовича связи между политическою экономіею и гражданскимъ правомъ упоминаетъ, съ особенною рельефностью, въ своихъ воспоминаніяхъ и бывшій проф. московскаго университета М. М. Ковалевскій—„Мое научное и литературное скитальчество" (см. *Русская Мысль*, Январь, 1895 стр. 61). Остается только пожалѣть, что составитель Проекта о векселяхъ забылъ объ этихъ этюдахъ, какъ и о тѣхъ глубокихъ истинахъ, которыя высказаны въ ихъ предисловіи...

[162]) Мы не касаемся здѣсь массы причинъ, порождающихъ это явленіе, а между тѣмъ, странно сказать, какъ ни малы наши города, они почти не увеличиваются, какъ будто бы нѣтъ у насъ и потребности въ нихъ. Иностранная Одесса, Харьковъ, (въ послѣднее время и то — благодаря иностранцамъ) Екатеринославль, еще два-три города—и конченъ списокъ всѣхъ центровъ, развивающихся замѣтнымъ образомъ. Даже столицы наши увеличиваются далеко не такъ быстро, какъ большіе города Западной Европы. Объ упадкѣ Петербурга и о томъ, что онъ, какъ центръ, поддерживается искусственнымъ образомъ и притомъ все-таки неуспѣшно, мы не говоримъ уже. Въ Москвѣ, напр., съ незапамятныхъ временъ, чуть ли не еще при Иванѣ III Васильевичѣ, а навѣрное при Елизаветѣ Петровнѣ, считали болѣе 300 тысячъ жителей. Въ 1860 году считалось въ ней 354.927 жителей. Справиться не трудно, насколько вознаградился за послѣднее 30-лѣтіе застой цѣлаго столѣтія относительно Москвы... Какихъ успѣховъ въ торговлѣ и промыслахъ можно ожидать въ хозяйствѣ такой страны, гдѣ послѣ двухъ столичныхъ губерній и Херсонской губ., съ ея иностранною Одессою, чуть ли не первое мѣсто, по пропорціи между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, занимаютъ провинціи (Таврическая губ.), очень недавно вѣдь только завоеванныя отъ Турціи, какъ будто бы самыя передовыя въ экономическомъ развитіи... Мы рекомендовали бы г. Цитовичу справиться для курьеза—именно для курьеза, потому что цифры эти восхитительны,—каково процентное отношеніе между городскимъ и сельскимъ населеніемъ на 1,000 человѣкъ населенія вообще по губерніямъ. Тутъ получилась бы очень интересная картина, по которой преимущество оказалось бы на сторонѣ Таврической, Бессарабской, Астраханской, Курляндской и др. губерній, т.-е. представительницъ турецкой, калмыцкой, нѣмецкой и всякихъ иныхъ цивилизацій, послѣ которыхъ, слава Богу, идемъ мы—Харьковская и др. губерніи. Комментировать эти данныя значило бы только умалять ихъ внушительность. Кому не извѣстно, что одна губернія можетъ умереть у насъ съ голоду прежде, чѣмъ получитъ хлѣбъ изъ другой губерніи, которая въ то же время будетъ страдать отъ невозможности сбыть куда

задачами, Проектъ вноситъ путаницу въ сложившіяся отношенія. Съ одной стороны—желаніе упорядочить *русскій* вексель, отдѣлить его отъ заемнаго письма, но дать ему преимущество въ быстротѣ взысканій; съ другой стороны—цѣлый рядъ чуждыхъ векселю, какъ заемному письму, постановленій, въ стремленіи создать изъ простого векселя тратту [163]).

бы то ни было свой хлѣбъ. Наши города остаются до сихъ поръ какими-то пародіями на города. Въ противоположность исторіи городовъ за-границею, исторія нашихъ городовъ совершенно исключительна и любопытна. Примѣръ тому та же иностранная Одесса, которая представляетъ собою не-русскую исторію не-русскаго города. Какой изъ нашихъ городовъ знаетъ столь быстрый ростъ и могучій расцвѣтъ въ теченіе одного только столѣтія? Наши города ростутъ какъ рѣдька, не вверхъ, а внизъ, не изъ земли, а въ землю... Одесса—младенецъ, по сравненію съ очень многими городами, со своимъ сосѣдомъ Кіевомъ, Новгородомъ, Псковомъ и цѣлымъ рядомъ другихъ губернскихъ центровъ, для которыхъ вѣка проходили и проходятъ почти безслѣдно и незамѣтно, которые какъ были, такъ и остаются мертвыми канцелярскими архивами, обособленными гнѣздами соннаго и мелкаго бытія, грошеваго дѣла, грошеваго промысла. Для большинства изъ нихъ, если не для всѣхъ, столѣтія—простая смѣна губернаторовъ и обывательскихъ поколѣній, комнатныхъ обоевъ и уличныхъ заборовъ, торговыхъ вывѣсокъ и крѣпостныхъ документовъ, фасоновъ платья и календарей... Природа нашего города тяжела на подъемъ, косна, бѣдна почином, средствами, задачами и цѣлями. У насъ есть, въ этомъ отношеніи, даже анекдотическіе города, въ родѣ, напримѣръ, Симбирска или Калуги, въ которыхъ, съ незапамятныхъ временъ, совсѣмъ ничего не происходило, не происходитъ и, повидимому, происходить не можетъ,—города въ шапкахъ-невидимкахъ, города-призраки, города-загадки. Все это приводитъ къ одному выводу: предпріимчивость и трудолюбіе могутъ развиваться высоко только тамъ, гдѣ есть просторъ для нихъ. Это можно наблюдать повсемѣстно на Западѣ, гдѣ народы, общины, города, добившись свободы и выйдя изъ-подъ опеки и ферулы чиновничества, стали создавать великолѣпные города, въ которыхъ работа кипитъ неустанно...

[163]) Составителю Проекта, желающему создать изъ векселя денежную бумагу, слѣдовало бы знать, что въ той же, напр., Германіи на 3 милліарда обращающихся денегъ только 385 милліоновъ бумажныхъ денегъ. У насъ же, какъ извѣстно, недостатка въ бумажныхъ деньгахъ не существуетъ и «золотое обращеніе» еще не введено... Объ историческихъ фактахъ мы уже упоминали. Въ Европѣ вексель возникъ изъ перевода денегъ, а у насъ онъ всегда былъ заемнымъ письмомъ. Тамъ совершенно иныя условія господствуютъ въ торговлѣ, иная система кредита, иные принципы. Въ среднемъ западно-европейскій вексель завершаетъ свой циклъ въ 6 недѣль, а у насъ 6 мѣс. вексель—рѣдкое явленіе и считается краткосрочнымъ. (Пусть г. Цитовичъ вспомнитъ, какіе вопли стали раздаваться, чуть ли не вчера еще, съ Нижегородской ярмарки по поводу запрещенія Государственному Банку принимать въ дисконтъ 12-мѣсячные векселя). Чтобы видѣть, каковы наши условія кредита, достаточно посмотрѣть на ту же Германію, въ которой Банкъ можетъ выпускать непокрытыхъ билетовъ только на самыя краткосрочныя коммерческія операціи, а именно—на предметъ учета векселей съ вполнѣ надежными подписями и выданныхъ притомъ не долѣе, какъ на 3 мѣсяца. Но и этимъ предѣльнымъ срокомъ Имперскій Банкъ пользуется весьма осторожно. Такъ, напр., въ 1888 году изъ 515 милліоновъ марокъ учтенныхъ векселей было срокомъ

до 61—90 дней. . . .	88,4	милліона, т.-е.	17,0	%
» 31—60 » . . .	161,9	» »	31,4	»
» 16—30 » . . .	96,7	» »	19,0	»
» 15 » . . .	167,8	» »	32,6	»
	514,8	милл. =	100	%

Съ точки зрѣнія системы Проектъ неудовлетворителенъ. Стремленіе создать самобытную, русскую систему изложеніе таковаго должно признать безуспѣшнымъ. Это же должно сказать о вводимой имъ терминологіи, какъ и о редакціи статей. Система Проекта вызвала другой деффектъ—чрезмѣрную его длинноту, какъ относительно числа статей, такъ и относительно примѣчаній, которыми онѣ испещрены. Обиліе статей повлекло за собою неясность однѣхъ и противорѣчія въ другихъ статьяхъ. Ограничивая выдачу простого векселя предѣльною суммою въ 100 рублей, Проектъ независимо отъ недостиженія цѣли, которую онъ преслѣдовалъ, ввелъ рядъ стѣснительныхъ ограниченій для вексельнаго оборота, лишивъ его въ то же время той наиболѣе существенной охраны, которою онъ пользуется со стороны акта посредничества на случай нужды. Нарушая основныя начала гражданскаго судопроизводства предоставленіемъ держателю протестованнаго ярмарочнаго векселя права продать товаръ векселедателя безъ вызова его въ судъ [164]), Проектъ чрезъ мѣру заботится объ укрѣпленіи формальнаго характера векселя: сдѣлавъ въ сущности уступку о возраженіяхъ по протестованнымъ векселямъ, Проектъ не сдѣлалъ той уступки, которая особенно цѣнна должнику, т.-е. не сохранилъ выговоренныхъ личныхъ отношеній, ограничивъ въ искахъ этой категоріи возраженія отвѣтчика безъ предоставленія ему права доказывать эти возраженія впослѣдствіи. Отличаясь затѣмъ чрезмѣрнымъ формализмомъ, проникнутымъ сплошь къ тому же мѣрами предупредительно-полицейскаго характера. Проектъ, самое главное, обставляетъ протестъ съ особенною строгостью, установляетъ два протеста въ неплатежѣ—протестъ векселедержателя и протестъ нотаріуса, извращая сущность самаго протеста и состояніе протестованности векселя. Это—самый существенный и самый опасный недостатокъ Проекта: процедура протеста, какъ ее требуетъ Проектъ, и его двукратность

Сравненія и сопоставленія съ пашими условіями напрашиваются сами собою. О другихъ спеціальныхъ условіяхъ нашего обихода, и прямо и косвенно вліяющихъ на экономическія отношенія, мы уже не говоримъ, а условія эти таковы, что самыя благія начинанія въ области экономическихъ отношеній дальше начинаній не пойдутъ...

[164]) Читая постановленія Проекта относительно ярмарочныхъ векселей въ исходѣ XIX ст., невольно останавливаешься на мысли о томъ, что такія постановленія считались немыслимыми и невозможными на Западѣ уже въ началѣ прошлаго столѣтія. См.: *Ch. G. Jargow*, Einleitung zu der Lehre von den Regalien oder Majestätischen Rechten eines Regenten und sonderlich der Chur- und Fürsten Teutscher Nation (Rostock und Wismar 1757), стр. 292—293.

едва-ли будутъ содѣйствовать быстрому обращенію векселя... Проектъ 1882—1884 гг. былъ гораздо проще. Онъ держался тѣхъ же хорошихъ иностранныхъ образцовъ, но прямо выставлялъ это на показъ, не претендуя ни на самобытность, ни на самостоятельное творчество и не ставя себѣ задачею упорядочить національно-русскій вексель, котораго нѣтъ, какъ таковаго. Въ формальномъ отношеніи онъ былъ безспорно лучше, точнѣе Проекта 1893 года, которому, впрочемъ, далеко даже и до нынѣ дѣйствующаго Устава о векселяхъ...

Дѣло извѣстное, что излишнее усердіе ослѣпляетъ людей до того, что они ничего хорошенько не могутъ разобрать. Въ своемъ усердіи и ревности все предвидѣть и все предотвратить, составитель Проекта не съумѣлъ хорошенько разобрать, въ чемъ сущность вещи, на которую онъ нападаетъ, и не замѣтилъ разницы между регламентаціею, т.-е. нелѣпостью и между закономъ, достойнымъ своего имени, т.-е. обращающимъ и развивающимъ свободу въ дѣйствіяхъ, которую давитъ регламентація... Не легко удерживать другихъ и самому удерживаться отъ односторонности въ практикѣ, гдѣ часто одинъ какой-нибудь фактъ, рѣжущій глаза своею нелѣпостью, заставляетъ человѣка забывать обо всемъ остальномъ, кромѣ средства, служащаго яко бы противоядіемъ именно противъ этого факта. Не дѣло вексельнаго устава касаться дѣйствій частныхъ лицъ, какъ нѣтъ нужды подвергать ихъ мелочному розыску. Какъ нѣтъ, напр., дѣла полиціи останавливать человѣка на улицѣ и спрашивать, куда онъ идетъ, не въ питейное ли заведеніе, и зачѣмъ онъ несетъ съ собою какую-нибудь вещь, не затѣмъ ли, чтобы ее промѣнять на вино,—такъ нѣтъ и не можетъ быть дѣла вексельному уставу заботиться о томъ, что̀ можетъ случиться съ акцептантомъ, который такимъ или инымъ путемъ доберется до портфеля векселедержателя для цѣлей уничтоженія акцепта. Можно было бы придумать еще болѣе убѣдительные картины и образы, но мы предпочитаемъ говорить о томъ, какъ дѣло есть въ дѣйствительности, а не о томъ, въ какихъ краскахъ его можно изобразить при помощи фантазіи... Обращаются ли, по крайней мѣрѣ, постановленія Проекта на устраненіе причинъ, вызывающихъ его драконовскія постановленія? Нѣтъ, напротивъ—употребляются такъ нераціонально и такъ нелогично, что содѣйствуютъ только усиленію этихъ причинъ. Въ кораблѣ оказалась течь; вмѣсто того, чтобы задѣлать ее, вы только старается вычерпать воду, да еще придѣлали помпу такъ неловко.

что отъ каждаго удара рукоятки слабѣютъ тѣ пазы, въ которыхъ находится щель: удивительно ли, что течь съ каждымъ часомъ увеличивается и въ трюмѣ прибываетъ воды, и слѣдуетъ ли изъ того, что нельзя избавить корабль отъ этой бѣды? Совершенно то же можно сказать о Проектѣ, какъ и о той общей тенденціи, которою проникнуты его постановленія. Проектъ проникнутъ чрезмѣрностью самыхъ невѣроятныхъ опасеній и предположеній, а потому въ немъ постановленій больше полицейскихъ, чѣмъ юридическихъ, больше собственныхъ субъективныхъ воззрѣній, чѣмъ экономическихъ... Для оріентированія въ постановленіяхъ Проекта, еслибы онъ сталъ закономъ, необходимъ будетъ навыкъ въ юридическихъ обобщеніяхъ, — навыкъ, который не только не всякому подъ силу, но который не всегда однообразно происходитъ даже въ кассаціонной практикѣ. Оріентироваться въ постановленіяхъ Проекта не всегда сможетъ судья, не говоря уже о большинствѣ тѣхъ лицъ, для которыхъ вексельный уставъ долженъ быть прежде всего предназначенъ. Въ общемъ Проектъ, вслѣдствіе неумѣнья со стороны составителя его держаться исключительно въ области экономическихъ отношеній по векселю и неумѣстнаго, скажемъ даже невозможнаго, страха предъ немыслимыми эвентуальностями съ юридической точки зрѣнія, — не можетъ дать достаточной опоры для *довѣрія* къ векселю. Проектъ не только не обезпечиваетъ, но стѣсняетъ, затрудняетъ обращеніе этой бумаги. Глядя на Проектъ, можно дѣйствительно подумать, что «ростовщики и вѣроломные пріятели, не выкупающіе во́-время векселей, маменьки съ первенцами» и цѣлая фаланга другихъ рыцарей безъ страха, но не безъ упрека,—являются единственными дѣятелями вексельнаго оборота и что послѣдній только и знаетъ такихъ вексельныхъ контрагентовъ. Въ общемъ это было высказано г. Цитовичемъ относительно Проекта 1884 г. Возможно ли большее самообольщеніе, хотя можетъ быть и искреннее, чѣмъ то, какое г. Цитовичъ проявилъ по отношенію къ своему дѣтищу?.. Это ли — серьезная работа озабоченнаго своимъ предметомъ законодателя? Нѣтъ. Проектъ 1893 г.—ракета. Это—произведеніе вздутое, самодовольное, полное неясностей, сумбура и противорѣчій, безусловно игнорирующее экономическую сторону векселя и полное деффектовъ съ точки зрѣнія юридической.

